

ИСТОРИЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

2025, Том 8, №2

Подписано к публикации: 03.03.2025

Главный редактор журнала
Скопа Виталий Александрович
доктор исторических наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

- Аккиева Светлана Исмаиловна (РФ, г. Нальчик) – доктор исторических наук*
Акмурзаева Зухра Магомедаминовна (РФ, г. Махачкала) – доктор исторических наук, профессор
Бойко Владимир Сергеевич (РФ, г. Барнаул) – доктор исторических наук, доцент
Бруз Владимир Виленович (РФ, г. Москва) – доктор исторических наук, доцент,
Быстренко Валентинова Ивановна (РФ, г. Новосибирск) – доктор исторических наук, профессор
Галиева Зайраш Идрисовна (Кыргызстан, Бишкек) – доктор исторических наук, профессор
Гарсаев Лейчий Магамедович (РФ, г. Грозный) – доктор исторических наук, профессор,
Гашимов Рамис Рамазанович (РФ, г. Дербент) – кандидат исторических наук, доцент
Головашина Оксана Владимировна (РФ, г. Тамбов) – кандидат исторических наук, доцент
Исакиева Зулай Сулимовна (РФ, г. Грозный) – кандидат исторических наук, доцент
Купченко Константин Владимирович (РФ, Смоленск) – кандидат исторических наук, доцент
Макарчук Сергей Владимирович (РФ, г. Кемерово) – доктор исторических наук, профессор,
Мещеряков Константин Евгеньевич (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор исторических наук, доцент,
Мусаева Салихат Ибрагимовна (РФ, г. Махачкала) – доктор исторических наук, профессор
Непомнящий Андрей Анатольевич (Респ. Крым, г. Симферополь) – доктор исторических наук, профессор
Пузыня Николай Николаевич (РФ, г. Иркутск) – доктор исторических наук, доцент
Сафин Фаиль Габдуллович (РФ, г. Уфа) – доктор исторических наук, профессор,
Сефербеков Руслан Ибрагимович (РФ, г. Махачкала) – доктор исторических наук
Столярова Гузель Рафаиловна (РФ, г. Казань) – доктор исторических наук, профессор,
Терехов Олег Эдуардович (РФ, г. Кемерово) – доктор исторических наук, доцент,
Тонких Владимир Алексеевич (РФ, г. Воронеж) – доктор исторических наук, профессор
Фурсов Владимир Николаевич (РФ, Р. Воронеж) – доктор исторических наук, профессор
Худолеев Алексей Николаевич (РФ, г. Новокузнецк) – доктор исторических наук, доцент
Чайка Евгений Александрович (РФ, г. Славянск-на-Кубани) – кандидат исторических наук, доцент
Шаяхметова Венера Рюзальевна (РФ, г. Пермь) – кандидат исторических наук, доцент
Шкунов Владимир Николаевич (РФ, г. Самара) – доктор исторических наук, доктор педагогических наук
Ярцев Сергей Владимирович (РФ, г. Тула) – доктор исторических наук, доцент

«Исторический бюллетень» включен в перечень ВАК с 25.12.2020г., РИНЦ (Elibrary.ru)
Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-78050 от 4 марта 2020г. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ISSN 2658-5685 (online)

Е-mail: hb-journal@yandex.ru

Сайт: <http://hb-journal.ru>

DOI:10.58224/2658-5685-2025-8-2

© Исторический бюллетень, 2025

Содержание

Васильченко М.А., Демидова Е.И. Японская интервенция и чехословацкий военный корпус: ключевые аспекты взаимодействия в годы Гражданской войны в 1918-1920 гг.	5-11
Волкова Е.А., Мальцев Г.Г. Воронежский обком партии, органы внутренних дел и «дело Берия» (март-июль 1953 г.)	12-19
Калинин О.Н. Деятельность Осоавиахим Красноярского края в области военной подготовки гражданского населения накануне Великой Отечественной войны (1939-1941)	20-28
Штепа А.В., Сапожников М.В. Мемориализация маршрута выхода из окружения ударной группировки 33-й армии под командованием генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова	29-38
Сарычев В.В. Обзор образовательных реформ в XVIII веке и их влияния на гендерный подход в образовательной системе России	39-43
Астанина Е.А., Богданова Е.Г. Реализация внешнеполитической стратегии России по отношению к Японии (2008-2016 гг.)	44-54
Иванов А.М., Ягнешко М.В. Особенности начального этапа массовой приватизации в Смоленской области: динамика и социально-экономические последствия	55-64
Менделеев Н.Д. Монастырское землевладение Новоторжского уезда по данным писцового описания 1625/26-1626/27 гг.	65-72
Скопа В.А. Теологические воззрения гуманистов: из истории религиозной мысли	73-77
Васина И.И. Условия труда и быта иностранных инженеров и рабочих на соцстройках Урала (1925-1933 гг.)	78-82
Сарычев В.В. Развитие института женского образования со второй половины XIX века до начала XX века	83-87
Волков Н.М., Фролова Е.В., Шевченко В.Н. И.Б. Тито и Л.И. Брежнев. Роль личной дипломатии во взаимоотношениях СССР и Югославии (о визите Л.И. Брежнева в Югославию 1962 г.)	88-93
Решетников Г.В. Роль золота и серебра в английских колониях на Североамериканском континенте в XVII-XVIII вв.	94-98
Ролдугина В.Н. Московские творческие объединения 1917-1932 годов (довоенная историография и критика)	99-107

Ван Аньци Влияние мягкой силы на экономические отношения КНР и РФ	108-115
Зорькин А.А. Восприятие Афганской войны в стихотворениях и песнях участников событий 1979-1994 гг.	116-123
Иванов А.М., Силина К.В. Правовое регулирование общества смоленских скаутов в начале 1990-х годов по материалам Смоленской области	124-130
Ланцов Л.А. Анализ восточнославянского фольклорного сюжета «Диво дивное» (СУС 571)	131-139
Матвеев С.А. «Род дворян Сухотиных»: социогенеалогический аспект	140-145
Меньшагин В.Е. К вопросу привлечения войсковых частей и подразделений для помощи ЖПУ на Забайкальской железной дороге в подавлении антиправительственных выступлений в 1905-1907 гг.	146-151
Рущенко Г.С. Роль А.М. Безобразова в развязывании Русско-японской войны	152-160
Тимшина Е.Л. Элементы теорий заговора в исторических нарративах политических партий России	161-171
Заикин Д.С. О некоторых особенностях формирования региональной идентичности ХМАО-Югры и политической борьбе за правосубъектность автономного округа в 1990-е гг. (на материалах периодической печати Тюменской области)	172-183
Стерхов А.А. Семейные традиции представителей народа сихиртя – автохтонного населения Ямала	184-188
У Бинь Исторические истоки проблемы Тибета и китайско-индийской границы	189-194
Качин Н.А., Харина Н.С. «Дневник заграничного путешествия» В.М. Флоринского как источник по истории становления системы академической мобильности второй половины XIX в.	195-201
Цветков М.С. Общая характеристика советской государственной молодежной политики революционного и послереволюционного периода	202-207
Богданова А.В. Роль ЕС в Косово в социальной и образовательной сферах	208-212
Кухорев В.С. Производственная деятельность и проблемы развития полиграфической промышленности Средневожского края в начале 1930-х гг. (по материалам Средне-Волжского полиграфического треста)	213-220
Леонов И.В. Православная миссия в Казанской Епархии в XVIII – первой половине XIX века: от массовой христианизации до политики веротерпимости	221-228

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 93/94

Японская интервенция и чехословацкий военный корпус: ключевые аспекты взаимодействия в годы Гражданской войны в 1918-1920 гг.

¹ Васильченко М.А.,

² Демидова Е.И.,

¹ Московский финансово-промышленный университет Синергия,

² Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю.А.

Аннотация: в статье рассматриваются ключевые аспекты взаимодействия руководства Чехословацкого военного корпуса с представителями японских экспедиционных сил на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны. Цель статьи – рассмотреть ключевые аспекты взаимодействия интервентов. Для этого необходимо определить их роль в системе иностранной интервенции, выявить зависимость Чехословацкого корпуса от японских сил. Объектом исследования выступает Чехословацкий военный корпус, который сыграл существенную роль в событиях Великой российской революции (1917-1922). Авторы приходят к выводу, что ключевым фактором являлась зависимость корпуса от подвижного состава и средств эвакуации, которыми располагала Япония. Будучи союзником по Антанте, Япония оказывала влияние на ход Гражданской войны и способствовала решению задач, поставленных французским командованием и руководством Чехословакии перед солдатами и офицерами. Цели Японии и Чехословацкого политического и военного руководства имели разные векторы. Главная задача для военного и политического руководства состояла в эвакуации личного состава, для этого необходимы были контакты с японской стороной, обладающей необходимым количеством тоннажа. Японские милитаристы видели в положении чехов только повод к оккупации территории Дальнего Востока и должны были придерживаться союзнических обязательств в рамках военно-политического блока, опираясь на мнение США, официально сохранявшего нейтралитет в Гражданской войне в России.

Ключевые слова: Япония, Чехословацкий военный корпус, интервенция, оккупация, гражданская война, США

Для цитирования: Васильченко М.А., Демидова Е.И. Японская интервенция и чехословацкий военный корпус: ключевые аспекты взаимодействия в годы Гражданской войны в 1918-1920 гг. // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 2. С. 5 – 11.

Поступила в редакцию: 12 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 10 января, 2025 г.; Принята к публикации: 3 марта 2025 г.

Japanese intervention and the Czechoslovak Military Corps: key aspects of interaction during the Civil War in 1918-1920

¹ Vasilchenko M.A.,

² Demidova E.I.,

¹ Moscow University for Industry and Finance Synergy,

² Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A.

Abstract: the article examines the key aspects of the interaction of the leadership of the Czechoslovak Military Corps with representatives of the Japanese expeditionary forces in the Far East during the Civil War. The purpose of the article is to consider the key aspects of interventionist interaction. To do this, it is necessary to determine their role in the system of foreign intervention, to identify the dependence of the Czechoslovak Corps on the Japanese forces. The object of the study is the Czechoslovak Military Corps, which played a significant role in the events of the Great Russian Revolution (1917-1922). The subject of the study is the relationship between the command of the Czechoslovak Corps and representatives of the Japanese occupation forces: the problems of mutual relations, their characteristic features, and the role of the Czechoslovak Corps in resolving contradictions between key players in the Far East – Japan and the United States - are considered. At the same time, special attention is paid to the problem of evacuation of personnel of the Czechoslovak Corps. As an ally of the Entente, Japan influenced the course of the Civil War and contributed to solving the tasks assigned to soldiers and officers by the French command and the leadership of Czechoslovakia. The goals of Japan and the Czechoslovak political and military leadership had different vectors. The main task for the military and political leadership was to evacuate the personnel, for this it was necessary to contact the Japanese side, which had the necessary amount of tonnage. The Japanese militarists saw in the situation of the Czechs only a reason to occupy the territory of the Far East and had to adhere to allied obligations within the framework of the military-political bloc, relying on the opinion of the United States, which officially maintained neutrality in the Russian Civil War. The turning point in the system of interaction was the end of the First World War and Japan's revision of the priorities of intervention in Russia.

Keywords: Japan, Czechoslovak Corps, intervention, occupation, civil war, USA

For citation: Vasilchenko M.A., Demidova E.I. Japanese intervention and the Czechoslovak Military Corps: key aspects of interaction during the Civil War in 1918-1920. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (2). P. 5 – 11.

The article was submitted: November 12, 2024; Approved after reviewing: January 10, 2025; Accepted for publication: March 3, 2025.

Введение

Одним из важных военно-политических факторов Гражданской войны в России, охватившей страну, вследствие революционных событий октября 1917 года, была иностранная интервенция – организованное вооруженное вторжение иностранных государств на территорию РСФСР. Она выражалась, в том числе в оказании военной помощи антибольшевистским силам, а также поддержке сил Чехословацкого корпуса, который на начальном этапе рассматривался как ключевая военная сила для создания «противогерманского фронта» и авангарда иностранного вмешательства. В связи с этим, изучение факторов, повлиявших на расширение Гражданской войны, без сомнения, имеет важное научное значение.

Комплексное исследование опыта вмешательства иностранных государств в локальный конфликт и превращение его в международный во

многом позволяет понять существующие механизмы этого процесса в современности.

Ключевыми участниками интервенции традиционно считаются Великобритания, Франция, США и Япония. Каждая из этих стран имела не только свои геополитические интересы, но и выстраивала собственную линию поведения по отношению к другим участникам интервенции, в том числе Чехословацкому корпусу.

В отечественной историографии традиционно уделяется особое внимание политике стран Антанты по отношению к антибольшевистским силам, а также Чехословацкому корпусу. Японские политические и военные круги оказывали помощь преимущественно казачьим атаманам Г.М. Семёнову и И.П. Калмыкову, сторонникам региональной независимости. Японские акторы более настойчиво относились к Омской власти, боясь возрождения сильного геополитического соперника на Дальнем Востоке, так как адмирал А.В. Колчак

был признан союзниками верховной властью в масштабах всей страны. Однако тема интервенции не исчерпывается изучением системы «колчаковцы» – Антанта.

Вопрос о характере взаимодействия японских экспедиционных сил и руководства Чехословацкого корпуса представляет собой определенную научную лакуну. Во многом исследованию этой темы способствуют опубликованные источники, благодаря которым можно определить основные точки соприкосновения интересов Японии и Чехословацкого национального совета [10].

О роли французской военной миссии и их союзников по Антанте, Великобритании и США, в судьбе чехов и словаков известно достаточно много, этому способствовали не только опубликованные сборники документов советского периода и, ставшие уже классическими труды 1920-1970 -х гг., стремившиеся показать борьбу молодого советского государства против будущих противников по холодной войне.

Вместе с тем, вопрос о роли Японии в советской историографии был исследован в меньшей степени. Это было связано не только со сложными послевоенными отношениями двух стран, но и с трудностями в работе с источниковой базой.

В современной историографии вопрос о роли японских интервентов, их конкретном участии в Гражданской войне исследован достаточно объективно. Можно выделить следующие работы [4, 8, 11, 12]. Большая часть трудов отражает влияние японского фактора на внутреннюю политику антибольшевистских правительств, масштабы белого террора, взаимодействие с японцами ключевых исторических фигур Сибири и Дальнего Востока – А.В. Колчака и Г.М. Семенова. Вопрос о взаимодействии вооруженных японских формирований и Чехословацкого корпуса, как важного составного элемента интервенции, исследован достаточно слабо, несмотря на то, что передовые отряды корпуса прибыли во Владивосток еще до начала проникновения в регион солдат Японии.

В связи с этим, цель настоящей статьи – определить роль японских экспедиционных сил в решении главной задачи Чехословацкого корпуса – возвращения в Европу, а также рассмотреть ключевые аспекты их взаимодействия в ходе выполнения задач иностранной интервенции. Здесь необходимо отметить, что заявлений об организации эвакуации Чехословацкого военного корпуса из России было много, а практических действий в указанном направлении не было.

Материалы и методы исследований

Предметом исследования являются взаимоотношения командования Чехословацкого корпуса и

представителей японских оккупационных сил: рассматриваются проблемы взаимоотношений, их характерные черты, роль Чехословацкого корпуса в разрешении противоречий между ключевыми игроками на Дальнем Востоке – Японией и США. При этом особое внимание уделяется проблеме эвакуации личного состава Чехословацкого корпуса. Для достижения поставленной цели использовались как общенаучные методы: анализ, синтез, индукция, дедукция так и специально исторические методы – историко-генетический метод и ретроспективный.

Результаты и обсуждения

В советской историографии вторжение иностранных воинских контингентов представлялось, как акт спланированного действия против РСФСР, вызванный, не только ослаблением геополитического противника, но и идеологическими разногласиями. Однако, каждая из держав – интервентов преследовала свои конкретные интересы, в том числе и Япония. В этих условиях Чехословацкому корпусу, как субъекту интервенции необходимо было не только выстраивать отношения с союзниками по антибольшевистскому лагерю, но и учитывать борьбу интересов между ключевыми противниками на Дальнем Востоке – японцами и американцами.

Цель Японии состояла в решении проблемы так называемых «северных территорий»: укрепление позиций в Манчжурии и Сибири. Кроме того, Российская империя, будучи союзницей Японии по Антанте, активно приобретала японское вооружение для нужд армии, и к моменту лета 1917 года Россия имела долг перед японским ВПК в 49,8 млрд. рублей [6, с. 130].

В связи с этим, изменение внутривнутриполитической ситуации в стране, вызванное свержением монархии и активизацией политической борьбы между сторонниками и противниками продолжения войны очень встревожили правящие круги Японии. В условиях нестабильности военно-политического курса России японцы стали активно формировать экспедиционные силы. Катализатором разрыва отношений стала Октябрьская революция и подписание большевиками сепаратного Брестского мира с Германией. Этот акт был расценен Японией, как нарушение союзнических отношений и привел к разрыву дипломатических связей между государствами. 15 марта 1918 г. прошло совещание министров иностранных дел и глав правительств стран Антанты, на котором было принято решение о непризнании итогов мирных переговоров в Бресте и необходимости вмешательства во внутренние дела в России. В марте 1918 г. японское посольство было закрыто в Петрограде.

Политическое руководство Японии воспринимало большевистское правительство как ставленников Германии и на этом основании преступило к подготовке интервенции. По подсчетам Д. Вульф экспедиционные части японской армии составили около 100 000 человек [2 с. 356]. Высадка первых японских частей в составе двух рот моряков произошла 5-6 апреля 1918 г. [5. с. 84].

Следует отметить, Чехословацкий военный корпус и его мятеж кардинально изменили расклад сил внутри и вокруг революционной России. В конце апреля 1918 г. первые 6 тыс. чехословаков прибыли во Владивосток. 27 мая 1918 г. чехов в городе уже насчитывалось 10 тыс. чел [7, с. 193-194]. 3 августа 1918 г. майор де Лапомаредо доложил председателю Совета Министров и военному министру Франции Ж.-В. Клемансо о состоянии восточных подразделений Чехословацкой армии в июне-июле 1918 года. Он указывал на численность в 13 000 человек, при этом он отмечал наличие 3000 ружей и полное отсутствие орудий [10. с. 335].

Во Владивостоке находилось военное имущество Антанты, состоящее из японских винтовок, которые были выданы чехам безотлагательно. На Японию так же возлагалась задача по выделению пулеметов и артиллерии для чехов. Посредником в этом вопросе должен был стать адмирал Хирохару Като, командующий японской морской эскадрой.

Несмотря на давление союзников, как отмечает атташе Франции в Токио, данная просьба была удовлетворена лишь частично, что уже говорило о некоторых проблемах во взаимодействии союзников. Франция и Великобритания требовали от Японии расширения военного присутствия и обеспечения тылов Чехословацкого корпуса, который рассматривался, как авангард международной интервенции.

Стоит отметить, что японские дипломаты выступили против вторжения чехословаков в Сибирь, об этом открыто заявил посол Японии в Париже на встрече с министром иностранных дел Пишоном, прошедшей в мае 1918 года. При этом никаких дополнительных разъяснений от посла дано не было.

Союзники по Антанте трактовали эту позицию двояко. Лорд Роберт Сесил предположил, что давление союзников может втянуть Японию в интервенцию. Однако, Сибирь рассматривалась как, исключительно, зона влияния Японии и допускать туда чехов, а вслед за ними и других европейцев им бы не хотелось [10 с. 163]. Более того, политические круги Европы понимали, что зона интересов Японии ограничивается исключительно Сибирью и единственный путь втянуть Японию – это

сохранить Чехословацкий корпус в Сибири, обязать японцев оказать помощь и привлечь к военным действиям США, как прямого конкурента Японии. США были уверены, что японских сил не хватит для контроля над Транссибирской магистралью, что делает чехов незаменимыми союзниками японских интервентов в этом вопросе [10 с. 170-171].

15 июня 1918 г. майор де Лапомаред, военный атташе в Токио в докладной записке на имя Ж.Б. Клемансо предлагал обратиться «с самыми неотложными нуждами к Японии», так как касса Чехословацкого корпуса «позволяла бы еще прожить два месяца», ощущалась нехватка одежды, обуви и медикаментов [10. с. 876].

29 июня 1918 г. Владивосток был захвачен частями Чехословацкого корпуса и высадившимися японскими, китайскими и британскими экспедиционными силами. Чехословаками при поддержке местных сил белых была захвачена вся Сибирская железнодорожная магистраль от Волги до Владивостока. Председатель исполнительного комитета Владивостокского совета К.А. Суханов и другие члены совета – большевики были расстреляны. На важность роли Японии в судьбе Чехословацкого корпуса многократно указывал и Т.Г. Масарик. Он понимал степень влияния США на политические элиты этой страны и один из разделов меморандума, направленного правительству США прямо указывал на роль японской армии. Он писал, что «в соответствии со сложившейся ситуацией японцам следовало бы послать в Сибирь более крупный контингент» [10. с. 394]. Ранее, будущий президент Чехословакии уже указывал на необходимость выделения двух дивизий и прогнозировал необходимость их увеличения.

Более того, чешский лидер выступал за создания объединенного командования в Сибири и предлагал передать управление интервенцией японской стороне. Он прямо указывал следующее: «Я полагаю, чтобы главнокомандующим был японец, т.к. японцы должны выставить наибольшее количество войск» [10. с. 394].

Во многом его уверенность была продиктована решением США, которые вслед за европейскими союзниками выпустили декларацию о вмешательстве во внутрироссийские дела России. Для этой цели американцы использовали Японию, которая 6 августа 1918 года заявила о поддержке чехов, при этом геополитические интересы самой Японии в документе не были отражены. Как отмечал Г.К. Гинс, «Инициатива Соединенных Штатов в японском выступлении и вытекающие отсюда обязательства Америки, заявления союзников о бескорыстной помощи и гарантиях территориальной

неприкосновенности» [3 с. 252]. Казалось бы, американцы использовали возможность ввести союзный воинский контингент и воевать чужими руками, однако «приглашение» Японии стало новым этапом ее проникновения в зону ее традиционных геополитических интересов. Г.К. Гинс, напротив, видит в этом искусство японской дипломатии, так как японцы не могли наращивать дополнительного военного присутствия по своей инициативе на Дальнем Востоке. Они проявляли по отношению к России очень осторожную позицию, имея право на судоходство по реке Сунгари и управляя частью Китайско-Восточной железной дороги между вышеупомянутой рекой и рекой Куаньченцы [3 с. 258].

Таким образом, на антибольшевистском фронте Япония и США выступали в качестве союзников, но позднее между ними наблюдалось экономическое соперничество. Противостояние, связанное с экспансией в Китай и на российский Дальний Восток затрагивало позицию позднее Омского правительства, которое оказалось в очень сложной ситуации. Япония напрямую поддерживала атаманов Семенова и Калмыкова, во многом игнорируя Директорию и позднее правительство А.В. Колчака, в отношении которого у японцев сложилось негативное мнение.

Г.К. Гинс характеризовал отношения двух держав как «неопределенность». После завершения Мировой войны каждая из стран союзников стала действовать исходя из собственных интересов.

В период лета-осени 1918 года среди японской политической элиты не было единого мнения относительно участия в интервенции. Только 9 ноября 1918 года М. Жанен в телеграмме на имя Т.Г. Масарика указывал, что «Военные власти Японии поддерживают идею интервенции, но видят препятствие в лице Совета Министров, на который оказывает влияние американская позиция [10 с. 497]. Это заявление совпало с провозглашением независимости Чехословакии. Это важное событие стало итогом национальной борьбы и победы Чехословацкого корпуса с точки зрения национальных интересов [1 с. 356].

Представители чехословацкого командования на местах видели в США и Японии самых близких союзников. Так в сентябре в газете «Голос Приморья» было опубликовано интервью Р. Гайда гово-

рил, что «японские войска – это ближайшие союзники» [10 с. 432].

Важную роль Японский фактор сыграл в вопросе эвакуации Чехословацкого корпуса. Именно их транспорт стал определяющим на начальном этапе перемещения легионеров в Европу. В течение трех месяцев с октября по декабрь 1919 г. первые шесть транспортов для эвакуации были арендованы Центркомиссией у Японии. Всего удалось отправить в Европу на них 6873 человека [10 с. 862]. Однако, вскоре вектор отношений сильно изменился. К февралю 1920 г. стало ясно, что японское правительство добивается доминирующего положения на Дальнем Востоке путем выгрузки дополнительных японских дивизий, вследствие разгрома Сибирской армии. В разведывательной сводке штаба 30-й армии начальнику оперативного отдела 5 армии указывалось, что «задержка в наличии пароходов для перевозки чехов была устранена предложением Америки перевезти их на ее пароходах, по настоянию Японии чехам предъявлено требование на основании международного закона об их перевозке по морю без оружия. Из сего видно, что Япония ставит всевозможные препятствия пропуску чехов и их стесняет» [10 с. 810]. Из этого следует, что период союзнических отношений между Чехословацким корпусом и японскими оккупационными войсками завершился. Японские корабли были заменены на американскими.

Выводы

Таким образом, цели Японии и Чехословацкого политического и военного руководства имели разные векторы. Главная задача для военного и политического руководства состояла в эвакуации личного состава, для этого необходимы были контакты с японской стороной, обладающей необходимым количеством тоннажа. Японские милитаристы видели в положении чехов только повод к оккупации территории Дальнего Востока и должны были придерживаться союзнических обязательств в рамках военно-политического блока, опираясь на мнение США, официально сохранявшего нейтралитет в Гражданской войне в России. Поворотной точкой в системе взаимодействия стало завершение Первой мировой войны и пересмотр Японией приоритетов интервенции в России.

Список источников

1. Васильченко М.А., Вацулик Я. Богдан Павлу и его деятельность в России (1915-1919 гг.) // Научный диалог. 2021. № 6. С. 347 – 360. DOI 10.24224/2227-1295-2021-6-347-360
2. Вулф Д. Правящие круги Японии в поисках русской клиентуры (весна 1918 года) // Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 – декабрь 1922 г.): Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, Новосибирск, 18-20 ноября 2019 года / Редкол.: В.И. Шишкин, Т.И. Морозова и др. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН, 2019. С. 356 – 365. DOI 10.31518/978-5-7692-1664-0-356-365
3. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918-1920: впечатления и мысли члена Омского правительства. М., 2008.
4. Дацышен, В. Г. Проблемы японской интервенции в Забайкалье // Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество: материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию Революции 1917 года, 80-летию со дня образования Читинской области, 50-летию атомной промышленности в Забайкалье: в 3 ч., Чита, 22 сентября 2017 года. Чита: Забайкальский государственный университет, 2017. С. 75 – 80.
5. Павлов Д.Б. Русско-японские отношения в годы Первой мировой войны. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 261 с.
6. Подгорный А.В. Российско-японские отношения в период 1914-1917 гг. (к вопросу об интервенции Японии в советской России) // Революции в России: теория и практика социальных преобразований: сборник статей по итогам международной научной конференции, Москва, 07-08 ноября 2017 года. Москва: Московский педагогический государственный университет, 2018. С. 127 – 132.
7. Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России (окт. 1917 – окт. 1918): Документы и материалы. Владивосток, 1997. 304 с.
8. Попов Ф.А. Образ японской интервенции в русской дальневосточной прессе: политика и повседневность (1920-1922) // История: факты и символы. 2019. № 3 (20). С. 22 – 32. DOI 10.24888/2410-4205-2019-20-3-22-32.
9. Севастьянова Е.В. «Единственные из наших союзников...»: Япония и японцы на страницах забайкальских газет накануне и в период политического режима атамана Семенова // Забайкалье историческое: материалы VIII Межрегиональной научно-практической конференции, Чита, 29 ноября 2019 года. Чита: Забайкальский государственный университет, 2019. С. 66 – 75.
10. Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914-1920. Документы и материалы. Т. 2. Чехословацкие легионы и Гражданская война в России. 1918-1920 гг. М.: Кучково поле, 2018. 1024 с.; 16 л. ил.
11. Чижик П.И., Аракелян М.А. Военная интервенция стран Антанты и Японии в России (1918-1922 гг.) // Сборник материалов всероссийской научной конференции, посвященной 105-летию Рабоче-крестьянской Красной армии и Рабоче-крестьянского Красного флота, Химки, 21 февраля 2023 года. Москва: ООО "Издательство "Спутник+", 2023. С. 60 – 69.
12. Шаламов В.А. Японская интервенция в Забайкалье (1918-1920): медицинский аспект // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2017, Иркутск, 24 марта 2017 года / Байкальский государственный университет, Региональный центр научных исследований экономической истории России. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2017. С. 288 – 296.

References

1. Vasilchenko M.A., Vaculik Ya. Bogdan Pavlu and his activities in Russia (1915-1919). Scientific dialogue. 2021. No. 6. P. 347 – 360. DOI 10.24224/2227-1295-2021-6-347-360
2. Wolfe D. The ruling circles of Japan in search of Russian clientele (spring 1918). The civil war in the east of Russia (November 1917 – December 1922): Collection of materials of the All-Russian scientific conference with international participation, Novosibirsk, November 18-20, 2019. Ed. board: V.I. Shishkin, T.I. Morozova et al. Novosibirsk: Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2019. P. 356 – 365. DOI 10.31518/978-5-7692-1664-0-356-365
3. Gins G.K. Siberia, Allies and Kolchak. A Turning Point in Russian History. 1918-1920: Impressions and Thoughts of a Member of the Omsk Government. M., 2008.

4. Datsyshen V.G. Problems of Japanese intervention in Transbaikalia. Border region in historical development: partnership and cooperation: materials of the International scientific conference dedicated to the 100th anniversary of the 1917 Revolution, the 80th anniversary of the formation of the Chita region, the 50th anniversary of the nuclear industry in Transbaikalia: in 3 parts, Chita, September 22, 2017. Chita: Transbaikal State University, 2017. P. 75 – 80.

5. Pavlov D.B. Russo-Japanese relations during the First World War. M.: Political Encyclopedia, 2014. 261 p.

6. Podgorny A.V. Russo-Japanese relations in the period 1914-1917. (on the issue of Japanese intervention in Soviet Russia). Revolutions in Russia: Theory and Practice of Social Transformations: A Collection of Articles Based on the Results of the International Scientific Conference, Moscow, November 7-8, 2017. Moscow: Moscow State Pedagogical University, 2018. P. 127 – 132.

7. Preparation and Beginning of the Intervention in the Russian Far East (October 1917 – October 1918): Documents and Materials. Vladivostok, 1997. 304 p.

8. Popov F.A. The Image of the Japanese Intervention in the Russian Far Eastern Press: Politics and Everyday Life (1920-1922). History: Facts and Symbols. 2019. No. 3 (20). P. 22 – 32. DOI 10.24888/2410-4205-2019-20-3-22-32.

9. Sevastyanova E.V. "The Only One of Our Allies...": Japan and the Japanese on the Pages of Transbaikal Newspapers on the Eve of and During the Political Regime of Ataman Semenov. Historical Transbaikalia: Proceedings of the VIII Interregional Scientific and Practical Conference, Chita, November 29, 2019. Chita: Transbaikal State University, 2019. P. 66 – 75.

10. Czech-Slovak (Czechoslovak) Corps. 1914-1920. Documents and Materials. Vol. 2. Czechoslovak Legions and the Civil War in Russia. 1918-1920. M.: Kuchkovo pole, 2018. 1024 p.; 16 p. ill.

11. Chizhik P.I., Arakelyan M.A. Military intervention of the Entente countries and Japan in Russia (1918-1922). Collection of materials of the all-Russian scientific conference dedicated to the 105th anniversary of the Workers' and Peasants' Red Army and the Workers' and Peasants' Red Fleet, Khimki, February 21, 2023. Moscow: ООО "Izdatelstvo" Sputnik + ", 2023. P. 60 – 69.

12. Shalamov V.A. Japanese intervention in Transbaikalia (1918-1920): medical aspect. Irkutsk historical and economic yearbook: 2017, Irkutsk, March 24, 2017. Baikal State University, Regional Center for Scientific Research of Economic History of Russia. Irkutsk: Baikal State University, 2017. P. 288 – 296.

Информация об авторах

Васильченко М.А., кандидат исторических наук, Московский финансово-промышленный университет Синергия, Maks-vasilchenko@mail.ru

Демидова Е.И., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой "История и философия", Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю.А.

© Васильченко М.А., Демидова Е.И., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 930.2

Воронежский обком партии, органы внутренних дел и «дело Берия» (март-июль 1953 г.)

¹ Волкова Е.А.,

¹ Мальцев Г.Г.,

¹ Воронежский государственный технический университет

Аннотация: в статье дается анализ деятельности Воронежского областного комитета КПСС, связанный со взаимоотношением партийных и силовых структур в переходный период, наступивший после смерти Сталина. Особое внимание в статье уделяется реагированию местных партийных органов на так называемое «дело Берия». Снятие со своих постов и арест одного из основных наследников Сталина требовали проявления полной лояльности руководителей парторганизации и местных силовых структур, а также работы по разъяснению ситуации партийным массам и населению области.

На примере публичной деятельности руководителей обкома партии прослеживаются с одной стороны особенность взаимодействия центральной и местной власти, с другой стороны между руководством области и советскими гражданами. Новизна данного исследования заключается в том, что авторы частично вскрывают механизмы обеспечения лояльности властных вертикалей на примере Воронежской области, пытаются проанализировать особенности реакции руководства области на переломные события первой половины 1953 года.

Ключевые слова: политические лидеры, общество, элита, история КПСС, МВД, «дело Берия»

Для цитирования: Волкова Е.А., Мальцев Г.Г. Воронежский обком партии, органы внутренних дел и «дело Берия» (март-июль 1953 г.) // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 2. С. 12 – 19.

Поступила в редакцию: 10 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 11 января, 2025 г.; Принята к публикации: 3 марта 2025 г.

Voronezh Regional Party Committee, internal affairs bodies and the "Beria case" (March-July 1953)

¹ Volkova E.A.,

¹ Maltsev G.G.,

¹ Voronezh State Technical University

Abstract: the article provides an analysis of the activities of the Voronezh Regional Committee of the CPSU related to the relationship between the party and security forces during the transition period that followed Stalin's death. Particular attention is paid to the response of local party bodies to the so-called "Beria case". The removal from office and arrest of one of Stalin's main heirs required the manifestation of complete loyalty of the leaders of the party organization and local security forces, as well as work to explain the situation to the party masses and the population of the region. On the example of public activity of the regional party committee leaders, the peculiarity of interaction between the central and local authorities is traced, on the one hand, and between the regional leadership and Soviet citizens, on the other hand. The novelty of this study lies in the fact that the authors partially reveal

the mechanisms of ensuring loyalty of the vertical power structures on the example of the Voronezh region, and try to analyze the peculiarities of the regional leadership's reaction to the turning points of the first half of 1953.

Keywords: political leaders, society, elite, history of the CPSU, Ministry of Internal Affairs, "Beria case"

For citation: Volkova E.A., Maltsev G.G. Voronezh Regional Party Committee, internal affairs bodies and the "Beria case" (March-July 1953). *Historical Bulletin*. 2025. 8 (2). P. 12 – 19.

The article was submitted: November 10, 2024; Approved after reviewing: January 11, 2025; Accepted for publication: March 3, 2025.

Введение

Среди событий первой половины 1953 года, несомненно, особую роль в отечественной истории играют кончина И.В. Сталина и арест одного из ведущих наследников вождя, первого заместителя председателя Совета Министров Союза ССР, Министра внутренних дел, члена Президиума ЦК КПСС Л.П. Берия. Ниспровержение с правящего Олимпа такой крупной политической фигуры повлекло за собой изменение взаимоотношений между партией и силовыми структурами, между властью и обществом в целом. Как отмечал историк А.В. Пыжиков: «Акцент Берия на создание собственной вертикали силовых ведомств отражал особую роль органов госбезопасности в обществе. Они имели решающее слово при любых выдвижениях или перемещениях партийных, государственных или хозяйственных кадров, с ними в обязательном порядке согласовывались все кандидатуры» [14, с. 3]. Поворот политики партии по отношению к карательным органам и превращение Берия из «ближайшего соратника Сталина» в «презренного изменника Родины» требовали от местных руководителей публичной активности по двум направлениям: выражение поддержки происходящих перемен и разъяснение этих сенсационных событий партийному активу и всему населению области.

Актуальность данной работы обусловлена тем, что отношения между центральными и региональными центрами власти и их взаимодействие с населением в советский период являются предметом тщательного изучения современными историками.

Цель исследования – проанализировать реакцию руководителей партийных и силовых структур в публичном пространстве на крупный внутриполитический перелом.

Материалы и методы исследований

Методом исследования авторы выбрали сравнительно-исторический метод, то есть анализ и сопоставление архивных документов, материалов местной прессы с уже опубликованными документами по «делу Берия» центральных органов, а также суждениями историков об этих событиях.

Результаты и обсуждения

На рубеже 1952-1953 годов органы внутренних дел советского государства находились в достаточно своеобразном положении. На вершине властной пирамиды они были представлены двумя структурами – Министерством внутренних дел (МВД) и Министерством государственной безопасности (МГБ). Оба министерства имели в своей структуре не только управления на уровне области (УМВД по Воронежской области и УМГБ по Воронежской области), но и отделы в ее районах. Начальником УМВД с конца 1949 года руководил А.А. Пчелкин, профессиональный чекист, прошедший со времен гражданской войны путь от рядового чекиста (карьеру он делал по линии государственной безопасности) до генерал-майора. Пчелкин не только имел генеральское звание и являлся кавалером нескольких орденов, включая орден Ленина, но и последовательно занимал после войны важные посты министра внутренних дел сначала Киргизской, а потом Казахской ССР [7].

Можно уверенно заявить, что А.А. Пчелкин с начала сороковых годов был хорошо известен и знаком с министром МВД СССР С.Н.Кругловым. Совсем иную биографию имел начальник УМГБ Павел Филиппович Храпунов. Сделав на Украине чисто партийную карьеру, в июле 1952 года он с престижного поста первого секретаря Днепропетровского горкома ВКП (б) переводится в Москву слушателем школы МГБ и уже 26 сентября 1952 года, имея звание полковника ГБ, назначается начальником управления МГБ Воронежской области [7]. Такая резкая смена рода деятельности Храпунова связана с процессами, протекающими в Москве, где с 1951 года МГБ возглавлял чисто партийный работник, заведующий отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б) С.Д.Игнатьев (с августа 1951 года до февраля 1952 года он даже совмещал эти должности). О своей работе министр докладывал лично И.В. Сталину и, судя по дальнейшим событиям, Л.П. Берия считал его конкурентом и личным врагом.

Назначение Храпунова совпало со временем проведения VII областной партийной конференции и на пленуме обкома свежее испеченный начальник УМГБ был сразу избран кандидатом в члены Бюро Областного комитета ВКП(б) [3]. А уже через месяц, 20 октября 1952 года, П.Ф. Храпунов избирается уже полноправным членом Бюро [12, с. 2]. В то же время генерал Пчелкин такой чести не удостоился. То есть органы госбезопасности стояли во властной иерархии несравненно выше структур внутренних дел, им оказывалось большее политическое доверие.

Были ли партийные руководители в курсе злоупотреблений воронежских силовиков, которые они потом будут вскрывать в ходе публичного разбора «дела Берия»? Несомненно, информацией они владели. Приведем один пример.

В феврале 1953 года согласно имеющейся практике Бюро обкома КПСС рассматривала вопрос о снятии партийного взыскания, строгого выговора, с некоего Правильникова, начальника Вейделевского районного отдела МГБ. В свое время он поменял лошадь с жеребенком в колхозе на жеребца, подлежавшего поставке в Советскую Армию. После жалобы коня пришлось вернуть и начальник пострадал по партийной линии. Интересен такой пассаж, присутствующий в протоколе: «Кроме того было установлено, что работники РО МГБ, выезжая в колхозы района, незаконно брали корма для лошадей, а также разные продукты, о чем Правильников знал, но мер к предотвращению этого не принимал» [14, с. 51]. По итогам рассмотрения вопроса бюро принимает решение: строгий выговор снять! И это в то время, когда из партии исключали за наличие дома икон. Не пройдет и полгода, как лидер областной партийной организации будет критиковать местных силовиков за различные злоупотребления, о чем речь пойдет ниже.

В январе 1953 года было опубликовано сообщение о том, что «некоторое время тому назад органами государственной безопасности была раскрыта террористическая группа врачей, ставивших своей целью путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям Советского Союза» [7]. В местных газетах повторялись публикации центральной прессы, в том числе печально известная статья «Почта Лидии Тимашук», прославляющая бдительного медработника, вскрывшего коварный замысел.

В прессе публикуются призывы к бдительности, партийный чиновник невысокого ранга, заведующий отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов Воронежского горкома М. Пушкин выступает со статьей «Воспитывать ком-

мунистов в духе высокой политической бдительности», где призывает: «Нельзя забывать о том, что у нас сохранились пережитки буржуазной идеологии, частнособственнической психологии и морали, сохранились носители буржуазных взглядов и буржуазной морали – живые люди, скрытые враги советского народа. Эти скрытые враги, поддерживаемые империалистическим миром, вредят нам и будут пытаться вредить и впредь». Эту сентенцию автор взял из передовой статьи газеты «Правда» от 13 января «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей».

Однако, несмотря на такое обещающее масштабные выводы начало, автор свел тему к подбору кадров, к ответственности за утерю партийных билетов и приему на работу в кафе «Мак» растратчицы, сбжавшей в Воронеж из Кемеровской области [6]. В публикации тема «поддержки» жуликов из столовых или партийцев – растерях «империалистическим миром» раскрыта не была. Надо отметить, что на местном уровне компания либо не успевала раскрутить свой маховик, либо сознательно игнорировалась. Например, за период 1952 – 1 кв. 1953 г. только по пятнадцати районам области к судебной ответственности о возмещении ущерба, связанный с падежом скота, несвоевременной уборкой сельскохозяйственных культур и по другим основаниям было привлечено 1091 работник из которых 184 являлись председателями колхозов или их замами [15, с. 152]. Казалось бы, хороший повод для фабрикация масштабного уголовного дела о вредительстве, материалов хватило бы с лихвой. В силу своей национальности под марку «сионистов» вполне могли попасть и расхитители спирта в аптекоуправлении Рифтин и Райцес, однако никакой политической подоплеки под уголовное дело обком не пытался подвести [11, с. 3].

Весть о кончине И.В.Сталина пришла одновременно с известиями о важных изменениях в системе власти в СССР. Как известно, 5 марта Л.П. Берия по решению совместного заседания пленума Центрального Комитета КПСС, Совета Министров Союза СССР и Президиума Верховного Совета СССР остается членом сокращенного Президиума ЦК КПСС, переизбирается первым заместителем Председателя Совета Министров Г.М. Маленкова, возглавляет единое Министерство внутренних дел СССР, созданное путем слияния бывших МГБ и МВД [4, с. 605]. Бывший Министр госбезопасности Игнатъев ненадолго становится секретарем ЦК КПСС, однако, как пишет историк Б.Ф. Султанбеков, «Берия...попытался добиться его политической и физической ликвидации, и в марте-июне 1953 г. почти достиг своей цели» [16, с. 3]. В нача-

ле апреля Игнатъева не только выводят из секретариата ЦК КПСС, но и исключают из членов Центрального Комитета.

Особое положение Л.П. Берия подчеркивает и тот факт, что на похоронах Сталина выступают всего три советских лидера – премьер Г.М. Маленков, Л.П. Берия и наиболее опытный и известный член Президиума ЦК В.М. Молотов. Изменения незамедлительно коснулись руководителей силовиков Воронежской области.

20 марта на IV Пленуме обкома партии заседание началось с организационных вопросов. Секретарь (де-факто первый секретарь) областного комитета К.П. Жуков предложил освободить Храпунова от обязанностей члена Бюро, так как он «отозван в распоряжение МВД» и избрать членом Бюро А.А. Пчелкина [17, 7]. Дело в том, что на областном уровне УМГБ и УМВД были также объединены, и возглавить обновленное УМВД было поручено генералу Пчелкину. В дальнейшем достоянием партийной общественности стал известен факт о том, что слияние управлений проводили в такой спешке и с таким пренебрежением к уставным нормам, что при слиянии парторганизаций УМГБ и УМВД не проводили собрание, в просто был ликвидирован партком МВД, а название парторганизации было передано бывшему паркому управления госбезопасности [18, с. 68].

В основном докладе на IV пленуме обкома К.П. Жуков обильно цитировал нового лидера советского государства Г.М. Маленкова, но забыв, однако, упомянуть и «товарища Берия». Глава областной партийной организации механически инкорпорировал в свою речь заявление: «В настоящей международной обстановке нам нельзя ни на минуту ослабить политическую бдительность». Жуков напомнил: «...указание нашего вождя и учителя товарища Сталина, что чем значительнее наши успехи, чем безнадежнее положение наших врагов, тем ожесточеннее и коварнее становится враг...» Повторив в очередной раз пропагандистский штамп о скрытых врагах, секретарь обкома свел свой драматургический накал к неожиданно повседневному выводу: «От коммунистов и всех трудящихся требуется революционная бдительность..., решительная борьба с ротозейством, ибо ротозейство... составляет питательную почву для вражеской деятельности шпионов и вредителей» [2, с. 726]. Выступающие в прениях вопрос о бдительности не поднимали и многочисленные факты порою вопиющей бесхозяйственности или бездействия тех или иных органов с вредительством, а тем более с иностранными разведками не связывали. Таким образом, употребляя грозную риторику, воронежский властный актив сознательно игнорировал

политическую компанию. Сам Жуков, будучи членом ЦК КПСС, не мог не быть достаточно информирован об основных политических веяниях, а, значит, тенденция спустить на тормозах иницированную Сталиным и МГБ охоту на ведьм было общей реакцией партийного аппарата.

Однако, пострадавшие от «дела врачей» в воронежской парторганизации были, причем притеснению в этой нелепой истории подвергся коммунист, еврей по национальности (а, значит, потенциальный «сионист») Шая Изякович Беренштейн. Эта скорее забавный случай, хотя участникам этой нелепой истории в марте 1953 года точно было не до смеха, весьма поучителен для понимания взаимоотношений рядовых партийцев и руководящих органов, Персональные дела Беренштейна, род. 1897 году, члена партии с 1930 г., и других заслушивались на заседании Бюро обкома партии 31 марта 1953 года. Представший перед партийным судом происходил из семьи мелкого торговца, имел высшее образование, на момент происшествия работал заместителем управляющего Воронежским спиртротрестом. Обстоятельства дела описываются в протоколе Бюро следующим образом:

«Беренштейн по поручению партийной организации ряд лет среди работников алкотреста проводил политинформацию... Тов. Беренштейн призывая коммунистов к бдительности, упомянул о том, что органами государственной безопасности раскрыта шайка врачей-убийц, которые ставили своей целью путем неправильного лечения сократить жизнь вождей партии и правительства. При этом т. Беренштейн сообщил коллективу, что помогла разоблачить преступников врач Лидия Тимошук, которая является племянницей маршала Василевского, только что окончила институт, приехала к тов. Василевскому в гости, в это время он был болен и она, видя рецепты, посмотрела тов. Василевского и заявила о том, что диагноз профессорами был поставлен неправильный, о чем она заявила следственным органам...» [8, с. 68]. Добавим от себя, что эта версия событий не только отличалась от официальной, но и не имела ничего общего с действительностью. Так, Тимошук, родилась в 1898 году и училась еще во времена гражданской войны.

На следующей политинформации виновник извинился, но было поздно. Протокол заседания фиксирует: «25 февраля в стенной газете «Спиртовик» была представлена заметка под заголовком «Базарная сказка», в которой автор протестовал против неправильного и голословного искажения фактов т. Беренштейном». Кто-то сообщил «куда следует, последовал вызов в обком партии, где

Беренштейн признался, что «совершил ошибку, пользовался неофициальным материалом и заявил, что ему об этом сказала работница архивного отдела УМГБ, член КПСС тов. Рукина». История стала раскрываться. Вызванная в обком Рукина А.К. сообщила, что услышала сплетню от начальника архивного отдела УМГБ, члена КПСС т. Шаховой А.А.

В итоге все трое «соучастников» были вызваны на Бюро обкома. В ходе разбирательства в присутствии высших руководителей Воронежской области было вынесено окончательное решение. Шахова оказалась умнее своих приятелей и заявила, что «она ехала в трамвае и слышала от незнакомых ей людей разговор об обстоятельствах при которых были разоблачены врачи-убийцы». Далее, «приехав на работу она поделилась этой новостью со своей подчиненной т.Рукиной, а Рукина в свою очередь как достоверный факт передала своему знакомому Беренштейну, который стал выдавать его как достоверный материал» [8, с. 107]. Скорее всего, и здесь сотрудница МГБ помогла работа в госбезопасности, так они отделались выговорами, в Беренштейну был вынесен строгий выговор.

Интересно, испытывали ли участники судилища дискомфорт, когда 4 апреля они прочитали в газетах сообщение Министерства внутренних дел о том, что фигуранты дела врачей «были арестованы бывшим Министерством государственной безопасности СССР неправильно, без каких-нибудь законных оснований». В сообщении говорилось о применении к задержанным врачам «недопустимых и строжайше запрещенных советским законом методов следствия» [9].

Вслед за этим сообщением в центральной прессе стал пропагандироваться лозунг о соблюдении социалистической законности, что вкупе с амнистией, объявленной указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года становилось частью политической программы Л.П.Берия и использовалось им для укрепления своей власти.

Впрочем, в скором времени и «дело врачей» и «укрепление социалистической законности» мано-вением руки руководящих органов превратились в пункты обвинения против Л.П. Берия.

Хорошо известны события, связанные с арестом 26 июня и расстрелом 23 декабря бывшего министра внутренних дел. Нет смысла также останавливаться на давно опубликованных материалах Пленума ЦК КПСС, проходившего 2-7 июля и принявшего основные решения по «делу Берия». Высшему руководству СССР удалось сохранить стабильную ситуацию в том числе за счет проведения мощной пропагандистской кампании по внедрению в сознание членов партии и простых

граждан новых установок о личности Л.П.Берия. От местного руководства партии и силовых структур требовалось не только публичное проявление лояльности, но и канализование новых установок в массы, разъяснение ситуации. Массовая компания должна была затронуть максимальное количество людей, для чего проводились не только партийные собрания, но и митинги на предприятиях и в колхозах.

Апофеозом этой компании в Воронежской области стал Объединенный Пленум обкома и горкома КПСС, прошедший 13 июля 1953 года с единственным вопросом в повестке дня: «Об итогах пленума ЦК Коммунистической партии Советского Союза». Помимо 180 непосредственных участников пленума (членов обкома, горкома и их ревизионных комиссий) для заслушивания доклада лидера областной парторганизации К.П.Жукова было приглашено свыше 500 человек областного и городского партийного актива [10, с. 6]. Доклад секретаря обкома состоял фактически из двух, мало связанных между собой частей – монолога о «деле Берия» и доклада о состоянии с выполнением государственного плана предприятиями региона.

Непосредственно по основной теме Жукову пришлось повторять основные положения партийной пропаганды:

«Ликвидация преступной авантюры Берия, разоблаченного Президиумом ЦК как агента международного империализма еще и еще раз показывает, что любые антисоветские планы разбивались и будут разбиваться о мощь и великое единство нашей партии, правительства, советского народа» [19, с. 6]. В чем состояли преступные действия и вероломные замыслы Берия? Коварными порочными действиями Берия пытался разобщить и расколоть ленинско-сталинское ядро нашей партии, подорвать единство в руководстве партии и правительства, повисить свой собственный авторитет и осуществить преступные антисоветские замыслы.

Затронув хозяйственные и внутрипартийные вопросы, докладчик поднял тему работы местных органов МВД, «Партийные комитеты и в первую очередь бюро обкома партии слабо осуществляли контроль за работой областного управления и дорожно-транспортного отдела МВД по Юго-Восточной дороге и их местных органов» [19, с. 8]. «...Некоторые карьеристы и авантюристы, пробравшиеся в органы МВД, терроризировали, запугивали и опорочивали честных, преданных делу партии и советского государства кадров, имели место факты фальсификации уголовных дел против невинных советских граждан...

Начальник областного управления тов. Пчелкин и начальник дорожно-транспортного отдела тов. Лихачев не приняли необходимых мер к укреплению аппарата отделений МВД политически грамотными, показавшими себя на деле кадрами чекистов. Среди работников МВД слабо ведется воспитательная работа, о чем свидетельствует наличие фактов нарушения революционной законности и аморальных поступков». Однако, после такой разгромной критики, докладчик бросает генералу Пчелкину спасательный круг: «Нет сомнения в том, что в ближайшее же время мы обеспечим улучшение работы...» [19, с. 26].

По завершению доклада Жукова председательствующий секретарь обкома С.Д. Хитров объявил к неудовольствию собравшихся, что ответы на письменные вопросы последуют после прений. Вероятно, это было сделано для удержания интереса собравшихся. А меж тем вопросы были весьма интересными, ловили докладчика на логических нестыковках и недомолвках.

Логичным был вопрос о дальнейшей судьбе Лидии Тимашук и связана ли она с Берия, на что партийный лидер честно ответил: «Не знаю»

Собравшихся особо интересовал вопрос, как Берия тормозил развитие сельского хозяйства (было три записки, в одной было прямое требование ответить «конкретно»), но Жуков ничего вразумительного ответить не смог, обозначив только, что низложенный министр «тормозил развитие центральных областей, куда и входит Воронежская область.

Интересен ответ на вопрос: «Какая связь Берия с Тито?»: «После ареста в его служебном кабинете были обнаружены документы – письма Ранковичу и Тито».

Собравшихся интересовал вопрос: «Какой национальности Берия?», на который, замямвшись, докладчик ответил: «Якобы грузин, но утверждать этого я не берусь сейчас» [19, с. 137].

Как видно из самих формулировок вопросов, официальная версия причин ареста Берия не могла удовлетворить партийный актив, многие нестыковки рушили наспех созданную картину разоблачения «шпиона». Впрочем, прения по докладу проходили в официально допустимых рамках.

Первый секретарь Ворошиловского райкома партии сообщил собравшимся, что во время проходивших накануне выборов народного судьи, граждане оставляли следующие надписи на бюллетенях: «Никаким иудам бериям не удастся нарушить единство партии и народа» «Трудящиеся массы требуют от суда высшей меры к предателю Берия» [19, с. 34]. Его коллега, первый секретарь Борисоглебского горкома партии заявил, что

«трудящиеся города Борисоглебска требуют подвергнуть врага народа Берия высшей мере наказания» [19, с. 119].

Конечно, по законам партийной драматургии, на пленуме с самокритикой должен был выступать сам генерал Пчелкин. При этом начальник управления избрал своеобразную тактику своей защиты. Повторив почти дословно пассаж из речи Жукова о разбившейся «преступной аванюре» своего бывшего начальника, а ныне «отщепенца и предателя», Пчелкин уверял собравшихся: «Работники МВД. выражают гневное возмущение коварными и преступными действиями агента иностранного империализма буржуазного перерожденца Берия». Оказалось, что «пробывание его в Министерстве внутренних дел пагубно отразилось на работе всего аппарата МВД как в центре, так и на местах.

На протяжении последних четырех месяцев управление МВД, по сути, было лишено внимания со стороны министерства». Тут Пчелкин делает неожиданный вывод, противоречащий в корне словам Жукова о недостаточном партийном контроле, повязывая себя с политически с первым секретарем. Генерал доложил об успехах работы управления, в том числе о ликвидации неназванных контрреволюционных подпольных групп и террористов, «совершавших поджоги жилых домов и убийства активистов села»

А.А. Пчелкин признал критику правильной, признавшись: «...В органах МВД существовала неправильная и порочная практика, когда под видом конспирации ряд наших работников, особенно на местах, по существу отрывалась от партийных органов. В силу этого имели место случаи грубого нарушения революционной законности, выражавшиеся в незаконных арестах, незаконных обысках и т.д.» [19, с. 102]. В качестве примеров избавления от нарушителей законности, генерал привел рассказ о снятии со своих постов нескольких начальников районных отделов. Один из них был даже, по словам Пчелкина, освобожден от должности по жалобе первого секретаря райкома, так как не принимал активного участия в работе районной партийной организации, прикрываясь своей занятостью.

Секретарь обкома Жуков не удержался и спросил (якобы вопрос поступил с места): не получал ли начальник УМВД задания шпионить за работой руководителей областной парторганизации, на что получил решительный отрицательный ответ.

Однако, после такого успокоительного доклада руководителя воронежских силовиков диссонансом прозвучало выступление областного прокурора тов. Николаева, который по ряду пунктов оспорил заверения Пчелкина:

«Передовая статья газеты «Правда» сказала советским людям: Спокойно живите и работайте, ваши права свято оберегаются советским правительством и партией». Но «... на протяжении ряда лет Министерство внутренних дел совершенно бесосновательно по ряду вопросов по существу контролировало судебные органы. В данном случае серьезно попиралась советская демократия и грубо нарушалась социалистическая законность... Вредные последствия действий Берия нашли выражение в работе МВД в нашей Воронежской области». Прокурор конкретизировал: «Мы нередко встречались с фактами, когда в этих органах в результате исключительно низкой критики и самокритики, подавлялось здоровое проявление честных чекистов и насаждалось подхалимство и угодничество» Николаев особо подчеркнул, что данные «извращения имели место и в управлении МВД» (Пчелкин направлял острие самокритики на свои районные структуры). «Нам еще памятен тот факт грубейшего нарушения... – один несовершеннолетний гражданин был необоснованно арестован и осужден как террорист на 10 лет лишения свободы. Оказалось, что он был совершенно ни в чем неповинен». Областной прокурор обвинил работников облуправления МВД в том, что они «замыкались в свою скорлупу, теряли связь с народом... не организовали как следует прием жалобщиков» Далее Николаев указывает на наличие незаконных обысков, задержаний, тенденциозности следствия, грубости и нетактичности в обращении с гражданами. «Вместе с тем работники милиции ...совершенно беспомощны в раскрытии крупных преступлений» [19, с. 123]. Давая резкие

оценки, прокурор все же щадит самого генерала Пчелкина, предлагая ему вновь проанализировать факты и обеспечить проведение правильной политики в УМВД.

Несмотря на падение Берия и острую критику на Объединенном пленуме, Пчелкин сохраняет свой пост вплоть до 1955 года, что, скорее всего, связано со старинными деловыми отношениями между ним и С.Н. Кругловым, вновь назначенным министром МВД после падения Берия.

Выводы

Основными выводами можно обозначить следующие тезисы:

- партийное руководство с абсолютной лояльностью подошло к происходящим событиям и выполнило свою роль по пропаганде происходящих изменений в русле постановления Июльского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС;

- на региональном уровне наблюдался консенсус между партийными лидерами и руководством силовых структур;

- события, связанные с «делом Берия» вызвали большой интерес партийного актива, однако, несмотря на определенные сомнения в официальной версии, признаков нелояльности не проявлялось, так и не наблюдалось широкой критики работы силовых структур, несмотря на крупные недостатки и злоупотребления в их работе;

- вертикаль партийной власти выполнило свою функцию, то есть обеспечило доведение политики центра до населения региона, что говорит о достаточной эффективности действующих механизмов.

Список источников

1. Газета «Коммуна», № 48 от 26.02.1953 г
2. Газета «Правда» № 1 от 04.04.1953 г.
3. Газета «Правда» № 2 от 05.04.1953 г.
4. Газета «Коммуна», № 226 от 23.09.1952 г.
5. Газета «Правда» №13 от 13.01.1953 г.
6. ГАОПИ ВО. Ф. 3 оп. 28 д. 3 с. 20.
7. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. ч. III (1930-1954 гг.) Изд. 7. М.: Госполитиздат, 1954. С. 601 – 606.
8. Петров Н.В. Кто руководил Органами Госбезопасности. 1941-1954. Справочник. М.: Звенья. 2010. С. 726.
9. Протокол II Пленума Обкома КПСС // Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИ ВО) Ф. 3. оп. 27. д. 41. С. 2.
10. Протокол № 40 заседания Бюро обкома КПСС // ГАОПИ ВО. Ф. 3. оп. 28, д. 40. С. 106.
11. Протокол Объединенного Пленума обкома и горкома КПСС // ГАОПИ ВО. Ф. 3 оп. 28 д. 13. С. 1 – 6.
12. Протоколы № 28-20 Заседаний Бюро обкома КПСС // ГАОПИ ВО Ф. 3. оп. 28. д. 36. С. 31.
13. Протоколы № 28-30 заседаний Бюро обкома КПСС // ГАОПИ ВО Ф. 3. оп. 28. д. 36. С. 51.
14. Пыжиков А.В. Хрущевская `оттепель`. 1953-1964 гг. Серия: Архив. М. ОЛМА-ПРЕСС 2002 г. С. 89.

15. Стенограмма IV Пленума Воронежского областного комитета Коммунистической партии Советского Союза // ГАОПИ ВО. Ф. 3 оп. 28 д. 3. С. 7.
16. Стенограмма VIII Пленума Воронежского областного комитета Коммунистической партии Советского Союза // ГАОПИ ВО. Ф. 3 оп. 28 д. 24. С. 152.
17. Стенограмма Объединенного Пленума обкома и горкома КПСС // ГАОПИ ВО. Ф. 4. оп. 29 д. 11. С. 68.
18. Султанбеков Б.Ф., Семен Игнатъев. Свет и тени биографии сталинского министра. Казань: Татарское республиканское издательство ХЭТЕР, 2002. 156 с.
19. Стенограмма Объединенного Пленума обкома и горкома КПСС // ГАОПИ ВО. Ф. 3. оп. 28. д. 14. С. 68.

References

1. The newspaper "Kommuna", No. 48 of 26.02.1953
2. The newspaper "Pravda" No. 1 of 04.04.1953
3. The newspaper "Pravda" No. 2 of 05.04.1953
4. The newspaper "Kommuna", No. 226 of 23.09.1952
5. The newspaper "Pravda" No. 13 of 13.01.1953
6. GAOPI VO. F. 3 op. 28 d. 3 p. 20.
7. The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenary sessions of the Central Committee. Part III (1930-1954) Publ. 7. M.: Gospolitizdat, 1954. P. 601 – 606.
8. Petrov N.V. Who Led the State Security Bodies. 1941-1954. Handbook. M.: Zvenya. 2010. P. 726.
9. Protocol of the II Plenum of the Regional Committee of the CPSU. State Archives of Socio-Political History of the Voronezh Region (GAOPI VO) F. 3. op. 27. d. 41. P. 2.
10. Protocol No. 40 of the meeting of the Bureau of the Regional Committee of the CPSU. GAOPI VO. F. 3. op. 28, d. 40. P. 106.
11. Protocol of the Joint Plenum of the Regional and City Committees of the CPSU. GAOPI VO. F. 3 op. 28 d. 13. P. 1 – 6.
12. Protocols No. 28-20 of the Meetings of the Bureau of the Regional Committee of the CPSU. GAOPI VO F. 3. op. 28. d. 36. P. 31.
13. Protocols No. 28-30 of the Meetings of the Bureau of the Regional Committee of the CPSU. GAOPI VO F. 3. op. 28. d. 36. P. 51.
14. Pyzhikov A.V. Khrushchev's `thaw`. 1953-1964. Series: Archive. M. OLMA-PRESS 2002 P. 89.
15. Transcript of the IV Plenum of the Voronezh Regional Committee of the Communist Party of the Soviet Union. GAOPI VO. F. 3 op. 28 d. 3. P. 7.
16. Transcript of the VIII Plenum of the Voronezh Regional Committee of the Communist Party of the Soviet Union. GAOPI VO. F. 3 op. 28 d. 24. P. 152.
17. Transcript of the Joint Plenum of the Regional and City Committees of the CPSU. GAOPI VO. F. 4. op. 29 d. 11. P. 68.
18. Sultanbekov B.F., Semyon Ignatiev. Light and Shadows of the Biography of Stalin's Minister. Kazan: Tatar Republic Publishing House Kheter, 2002. 156 p.
19. Transcript of the Joint Plenum of the Regional and City Committees of the CPSU. GAOPI VO. F. 3. op. 28. d. 14. P. 68.

Информация об авторах

Волкова Е.А., доктор исторических наук, профессор, Воронежский государственный технический университет

Мальцев Г.Г., аспирант, Воронежский государственный технический университет

© Волкова Е.А., Мальцев Г.Г., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 355.233.11(571.51)

Деятельность Осоавиахим Красноярского края в области военной подготовки гражданского населения накануне Великой Отечественной войны (1939-1941)

¹ Калинин О.Н.,
¹ Сибирский федеральный университет

Аннотация: в статье на примере Красноярского края рассматриваются основные направления деятельности Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству (Осоавиахим) в области военной подготовки населения в предвоенный период 1939-1941 гг. Опираясь на материалы, находящиеся в фонде Ф.П-26 Государственного архива Красноярского края, предпринята попытка уточнить количественные показатели деятельности Красноярского краевого совета Осоавиахим по подготовке военного обученного резерва для Красной Армии накануне войны.

Делается вывод о том, что в период 1939-1941 гг. деятельность крайсовета Осоавиахим была сосредоточена на увеличении числа первичных организаций и членов общества, а так же на активном вовлечении населения в оборонно-массовую работу. При этом, не смотря на подготовку авиационных, кавалерийских, шоферских и морских кадров, основными направлениями работы Осоавиахим в Красноярском крае стали подготовка стрелковых кадров и обучение населения для сдачи норм на значок «Готов к ПВХО».

Как ключевой элемент вневойсковой военной подготовки граждан, система Осоавиахим Красноярского края, дав военные знания десяткам тысяч человек, сыграла важную роль в укреплении обороноспособности страны в условиях разраставшегося пожара Второй мировой войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, 1939-1941 гг., военная подготовка населения, Красноярский край, Осоавиахим

Для цитирования: Калинин О.Н. Деятельность Осоавиахим Красноярского края в области военной подготовки гражданского населения накануне Великой Отечественной войны (1939-1941) // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 2. С. 20 – 28.

Поступила в редакцию: 11 ноября 2024 г.; *Одобрена после рецензирования:* 12 января, 2025 г.; *Принята к публикации:* 3 марта 2025 г.

Activities of the Osoaviakhim of the Krasnoyarsk territory in the field of military training of the civilian population on the eve of the Great Patriotic war (1939-1941)

¹ Kalinin O.N.,
¹ Siberian Federal University

Abstract: using the example of the Krasnoyarsk Territory, the article examines the main areas of activity of the Society for Assistance to Defense, Aviation and Chemical Engineering (Osoaviakhim) in the field of military training of the population in the pre-war period of 1939-1941. Based on the materials in the F.P-26 fund of the State Archive of the Krasnoyarsk Territory, an attempt has been made to clarify the quantitative indicators of the

activities of the Krasnoyarsk Regional Council of the Osoaviakhim for the preparation of a military-trained reserve for the Red Army on the eve of the war.

It is concluded that in the period 1939-1941, the activities of the Osoviakhim Regional Council were focused on increasing the number of primary organizations and members of society, as well as on actively involving the population in mass defense work. At the same time, despite the training of aviation, cavalry, chauffeur and naval personnel, the main areas of work of Osoaviakhim in the Krasnoyarsk Territory were the training of rifle personnel and the training of the population to pass the standards for the badge "Ready for air defense."

As a key element of non-military military training of citizens, the Osoaviakhim system of the Krasnoyarsk Territory, having provided military knowledge to tens of thousands of people, played an important role in strengthening the country's defense capability in the conditions of the growing fire of the Second World War.

Keywords: The Great Patriotic War, 1939-1941, military training of the population, Krasnoyarsk Territory, Osoaviakhim

For citation: Kalinin O.N. Activities of the Osoaviakhim of the Krasnoyarsk territory in the field of military training of the civilian population on the eve of the Great Patriotic war (1939-1941). Historical Bulletin. 2025. 8 (2). P. 20 – 28.

The article was submitted: November 11, 2024; Approved after reviewing: January 12, 2025; Accepted for publication: March 3, 2025.

Введение

Важным элементом повышения обороноспособности страны является создание и накопление в мирное время мобилизационного людского резерва, комплектуемого в первую очередь за счет граждан, пребывающих в запасе. Вместе с тем, опыт Великой Отечественной войны убедительно свидетельствует о необходимости массового военного обучения населения, проводимого заблаговременно. В настоящий момент в контексте значительного обострения внешнеполитической обстановки возникает необходимость исследования опыта военной подготовки широких масс населения (включая девушек) в системе Осоавиахима, в том числе и на территории Красноярского края.

Материалы и методы исследований

Деятельность Осоавиахима накануне Великой Отечественной войны в значительной степени стала предметом исследования только в последние два десятилетия. Так, различные аспекты работы оборонного общества в 1939-1941 гг. в центральной части РСФСР были исследованы в комплексных работах Моисеева В.И., Дудич И.С., Зарипова Р.Р., Пузырева А.Ю., Кубловой С.А. и Заводскова И.Н. [1-6]; в Южном Зауралье – Могутновым А.В. [7]; в Верхнем Поволжье – Тихомировой Т.В. [8]; в Сибири – Богуцким А.В., Бавыкиным Ю.А., Теплухиным В.В. и Сухановым С.В. [9-12]; на Дальнем Востоке – Фоминым Н.В. и Сияновым В.Г. [13, 14]. Кроме того, в последнее время был опубликован ряд отдельных научных статей освещающих проблемы деятельности оборонного общества накануне Великой Отечественной войны на региональном уровне [15-17]. Вместе с тем, работа Осоавиахима по военной подготовке гражд-

данского населения Красноярского края в межвоенный период остается малоизученной.

Хронологические рамки исследования (1939-1941 гг.) охватывают период от начала Второй мировой войны и до начала Великой Отечественной войны.

Территориальные рамки исследования ограничиваются территорией Красноярского края, который в предвоенный период включал в себя в том числе и Хакасскую автономную область.

Цель работы – на основе анализа имеющихся отчетных данных уточнить основные направления и количественные показатели деятельности системы Осоавиахима на территории Красноярского края по подготовке военно-обученного резерва для Красной Армии в 1939-1941 гг.

В ходе работы комплексно применялись общенаучные методы исследования: анализ и синтез, индукция и дедукция, описание, объяснение. Источниковой базой статьи служат архивные документы военного отдела Красноярского крайкома ВКП (б), содержащиеся в фонде Ф. П-26 Государственного архива Красноярского края (ГАКК). Особый интерес здесь представляют выявленные в фондах отчёты, сводные справки и докладные записки о результатах деятельности Осоавиахима на территории Красноярского края.

Результаты и обсуждения

На состоявшемся 26 октября 1939 года заседании бюро крайкома партии перед крайсоветом Осоавиахима была поставлена задача по улучшению оперативного руководства работой райсоветов общества, на которые в свою очередь замыкались первичные организации. В связи с этим стали широко практиковались выезды членов краевого и

районного советов на места для проверки состояния первичных организаций и оказания им практической помощи в работе. Например, в 1939 году было проведено 79 таких выездов общей продолжительностью 825 дней, а за период с января по

сентябрь 1940 года уже 123 выезда продолжительностью 1179 дней. Эти усилия привели к росту численности первичных организаций в течении 1940 года с 3801 до 4941 и членов общества со 109,6 тыс. до 144,8 тыс. человек (табл. 1).

Таблица 1
Сведения о численности и составе Осоавиахим в Красноярском крае за период с января 1938 по январь 1941 годов [18, л. 89].

Table 1
Information on the number and composition of Osoaviakhim in Krasnoyarsk Krai for the period from January 1938 to January 1941 [18, p. 89].

Показатели	Численность по состоянию на:			
	01.01.1938 г.	01.01.1939 г.	01.01.1940 г.	01.01.1941 г.
Членов Осоавиахим (чел), из них:	42945	77509	109635	144800
Членов ВКП (б), чел	2353	3957	8028	11135
Членов ВЛКСМ, чел	7847	14894	25704	35412
Первичных организаций	1770	2660	3801	4941
Гор/райсоветов	56	67	69	68

Вместе с тем, наибольшую трудность в организации этой деятельности среди населения края представляло вовлечение в Осоавиахим колхозников. Вследствие чего к началу 1941 года первичных организаций не существовало в 772 колхозах, что составляло 30% от общего количества. Для сравнения работой Осоавиахима было охвачено 91% учебных заведений, а так же 100% совхозов и механизированных транспортных станций [19, л. 5, 6].

Накануне войны военное обучение населения в системе Осоавиахима строилась на основе закона СССР 1939 года «О всеобщей воинской обязанности», при этом включала как добровольную, так и обязательную подготовку [20]. Последней охватывались допризывники и военнообязанные граждане, состоявшие на воинском учете в запасе. Военнообязанные по заданию военных комиссариатов

проходили подготовку вневойсковым способом в течении календарного года в два этапа: в зимний период – при военно-учебных пунктах без отрыва от производства по 300-часовой программе, летом – с отрывом на базе полевых лагерей Осоавиахима по 124-часовой программе [21]. Обучение подлежащей призыву молодежи производилось по специальной программе оборонного минимума [18, л. 51]. На добровольной основе в системе Осоавиахима в рамках контрольного задания Центрального Совета велась подготовка стрелковых и авиационных кадров, а также подготовка значкистов «Готов к противовоздушной и противохимической обороне СССР» (ПВХО).

Так, за 1940 год в Красноярском крае в Осоавиахим по стрелковым специальностям прошли подготовку более 11 тыс. военнообязанных (табл. 2).

Таблица 2
Сведения о вневойсковой подготовке военнообязанных запаса на территории Красноярского края за период с января по сентябрь 1940 года [19, л. 6].

Table 2
Information on the non-military training of reservists in the Krasnoyarsk Territory for the period from January to September 1940 [19, p. 6].

Наименование военной специальности	В зимний период по 300-часовой программе (чел.)		В летний период по 124-часовой программе (чел.)	
	план	факт	план	факт
Стрелок	12150	12412	12150	10562
Ручной пулеметчик	450	677	450	675
Станковый пулеметчик	400	449	400	427
Итого	13000	14038	13000	11662

При этом военнообязанные запаса 2-й категории 1 разряда (годные к нестроевой службе в военное время граждане в возрасте до 35 лет, ранее не призванные на действительную службу в армию по состоянию здоровья или по семейному положению) проходили подготовку без отрыва от производства в период с 5 апреля по 15 мая, а в лагерях Осоавиахима – в период с 15 июня по 15 сентября [22, л. 127]. Здесь наилучших показателей по выполнению плана подготовки добились

Ермаковский (130%), Канский (130%), Минусинский (104%), Балахтинский (101%), Артемовский и Курагинский (по 100%) районы края.

Направления и результаты работы по подготовке в крае добровольных контингентов в 1938-1940 годах наглядно демонстрируют данные табл. 3. Здесь следует отметить, что в связи с введением Осоавиахимом новой комплексной программы подготовки стрелковых кадров, ранее выданное контрольное задание на 1940 год было отменено.

Таблица 3

Сведения о результатах подготовки Осоавиахимом населения Красноярского края в 1938-1940 годах [18, л. 64, 65].

Table 3

Information on the results of the training of the population of the Krasnoyarsk Territory by Osoaviakhim in 1938-1940 [18, p. 64, 65].

№ п/п	Виды подготовки	1938 год (чел.)		1939 год (чел.)		1940 год (чел.)	
		план	факт	план	факт	план	факт
1	Юных ворошиловских стрелков	2000	1976	4000	3786	6000	2123
2	Ворошиловских стрелков 1-й ступени	6000	8027	8000	16309	15000	12542
3	Ворошиловских стрелков 2-й ступени	200	266	500	1004	1000	452
4	Инструкторов стрелкового спорта 3-й категории		22		105	300	344
5	Ручных пулеметчиков	-	25	150	280	350	142
6	Станковых пулеметчиков			100	60	150	104
7	Стрелков-пистолетчиков			35	139	100	113
8	Снайперов					35	25
9	Юных ворошиловских всадников					20	
10	Ворошиловских всадников 1-й ступени		138		195	200	55
11	Ворошиловских всадников 2-й ступени						20
12	Шоферов 3-го класса	-	-	-	357	150	131
13	Мотоциклистов					60	-
14	Автолюбителей				11	30	-
15	Танкистов						30
16	Моряков-инструкторов			30	15	20	12
17	Значок «Моряк»			100	65	300	150
18	Значок «Юный моряк»			300	150	600	250
19	Значок ПВХО 1-й ступени		22035	20000	32082	40000	58000
20	Переподготовка ПВХО 1-й ступени					35000	16866
21	Значок ПВХО 2-й ступени						1500
22	Инструкторов ПВХО		467	800	851	1500	2491

Из данных таблицы видно, что основными видами деятельности Осоавиахима на территории Красноярского края в период 1938-1940 гг. являлась подготовка населения к сдаче оборонных норм «Ворошиловский стрелок» и ПВХО, а задание Центрального Совета ОАХ на эти цели ежегодно увеличивалось. Вместе с тем, обучение по отдельным пехотным военно-учетным специальностям началось только с 1939 года и не носило

такого массового характера. Вследствие слабой учебно-материальной базы не удалось выполнить плановых показателей по подготовке морских кадров. Кроме того, из-за значительного ежегодного роста заданий крайсовет Осоавиахима не справился с подготовкой «Юных ворошиловских стрелков». Примечательно, что среди 47 348 человек, прошедших подготовку стрелковых кадров, было 6104 (12,9%) комсомольцев, 1246 (2,6%)

членов и кандидатов ВКП (б), 1917 (4%) допризывников и 1974 (4,2%) женщин [19, л. 7].

В рамках оборонно-массовой работы в 1940 году в крае проводились многочисленные мероприятия. Так, в День советского стрелка прошли массовые соревнования, в которых приняло участие около 24,5 тыс. человек. По линии противохимической и противовоздушной обороны было проведено 5 массовых учений в городах края, 529 массовых тренировок на производстве с охватом 9,7 тыс. человек, 215 походов в противогазах с охватом 12,5 тыс. человек, около 150 лекций с общей аудиторией 25 тыс. человек, 100 кинопоказов специализированных фильмов, печатались статьи в периодической печати [23, л. 84].

Сведения о результатах подготовки в 1940-1941 годах авиационных кадров в аэроклубах Красноярского края [19, л. 8].

Таблица 4

Information on the results of training of aviation personnel in the flying clubs of the Krasnoyarsk Territory in 1940-1941 [19, p. 8].

Table 4

№ п/п	Виды подготовки	Задание на 1940 год (чел.)	Выполнено		Задание на 1941 год (чел.)	Выполнено	
			(чел.)	%		(чел.)	%
1	Пилотов	407	265	73,1	700	713	101,8
2	Планеристов	140	71	50,7	45	-	0,0
3	Парашютистов	400	341	85,2	250	75	30,0

В целях повышения качества оборонно-массовой работы широко применялась практика соцсоревнования, которое происходило как на краевом уровне между районными и городскими советами общества (было вовлечено 42 из 50 советов), так и государственном уровне между Красноярским и Алтайским краями [19, л. 10]. Вместе с тем, по оценке бюро крайкома партии опыт работы лучших первичных и районных организаций не передавался и слабо освещался в периодической печати [24, л. 265].

Со второй половины 1940 года в Осоавиахиме началась перестройка организации военного обучения, направленная на существенное повышение качества обучения годных к военной службе членов добровольного общества военному делу при минимальных финансовых затратах. Однако, по оценке председателя крайсовета капитана Н.И. Полянского, без должной помощи со стороны районных военных комиссариатов она проходила медленно. С августа Красноярский край перешел к выполнению нового контрольного задания, взамен ранее выданного Центральным Советом общества контрольное задание на 1940 год. К 20 ноября из военных кружков было создано 906 групп, 136 команд и 31 отряд, которые насчитывали всего 11754 членов осоавиахима (по заданию должно

быть 41700 человек) и были укомплектованы командным составом. В том числе членами общества являлись порядка 46% коммунистов и 45% комсомольцев [25, л. 80].

Сам процесс перестройки нередко происходил формально и заключался в простом переименовании существовавших военных кружков в группы. В связи с этим крайсовет Осоавиахима поставил перед обществом в качестве основных задач на 1941 год – завершение перехода к комплексным программам, а так же грамотную организацию учебных подразделений (групп, команд, отрядов) для полного выполнения новых годовых заданий. С декабря 1940 года по решению крайкома партии вопрос перестройки военного обучения был взят на контроль местными партийными органами [19, л. 11; 24, л. 264].

Учитывая опыт советско-финской войны, зимой 1940-1941 года большое внимание стало уделяться лыжной подготовке населения края, которая проводилась по специальной 35-часовой программе. В силу организационных трудностей, в том числе по причине нехватки лыжного инвентаря (на 1 января 1941 года в обществе имелось 6240 пар лыж, значительная часть которых принадлежала его членам), обучением было охвачено относительно небольшой процент жителей. В том чис-

ле около 20,1 тыс. членов общества. Из них 17,2 тыс. человек (11,9% от общей численности членов общества) приняли участие в военно-лыжных командных соревнованиях, из которых 53,5% смогли уложиться в нормы ГТО 2-й ступени [18, л. 49]. Лучшей первичной организацией по лыжной подготовке была признана организация Красноярского сибирского лесотехнического техникума, а лучшим рай/горсоветом – Ачинский горсовет [18, л. 118].

Вместе с тем председатель Красноярского краевого совета Осоавиахим капитан Н.И.Полянский в этот период отмечал, что на местах в большинстве случаев «планомерная лыжная подготовка» по утвержденной программе не проводилась и как правило вся работа ограничивалась сдачей норм ГТО [18, л. 129].

В 28 февраля 1941 года председатель ЦС Осоавиахим СССР генерал-майор П.П. Коболев довел новые, согласованные с Комитетом по делам физкультуры и спорта при СНК СССР, а также Исполнительным комитетом Союза обществ Красного креста и Красного полумесяца, требования по организации военно-физкультурной подготовки допризывной молодежи. Начиная с зимы 1941 года подготовка должна была вестись в системе Осоавиахим по специальной 176-часовой программе, в составе учебных групп, команд и отрядов. Основная часть времени (112 часов) отводилась на физическую подготовку, на медицинскую подготовку – 22 часа, на ПВХО – 14 часов, на стрелковую подготовку – 12 часов, на политподготовку, строевую подготовку – по 6 часов, на изучение уставов – 4 часа. При этом ответственность за проведение занятий с обучаемыми по ряду разделов учебного плана возлагалась на добровольные оборонные общества: за физическую подготовку в рамках комплекса ГТО – на физкультурные организации, за санитарную подготовку в рамках ГСО – на организации Российского общества Красного креста и Красного полумесяца. Осоавиахимовские организации отвечали за разделы строевой и стрелковой подготовок, уставов, ПВХО. В связи с этим местные советы общества получили задачу к 1 марта 1941 года принять под свое руководство все созданные к этому времени в районах при прочих добровольных обществах группы, команды и отряды призывников, после чего перевести их на обучение по единой 176 часовой программе. Ответственность за полноту охвата юношей военно-физкультурной подготовкой возлагалась на председателей райсоветов Осоавиахим и командиров учебных подразделений [18, л. 90-92].

С 20 мая 1941 года на базе располагавшегося в районе Дома отдыха полевого лагеря Красноярского стрелкового учебного центра Осоавиахим, началась переподготовка стрелков – членов общества, ранее успешно прошедших военное обучение в первичных организациях по комплексным программам 1940 года. Целями этой переподготовки были: закрепление ранее полученных военных знаний, привитие навыков действий в составе стрелковых подразделений (отделений, взводов, рот), подготовка учебных групп и отрядов к 24-й годовщине Октябрьской революции. В связи с этим планировалась разделить подготовку на пять периодов: 1-й – одиночная подготовка; 2-й – 4-й – подготовка в составе учебной группы, команды, отряда; 5-й – военизированные походы и маневры. Учебно-материальная база лагеря располагала 800-метровым винтовочным стрельбищем, 100-метровым тиром, полосой препятствий для отработки штыкового боя, а так же гимнастическим и спортивным городком [18, л.109].

К началу войны подготовка стрелковых кадров в крае велась в 2907 учебных группах, 392 командах и 60 отрядах, из которых 97% групп, 99% команд и 100% отрядов готовили по нормам воршиловских стрелков. В их обучении был задействован значительный контингент командного состава пребывавшего в запасе: младших командиров – 2049 человек, среднего комсостава – 390 и старшего комсостава – 22 человека. Для практических стрельб использовалось 62 25-метровых тиров, 73-50-метровых, 35-100-метровых, 31 200-метровых стрельбищ, 37-300-метровых и 27 стрельбищ с глубиной не менее 600 метров [18, л. 53].

Кроме того, к этому времени материальная база Осоавиахим в Красноярском крае включала в себя: 3225 учебных и 153 боевых винтовок, 2247 малокалиберных винтовок, 102 учебных и 9 боевых ручных пулеметов, 16 учебных и 3 боевых станковых пулеметов, около 70000 боевых патронов к ним, 7216 противогазов [18, л. 34].

В то же время подготовка снайперов осложнялась крайне слабой учебно-материальной базой, сосредоточенной в основном в Красноярском учебно-стрелковом центре. Во всем крае имелось всего 5 снайперских винтовок, из которых исправными было только 3 шт., остро не хватало биноклей и дальномеров [18, л. 94].

Значительные организационные сложности накануне войны существовали и в вопросе обучения авиационных специалистов (смотри табл. 4). Так, подготовку планеристов, которая велась только в Красноярском аэроклубе, не удалось полностью завершить, из-за невозможности орга-

низывать полеты курсантов. Здесь отсутствовало оборудование для автостарта, включавшее в себя автомобиль и трос. В связи с этим прошедшая теоретическое обучение и наземную подготовку группа была частично переквалифицирована в пилоты, а частично – распушена [18, л. 107].

В свою очередь низкий процент выполнения Красноярским крайсоветом Осоавиахима контрольного задания на 1941 год по подготовке парашютистов объясняется:

во-первых, сложностью комплектования учебных групп, обусловленной принципом обучения без отрыва от производства и наличием всего одного инструктора в каждом из трех авиаклубов;

во-вторых, призывом значительной части обучаемых в армию после начала войны (85 человек в Черногорске и 33 человека в Канске);

в-третьих, крайне недостаточным количеством самих парашютов (например, в Красноярске их имелось всего шесть штук).

Не смотря на имевшиеся организационные трудности, за пять предвоенных месяцев 1941 года в системе Осоавиахим Красноярского края было подготовлено 21024 ворошиловских стрелка, 380 пулеметчиков, 105 стрелков из пистолета, более 300 шоферов, 25 мотоциклистов, 72 специалиста связи, 24 кавалериста и 32 моряка [18, л. 52]. Кроме того более 30 тыс. человек прошли подготовку по программе ПВХО.

Выводы

Таким образом, накануне Великой Отечественной войны деятельность Осоавиахима в Краснояр-

ском крае строилась в рамках необходимости укрепления обороноспособности СССР в условиях возросших угроз вооруженного нападения со стороны капиталистических государств и была направлена на увеличение охвата членством в обществе населения края (в том числе за счет роста численности первичных организаций) и активное вовлечение его в оборонно-массовую работу.

Основными видами оборонно-массовой работы Осоавиахима в крае в период 1939-1941 гг. являлись подготовка стрелковых кадров и обучение населения к сдаче норм на значок «Готов к ПВХО». Вместе с тем наблюдалась устойчивая тенденция не только к ежегодному увеличению контрольного задания, но и к расширению перечня военно-учетных специальностей.

Являясь основным механизмом внеармейской военной подготовки населения в условиях разгоравшегося пожара Второй мировой войны, система Осоавиахима Красноярского края внесла значительный вклад в дело укрепления обороноспособности страны. Только за два предвоенных года в первичных организациях и на военно-учебных пунктах оборонного общества было подготовлено 111,8 тыс. человек по программе ПВХО, 36,2 тыс. ворошиловских стрелков, 0,6 тыс. пулеметчиков, 0,5 тыс. стрелков-инструкторов, более 0,2 тыс. стрелков-пистолетчиков. Помимо этого было подготовлено 336 пилотов, 341 парашютист, 250 ворошиловских всадников, 499 шоферов, более 600 человек получили значок «Моряк».

Список источников

1. Мосеев В.И. Военно-патриотическое воспитание и подготовка молодежи к защите Отечества в 1921-1941 гг.: На материалах Петрограда-Ленинграда и Ленинградской области: автореф. дис. ... канд. ист. наук. С-Петербург, 2002. 26 с.
2. Дудич И.С. Деятельность государственных органов и общественно-политических организаций по подготовке молодежи к защите Родины во второй половине 1930-х – июне 1941 годов: на примере Смоленской, Калининской и Орловской областей: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2009. 30 с.
3. Зарипов Р.Р. Становление и развитие системы добровольных оборонных организаций Татарстана в советский период: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2010. 20 с.
4. Пузырев А.Ю. Военная подготовка гражданского населения СССР накануне Великой Отечественной войны: на материалах Тамбовской области 1937-1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2010. 24 с.
5. Кублова С.А. Деятельность государственных органов, партийных структур и общественных организаций Курского края по подготовке боевых резервов для Красной Армии в 1921 – первой половине 1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2012 г. 24 с.
6. Заводсков И.Н. Военно-патриотическое воспитание молодежи в 1929-1941 гг.: на материалах Ульяновской области: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ульяновск, 2024. С. 22.
7. Могутнов А.В. Оборонно-массовая работа государственных органов и общественных организаций Южного Зауралья в межвоенный период и в годы Второй мировой войны: 1920-е – 1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2011. 32 с.
8. Тихомирова Т.В. Осоавиахим в 1927-1948 гг.: на материалах Верхнего Поволжья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2011. 24 с.

9. Богуцкий А.В. Оборонно-массовая работа в Алтайском крае накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1938-1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2001. 25 с.
10. Бавыкин Ю.А. История оборонных обществ Восточной Сибири: 1921-1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2009. 34 с.
11. Теплухин В.В. Оборонно-массовая работа партийно-советских органов и общественных организаций с населением Иркутской области в 1920-х – 1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2011. 24 с.
12. Суханов С.В. Вневойсковая подготовка населения Иркутской области накануне и в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2018. 23 с.
13. Фомина Н.В. Становление и развитие военного образования в Дальневосточном регионе Советского государства: 1922-1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2007. 29 с.
14. Сиянов В.Г. Оборонно-массовая работа с молодежью Дальнего Востока в 1922-1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2011. 28 с.
15. Гарин Е.Н. Оборонно-массовая работа партийно-государственных и общественных организаций Красноярского края (1939-1940 гг.) // Военно-исторический журнал, 2020. № 9. С. 67 – 71.
16. Кулабухов Н.С. Роль Дальневосточного Осоавиахима в подготовке гражданского населения к защите Родины в 1930-е-1941 гг. // Общество: философия, история, культура. 2020. № 6. С. 129 – 134.
17. Минаков А.С. Оборонно-массовая работа и военная подготовка в СССР в предвоенный период // Власть. 2013. № 7. С. 168 – 170.
18. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.П-26. Оп. 3. Д. 221.
19. ГАКК. Ф.П-26. Оп. 3. Д. 235.
20. О всеобщей воинской обязанности: Закон СССР от 1 сентября 1939 года // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc &base=ESU&n=5955#Mj2vcYUGGpvmX7I61> (дата обращения: 15.09.2024)
21. Пузырев А.Ю., Слезин А.А. Военная подготовка призывников и организация призывов в РККА накануне Великой Отечественной войны // Вестник ТГТУ. 2010. Т. 16. № 2. С. 479 – 489.
22. ГАКК. Ф.П-26. Оп. 1. Д. 912.
23. ГАКК. Ф.П-26. Оп. 3. Д. 223.
24. ГАКК. Ф.П-26. Оп. 1. Д. 928.
25. ГАКК. Ф.П-26. Оп. 1. Д. 774.

References

1. Moseev V.I. Military-patriotic education and training of young people to defend the Fatherland in 1921-1941: Based on materials from Petrograd-Leningrad and the Leningrad region: author's abstract. diss. ... candidate of historical sciences. St. Petersburg, 2002. 26 p.
2. Dudich I.S. Activities of state bodies and socio-political organizations to prepare young people to defend the Motherland in the second half of the 1930s – June 1941: based on the example of the Smolensk, Kalinin and Oryol regions: author's abstract. diss. ... candidate of historical sciences. Moscow, 2009. 30 p.
3. Zarirov R.R. Formation and development of the system of voluntary defense organizations of Tatarstan in the Soviet period: author's abstract. diss. ... candidate of historical sciences. Kazan, 2010. 20 p.
4. Puzyrev A.Yu. Military training of the civilian population of the USSR on the eve of the Great Patriotic War: based on the materials of the Tambov region in 1937-1941: author's abstract. diss. ... candidate of historical sciences. Tambov, 2010. 24 p.
5. Kublova S.A. Activities of state bodies, party structures and public organizations of the Kursk region in preparing combat reserves for the Red Army in 1921 – first half of 1941: author's abstract. diss. ... candidate of historical sciences. Kursk, 2012. 24 p.
6. Zavodskov I.N. Military-patriotic education of youth in 1929-1941: based on the materials of the Ulyanovsk region: author's abstract. diss. ... candidate of historical sciences. Ulyanovsk, 2024. P. 22.
7. Mogutnov A.V. Defense-mass work of state bodies and public organizations of the Southern Trans-Urals in the interwar period and during the Second World War: 1920s – 1945: author's abstract. diss. ... candidate of historical sciences. Chelyabinsk, 2011. 32 p.
8. Tikhomirova T.V. Osoaviakhim in 1927-1948: based on the materials of the Upper Volga region: author's abstract. diss. ... candidate of historical sciences. Ivanovo, 2011. 24 p.
9. Bogutsky A.V. Defense-mass work in the Altai Territory on the eve and during the Great Patriotic War, 1938-1945: author's abstract. diss. ... candidate of historical sciences. Barnaul, 2001. 25 p.

10. Bavykin Yu.A. History of Defense Societies of Eastern Siberia: 1921-1941: author's abstract. diss. ... candidate of historical sciences. Ulan-Ude, 2009. 34 p.
11. Teplukhin V.V. Defense-mass work of party-Soviet bodies and public organizations with the population of the Irkutsk region in the 1920s – 1941: author's abstract. diss. ... candidate of historical sciences. Irkutsk, 2011. 24 p.
12. Sukhanov S.V. Extra-military training of the population of the Irkutsk region on the eve and during the Great Patriotic War: author's abstract. diss. ... candidate of historical sciences. Irkutsk, 2018. 23 p.
13. Fomina N.V. Formation and development of military education in the Far Eastern region of the Soviet state: 1922-1945: author's abstract. dis. ... candidate of historical sciences. Komsomolsk-on-Amur, 2007. 29 p.
14. Siyanov V.G. Defense-mass work with the youth of the Far East in 1922-1941: author's abstract. dis. ... candidate of historical sciences. Moscow, 2011. 28 p.
15. Garin E.N. Defense-mass work of party-state and public organizations of the Krasnoyarsk Territory (1939-1940). Military-historical journal, 2020. No. 9. P. 67 – 71.
16. Kulabukhov N.S. The role of the Far Eastern Osoaviakhim in preparing the civilian population to defend the Motherland in the 1930s-1941. Society: philosophy, history, culture. 2020. No. 6. P. 129 – 134.
17. Minakov A.S. Defense-mass work and military training in the USSR in the pre-war period. Power. 2013, No. 7. P. 168 – 170.
18. State Archives of the Krasnoyarsk Territory (GAKK). F.P-26. Op. 3. D. 221.
19. GAKK. FP-26. Op. 3. D. 235.
20. On universal military service: Law of the USSR of September 1, 1939. ConsultantPlus: website. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc &base=ESU&n=5955#Mj2vcYUGGpvmX7I61> (accessed: 09/15/2024)
21. Puzyrev A.Yu., Slezin A.A. Military training of conscripts and organization of conscription in the Red Army on the eve of the Great Patriotic War. Bulletin of TSTU. 2010. Vol. 16. No. 2. P. 479 – 489.
22. GAKK. FP-26. Op. 1. D. 912.
23. GACC. F.P-26. Op. 3. D. 223.
24. GACC. F.P-26. Op. 1. D. 928.
25. GACC. F.P-26. Op. 1. D. 774.

Информация об авторе

Калинин О.Н., Сибирский федеральный университет, OKalinin2006@yandex.com

© Калинин О.Н., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 347.993"18"(47+57)

Мемориализация маршрута выхода из окружения ударной группировки 33-й армии под командованием генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова

¹ Штена А.В.,

¹ Сапожников М.В.,

¹ Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Аннотация: в статье на основе использования документов из фондов Центрального архива Министерства обороны РФ, журналов боевых действий и военных дневников подразделений германского вермахта анализируются вопросы, связанные с установлением истинного места гибели группы войск 33-й армии и командующего армией генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова. В течение двух с половиной месяцев с начала февраля по апрель 1942 г. соединения 33-й армии в условиях острой нехватки боеприпасов, горючего, фуража, продовольствия, скудно снабжаясь воздушным транспортом, вели в районе г. Вязьмы Смоленской области тяжелейшие бои в окружении с немецкими войсками, не только обороняясь, но и контратакуя. Истощив боевой потенциал, вечером 13 апреля 1942 г. генерал-лейтенант М.Г. Ефремов принял решение идти на прорыв с частью войск 33-й армии, сосредоточившись в Шпыревском лесу (район урочища Шпырёво Тёмкинского района Смоленской области). Свой последний бой командарм М.Г. Ефремов принял 19 апреля 1942 г. Долгое время точное место его гибели и офицеров штаба 33-й армии оставалось неизвестным, хотя одним из первых, кто пытался его найти ещё в 1943 г. был сын командарма – Ефремов Михаил Михайлович. Однако активные поиски начались в 1970-е гг. В статье результаты поисковой работы активистов поискового движения 1970–1980-х гг. и деятельности участников поискового общественного объединения имени М.П. Краснопивцева и Калужской областной военно-патриотической общественной организации «Военный историк» в наши дни описаны с учётом применяемых поисковиками различных методик (полевого обследования местности, архивных изысканий, опроса местных жителей), позволивших реконструировать маршрут движения группы М.Г. Ефремова по выходу из окружения и уточнить место гибели командарма 33-й армии.

Ключевые слова: 33-я армия, генерал-лейтенант М.Г. Ефремов, мемориализация событий Великой Отечественной войны, битва за Москву, поисковое движение

Для цитирования: Штена А.В., Сапожников М.В. Мемориализация маршрута выхода из окружения ударной группировки 33-й армии под командованием генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 2. С. 29 – 38.

Поступила в редакцию: 11 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 12 января, 2025 г.; Принята к публикации: 3 марта 2025 г.

Memorialization of the route out of the encirclement of the 33rd Army strike group under the command of Lieutenant General M.G. Yefremov

¹ Shtepa A.V.,

¹ Sapozhnikov M.V.,

¹ Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

Abstract: based on the use of documents from the funds of the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation, combat logs and military diaries of units of the German Wehrmacht, the article analyzes issues related to the establishment of the true place of death of the group of troops of the 33rd Army and the commander of the army, Lieutenant General M.G. Yefremov. For two and a half months from the beginning of February to April 1942, formations of the 33rd Army, in conditions of acute shortage of ammunition, fuel, fodder, and food, were poorly supplied by air transport. Vyazma, Smolensk region, had the heaviest battles surrounded by German troops, not only defending, but also counterattacking. Having exhausted its combat potential, on the evening of April 13, 1942, Lieutenant General M.G. Yefremov decided to break through with part of the 33rd Army, concentrating in the Shpyrevsky forest (near the Shpyrevo tract of the Temkinsky district of the Smolensk Region). Commander M.G. Yefremov took his last battle on April 19, 1942. For a long time, the exact place of his death and the officers of the 33rd Army staff remained unknown, although one of the first to try to find him back in 1943. There was a son of the commander, Mikhail Mikhailovich Efremov. However, active searches began in the 1970s. The article describes the results of the search work of activists of the search movement of the 1970s and 1980s and the activities of members of the M.P. Krasnopivtsev search public association and the Kaluga regional military-patriotic public organization "Military Historian" in our days, taking into account the various methods used by search engines (field survey of the area, archival surveys, surveys of local residents), which allowed reconstructing the route. the movements of the M.G. Yefremov group on leaving the encirclement and to clarify the place of death of the commander of the 33rd army.

Keywords: 33 Army, Lieutenant General M.G. Efremov, memorialization of the events of the Great Patriotic War, the Battle for Moscow, search movement

For citation: Shtepa A.V., Sapozhnikov M.V. Memorialization of the route out of the encirclement of the 33rd Army strike group under the command of Lieutenant General M.G. Yefremov. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (2). P. 29 – 38.

The article was submitted: November 11, 2024; Approved after reviewing: January 12, 2025; Accepted for publication: March 3, 2025.

Введение

Многие события Великой Отечественной войны по разным причинам оказались не отражёнными должным образом в истории нашего государства. Особое место среди них занимает подвиг бойцов и командиров 33-й армии во время зимних и весенних боёв 1942 г., незаслуженно забытый, и практически не исследовавшийся официальной историографией советской эпохи. Особенно трагичным стал период прорыва из немецкого кольца частей и соединений 33-й армии, в ходе которого многие бойцы и командиры во главе со своим командующим генерал-лейтенантом М.Г. Ефремовым Героем Российской Федерации (посмертно) пали смертью храбрых, или были пленены.

Данный факт стал одной из главных причин того, что обстоятельства гибели 33-й армии долгие годы после окончания войны были неизвестны, или крайне противоречивы. Но уже в первой по-

ловине мая 1942 года делались попытки провести детальное расследование случившегося, которое осуществлял старший помощник начальника Западного направления оперативного управления Генерального штаба Красной Армии К.Ф. Васильченко [10, лл. 1-15]. Однако тяжёлое положение на фронте в то время затмило весь ход расследования и заставило И.В. Сталина на время забыть о подвиге западной группировки 33-й армии. А после войны советские историки приступили к описанию победных сражений и никому не хотелось акцентировать внимание на поражениях первоначального периода войны, которых было немало. Однако отметим, что краеведы и различные исследователи привлекали к этой теме советские партийные и местные органы, но существовавшая в стране в послевоенные и последующие годы цензура не позволяла рассказать всю правду об обстоятельствах гибели командарма 33-й армии,

его бойцов и командиров. Таким образом трагедия, постигшая западную группировку 33-й армии, оказалась забыта надолго.

Материалы и методы исследований

В статье рассматриваются проблемы, связанные с установлением и мемориализацией маршрута продвижения, места последнего боя и гибели группы войск 33-й армии под командованием генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова. Описаны практические подходы в установлении предполагаемого маршрута движения ефремовцев и действия войск противника. Авторы использовали аналитический метод исследования при изучении воспоминаний участников боёв, материалов опроса местного населения (о возможных пунктах привалов, сделанных советскими бойцами на маршруте, боестолкновениях с фашистами), документов, извлеченных из фондов ЦАМО РФ, Bundesarchiv (Германия) и NARA (США). Метод синтеза позволил объединить отдельные разрозненные элементы воспоминаний ветеранов, показаний местных жителей, документальных сведений из архивов в единое целое, получить общее, наиболее полное представление о событиях, происходивших на маршруте движения группы М.Г. Ефремова, что позволило сузить масштабы исследования территории и более точно определить маршрут выхода из окружения. Использовались и результаты проведенного в апреле 2009 г. одним из авторов статьи М.В. Сапожниковым совместно с другими членами КО ВПОО «Военный историк» и ПОО имени М.П. Краснопивцева эксперимента – продвижению по предполагаемому маршруту движения бойцов 33-й армии, позволившего уточнить некоторые детали происходивших в апреле 1942 г. трагических событий.

Результаты и обсуждения

Значимую роль в изучении затронутой в статье проблемы, связанной с увековечением памяти бойцов и командиров 33-й армии принадлежит энтузиастам поискового движения, среди которых следует отметить нашего земляка из г. Кондрово Дзержинского района Калужской области А.Н. Краснова.

Подчеркнём, что с поисковых экспедиций, так называемых «красных следопытов», а в последствии участников официального поискового движения, началась история в исследовании трагического периода западной группировки 33-й армии. Именно А.Н. Краснов со своим сподвижником С.Д. Митягиным (сыном начальника 4-го отделения штаба 338-й стрелковой дивизии 33-й армии капитана Д.Н. Митягина, погибшего при выходе из окружения) один из первых начал возвращать «из небытия» имена и фамилии героически погиб-

ших воинов 33-й армии. Поисковики в тот период были сильно ограничены в возможности использования архивных материалов, поскольку на многих документах лежал, и до сих пор лежит гриф секретности. Однако «красных следопытов» 1960–70-х гг. было одно бесспорное преимущество в деле поиска, поскольку многие сведения о событиях выхода из окружения ударной группировки 33-й армии они могли получить, что называется «из первых уст», т. е. непосредственно от участников боевых действий, которым удалось в апреле 1942 г. остаться в живых, выйти в расположение советских войск и оставить свои воспоминания. Именно они легли в основу организации деятельности первого поискового отряда из г. Кондрово, которым руководил А.Н. Краснов, а затем они были использованы в книге Ю.Б. Капусто «Последними дорогами генерала Ефремова» [5], которая станет настоящим настольным пособием для всех последующих исследователей обстоятельств гибели западной группировки войск 33-й армии.

На обложке указанной книги изображена карта-схема примерного маршрута выхода из окружения группы М.Г. Ефремова, созданная по рассказам очевидцев. С этой схемы и начнётся активное изучение поисковиками зоны действия ударной группировки 33-й армии по поиску незахороненных воинов, результатом которых станет появление официальных захоронений, места под которые А.Н. Краснову придётся буквально «пробивать» у местных партийных и советских органов [5, с. 31]. Так, одной из первых появится братская могила на окраине деревни Слободки Угранского района Смоленской области, где будут захоронены останки 297 бойцов и командиров Рабоче-крестьянской Красной армии [17], большинство из которых были обнаружены в районе дороги между деревней Беляево и урочищем Буслава Угранского района Смоленской области, там, где в ночь с 13 на 14 апреля 1942 г. произошёл первый бой выходивших из окружения ефремовцев [18].

Немного позже появится обелиск с братским захоронением 253 воинов у урочища Горнево Юхновского района Калужской области. Он также является детищем «красновских» поисковиков и неравнодушных жителей пос. Ступино Московской области под руководством Г.С. Короткова [11].

Стоит отметить, что благодаря инициативной группе под руководством Г.С. Короткова, только на калужской земле было установлено более 10 обелисков и памятных знаков на местах героической гибели воинов Красной армии. Его инициативная группа, участвуя в туристических походах с начала 1960-х гг., получала информацию от

местных жителей и собрала немало документальных сведений о событиях 1941-1943 гг. на территории Калужской и Смоленской областей. Данные результаты частично отражены Г.С. Коротковым в книге «Нержавеющая память» [6].

Упомянув обелиск с братским захоронением у уроч. Горнево Юхновского района Калужской области, мы подошли к проблеме, касающейся не только маршрута выхода М.Г. Ефремова из окружения, но и установления фактического места последнего боя его штабной группы. До определённого момента это место было условным. Ещё в 1943 г. сын командарма М.Г. Ефремова – Михаил Михайлович Ефремов, приехавший на место захоронения отца в с. Слободку Угранского района Смоленской области, с помощью местных жителей пытался найти место последнего боя и гибели штабной группы ефремовцев [15, с. 38, 39]. Считалось, что командарм принял последний бой где-то поблизости от указанного обелиска, на котором вполне ясно было указано: «Здесь 19 апреля 1942 года в огненном кольце врага героически погиб командующий 33-й армией генерал-лейтенант Ефремов Михаил Григорьевич» [11]. Но, как оказалось, это не так.

Документальное подтверждение факта, что группа командарма погибла в другом месте, появилось в 2009 г., когда поисковиками КО ВПОО «Военный историк» в Bundesarchiv (Германия) была найдена дивизионная карта-схема выхода группы М.Г. Ефремова из окружения, а на ней с немецкой педантичностью были нанесены географические точки (с указанием времени и даты) по которым проходила группа командарма, вплоть до места, указанного стрелкой с отметкой «19.4». Далее этой отметки путь движения группы прерывался [18].

Стоит сказать, что несколько позже одним из исследователей истории трагедии 33-й армии В.М. Мельниковым в архиве NARA (США) была найдена корпусная карта-схема, а также многочисленные протоколы допросов советских военнопленных – бойцов армии М.Г. Ефремова.

Маршрут движения группы М.Г. Ефремова, отражённый в указанных документах, необходимо было тщательно изучить, с целью его фактического подтверждения или, наоборот, возможного опровержения. Поисковикам удалось обнаружить несекретные карты крупного масштаба 1:500 (но без координатной сетки и указанных на карте высот и рельефа местности), которые были впоследствии адаптированы для работы со спутниковым навигатором. Наличие этих карт, карты-схемы, опубликованной на обложке книги Ю.Б. Капусто, служившей примерным ориентиром, позволяло

методом картографии сравнивать их с имеющейся дивизионной картой-схемой выхода группы М.Г. Ефремова из окружения, обнаруженной в Bundesarchiv (Германия).

Для изучения предполагаемого маршрута ефремовцев привлекались и данные немецкой аэрофотосъёмки военного периода, полученной из архива NARA (США), позволявшие увидеть особенности рельефа местности по состоянию на апрель-май 1942 года. Так, например, при изучении аэрофотосъёмки местности у дер. Новая Михайловка Юхновского района Калужской области были вскрыты позиции замаскированных, закопанных, как правило, по башню немецких танков, которые вели огонь в направлении движения ефремовцев, а также реконструирован маршрут по которому советские бойцы могли возвращаться после неудачной попытки форсирования р. Угры в районе дер. Хохловка Юхновского района Калужской области.

Собранные и проанализированные данные помогли в дальнейшем выбрать наиболее перспективный участок для поиска. Значительную помощь аэрофотосъёмка оказала и при подтверждении места последнего боя и героической гибели командарма, поскольку сведения с неё сопоставлялись с воспоминаниями выживших ветеранов-ефремовцев и информацией, извлечённой из протоколов допроса военнопленных.

Приведём примеры сложностей, с которыми пришлось столкнуться при сравнении информации из советских документов и документов вермахта.

Поскольку многие фонды Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации длительное время были закрыты не только для любителей военной истории, но и для специалистов, то основным документом, дающим некоторое представление об исследуемых событиях, по-прежнему, является доклад: «Описание операции 33-й армии по овладению городом Вязьма с 20.2 по 20.4.42», подготовленный через месяц после трагедии начальником штаба 33-й армии С.И. Киносяном, военным комиссаром штаба 133-й стрелковой дивизии 33-й армии Н.И. Коншиным и заместителем начальника оперативного отдела П.Ф. Толстиком [9].

Определённую ценность представляют объяснительные, написанные командирами и красноармейцами, которым удалось тогда вырваться из вражеского окружения врага [8, лл. 57-185], но они изрядно политизированы в духе требований того периода времени. Также в них редко упоминается привязка к местности, что не позволяет поисковикам без дополнительной информации понять суть происходящего на определённом её участке. Даже в советских

наградных документах не всегда указаны населённые пункты, где совершались воинские подвиги.

В документах вермахта также встречаются существенно завышенные данные как о безвозвратных потерях противника, так и результате боя. Часто присутствуют такие словосочетания, как «практически уничтожен», «безусловно повержен», «бежали с поля боя» и другие.

Ещё одним моментом в разночтении советских и немецких документов является разность во времени совершения события, так как немцы указывали в источниках время берлинское, а в документах РККА отражалось время московское или местное, что приводило к необходимости вносить существенные поправки.

Необходимо ещё учитывать специфику использования военной терминологии при переводе документов вермахта на русский язык, содействие в этом вопросе было оказано сотрудниками кафедры немецкого языка Института иностранных языков Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского [13; 16, с. 123-124]. Отметим, что практически вся немецкая документация отпечатана на машинке, что позволило эффективно распознавать текст и переводить его без искажений. Советские документы до первой половины 1943 г., чаще оформлялись писарями, не всегда обладавшими каллиграфическим почерком. Особенно трудности возникают в ходе изучения списков погибших и без вести пропавших, где порой приходится проверять несколько возможных вариантов в написании сведений о солдатах.

Однако, именно земля и то, что находится в ней, всегда были и остаются для поисковиков главным мерилем и фактическим подтверждением происходящего в этой местности. Но случается и так, что на определённых участках не удается обнаружить следы боя, несмотря на то что участники тех событий в своих воспоминаниях утверждают, что он был именно тут. Так, при исследовании местности с помощью металлодетекторов и имеющейся карты-схемы между дер. Малая Буславка и Староселье Угранского района Смоленской области поисковики обнаружили лишь отдельные малозначительные подтверждения в виде нескольких советских винтовочных гильз и небольшого количества осколков от минометных мин. Но благодаря проведённой работе с местным населением выяснилось, что в середине 1960-х гг. на этом участке местным колхозом проводилась масштабная выборка верхового плодородного слоя грунта для тепличных нужд. Учитывая это обстоятельство при повторном обходе исследуемого участка

местности, поисковики в обнаруженных старых отвалах земли, характерных для работы здесь бульдозерной техники, вскрыли значительное количество осколков от снарядов и сопутствующих металлических предметов, принадлежавших советским солдатам.

В ходе полевых исследований и архивных изысканий, удалось выяснить, что собравшись в Шпырёвском лесу (район урочища Шпырёво Тёмкинского района Смоленской области) в количестве около 9000 бойцов и командиров (из них – 2193 раненых и больных) [18; 4, лл. 149-150], войска двинулись на выход из окружения в ночь с 13 на 14 апреля 1942 года. Первое мощное боестолкновение с противником – частями 17 пехотной, 20 танковой и с артиллерией 131 пехотной дивизии произошло при пересечении ефремовцами лесной дороги между дер. Беляево и Буслава Угранского района Смоленской области, в ходе которого командарм М.Г. Ефремов получил своё первое ранение. Далее события развивались таким образом, что наши воины были вынуждены маневрировать на довольно широком участке этой дороги для того, чтобы суметь её преодолеть под ураганным огнём противника. Это место обозначено на карте-схеме вермахта [18], и именно здесь, по сравнению с другими участками дороги, присутствует наибольшая концентрация металлических предметов в виде стреляных гильз от вооружения солдат вермахта и РККА, осколков от артиллерийских боеприпасов. Воспоминания оставшихся в живых ветеранов, в частности майора П.Ф. Толстикова дополняют сведения о событиях утра 14 апреля 1942 г. в месте пересечения Беляево-Буславской дороги, что является несомненным подтверждением и точкой начала боестолкновений по маршруту движения группы М.Г. Ефремова [16, с. 116-118].

Данная местность, как и участок дороги на всём её протяжении были предметом неоднократных исследований ряда поисковых групп в течение продолжительного времени, результатом которых стало обнаружение ранее не захороненных останков погибших советских солдат. Только поисковая группа А.Н. Краснова в начале 1970-1980-х гг. перенесла и захоронила с почестями из этого района более 500 солдат в две братские могилы в районе дер. Горнево Юхновского района Калужской области [11] и дер. Слободка Угранского района Смоленской области [16].

Далее маршрут группы М.Г. Ефремова от реки Угра до участка местности северо-восточнее дер. Ключик был подтверждён в процессе проведения поисковых экспедиций по такому же алгоритму действий. На этой части маршрута, обозначенного

на карте-схеме, также были обнаружены следы боя.

Позднее были определены участки местности, на которых группа М.Г. Ефремова вынуждена была совершать привалы. Именно места привалов, а всего по маршруту движения группы М.Г. Ефремова их не менее пяти (1-й – у дер. Родня; 2-й – севернее дер. Малая Буславка; 3-й – ночной – севернее, северо-западнее дер. Ново-Михайловка (дважды); 4-й – между дер. Большое Веселёво и Хохловка, 5-й – севернее дер. Ключик), с нашей точки зрения, были и остаются одними из значимых показателей, подтверждающих движение по определённым участкам местности [16, с. 119, 120, 121, 122].

В воспоминаниях ветеранов отмечалось, что на привалах командарм рекомендовал кроме отдыха ещё и захоранивать погибших и умерших от ран на пути движения [16, с. 120]. Однако на сегодняшний день в этих местах пока не удалось обнаружить неучтённые братские захоронения.

Ещё одна характерная черта маршрута выхода советских бойцов из окружения состоит в том, что на большей его части присутствует множество осколков от артиллерийских снарядов (преимущественно минометных мин), свидетельствующих о плотности ведения огня и его продолжительности, а также о том, что немцы достаточно чётко контролировали продвижение группы М.Г. Ефремова, поскольку отклонение вправо-влево от основной линии движения на маршруте не далее, чем на сто метров, кратно снижало плотность обнаружения снарядных осколков. На отдельных участках в стороне от дорог поисковики находили немецкие гильзы от сигнального пистолета.

Завершение маршрута обозначено на немецкой карте-схеме точкой со значением «19.4». Согласно немецким данным (донесение 268-й пехотной дивизии) от 19 апреля 1942 г. на участке леса к западу – юго-западу от дер. Дегтянки Юхновского района Калужской области произошёл ожесточённый бой с отрядом русских в количестве 200 человек, среди которых было много офицеров. А в документе от 20 апреля указано, что в уничтоженной днём ранее «вражеской группировке 33 армии численностью более 100 человек, находился командующий армией генерал Ефремов. Когда его положение стало безнадежным, генерал застрелился» [Цит. по: 15, с. 40, 41].

В условиях проведённого поиска на указанной местности было обнаружено большое количество гильз от различного стрелкового оружия, серебряные часы, которыми командарм награждал отличившихся солдат в дер. Шпырево Тёмкинского района Смоленской области,

множество личных вещей и фрагментов обмундирования бойцов и командиров РККА. Но самыми значимыми находками стали гильза и три патрона калибра 6,35x15,5, а также кобура от пистолета ТК – Тульский Коровина. Данные пистолеты считались статусными для высшего командного состава РККА и высокопоставленных партийных чиновников, и были скорее не столько оружием самозащиты, сколько средством сохранения воинской чести путём возможного самоубийства, позволявшего избежать позорного попадания в плен.

Приведем выдержки из акта судебно-медицинского вскрытия трупа командарма М.Г. Ефремова от 25 апреля 1943 г.: «...в правой височной области, несмотря на значительную мацерацию кожи, обнаруживается рана круглой формы, диаметром около 7,5 мм, с почерневшими осаднёнными краями. В области чешуи правой височной кости, вблизи ламбовидного шва, на 2,5 см выше скуловой дуги имеется отверстие круглой формы с ровными краями диаметром 7,5 мм...» В заключении указано, что «...выстрел произведён с близкого расстояния короткоствольным оружием среднего боя калибром около 7,5 мм...» [Цит. по: 7, с. 595-596]. Принимая во внимание вышеизложенное, имеется вероятность, что эксперты в акте могли указать примерный калибр с допустимой ошибкой в 1 мм. С учётом начавшегося разложения трупа командарма эта ошибка вполне допустима.

При исследовании окружающей местности, поисковики обнаружили несколько раскопов ориентировочно двадцатилетней давности, напоминающих санитарные захоронения, в отвалах которых нами были найдены фрагменты человеческого скелета, в том числе и крупные кости, скорее всего не были разграблены мародёрами – «чёрными копателями». Стало ясно, что до нас здесь уже побывали [14]. Примечательно, что сын командарма Михаил Михайлович, приезжал на место последнего боя своего отца, которое ему указывали местные жители, сам отмечал наличие в этом месте нескольких санитарных захоронений от которых происходил трупный запах [15, с. 38].

При осмотре прилегающей местности в лесу, южнее дер. Тарасовка Юхновского района Калужской области и юго-западнее дер. Дегтянка (бывшей Кочки) Юхновского района Калужской области, с северной стороны от сосны возле которой были обнаружены гильзы, патроны и кобура от пистолета ТК, на расстоянии 15-20 метров, поисковики обратили внимание на протяжённый, но не глубокий овраг шириной

около 5 метров. Сопоставляя полученную в ходе полевых экспедиций информацию с архивными данными и воспоминаниями единственного свидетеля гибели командарма – Анатолия Сизова, будучи подростком принимавшего непосредственное участие в движении по маршруту выхода из окружения группы М.Г. Ефремова, утверждавшего, что он в ходе последнего боя вместе с двумя девушками военнослужащими лежал неподалёку от командарма в небольшом овражке, когда на них с поля шли шеренгой немецкие солдаты, поисковики убедились в установлении фактического места гибели легендарного командарма. По утверждению Анатолия Сизова, которого разыскал в 1984 г. С.Д. Митягин, по окончании боя он подошёл к трупу командарма, сидевшему у сосны, и взял у него два пистолета и с него же он снял планшетку с картой. Рядом у другой сосны сидел убитый офицер в меховом тулупе, у которого он тоже снял планшетку и из кармана вытащил часы [7, с. 633-634; 16, с. 123].

В ноябре 2017 г. на месте, где были обнаружены упомянутые гильзы и кобура от пистолета ТК, в рамках проекта «Война не закончена, пока не похоронен последний солдат» поддержанного Фондом президентских грантов [3], членами КО ВПОО «Военный историк» и ПОО имени М.П. Краснопивцева был установлен и в торжественной обстановке открыт памятный знак [2] в виде камня с закрепленной на нём информационной табличкой из нержавеющей стали с надписью: «Остановись прохожий! В этих местах 19 апреля 1942 года героически погиб командующий 33 Армией генерал-лейтенант Ефремов Михаил Григорьевич, офицеры штаба армии и другие войны армии, которые смогли прорваться из Шпыревского леса. Потомки, помните какой ценой завоёван мир на Земле! Вечная Память Героям!» (N 54.849583 E 34.913751).

Также аналогичные памятные знаки с кратким описанием происходящих в этих местах событий, были установлены в июне 2016 г. в окрестностях урочища Шпырево Тёмкинского района Смоленской области (N54°57'55.3109" E34°46'12.6452"), где группа М.Г. Ефремова сконцентрировалась для выхода на прорыв и на дороге между дер. Беляево и дер. Буслава Угранского района Смоленской области (N54°56'03.8273"; E34°46'32.3434"), где 14 апреля 1942 г. войсками 33-й армии был осуществлён прорыв кольца окружения (вокруг) Шпыревского леса, в результате которого погибли сотни бойцов и командиров Красной армии, в том числе немецкой артиллерией и минометами был разбит санитарный обоз армии, состоящий из 199

подвод, на которых размещались 2193 человека раненых и больных [4, лл. 149-150].

Кроме установки памятных знаков, материалы проведенных поисковых исследований были включены в состав военно-исторического туристского маршрута «Генеральский маршрут Калужской области» [1].

К нашему большому сожалению не всем свойственно сохранять Память, а иногда её приходится и охранять. В указанных районах в настоящее время активно ведутся работы по вырубке леса, в ходе которых зимой 2021 г. один из упомянутых памятных камней был повреждён гусеничной техникой. Поисковиками из ПОО имени М.П. Краснопивцева были приложены усилия, чтобы его восстановить и во избежание повторения таких случаев составлено обращение в администрацию Смоленской области с просьбой рассмотреть возможность внесения установленных памятных знаков в Перечень памятников истории и культуры Смоленской области [12].

Отметим, что большая работа по выяснению места гибели командарма 33-й армии была проведена В.М. Мельниковым, который также установил памятный крест в районе уроч. Дегтянка Юхновского района Калужской области с надписью: «Здесь, в районе д. Дегтянка, 19 апреля 1942 года приняла свой последний бой группа командующего 33-й армии генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова».

Впоследствии, при общении одного из авторов данной статьи М.В.Сапожникова с В.М. Мельниковым было выяснено, что аргументом в пользу становления места фактической гибели М.Г. Ефремова для исследователя были показания местного жителя из дер. Слободка Угранского района Смоленской области по фамилии Буданов, по памяти нарисовавшего примерное место гибели командарма, совпадающее с разницей не более чем 150 метров с данными, полученными в результате полевых исследований поисковиков из г. Калуги.

Также, в районе высоты 201,8 на пути группы М.Г. Ефремова из уроч. Шпырево, местным жителем из дер. Федотково Тёмкинского района Смоленской области Игорем Черниковым на камне была установлена табличка из нержавеющей стали с надписью: «На этом месте в Шпыревском лесу 15 апреля 1942 года фашистами был зверски уничтожен санитарный обоз 33-й Армии генерала Ефремова М.Г. Погибло более 3000 бойцов и мирных жителей. Вечная Память!».

Выводы

Благодаря практической и научно-исследовательской работе членов Калужской областной военно-патриотической общественной организации

«Военный историк» и поискового общественного объединения имени М.П. Краснопивцева удалось реконструировать маршрут движения группы М.Г. Ефремова по выходу из немецкого окружения. На основе анализа имеющихся данных в совокупности с проведением комплекса разведывательных экспедиций на изучаемой местности, следует подчеркнуть, что именно полевые находки и архивные изыскания участников поискового движения,

по сравнению с достижениями других исследователей, позволяют более аргументированно и убедительно, с большей точностью локализовать истинное место гибели Героя России (посмертно), легендарного командарма М.Г. Ефремова и офицеров штаба 33-й армии, героически погибших в неравном бою с немецко-фашистскими захватчиками 19 апреля 1942 года.

Список источников

1. Багдасарян А.С., Лыткин В.В. Военно-исторический туристский «Генеральский маршрут» Калужской области (Калуга – Климов завод) // Вестник Калужского университета. 2022. № 2. (55). С. 68 – 76.
2. В Юхновском районе поисковики установили место героической гибели Героя России // Весть. 2017. 20 ноября: офиц. сайт. URL: <https://m.vest-news.ru/news/105104> (дата доступа: 19.09.2024)
3. Война не окончена, пока не похоронен последний солдат // Портал фонда президентских грантов. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=6d7422ff-343d-4a0a-8526-7465aeece6bd1> (дата доступа: 19.09.2024)
4. Доклад полковника И.Г. Самсонова генерал-лейтенанту М.Г. Ефремову // Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО) РФ. Ф. 388 Оп. 8712. Д. 177.
5. Капусто Ю.Б. Последними дорогами генерала Ефремова: По следам вяземской трагедии 1942 г. М.: Политиздат, 1992. 286 с.
6. Коротков Г.С. Нержавеющая память. М.: Мол. гвардия, 1986. 167 с.
7. Мельников В.М. Последний бой генерала Ефремова. М.: Можайский полиграфический комбинат, 2016. 832 с.
8. Объяснения командиров и красноармейцев ударной группировки 33-й армии, вышедших из окружения // ЦАМО РФ. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 177.
9. Описание операции 33-й армии по овладению городом Вязьма с 20.2 по 20.4.42 // Сайт, посвященный подвигу и памяти бойцов 33-й армии. URL: https://33-army.ru/docs_33_a_wyazemskaja_operacija_00.html (Дата доступа: 19.12.2024).
10. Отчет старшего помощника начальника Западного направления оперативного управления Генерального штаба К.Ф. Васильченко. Операция 33-й и 43-й армий на вяземском направлении // ЦАМО РФ. Ф. 8. Оп. 11627. Д. 1509.
11. Паспорт воинского захоронения. Воинское захоронение бывшая д. Горнево // Геоportal Калужской области: справочно-информационный портал. URL: https://admin.geoportal40.ru/static/content_files/geoportal40/99fb2646-6474-4d23-90c0-4a6984367994.pdf (Дата доступа: 19.09.2024)
12. Письмо командира ПОО имени М.П. Краснопивцева М.В. Сапожникова №3 от 06.02.2023 Губернатору Смоленской области А.В. Островскому // Личный архив командира ПОО имени М.П. Краснопивцева М.В. Сапожникова.
13. Рудакова Ж.И., Гавриченко А.Н., Сапожников М.В., Никитина С., Лобанов Ф., Кожурова И., Колосова В., Румянцева М., Дечева В. Патриотические и образовательные функции перевода немецких военных документов времен Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. в рамках сотрудничества с поисковыми отрядами // У истоков российской государственности. Исследования, материалы. Серия «Калужские страницы». Калуга: ИП Стрельцов И.А. (Изд-во «Эйдос»), 2022. С. 133 – 138.
14. Садовников С.И. Поиск, ставший судьбой / отв. ред. СО. Шмидт. М., 2003. 258 с.
15. Сапожников В.В., Сапожников М.В., Л.Н. Марченков, Виноградов А.И., Соколов К.И. В последний бой с командармом // Военная археология. 2010. №3 (6). С. 38 – 42.
16. Сапожников М.В., Багдасарян А.С., Лыткин В.В. Описание карты действий «На прорыв» из окружения в апреле 1942 года группы командарма М.Г. Ефремова Западной группировки войск 33-й армии // Вестник Калужского университета. 2022. №1 (54). С. 115 – 124.

17. Учетная карточка воинского захоронения дер. Слободка Угранского района Смоленской области // Память народа: справочно-информационный портал. URL: <https://pamyat-naroda.ru/memorial/burial/89400356/> (дата доступа: 19.09.2024)

18. Durchbruchversuch der Reste der 33 Armee und Lage am 18.4.1942. Karte 3 Kriegstagebuch-Anlagenband 268 Furdiwision, Ia Abschnitt XII/2 1.4.42-19.4.42 Verteidigungskämpfe in der Ugra-Stellung // Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg, Bestandssignatur RH/26/268, Arhivsugnatur 48, Standort 22, Magazin H 3 EG, Reihe 170, Regal 1, Gefach 2; Попытка прорыва остатков 33-й армии и положение на 18.4.1942 г. Карта 3 Военный дневник 268 пехотной дивизии. Раздел XII/2 1.4.42-19.4.42 Оборонительные бои на Угранской позиции // Федеральный архив-Военный архив Фрайбурга, архивная подпись RH/26/268, Архивсугнатура 48, сайт 22, журнал H 3 EG, серия 170, полка 1, отсек 2.

References

1. Baghdasaryan A.S., Lytkin V.V. Military-historical tourist "General's route" of the Kaluga region (Kaluga – Klimov plant). Bulletin of Kaluga University. 2022. No. 2. (55). P. 68 – 76.
2. In the Yukhnovsky district, searchers have established the place of the heroic death of the Hero of Russia. Vest. 2017. November 20: official. website. URL: <https://m.vest-news.ru/news/105104> (date of access: 09/19/2024)
3. The war is not over until the last soldier is buried. Portal of the Presidential Grants Fund. URL: <https://presidentialgrants.rf/public/application/item?id=6d7422ff-343d-4a0a-8526-7465aece6bd1> (access date: 19.09.2024)
4. Report of Colonel I.G. Samsonov to Lieutenant General M.G. Efremov. Central Archives of the Ministry of Defense (TsAMO) of the Russian Federation. F. 388 Op. 8712. D. 177.
5. Kapusto Yu.B. The Last Roads of General Efremov: In the Footsteps of the Vyazma Tragedy of 1942. Moscow: Politizdat, 1992. 286 p.
6. Korotkov G.S. Stainless Memory. Moscow: Mol. Gvardia, 1986. 167 p.
7. Melnikov V.M. The Last Battle of General Efremov. Moscow: Mozhaisk Printing Plant, 2016. 832 p.
8. Explanations of the commanders and Red Army soldiers of the shock group of the 33rd Army who broke out of the encirclement. TsAMO RF. F. 388. Op. 8712. D. 177.
9. Description of the operation of the 33rd Army to capture the city of Vyazma from 20.2 to 20.4.42. Website dedicated to the feat and memory of the soldiers of the 33rd Army. URL: https://33-army.ru/docs_33_a_wyazemskaja_operacija_00.html (Access date: 19.12.2024).
10. Report of the senior assistant to the chief of the Western direction of the operational department of the General Staff K.F. Vasilchenko. Operation of the 33rd and 43rd armies in the Vyazma direction. TsAMO RF. F. 8. Op. 11627. D. 1509.
11. Passport of the military burial. Military burial former village of Gornevo. Geoportal of the Kaluga Region: reference and information portal. URL: https://admin.geoportal40.ru/static/content_files/geoportal40/99fb2646-6474-4d23-90c0-4a6984367994.pdf (Access date: 19.09.2024)
12. Letter of the commander of the M.P. Krasnopivtsev POO M.V. Sapozhnikov No. 3 dated 06.02.2023 to the Governor of the Smolensk Region A.V. Ostrovsky. Personal archive of the commander of the POO named after M.P. Krasnopivtsev M.V. Sapozhnikov.
13. Rudakova Zh.I., Gavrichenkov A.N., Sapozhnikov M.V., Nikitina S., Lobanov F., Kozhurova I., Kolosova V., Rumyantseva M., Decheva V. Patriotic and educational functions of the translation of German military documents from the Great Patriotic War of 1941-1945 in the framework of cooperation with search teams. At the origins of Russian statehood. Research, materials. Series "Kaluga Pages". Kaluga: IP Streltsov I.A. (Publishing house "Eidos"), 2022. P. 133 – 138.
14. Sadovnikov S.I. The search that became fate. ed. SO Schmidt. M., 2003. 258 p.
15. Sapozhnikov V.V., Sapozhnikov M.V., L.N. Marchenkov, Vinogradov A.I., Sokolov K.I. In the last battle with the army commander. Military archeology. 2010. No. 3 (6). P. 38 – 42.
16. Sapozhnikov M.V., Bagdasaryan A.S., Lytkin V.V. Description of the action map "On the breakthrough" from encirclement in April 1942 of the group of army commander M.G. Efremov of the Western group of troops of the 33rd Army. Bulletin of Kaluga University. 2022. No. 1 (54). P. 115 – 124.

17. Registration card of the military burial village. Slobodka, Ugransky District, Smolensk Region. Memory of the People: reference and information portal. URL: <https://pamyat-naroda.ru/memorial/burial/89400356/> (access date: 19.09.2024)

18. Day of Rest of the 33rd Army and Lage on 18.4.1942. Map 3 War diary of the 268th Infantry Division, Ia Abschnitt XII/2 1.4.42-19.4.42 Operational campaign in the Ugra Stellung. Federal Military Archives Freiburg, Best Signature RH/26/268, Archives 48, Standort 22, Magazine H 3 EG, Reihe 170, File 1, Section 2; Attempt to break through by the remnants of the 33rd Army and the situation as of 18.4.1942. Map 3 War diary of the 268th Infantry Division. Section XII/2 1.4.42-19.4.42 Defensive battles at the Ugra position. Federal Archives-Military Archives Freiburg, archival signature RH/26/268, Archives signature 48, site 22, journal H 3 EG, series 170, shelf 1, section 2.

Информация об авторах

Штепа А.В., кандидат исторических наук, доцент, Институт истории и права, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Сапожников М.В., аспирант, Институт истории и права, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, krasnopivzev@mail.ru

© Штепа А.В., Сапожников М.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 93/94

Обзор образовательных реформ в XVIII веке и их влияния на гендерный подход в образовательной системе России

¹ Сарычев В.В.,
¹ Воронежский государственный педагогический университет

Аннотация: данная статья призвана рассмотреть происходившие в обозначенный период российской истории образовательных реформ, которые, в частности, оказали серьёзное влияние на долгоидущий процесс эволюции института женского образования. Целью данной статьи является обзор образовательных реформ и оценка их влияния на продолжающийся процесс формирования образовательного института для российской женщины. В качестве методов использовались анализ трудов учёных-историков, раскрывающих имевшие место процессы и события в рамках изучаемой тематики. В результате проведённого исследования установлено, что данные реформы дали существенный толчок в создании более доступной и прозрачной среды образования для российской женщины; более того, на этом дело не было окончено – процесс лишь набирал обороты и был продолжен последующим руководством российского государства.

Ключевые слова: гендерный подход в образовании, женское образование в России, образовательные реформы, история образования, история российского образования

Для цитирования: Сарычев В.В. Обзор образовательных реформ в XVIII веке и их влияния на гендерный подход в образовательной системе России // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 2. С. 39 – 43.

Поступила в редакцию: 12 ноября 2024 г.; *Одобрена после рецензирования:* 13 января, 2025 г.; *Принята к публикации:* 3 марта 2025 г.

Review of educational reforms in the 18th century and their impact on the gender approach in the Russian educational system

¹ Sarychev V.V.,
¹ Voronezh State Pedagogical University

Abstract: this article aims to examine the educational reforms that took place during the specified period of Russian history, which, in particular, had a serious impact on the long-term process of evolution of the institution of female education. The purpose of this article is to review educational reforms and assess their impact on the ongoing process of forming an educational institution for Russian women. The methods used were the analysis of the works of historians, revealing the processes and events that took place within the framework of the studied topic. As a result of the conducted research, it was established that these reforms gave a significant impetus to the creation of a more accessible and transparent educational environment for Russian women; moreover, this was not the end of the matter – the process only gained momentum and was continued by the subsequent leadership of the Russian state.

Keywords: gender approach in education, female education in Russia, educational reforms, history of education, history of Russian education

For citation: Sarychev V.V. Review of educational reforms in the 18th century and their impact on the gender approach in the russian educational system. Historical Bulletin. 2025. 8 (2). P. 39 – 43.

The article was submitted: November 12, 2024; Approved after reviewing: January 13, 2025; Accepted for publication: March 3, 2025.

Введение

На начальном этапе развития древнерусской образовательной системы можно говорить о имеющем место гендерном неравенстве в предоставлении образования. Тем не менее, вывод о том, что женщины совсем обделены образовательными возможностями, было бы глупо. Напротив, православная церковь проявляет большое уважение к женщине как к матери и хранительнице домашнего очага, и требовала от мужчин, как от глав семьи, проявление заботы о семье и её содержании; несоблюдение подобного резко порицалось.

Такое положение вещей в российской образовательной системе продолжалось достаточно долгое время – по большей части образование предоставлялось лишь мальчикам с гораздо большими преимуществами по сравнению с женской частью российского населения, а нашествие татаро-монгольского ига и вовсе отбросило российскую образовательную систему назад до такой степени, что на должность священнослужителей приходилось назначать совершенно неграмотных людей.

Материалы и методы исследований

Изучение и анализ научной литературы по вышеуказанному вопросу, а также параллельный разбор и анализ архивной документации, прямо связанной с деятельностью женских образовательных учреждений, на примере Воронежской Мариинской женской гимназии.

Результаты и обсуждения

Первые же положительные изменения российского образования появились в XVIII веке, и связаны они с правлением первого российского императора Петра I. Царём, а затем и императором двигало желание сделать из России сильную в культурной и просветительской области страну – первым же делом он вводит этикет в России, который начал выводить российских женщин со второго плана чуть ли не на первый – они должны были присутствовать со своими супругами в обществе и на разного рода мероприятиях, должны были «соблюдать моду» во внешнем виде. Более того, на этих самых мероприятиях и просто в обществе женщины должны были не просто присутствовать, но и вести разного рода беседы, рассуждения о вопросах насущных, либо же танцевать [6]. А для того, чтобы женщины смогли умело показать всё это с лучшей стороны, становился вопрос и об образовании.

В результате петровских образовательных реформ впервые в дворянских семьях учителя начали заниматься образованием не только мальчиков, но и девочек [14]. Уже при Петре I такого рода образовательная программа стала включать в себя занятия грамотой, обучение этикету и хорошему тону, а также иностранным языкам и уроки танцев. Реформы коснулись не только частных педагогов – в крупных городах начали появляться частные женские образовательные учреждения, прицерковные и монастырские женские школы, а в некоторых случаях – школы для обоих полов.

Если же реформаторские инициативы Петра I в области образования можно назвать положительными изменениями, то настоящий прорыв в развитии образовательной системы произошёл при царствовании Екатерины II. Так, в 1764 году по её инициативе в Санкт-Петербурге был открыт Смольный институт благородных девиц. Институт занимался двенадцатилетним обучением девушек, в течение чего их обучали грамоте, географии, истории, иностранным языкам, также этикету и религиозным правилам. Однако, очень слабо обстоял вопрос преподавания естественных и физико-математических дисциплин девушкам – их изучение шло на достаточно поверхностном уровне [10].

Также в 1783 году основывается Российская Академия, основной задачей которого было создание в России объединяющего всех писателей и учёных научного центра.

Итак, рассмотрев вопрос о зарождении и развитии гендерного вопроса в образовательных системах древнерусского и российского государств, можно условно определить два больших и важных периода.

Первый период лежит в рамках второй половины X – начала XVIII вв. Данный период можно охарактеризовать преобладанием религиозных школ и, как следствие, такого же характера образования, в котором наибольшим приоритетом мужского населения в противовес женскому в вопросе получения больших объёмов образования; главной же причиной такого преобладания мужского образования над женским является установка, заданная новоприбывшей в конце X века православной веры, чётко закреплявшей за женщиной второстепенной, но далеко не последней роли как в общественной жизни, так и в жизни семьи [3].

Женщины обучались базису, который был необходим им для ведения домашнего хозяйства и поддержания «домашнего очага», в то время как мужчина ставился во главе семьи, считаясь более способным к решению лидерских и управленческих задач, для чего и нужно образование. Как итог, роли мужчины и женщины имели чёткую грань: он – кормилец, защитник, лидер, она – мать, хозяйка дома [11].

Данное разделение ролей между мужчиной и женщиной в выделенный временной отрезок было обоснованным по нескольким причинам: как правило, семьи становились очень плодовитыми, и кроме матери ими никому не было заниматься [5]. Приводя такую ситуацию в сравнение с современностью, можно сказать, что сейчас всё обстоит иначе – в эпоху развития демократического общества, коего не было в древнерусском государстве, женщины получили такие же, как и у мужчин, права на образование, что в дальнейшем даст возможность женщине возможность самореализоваться профессионально, а также более активно, в сравнении с древнерусским строем, участвовать в политической и общественной жизни общества [14]. Однако в современной России, а именно – в образовательной и воспитательной особенностях нашего общества во многом методы остались прежними, уровня давно ушедшего патриархата. В первую очередь это сказывается на семейном воспитании – девочек до сих пор, словно «по привычке», приучают и готовят к домашнему быту и занятием с будущими детьми, а мальчикам дают цель развить себя как профессионала в той или иной области деятельности, будь то спорт, наука, военное дело и т.д.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что гендерный подход в образовательной системе подразумевает влияние различных факторов учебного и воспитательного процесса на развитие и обучение молодых людей и девушек (например, содержание, средства и способы обучения, предметная программа, организация школьной жизни и т.д.).

Второй период берёт своё начало с первой половины XVIII – начала XIX вв. В отличие от предыдущего периода, который характеризовался своеобразным «застоем» в вопросе развития образовательной системы, здесь мы можем наблюдать первые и достаточно успешные шаги к реформированию образования в России [9]. Пётр I и Екатерина II внесли огромный вклад в его развитие своими реформами, которые, можно сказать, впервые с середины XII века приоткрыли доступ женщинам к получению образования. Более того, были введены такие понятия, как этикет и культура в

обществе, которые оказывали прямое влияние на образование и воспитание не только мальчиков и девушек, но и старшего поколения в том числе. Впервые стали появляться частные и религиозные школы для девушек, хотя они и были немногочисленны.

Несомненно, нововведения, появившиеся в обозначенный период, решительно продвинули вопрос о гендерном неравенстве в области образовательной системы России в пользу его разрешения. Но этого продвижения на данный момент оказалось недостаточно.

Всё дело в том, что, несмотря на первичное появление доступности образования для женщин, в своём составе оно претерпевало небольшие изменения. Женщин всё также обучали грамоте, иностранным языкам и литературе, танцам, этикету и культуре общения, но доступ к каким-либо естественнонаучным или физико-математическим наукам для них по большей части был ограничен, а возможность получить образование управленца и администратора было и вовсе невозможно [4]. Несомненно, Пётр I в своём желании ввести Россию в статус «Просвещённого государства» преуспел, и от этого также большую пользу получил и статус женщин в обществе как членов социума. Но так ли это сильно сказалось на общем качестве образования женщин и их перспективах на профессиональную самореализацию?

В качестве общих выводов по рассмотренной теме можно указать следующие положения.

Гендерный подход в истории образовательной системы России имеет достаточно долгое и трудное развитие в образовательной системе нашей страны на протяжении почти всей известной российской истории. Ещё со времён древнерусского государства, когда были созданы первые прицерковные школы, женщин туда не допускали, ведь согласно православным писаниям, женщинам уделялась роль хоть и немаловажная, но всё же в основном второстепенная – она должна быть хранительницей дома, ухаживать за детьми и поддерживать дом в тепле. По мнению руководящих сословий древнерусского государства, для этого женщинам не требовались какие-либо познания в грамоте или письменности – этому всему вполне можно научиться самой, либо получая знания от своих предков.

Отсюда мы можем видеть, что с точки зрения руководящего класса, гендерный подход заключался в минимальной образованности женщин, как правило, домоводству, и полный доступ к образованию для мужчин, с целью воспитания их администраторами, управленцами, священнослужителями или даже воинами-полковниками. Нельзя не

отметить, что подобные настроения в воспитании детей мы можем наблюдать и в современных семьях, где девочек приучают к тому же домоводству и «игре в куклы», а молодых людей учат быть самостоятельными, добиваться своих целей, в том числе и в карьере. Эта метода воспитания, на мой взгляд, оставила очень глубокий след в нашей истории и менталитете российского многовекового народа.

Таким положение вещей оставалось до начала XVIII века, до времени, когда первые образовательные реформы пусть и не помогли проложить женщинам путь к самостоятельности и равноправию в сравнении с мужчинами, однако они смогли дать направление в развитии, которое уже подхватили последующие правители и общественные деятели. В это же время, несмотря на небольшую открытость образования для женщин, оно оставалось доступным лишь для привилегированных слоёв общества; «простые смертные» попросту не могли получить доступ к оному. В то время, как девушки из состоятельных семей получали достойное по тем меркам женское образование, несостоятельные могли лишь довольствоваться буквально «пережитками прошлого» – домоводство, уход за домом и семьёй.

По моему мнению, такая практически невозможная «доступность» к женскому образованию не только оказывала негативное влияние на сам институт образования, но и порождало достаточно серьёзный уровень социального неравенства, что, скорее всего, в последующие годы и стало причиной требований реформирования такой «застоявшейся» системы образования женщин.

Реформы всё же были достигнуты, начиная с середины-второй половины XIX века, когда сперва создавались женские учебные заведения, ли-

шённые сословной привязки и закрытости, а затем и появилась возможность для женщин получить полное образование и самой стать преподавательницей или наставницей. Такая тенденция продолжалась дальше – открывалось всё больше высших учебных заведений, в начале XX века появились сперва профессиональные учебные заведения для женщин, которые позволяли выучиться на разного рода специальности, и затем это привело к появлению первых женских высших учебных заведений. Таким образом, женщины стали фактически уравниваемыми в образовательных правах с мужчинами.

На мой взгляд, российские женщины впервые получили более высокий статус в обществе, но проблема заключается в том, что этот статус ещё и нужно было «заслужить» упорным трудом. Как уже было отмечено, в первую очередь образование женщине в установленный период нужно было не для того, чтобы стать великой учёной или мудрым политическим деятелем, но в основном лишь для того, чтобы можно было поддержать высокодуховную беседу на светском мероприятии, но о какой-то профессиональной деятельности и развитии зачастую можно было и не говорить.

Выводы

Как вывод, можно сказать, что деятельность российских императора и императриц, а также ряда других деятелей, несомненно, являются очень мощным скачком в вопросе разрешения гендерного вопроса в образовательной системе России, но этого в рассматриваемый промежуток времени оказалось недостаточно для его полного разрешения. Тем не менее, решения, принятые в этот период, стали камнями в основании последующих, поздних реформ правителей-преемников.

Список источников

1. Андреева Е.А. Епархиальные училища в России. М., 1999. № 3. 103 с.
2. Еремеева В.Д., Хризман Т.П. Мальчики и девочки – два разных мира. Нейропсихологи – учителям, воспитателям, родителям, школьным психологам. М.: ЛИНКА-ПРЕСС, 1998. 89 с.
3. Иванов А.Е. Высшая школа Российской империи начала XX века // Вестник Российской Академии наук. 1997. Т. 67. 274 с.
4. Калачев А. Женское образование как показатель развития демократии в дореволюционной России. М., 2017. № 8. 139 с.
5. Константинов В.М., Недосекина И.Б. У истоков женского образования в России // Высшее образование в России. 2022. № 4. 81 с.
6. Кузьменко З.А., Кот М.Г., Кузьменко А.В. Развитие образования в Тамбовской области (ист. справка) // Образование в регионе. 2021. № 2. 98 с.
7. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб., 2021. Т. 3. 992 с.
8. Пискунова А.И. История педагогики и образования. От зарождения воспитания в первобытном обществе до конца XX в. М., 2022. 273 с.
9. Попова О.Д. В стенах конвикта... (Очерки повседневной жизни женских епархиальных училищ). Рязань, 2016. 75 с.

10. Попова О.Д. Психологический климат в женских епархиальных училищах середины XIX – начала XX вв. Рязань, 2019. № 2. 97 с.
11. Пыхалов И.В. Образование в Российской империи: факты и мифы. М., 2017. С. 196 – 200.
12. Сапрыкин Д.Л. Образовательный потенциал Российской Империи. М.: ИИЕТ, 2010. 176 с.
13. Успенская В.И. Женщины. История. Общество. Тверь, 2002. 250 с.
14. Штылёва Л.В. Институционализация гендерного подхода. М., 2022. № 10. 186 с.
15. Штылёва Л.В. Педагогика и гендер: развитие гендерных подходов в образовании. М., 2020. № 3. 66 с.

References

1. Andreeva E.A. Diocesan schools in Russia. Moscow, 1999. No. 3. 103 p.
2. Eremeeva V.D., Khrizman T.P. Boys and girls – two different worlds. Neuropsychologists – to teachers, educators, parents, school psychologists. Moscow: LINKA-PRESS, 1998. 89 p.
3. Ivanov A.E. Higher school of the Russian Empire at the beginning of the 20th century. Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 1997. Vol. 67. 274 p.
4. Kalachev A. Women's education as an indicator of the development of democracy in pre-revolutionary Russia. Moscow, 2017. No. 8. 139 p.
5. Konstantinov V.M., Nedosekina I.B. At the Origins of Women's Education in Russia. Higher Education in Russia. 2022. No. 4. 81 p.
6. Kuzmenko Z.A., Kot M.G., Kuzmenko A.V. Development of Education in the Tambov Region (historical reference). Education in the Region. 2021. No. 2. 98 p.
7. Mironov B.N. Russian Empire: from Tradition to Modernity: in 3 volumes. St. Petersburg, 2021. Vol. 3. 992 p.
8. Piskunova A.I. History of Pedagogy and Education. From the Emergence of Education in Primitive Society to the End of the 20th Century. Moscow, 2022. 273 p.
9. Popova O.D. Within the Walls of the Convict... (Essays on the Everyday Life of Women's Diocesan Schools). Ryazan, 2016. 75 p.
10. Popova O.D. Psychological climate in women's diocesan schools of the mid-19th – early 20th centuries. Ryazan, 2019. No. 2. 97 p.
11. Pykhalov I.V. Education in the Russian Empire: facts and myths. Moscow, 2017. P. 196 – 200.
12. Saprykin D.L. Educational potential of the Russian Empire. Moscow: ИИЕТ, 2010. 176 p.
13. Uspenskaya V.I. Women. History. Society. Tver, 2002. 250 p.
14. Shtyleva L.V. Institutionalization of the gender approach. Moscow, 2022. No. 10. 186 p.
15. Shtyleva L.V. Pedagogy and gender: development of gender approaches in education. Moscow, 2020. No. 3. 66 p.

Информация об авторе

Сарычев В.В., аспирант, специалист по учебно-методической работе, Воронежский государственный педагогический университет, kuwabara.shagohod@gmail.com

© Сарычев В.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

УДК 327(470+571)

Реализация внешнеполитической стратегии России по отношению к Японии (2008-2016 гг.)

¹ Астанина Е.А.,

¹ Богданова Е.Г.,

¹ Тихоокеанский государственный университет

Аннотация: в статье анализируется реализация Концепций внешней политики Российской Федерации 2008, 2013, 2016 гг. в отношении Японии. Прослеживается эволюция двухсторонних отношений между странами, а также факторы, повлиявшие на смену внешнеполитической стратегии России. Отмечена преемственность вышеуказанных концепций в отношении Японии в концепциях 2008 и 2013 гг. Однако присоединение Японии к антироссийским санкциям в связи с событиями на Украине и тесное военное сотрудничество последней с США сказались на российско-японских отношениях, что нашло отражение в Концепции 2016 г., в которой стремление решить проблему территориальных споров впервые не было зафиксировано. Кроме того, в очередной раз был поднят территориальный вопрос, на решение которого у сторон были противоположные взгляды. Проанализированы ключевые события взаимодействия между Россией и Японией в 2008-2016 гг., а также приоритетные направления сотрудничества. Показаны позитивные результаты встреч глав государств, которые проявились в тесном взаимодействии в области энергетики, а также гуманитарном и культурном сотрудничестве.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), внешняя политика, Российская Федерация, международная политика, Концепция внешней политики, Япония

Для цитирования: Астанина Е.А., Богданова Е.Г. Реализация внешнеполитической стратегии России по отношению к Японии (2008-2016 гг.) // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 2. С. 44 – 54.

Поступила в редакцию: 12 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 14 января, 2025 г.; Принята к публикации: 3 марта 2025 г.

Implementation of Russia's foreign policy strategy towards Japan (2008-2016)

¹ Astanina E.A.,

¹ Bogdanova E.G.,

¹ Pacific State University

Abstract: the article analyzes the implementation of the Foreign Policy Concepts of the Russian Federation of 2008, 2013, 2016 in relation to Japan. The evolution of bilateral relations between the countries, as well as the factors that influenced the change in Russia's foreign policy strategy, are traced. The continuity of the above concepts in relation to Japan in the concepts of 2008 and 2013 is noted. However, Japan's accession to anti-Russian sanctions in connection with the events in Ukraine and its close military cooperation with the United States affected Russian-Japanese relations, which was reflected in the Concept of 2016, in which the desire to resolve the problem of territorial disputes was not recorded for the first time. In addition, the territorial issue was once again raised, the solution to which the parties had opposing views. The key events of interaction between Russia and Japan in 2008-

2016, as well as priority areas of cooperation, are analyzed. The positive results of the meetings of heads of state are shown, which manifested themselves in close interaction in the field of energy, as well as humanitarian and cultural cooperation.

Keywords: Asian-Pacific area (APA), foreign policy, the Russian Federation, international policy, Concept of Foreign Policy, Japan

For citation: *Astanina E.A., Bogdanova E.G. Implementation of Russia's foreign policy strategy towards Japan (2008-2016). Historical Bulletin. 2025. 8 (2). P. 44 – 54.*

The article was submitted: November 12, 2024; Approved after reviewing: January 14, 2025; Accepted for publication: March 3, 2025.

Введение

Выстраивание внешнеполитической стратегии современной России по отношению к ведущим акторам Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) имеет относительно длительную историю, начиная с распада СССР, и до сих пор является привлекательной темой для исследования на разных ее этапах. Наиболее распространенным подходом является изучение двухсторонних отношений России с Японией в определенной области сотрудничества. Среди отечественных исследователей, обративших внимание на российско-японские отношения в рассматриваемый период, следует отметить публикации Афонина Б.М. [1], Белова А.В. [2], Коженикова В.В. [11], Кузьминкова В.В. [12, 13], Пустовойт Е.В. [25], Стрельцова Д.В. [29], Парамонова О.Г., Пузановой О.В. [23], Магдеева Р.Р. и Халиуллиной А.А. [14, 15], Миронова В.О. [18], Харюшиной Н.А. [32].

По мнению отечественных экспертов, в рассматриваемый период интересы России по отношению к Японии заключались в передовых технологиях страны, содействии развития Дальнего Востока России и, конечно, «стабильно дружественных отношениях». Япония испытывала определенный интерес к российским природным ресурсам, однако он не был столь значителен, как у Китая. Имея достаточно широкий круг партнеров в различных отраслях, Япония более пристальное внимание уделяла спорным, по ее мнению, территориям (острова Итуруп, Кунашир, Шикотан и группа островов Хабомаи). Россия же в данном вопросе была и остается категорична в решении этого вопроса. Она не может уступить свои законные территории. Особую дружественность и стабильность, как со стороны России, так и со стороны Японии, исследователи выделяют в период возвращения Синдзо Абэ на должность премьер-министра Японии в 2012 г.

Интерес к российско-японским отношениям в рассматриваемый период проявляют и зарубежные исследователи – Нгуен Тхи Кам Тхо [21], Ян Цзюньдун [33], Хань Тяньянь [31]. Авторами рас-

сматривается преимущественно Дальний Восток, как главное направление сотрудничества в сфере экономики. Как и российские исследователи они отмечают отрицательное влияние неурегулированного территориального спора, возникшего как следствие «холодной войны», а также санкции, введенные после событий на Украине в 2014 г.

Материалы и методы исследований

Методологическим инструментарием изучения политики России по отношению к Японии выступили как общенаучные, так и специальные методы, особое место, среди которых занимает метод анализа политических текстов. Материалами анализа выступили Концепции внешней политики, которые отразили совокупность взглядов и позицию РФ относительно принципов, содержания и приоритетов во внешней политике, официальные выступления и заявления глав государств и представителей внешнеполитических ведомств, документы, фиксирующие двусторонние российско-японские переговоры и соглашения.

Результаты и обсуждения

Токийская декларация, подписание которой произошло 13 октября 1993 г., послужила определяющим событием, заложившим основные векторы сотрудничества [25]. В период с 1993 по 2008 гг. сложилась юридически-правовая платформа, позволившая России и Японии плодотворно взаимодействовать, а также налажены доброжелательные отношения между главами государств на правительственном уровне. При этом достаточно значимым аспектом в отношениях, который оказывал влияние на характер связей, была нерешенная проблема принадлежности Южных Курил.

Актуальные российско-японские отношения, касаемо территориального вопроса, остаются достаточно сложными – японцы принципиально не могут отказаться от Южных Курил. Для России же о передаче островов не может быть речи, так как это ее законные границы. Передача данных территорий не только может создать опасный прецедент пересмотра итогов Второй Мировой войны, но и гипотетически послужит созданию плацдарма ВС

США на самой границе с Россией. Тем не менее, несмотря на разногласия по этому вопросу, между правительствами России и Японии в конце XX – начале XXI вв., просматривается стремление найти «компромиссный способ сотрудничества, который бы юридически устраивал Москву и Токио» [18, с. 13, 15].

Внешнеполитическая стратегия России по отношению к Японии в рассматриваемый период зафиксирована в Концепциях внешней политики 2008, 2013, 2016 гг. Настроения российского руководства, наглядно иллюстрирует Концепция 2008 г. Согласно данному документу Россия выступила за продолжение ранее намеченной линии по выстраиванию отношений «добрососедства и созидательного партнерства» в интересах обеих стран. Как было замечено, «унаследованные проблемы прошлого (...) не должны становиться препятствием на том пути» [8]. Изменение риторики в определении приоритетной задачи прослеживается в Концепциях 2013 и 2016 гг. Ведущее значение было отведено «обеспечению безопасности и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе» [9, 10]. Однако если в концепциях 2008 и 2013 гг. делался акцент на наличие неурегулированных вопросов, которые подразумевали отсутствие мирного договора и территориальный вопрос, то после событий на Украине в 2014 г. и присоединения Японии к антироссийским санкциям, подобная формулировка в Концепции 2016 г. уже отсутствовала. В документе было отмечено только стремление продолжить маршрут на «выстраивание добрососедских связей и осуществление взаимовыгодного сотрудничества с Японией» [10]. Необходимо отметить, что и Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, принятая 2015 г., не содержит прямых отсылок к Японии, как это сделано, например, по отношению к Китаю. В документе декларируется стремление России создать в Азиатско-Тихоокеанском регионе надежные механизмы обеспечения региональной стабильности и безопасности, а также «повышение эффективности сотрудничества со всеми странами этого региона» [22].

Конкретные шаги по реализации задач, поставленных в Концепциях, отображают встречи глав государств. 18 февраля 2009 г. состоялась первая в рассматриваемый период японо-российская встреча на высшем уровне между президентом Д.А. Медведевым и премьер-министром Таро Асо. Основной целью главы Японии было участие в церемониальном открытии проекта «Сахалин II», представляющим запуск завод по производству сжиженного газа [34]. Благоприятная атмосфера встречи, как указывалось в ряде источников, поз-

волила Дмитрию Анатольевичу заявить о желании найти «нестандартное решение» пограничного вопроса. Однако вскоре С.В. Лавров оспорил данное заявление. По мнению главы российского МИД решение территориального вопроса должно «отвечать интересам и России, и Японии», а также пользоваться поддержкой народов [32, с. 27-28]. В этом же году последовал ряд заявлений японского руководства о «незаконной оккупации Россией северных территорий», признании их «исконной территорией Японии» [4; 32, с.28]. Подобные попытки оказать давление не могли способствовать конструктивному российско-японскому диалогу [20].

23 сентября 2009 г. в Нью-Йорке новый премьер-министр Юкио Хатояма, сменивший Таро Асо, на встрече с президентом России Дмитрием Медведевым заявил о намерении «создать новые японо-российские отношения» [26]. Хатояма выразил желание оказать содействие намерениям российского руководства углубить сотрудничество в АТР, а также готовность окончательно решить территориальный вопрос и заключить мирный договор.

Однако в рассматриваемый период, серьезный резонанс вызвал визит Д.А. Медведева на Южные Курилы в ноябре 2010 г. Еще до этого посещения МИД Японии заявил, что посещение этих территорий главой России создаст «серьезные препятствия» в двусторонних отношениях [6]. Позже глава МИД Японии Сэйдзи Маэхара вызвал посла России в Токио Михаила Белого и выразил ему протест в связи с поездкой российского президента на остров Кунашир. На что министр иностранных дел России Сергей Лавров назвал неприемлемой подобную реакцию японских властей [19]. В Токио после завершения визита прошли акции протеста оскорбительного характера, на которых японцы требовали от России вернуть Курилы [3]. Данные события свидетельствовали о значительном охлаждении отношений между странами.

12 ноября 2011 г. состоялась очередная японо-российская встреча на высшем уровне. С целью построения истинно дружественных отношений новый премьер-министр Ёсихико Нода продемонстрировал надежду на расширение отношений сотрудничества с Россией во всех областях, особенно энергетической, которая носила исключительный интерес. Помимо этого лидеры государств договорились о дальнейшем развитии диалога, касаясь территориальных споров. Японский премьер-министр открыто выразил желание о необходимости заключения мирного договора, построенного на уже достигнутых договоренностях между обеими сторонами [35].

С возвращением Синдзо Абэ в 2012 г. к посту главы правительства Японии наблюдалось более интенсивное развитие российско-японских отношений. Новый премьер-министр, осознавая невероятность немедленного разрешения территориальных проблем, решил расширить сотрудничество с Россией, что свидетельствовало о принятии курса на углубление взаимного доверия [23, с. 82]. Ставка делалась на развитие экономических контактов, том числе как на возможный рычаг для решения пограничного размежевания между государствами. В данном контексте особое значение принадлежит встрече В.В. Путина и Синдзо Абэ, во время его визита в Россию (28-30 апреля 2013 г.). Результатом ее стало совместное заявление глав государств «О развитии российско-японского партнерства», в котором было закреплено стремление к интенсификации российско-японских контактов на всех уровнях и во всех областях: безопасности, политике, экономики, культурно-гуманитарной сфере. На протяжении 2013 г. в рамках межгосударственных форумов и саммитов состоялось еще 3 встречи на высшем уровне между представителями РФ и Японии [16, 17].

Декларируемая Концепциями России совместная работа в области обеспечения безопасности и стабильности в АТР являлась еще одной потенциальной точкой взаимодействия между государствами. Обострение международной обстановки в Северо-Восточной Азии, углубление территориальных споров между Японией и Китаем, рост соперничества в военной области между США и Китаем, во многом способствовали стремлению Японии искать сближения с Россией [11, с. 48; 12, с. 152-153]. Однако Япония при этом последовательно продолжала укреплять стратегические отношения с Соединенными Штатами, в частности, участвуя в глобальной системе ПРО США. Естественно, это служило весомой преградой для российско-японского сотрудничества в области безопасности. Обеспокоенность развития ситуации в области ПРО выразили В.В. Путин и Си Цзиньпин в совместном заявлении, сделанном 25 июня 2016 г. в Пекине [23, с. 96].

Очередная встреча глав государств В.В. Путина и Синдзо Абэ, состоявшаяся 8 февраля 2014 г. в Сочи по случаю церемонии открытия зимних Олимпийских игр, подтвердила то, что отношения между государствами до 2014 г. устойчиво развивались в позитивном ключе. Тем не менее, встречи, проведенные в предшествующие годы, не смогли послужить отказом Японии в 2014 г. от присоединения к антироссийским санкциям, которые, закономерно, привели к ухудшению российско-японских отношений. 9 ноября 2014 г. между

лидерами двух стран состоялась встреча, на которой они смогли обсудить ряд важных вопросов: важность борьбы с терроризмом, в частности проблему ИГИЛ, и напряженную ситуацию в Восточной Азии, включая Северную Корею. Несмотря на то, что личные доверительные отношения между В.В. Путиным и Синдзо Абэ были сохранены и подтверждены, некоторая сложность, относительно ситуации в Украине все же присутствовала [36].

Во время пребывания в Нью-Йорке для участия в Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций премьер-министр Японии и президент Российской Федерации 28 сентября 2015 г. провели встречу на высшем уровне, на которой обсудили экономический, культурный и территориальный вопросы между странами [37]. Но наиболее важными темами для обсуждения послужили ситуация на Украине и в Сирии. Синдзо Абэ выражал надежду на выполнение Россией Минских соглашений, отмечая при этом важность стабилизации ситуации в Сирии, откуда утекали беженцы. Владимир Владимирович Путин в свою очередь заметил, что и украинская сторона должна неукоснительно соблюдать Минские соглашения; что касается Сирии, то распространение терроризма является наиболее серьезной проблемой, на решение которой Россия направит все усилия.

Визит в Сочи Синдзо Абэ (6 мая 2016 г.), ознаменовал «новый подход, свободный от идей прошлого» в японо-российских отношениях. Премьер-министр предложил широкий план сотрудничества в сфере энергетики, инфраструктуры, медицины, культуры. Однако его реализация была связана с параллельным мирным урегулированием территориальной проблемы [23, с.87-88]. Попытка увязать два эти вопроса произошла спустя полгода.

Способом решить длительный территориальный спор на Курильских островах стала совместная экономическая деятельность. 15-16 декабря 2016 г. в ходе визита В.В. Путина в Японию, в рамках которого состоялся диалог относительно спорных территорий и последующего заключения мира, лидеры стран договорились о начале консультаций относительно особого режима для ведения совместной хозяйственной деятельности на островах Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомай. Такое сотрудничество должно было создать более доверительную атмосферу и стать залогом качественно нового уровня отношений. В процессе переговоров было решено начать консультации по «совместной хозяйственной деятельности, которая включала (...) такие направления, «как рыболов-

ство, марикультура, туризм, медицина, экология и другие» [28].

Помимо этого, обсуждались вопросы развития экономического сотрудничества, представляющие интересы двух государств, вопросы международного характера, касающиеся Северной Кореи, Сирии, Украины и Центральной Азии, и возможности расширения культурного обмена. В частности, премьер-министр Синдзо Абэ подтвердил решение о проведении «Года Японии в России» и «Года России в Японии», запланированного на 2018 г. [24]. Характер и итоги встречи свидетельствовали о стремлении с японской стороны сохранить и продолжить курс по выстраиванию добрососедских отношений, что полностью совпадало и с намерениями России. Всего за время визита В.В. Путина в Японию было 12 межведомственных и межправительственных, 68 коммерческих договоров [16].

Рассматривая такие сферы сотрудничества между государствами, как политика и экономика, то следует подчеркнуть их взаимозависимый характер. Экономическое взаимодействие во многом стимулировало решения в политической области, представляя собой благоприятную платформу, позволяющую двигаться отношениям стран вперед. Так, торгово-экономическое сотрудничество служило базисом успешно развивающихся российско-японских отношений. Однако при этом, необходимо отметить, что Япония имела больше веса во внешней торговле России, чем наоборот [15, с. 79]. В рассматриваемый период наблюдался зигзагообразный характер роста товарооборота. Так, если на протяжении первого десятилетия XXI в. прослеживался постепенный рост экспорта из России в Японию и параллельно увеличение импорта товаров из Японии, то в связи с мировым финансово-экономическим кризисом, с 2009 г. наблюдалось снижение российско-японских торговых операций [29, с. 93, 94]. После достаточно скорого восстановления российской экономики, товарооборот между странами вновь начал расти до 2014 г., а после присоединения Японии к анти-российским санкциям начал наблюдаться очередной спад. Подобная динамика свидетельствовала о серьезном влиянии на отношения между Россией и Японией международной экономической и политической обстановки.

Со стороны России основу торгово-экономических отношений представляли энергоносители, цветная металлургия, лесные и морские ресурсы; со стороны Японии – легковые автомобили и отчасти промышленное оборудование. Различные японские автомобильные марки, широко представленные на российском рынке, наладили

производство во многих областях РФ. Первый в России автосборочный завод был построен под Санкт-Петербургом в 2007 г. японской компанией «Тойота». Также велико было значение, по мнению российского руководства, капиталов и технологий японского бизнеса, вкладываемых в лесной и агропромышленный российские комплексы. Так в Красноярском крае оборудовался мощный лесохимический комплекс, инвестиции в который составили 3,5 млрд долларов. Образцом развития контактов в сфере медицины и привлечения японского капитала в 2013-2014 гг. стали открытие фармацевтического завода «Такеда» в г. Ярославль, подписание меморандума о сотрудничестве между Японским институтом физико-химических исследований (RIKEN) и инновационным центром России Фондом «Сколково» и стратегического плана проекта о развитии связей в отрасли медицинских технологий [29, с. 98].

Сферой, которая предоставляла наибольшие возможности для развития экономических отношений между государствами, являлась энергетика, особенно в контексте перспектив развития российского Дальнего Востока. Российский исследователь Д.В. Стрельцов, опираясь на статистические данные, проведенного в Японии опроса, обратил внимание, что в 2014 г. освоение сырьевых и энергетических ресурсов являлось наиболее привлекательной нишей для инвестиций со стороны японского капитала и составила 60,9 %. При этом японскими компаниями был отмечен потенциал Сибири и Дальнего Востока, что отвечало в свою очередь интересам России [29, с. 100].

Симптоматичным в этом плане было заявление В.В. Путина на заседании сессии в рамках Делового саммита форума «Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество» (8-10 ноября 2014 г.) об инвестиционной открытости со стороны России «в такой чувствительной сфере, как энергетика», напомнив в этой связи «о масштабных сахалинских нефтегазовых проектах» – «Сахалин-1» и «Сахалин-2» [5]. Став общим успехом России и Японии, данные проекты послужили устойчивой платформой для последующего сотрудничества и расширения связей. Инвестиционная и технологическая поддержка Японии стала выгодным вкладом в собственную страну, так как до 60% продукции построенного еще в феврале 2009 г. завода по сжижению газа отходило японской стороне. А к поставкам сахалинской нефти, после введения в эксплуатацию нефтепровода ВСТО-2 в 2012 г., добавился экспорт нефти из Восточной Сибири [29, с. 96].

Необходимо отметить стремление Японии расширить роль России в рамках диверсификации

онной стратегии, но при этом не стать от нее зависимой. Россия для страны восходящего солнца представлялась значимым партнером, однако, не единственным. Так, согласно расчетам Д.В. Стрельцова, в 2014 г. Россия занимала 4-е место среди стран-поставщиков в Японию нефти (после Саудовской Аравии, ОАЭ и Катара) и такое же по поставкам сжиженного природного газа (после Австралии, Катара и Малайзии) [29, с. 95].

Энергетическая политика Японии с 2015 г. носила прагматичный подход, ориентированный на практические результаты и выгоду. Одним из примеров этого, по мнению специалиста в области российско-японского экономического сотрудничества А.В. Белова, может служить решение о перезапуске новых АЭС, отвечающих самым жестким в мире стандартам безопасности. В основу новой энергетической политики были положены обязательства по сокращению выбросов CO₂, «соответствующих статусу развитой страны». В целом, новая энергетическая политика Японии была достаточно обоснована, сбалансирована и прагматична [2, с. 34].

Со стороны России в рассматриваемый период были организованы действия по углублению энергетических контактов между государствами. В 2015 г. во время визита в Японию президента «Роснефти» И.А. Сечина, ведущим японским компаниям российской стороной были озвучены предложения стать участниками в добывающих проектах российской нефтегазовой компании, а также рассмотреть новые возможности поставок электроэнергии с российского Дальнего Востока [29, с. 98].

Российско-японское сотрудничество в области энергоресурсов имело не только длительную историю, но и хорошие перспективы. В 2016 г. Япония была вторым торгово-экономическим партнером России в Азии и седьмым в мире [29, с. 99]. Однако для достижения лучших результатов, отвечающих интересам Японии и России, необходимо было решить проблемы и вопросы общего характера.

Гуманитарное сотрудничество, являлось не менее ценным фактором в выстраивании качественных связей между Россией и Японией. До 2012 г. в этой области не только шел процесс формирования отношений, но и закладывались основные приоритетные направления. Одним из наиболее отлаженных направлений являлся ежегодно проводимый с 2006 г. в Японии Фестиваль российской культуры [17]. Не менее важным событием в этот период стала оказанная Россией гуманитарная помощь после разрушительного землетрясения в Японии в 2011 г., повлекшего за собой ава-

рию на АЭС Фукусима [7, с. 272]. А возвращение Синдзо Абэ на должность премьер-министра в 2012 г. еще более активизировало гуманитарное и культурное сотрудничество.

Весомым шагом стало подписание 29 апреля 2013 г. соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Японии об учреждении и деятельности культурных центров, целью которых являлось «укрепление взаимопонимания и развитие дружественных отношений между государствами Сторон путем активизации обменов и сотрудничества в области культуры, искусства, образования и спорта» [27]. Практической реализацией данного соглашения стал Год японо-российских обменов в области боевых искусств (2014 г.). Помимо этого, в спорте большое внимание со стороны японской молодежи было направлено на российских фигуристов, являющихся для многих кумирами.

Японский Фонд, работавший в трех направлениях – искусство и культура, японоведение и японский язык, – являлся ключевой организацией, которая курировала культурные обмены с иностранными государствами. Организация и проведение японской стороной различного формата мероприятий: лекций, выставок, фестивалей, курсов по японскому языку, безусловно, способствовали развитию гуманитарных и культурных связей с Россией. Тематические и сезонные мероприятия Фонда – «Японская осень» и «Японская весна» – вызывали наибольший интерес. С российской стороны подобную роль выполнял Фонд «Русский мир», образованный в 2007 г. по указу В.В. Путина.

Однако внутривластный кризис на Украине в 2014 г. оказал значительное влияние на двусторонние связи, так как Япония поддержала антироссийские санкции. В связи с этим ряд российских чиновников оказались в санкционном списке, а переговоры по вопросам визового режима и совместным проектам в области инвестиционного, космического, военного сотрудничества были приостановлены [17].

Однако, по мнению российских и японских исследователей, санкции со стороны Японии носили относительно мягкий характер, так как стагнация в отношениях между двумя странами не отвечала интересам самой Японии. Как следствие гуманитарные и культурные связи не понесли серьезный урон. А поворот в сторону России в этом направлении прозвучал в предложенном Синдзо Абэ Плане сотрудничества (май 2016 г.), предполагавшим «стремительное расширение гуманитарных обменов» [7, с. 273].

Подобный обмен молодежи и научных деятелей являлся одним из векторов развития взаимодействия в гуманитарной сфере в 2008-2016 гг. Еще начиная с 2009 г. вводилась практика проведения форумов для ректоров России и Японии. Проблемы в сфере образования, а также поиск способов их решения стали ведущими вопросами широкого обсуждения. В 2016 г. была достигнута договоренность о создании Ассоциации университетов Японии и России, целью которых являлось бы развитие межвузовских обменов. В том же году в Токийском Университете Сока было открыто первое учреждение, популяризирующее русский язык и культуру – Русский центр. До открытия данной организации проводником русской культуры и языка служил действующий филиал Дальневосточного Федерального Университета, организовывавший культурные и образовательные мероприятия [7, с. 276, 278].

Выводы

Анализируя внешнеполитическую стратегию России по отношению к Японии в 2008-2016 гг. следует признать, что Япония являлась ценным партнером в различных областях. Взаимодействие с ней было вызвано необходимостью не только развития Дальнего Востока России и компенсации потерь от сотрудничества с ЕС после 2014 г., но и стремлением уйти от односторонней экономиче-

ской зависимости от КНР [23, с. 98]. Особое значение в рассматриваемый период приобрело сотрудничество в сфере энергетики, а также культурно-гуманитарное взаимодействие, послужившее мостом между государствами. Несмотря на наличие определенных сложностей в политических и экономических отношениях, двустороннее взаимодействие в области культуры, науки, и образования развивалось, что способствовало поддержанию добрососедских отношений между странами.

Большую роль в развитии связей между Японией и Россией сыграли личностные отношения между Президентом РФ В.В. Путиным и Премьер-министром Японии Синдзо Абэ. Встречи проводились как во время официальных визитов Синдзо Абэ в Россию и В.В. Путина в Японию, так и во время работы международных форумов и саммитов. Они, безусловно, способствовали налаживанию экономического и культурного диалога, однако на решение территориального вопроса не оказали влияния, что нашло отражение во внешнеполитической Концепции России 2016 г. Невозможность отыскать решение в территориальном споре, а также тесные военно-политические связи Японии с США оставались главными факторами, препятствующими полноценным отношениям в рассматриваемый период.

Список источников

1. Афонин Б.М. Региональная дипломатия кабинета Синдзо Абэ // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2016. Вып. 18. № 1-2. С. 9 – 22.
2. Белов А.В. Перспективы российско-японского сотрудничества в области энергетики // Японские исследования. 2016. № 1. С. 32 – 46.
3. Визит Д. Медведева на Курилы: Япония требует объяснений у посла РФ // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/03/07/2012/5703f9e79a7947ac81a69abd> (дата обращения: 24.09.2024)
4. Встреча с Премьер-министром Японии Таро Асо (9 июля 2009 г.) // KREMLIN.RU: официальные сетевые ресурсы президента России. URL: <http://special.kremlin.ru/catalog/countries/JP/events/4754> (дата обращения: 12.04.2024)
5. Деловой саммит форума АТЭС (9-11 ноября 2014 г.) // KREMLIN.RU: официальные сетевые ресурсы президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/46988> (дата обращения: 21.02.2024)
6. Дмитрий Медведев: на Южных Курилах будет лучшая жизнь // Информационное агентство REX. URL: <https://iarex.ru/news/10118.html> (дата обращения: 24.09.2024)
7. Забелла А.А., Мицуру Э. Гуманитарное сотрудничество между Россией и Японией как цветы сакуры: символ надежды на лучшее будущее // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. С. 268 – 283.
8. Концепция внешней политики Российской Федерации: указ Президента РФ № Пр-1440 от 12 июля 2008 г. // KREMLIN.RU: официальные сетевые ресурсы президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 24.04.2024)
9. Концепция внешней политики Российской Федерации: указ Президента РФ № Пр-251 от 12 февраля 2013 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499003797> (дата обращения: 25.04.2024)
10. Концепция внешней политики Российской Федерации: указ Президента РФ № 640 от 30 ноября 2016 г. // KREMLIN.RU: официальные сетевые ресурсы президента России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451/page/1> (дата обращения: 26.04.2024)

11. Кожевников В.В. Российско-японские политические отношения сегодня: надежды и перспективы // Россия и АТР. 2016. № 2 (92). С. 46 – 61.
12. Кузьминков В.В. К истории территориального размежевания между Россией и Японией: японский взгляд. М.: ИДВ РАН, 2016. 304 с.
13. Кузьминков В.В., Ян Цзюньдун Российский вектор внешней политики кабинета С. Абэ (2013-2017 гг.) // Россия и АТР. № 1 (99). 2018. С. 148 – 160.
14. Магдеев Р.Р. Гуманитарное сотрудничество между Японией и Россией // Modern oriental studies. 2020. № 2. С. 94 – 99.
15. Магдеев Р.Р., Халлиулина А.А. Динамика экономических отношений между Японией и Россией, основные мотивы // Modern oriental studies. 2019. № 2. С. 78 – 82.
16. Межгосударственные отношения России и Японии // Рамблер. Новости. URL: <https://news.rambler.ru/politics/41597204-mezhgosudarstvennye-otnosheniya-rossii-i-yaponii/?ysclid=lfqj34jeru652258929> (дата обращения: 21.03.2024)
17. Межгосударственные отношения России и Японии // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20161215/1483555315.html> (дата обращения: 17.02.2024).
18. Миронов В. О. Южные Курилы: территориальные вопросы // Образование и право. 2017. С. 9 – 16.
19. Москва и Токио ссорятся из-за визита Медведева на Курилы // BBC News Русская служба. URL: https://www.bbc.com/russian/russia/2010/11/101101_medvedev_kuril_islands. (дата обращения: 24.12.2024).
20. Надо работать с парламентом (9 июля 2009 г.) // Интерфакс: новости. URL: <https://www.interfax.ru/russia/89413> (дата обращения: 12.04.2024)
21. Нгуен Тхи Кам Тхо Перспективы активизации интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Региональные проблемы преобразования экономики. 2008. С. 1 – 8.
22. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Рос. Федерации № 683 от 31 декабря 2015 г. // KREMLIN.RU: официальные сетевые ресурсы президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 24.09.2024)
23. Парамонов О.Г., Пузанова О.В. Россия и Япония: новая повестка дня // Международная жизнь. 2018. С. 82 – 104.
24. Президент России посетил Японию (1516 декабря 2016 г.) // Министерство иностранных дел Японии. URL: https://www.mofa.go.jp/erp/rss/northern/page1e_000130.html (дата обращения 25.03.2024)
25. Пустовойт Е.В. Проблема реорганизации военных баз США на Окинаве и ее последствия для стран АТР // Тихоокеанская Россия в системе международных отношений и обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе: опыт последних лет и грядущие перспективы. 2012. С. 141 – 153.
26. Россия готова к обсуждению с Японией всех вопросов включая наиболее сложные (23 сентября 2009 г.) // KREMLIN.RU: официальные сетевые ресурсы президента России. URL: <http://special.kremlin.ru/catalog/countries/JP/events/5549> (дата обращения: 14.04.2024)
27. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Японии об учреждении и деятельности культурных центров (29 апреля 2013 г.) // Гарант.RU: информационно-правовой портал. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499019163> (дата обращения: 02.08.2024)
28. Справка: Совместная хозяйственная деятельность на четырех северных островах // Посольство Японии в России. URL: https://www.ru.emb-japan.go.jp/itpr_ru/20171020.html (дата обращения: 02.08.2024)
29. Стрельцов Д.В. Российско-японские торгово-экономические отношения: есть ли новая точка опоры? // Вестник МГИМО Университета. 2016. С. 93 – 104.
30. Токийская декларация о Российско-японских отношениях от 13 октября 1993 г. // Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина. URL: <https://www.prlib.ru/item/375604> (дата обращения: 02.02.2024)
31. Хань Тяньянь Российско-японские торгово-экономические отношения и их перспективы в условиях санкций // Современная научная мысль. 2021. С. 184 – 193.
32. Харюшина Н.А. Российско-японская территориальная проблема в президентство В. В. Путина (2004-2008) и Д.А. Медведева (2008-2012) // Территория новых возможностей // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2012. С. 25 – 34.
33. Ян Цзюньдун Российско-японские торгово-экономические отношения: положение и перспективы // Управленческое консультирование. 2016. №9. С. 114 – 126.
34. Япония. Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с вопросами СМИ об итогах российско-японской встречи на высшем уровне в Южно-Сахалинске // MID. RU: официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/jp/1664412/> (дата обращения: 02.08.2024)

35. Японо-российская встреча на высшем уровне «на полях» саммита АТЭС в Гонолулу (основное содержание) (12 ноября 2011 г.) // Посольство Японии в России: официальный сайт. URL: <https://www.ru.emb-japan.go.jp/RELATIONSHIP/2011/20111113.html> (дата обращения: 02.08.2024)

36. Японо-российская встреча на высшем уровне (9 ноября 2014 г.) // MOFA.GO.JP: официальный сайт Министерства иностранных дел Японии. URL: https://www.mofa.go.jp/erp/rss/northern/page4e_000152.html (дата обращения: 24.03.2023)

37. Японо-российская встреча на высшем уровне по случаю Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (28 сентября 2015 г.) // MOFA.GO.JP: официальный сайт Министерства иностранных дел Японии. URL: https://www.mofa.go.jp/erp/rss/northern/page1e_000053.html (дата обращения: 24.03.2024)

References

1. Afonin B.M. Regional diplomacy of the Shinzo Abe cabinet. Asia-Pacific region: economics, politics, law. 2016. Issue 18. No. 1-2. P. 9 – 22.

2. Belov A.V. Prospects for Russian-Japanese cooperation in the field of energy. Japanese studies. 2016. No. 1. P. 32 – 46.

3. D. Medvedev's visit to the Kuril Islands: Japan demands explanations from the Russian ambassador. RBC. URL: <https://www.rbc.ru/politics/03/07/2012/5703f9e79a7947ac81a69abd> (date of access: 24.09.2024)

4. Meeting with Prime Minister of Japan Taro Aso (July 9, 2009). KREMLIN.RU: official online resources of the President of Russia. URL: <http://special.kremlin.ru/catalog/countries/JP/events/4754> (date of access: 12.04.2024)

5. Business summit of the APEC forum (9-11 November 2014). KREMLIN.RU: official online resources of the President of Russia. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/46988> (date of access: 21.02.2024)

6. Dmitry Medvedev: there will be a better life on the Southern Kuril Islands. REX Information Agency. URL: <https://iarex.ru/news/10118.html> (date of access: 24.09.2024)

7. Zabella A.A., Mitsuru E. Humanitarian cooperation between Russia and Japan as cherry blossoms: a symbol of hope for a better future. Southeast Asia: current development issues. 2021. P. 268 – 283.

8. Foreign Policy Concept of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. Pr-1440 of July 12, 2008. KREMLIN.RU: official online resources of the President of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785> (date of access: 24.04.2024)

9. The concept of foreign policy of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation No. Pr-251 of February 12, 2013. Electronic fund of legal and normative-technical documents. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499003797> (date of access: 25.04.2024)

10. The concept of foreign policy of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation No. 640 of November 30, 2016. KREMLIN.RU: official online resources of the President of Russia. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451/page/1> (date of access: 26.04.2024)

11. Kozhevnikov V.V. Russian-Japanese political relations today: hopes and prospects. Russia and Asia Pacific region. 2016. No. 2 (92). P. 46 – 61.

12. Kuzminkov V.V. On the history of territorial delimitation between Russia and Japan: Japanese view. Moscow: IFES RAS, 2016. 304 p.

13. Kuzminkov V.V., Yang Jundong Russian vector of foreign policy of S. Abe cabinet (2013-2017). Russia and Asia Pacific region. No. 1 (99). 2018. P. 148 – 160.

14. Magdeev R.R. Humanitarian cooperation between Japan and Russia. Modern oriental studies. 2020. No. 2. P. 94 – 99.

15. Magdeev R.R., Khaliulina A.A. Dynamics of economic relations between Japan and Russia, main motives. Modern oriental studies. 2019. No. 2. P. 78 – 82.

16. Interstate relations between Russia and Japan. Rambler. News. URL: <https://news.rambler.ru/politics/41597204-mezhgosudarstvennye-otnosheniya-rossii-i-yaponii/?ysclid=lfqj34jeru652258929> (date of access: 03/21/2024)

17. Interstate relations between Russia and Japan. RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20161215/1483555315.html> (date of access: 17.02.2024).

18. Mironov V. O. Southern Kuril Islands: territorial issue. Education and Law. 2017. P. 9 – 16.

19. Moscow and Tokyo quarrel over Medvedev's visit to the Kuril Islands. BBC News Russian Service. URL: https://www.bbc.com/russian/russia/2010/11/101101_medvedev_kuril_islands. (date of access: 24.12.2024).

20. We need to work with parliament (July 9, 2009). Interfax: news. URL: <https://www.interfax.ru/russia/89413> (date of access: 12.04.2024)

21. Nguyen Thi Cam Tho Prospects for Activating Integration Processes in the Asia-Pacific Region. Regional Problems of Economic Transformation. 2008. pp. 1 – 8.
22. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 683 of December 31, 2015. KREMLIN.RU: official online resources of the President of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> (date of access: 09/24/2024)
23. Paramonov O.G., Puzyanova O.V. Russia and Japan: New Agenda. International Affairs. 2018. P. 82 – 104.
24. The President of Russia visited Japan (December 15-16, 2016). Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: https://www.mofa.go.jp/erp/rss/northern/page1e_000130.html (date of access 25.03.2024)
25. Pustovoit E.V. The problem of reorganization of US military bases on Okinawa and its consequences for the Asia-Pacific countries. Pacific Russia in the system of international relations and security in the Asia-Pacific region: experience of recent years and future prospects. 2012. P. 141 – 153.
26. Russia is ready to discuss with Japan all issues, including the most difficult ones (September 23, 2009). KREMLIN.RU: official network resources of the President of Russia. URL: <http://special.kremlin.ru/catalog/countries/JP/events/5549> (date of access: 14.04.2024)
27. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of Japan on the establishment and activities of cultural centers (April 29, 2013). Garant.RU: information and legal portal. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499019163> (date of access: 02.08.2024)
28. Reference: Joint economic activities on the four northern islands. Embassy of Japan in Russia. URL: https://www.ru.emb-japan.go.jp/itpr_ru/20171020.html (date of access: 02.08.2024)
29. Streltsov D.V. Russian-Japanese trade and economic relations: is there a new point of support? Bulletin of MGIMO University. 2016. P. 93 – 104.
30. Tokyo Declaration on Russian-Japanese Relations of October 13, 1993. B.N. Yeltsin Presidential Library. URL: <https://www.prlib.ru/item/375604> (accessed: 02.02.2024)
31. Han Tianyan Russian-Japanese Trade and Economic Relations and Their Prospects under Sanctions. Modern Scientific Thought. 2021. P. 184 – 193.
32. Kharyushina N.A. Russian-Japanese Territorial Problem during the Presidency of V.V. Putin (2004-2008) and D.A. Medvedev (2008-2012). Territory of New Opportunities. Bulletin of the Vladivostok State University of Economics and Service. 2012. P. 25 – 34.
33. Yang Jundong Russian-Japanese Trade and Economic Relations: Status and Prospects. Management Consulting. 2016. No. 9. P. 114 – 126.
34. Japan. Commentary by the Information and Press Department of the Russian Foreign Ministry in connection with media questions about the results of the Russian-Japanese summit in Yuzhno-Sakhalinsk. MID. RU: official website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/jp/1664412/> (date of access: 02.08.2024)
35. Japan-Russia Summit on the Sidelines of the APEC Summit in Honolulu (main content) (12 November 2011). Embassy of Japan in Russia: official website. URL: <https://www.ru.emb-japan.go.jp/RELATIONSHIP/2011/20111113.html> (date of access: 02.08.2024)
36. Japan-Russia Summit (9 November 2014). MOFA.GO.JP: official website of the Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: https://www.mofa.go.jp/erp/rss/northern/page4e_000152.html (accessed: 24.03.2023)
37. Japan-Russia Summit Meeting on the Occasion of the United Nations General Assembly (September 28, 2015). MOFA.GO.JP: official website of the Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: https://www.mofa.go.jp/erp/rss/northern/page1e_000053.html (accessed: 24.03.2024)

Информация об авторах

Астанина Е.А., кандидат исторических наук, доцент, Высшая школа педагогики и истории, Тихоокеанский государственный университет, eaa-m@mail.ru

Богданова Е.Г., Институт социально-политических технологий и коммуникаций, Тихоокеанский государственный университет

© Астанина Е.А., Богданова Е.Г., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 33.330.3

Особенности начального этапа массовой приватизации в Смоленской области: динамика и социально-экономические последствия

^{1, 2} Иванов А.М.,

¹ Ягнешко М.В.,

¹ Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,

² Смоленский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Аннотация: приватизацию, осуществлявшуюся в России в 1990-е годы, можно разделить на несколько этапов существенно отличавшихся поставленными целями, применяемыми методами, нормативно-правовым регулированием, количественными показателями, полученными результатами. В статье изложены результаты анализа экономических и правовых особенностей осуществления приватизации во второй половине 1992 года, когда граждане Российской Федерации и Смоленской области, в частности, стали свидетелями и участниками беспрецедентного по масштабам и срокам реализации процесса перераспределения государственных активов в рамках перевода экономики страны от планово-административной к рыночной системе хозяйствования. Сложившиеся в то время противоречия такие как несоответствие между экономической целесообразностью приватизации и политическими целями, между интересами общества и отдельных социальных групп, игнорирование особенностей развития страны в предыдущие десятилетия, нарушение приватизационного законодательства до настоящего времени оказывают существенное влияние на социально-экономические отношения в обществе.

Ключевые слова: акционирование предприятий, малая приватизация, массовая приватизация, приватизация, собственность, Смоленская область, экономические интересы

Для цитирования: Иванов А.М., Ягнешко М.В. Особенности начального этапа массовой приватизации в Смоленской области: динамика и социально-экономические последствия // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 2. С. 55 – 64.

Поступила в редакцию: 13 ноября 2024 г.; *Одобрена после рецензирования:* 15 января, 2025 г.; *Принята к публикации:* 3 марта 2025 г.

Features of the initial stage of mass privatization in the Smolensk region: dynamics and socio-economic consequences

^{1, 2} Ivanov A.M.,

² Yagneshko M.V.,

¹ Smolensk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

² Smolensk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation

Abstract: the privatization carried out in Russia in the 1990s can be divided into several stages that significantly differed in the goals set, the methods used, regulatory and legal regulation, quantitative indicators, and the results obtained. The article presents the results of an analysis of the economic and legal features of privatization in the

second half of 1992, when citizens of the Russian Federation and the Smolensk region, in particular, witnessed and participated in the unprecedented scale and timing of the process of redistribution of state assets as part of the transition of the country's economy from a planned administrative to a market management system. The contradictions that developed at that time, such as the discrepancy between the economic expediency of privatization and political goals, between the interests of society and individual social groups, ignoring the peculiarities of the country's development in previous decades, violation of privatization legislation to date have a significant impact on socio-economic relations in society.

Keywords: corporatization of enterprises, small privatization, mass privatization, privatization, property, Smolensk region, economic interests

For citation: Ivanov A.M., Yagneshko M.V. Features of the initial stage of mass privatization in the Smolensk region: dynamics and socio-economic consequences. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (2). P. 55 – 64.

The article was submitted: November 13, 2024; Approved after reviewing: January 15, 2025; Accepted for publication: March 3, 2025.

Введение

Реализация модели «шоковой терапии» привела к резкому обострению социально экономической ситуации в стране уже к середине 1992 года. Согласно данным Института экономических проблем переходного периода произведенный национальный доход в первом полугодии 1992 года снизился по отношению к предыдущему году на 18%, объем промышленного производства на 13,5%, объем инвестиций в основные фонды на 46%, аналогичную динамику демонстрировали предприятия других отраслей. Разрушались сложившиеся ранее производственные хозяйственные связи между предприятиями различных регионов, возник кризис неплатежей, в результате которого предприятия оказались неспособными выполнять свои обязательства перед контрагентами, что вело к разрушению существовавшего производственного цикла. Нарастал дефицит государственного бюджета – в апреле 1992 г. он вырос до 52,9 млрд. руб., (1,1% ВВП) в мае уже до 123,1 млрд. руб. (4,1% ВВП) [5, с. 34].

Стремительными темпами увеличивалась безработица, число зарегистрированных безработных с января по июнь 1992 года возросло в три раза, с 69,9 тыс. чел. до 209,9 тыс. чел. В то же время, спрос на рабочую силу упал более чем на 30% [5, с. 24].

Сокращение числа занятых сопровождалось ростом цен. По информации того же Института экономических проблем переходного периода потребительские цены и тарифы на платные услуги населению выросли в 26 раз, в т.ч. цены на продукты питания в 17 раз. Несмотря на внушительный рост, по мнению реформаторов «инфляция оказалась гораздо выше ожидаемого, но не достигла катастрофического уровня» [5, с. 26]. Либерализация цен на своей начальной стадии привела к резкому падению и без того невысокого

уровня жизни. Повышение заработной платы и других доходов резко отставало от роста цен. Обесценились денежные накопления населения.

Предприятия, столкнувшись с нехваткой денег оказались не в состоянии выплачивать начисленную заработную плату. При этом, на многих предприятиях работникам вследствие отсутствия денежных средств заработную плату выдавали производимыми товарами. Государство также оказалось не в состоянии выполнять свои социальные обязательства. Общая задолженность государства по выплате заработной платы, пенсий и пособий к концу первого полугодия составила более 220 млрд. руб. [3, с. 31].

Как следствие, резко упал уровень жизни населения. Директор Института социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук академик Римашевская Н.М., отмечала, что затраты на питание в доходах семьи увеличились до 70-75%, а в целом, уровень текущего потребления граждан в 1992 г. снизился до состояния конца 50-х гг., то есть население в это время оказалось отброшенным по уровню жизни почти на сорок лет назад [1].

На фоне падения уровня жизни, росло число психических и стрессовых расстройств, самоубийств, активизировались преступные элементы. Впервые за долгие годы число умерших в стране превысило число родившихся.

Проведенный Независимым институтом социологии парламентаризма соцопрос показал, что «большинство людей недовольно жизнью, значительная часть не верит в успех экономической политики Б.Н. Ельцина и не выдерживает либерализации цен» [7]. Рядовые граждане не понимали сути проводимых преобразований, не было видно, за счет каких факторов может произойти стабилизация и улучшение жизненного уровня.

Вера в руководство страны, «справедливое государство» оказалась подорванной. Недовольство населения проводимыми преобразованиями выразилось в росте забастовочного движения. Количество работающих граждан, принимающих участие в забастовках в апреле-мае 1992 года, превышало 100 тыс. чел. при потерях рабочего времени до 782 тыс. человеко-дней [5, с. 23]. Помимо падения уровня жизни, конец 1991 – начало 1992 годов характеризовались нарастанием политических проблем, в частности, обострением конфликтов между представительными и исполнительными органами власти, центральным Правительством и регионами, ростом националистических настроений.

Материалы и методы исследований

При проведении исследования использовались материалы Комитета по управлению государственным имуществом Смоленской области, архивные источники, Государственного архива новейшей истории Смоленской области, данные Смоленского областного комитета государственной статистики, результаты исследований научных организаций. В работе используются как экономические, так и исторические методы научного исследования: анализ и синтез, индукции и дедукции, исторический и логический анализ, проблемно-хронологический и др.,

Результаты и обсуждения

Нарастание недовольства результатами проводимых преобразований, спад производства падение уровня жизни населения заставили правительство искать пути воздействия на общество и экономику, которые обеспечили бы необратимость рыночных реформ.

Одним из таких гарантов мог выступить класс людей заинтересованных в продолжении реформ в силу личной заинтересованности, основанной на росте материального благосостояния и влияния на общество.

Слой частных собственников в России начали искусственно формировать еще с начала перестройки. Государство, оставаясь собственником производственно-технического потенциала страны и контролируя все отрасли экономики создавало льготные условия для нарождающегося частного сектора, закрывая глаза на переток государственных материальных и денежных средств в частные руки. Определенная группа лиц, допущенная к собственности, смогла осуществить первоначальное накопление за счет растаскивания огромного централизованного и концентрированного капитала, накопленного за годы Советской власти. Новые собственники – это та сила, которая по мнению реформаторов могла стать гарантом необра-

тимости процесса реформ, политической стабильности в стране.

Реализовать подобный замысел была призвана приватизация, в ходе которой предполагалось распределить государственную собственность среди населения и тем самым создать широкий слой собственников.

К середине 1992 года процесс приватизации развивался довольно вяло. Всего в Смоленской области за весь 1991 г. и первую половину 1992 г. приватизировано 80 предприятий и объектов, что составило всего 3% от общего числа государственных предприятий подлежащих приватизации. Преимущественно приватизации подверглись предприятия сферы услуг. По состоянию на 1 июля 1992 года в частную собственность перешло 37 объектов торговли и 27 бытового обслуживания, совокупности 80% от общего числа приватизированных на тот момент времени. Относительно высокий спрос в данном случае объяснялся высокой скоростью оборачиваемости капитала при относительно низких первоначальных издержках. В остальных отраслях региональной экономики процесс изменения отношений собственности развивался значительно медленнее, так, в промышленности и транспорте в рассматриваемом периоде не приватизировано ни одного объекта, в лесном хозяйстве 2, в агропромышленном комплексе – 1 объект.

Первый опыт приватизации позволил сделать ряд выводов. В первую очередь, стало понятно, что переход государственной собственности в частные руки, сам по себе не ведет к повышению эффективности использования имущественного комплекса. Смена собственника принесла положительный результат лишь в розничной торговле и общественном питании. Предприятия, непосредственно ориентированные на потребителя (магазины, рестораны, кафе) в кратчайшие сроки адаптировались к требованиям рыночной экономики, несмотря на высокие на тот момент времени риски связанные с инфляцией, динамикой валютных курсов, недоступностью кредита. В то же время, в отраслях реального сектора экономики смена собственника не привела к положительным результатам. Теперь уже негосударственные предприятия столкнулись с резко возросшей конкуренцией, низким платежеспособным спросом населения, конфликтами на предприятиях. Основная часть населения, в том числе члены трудовых коллективов не понимали значение и необходимость самой приватизации, которую многие рассматривали как очередную кампанию и относились к ней по принципу «переживем и это», и соответственно не топились включаться в данный процесс.

Предприятия отраслей реального сектора экономики оказались не привлекательными для частного бизнеса, что обуславливалось сильной инфляцией рубля, разрывом хозяйственных связей, высокими ставками налогов, отсутствием программ поддержки предпринимателей и др.

Плохо была поставлена разъяснительная работа среди населения. До жителей региона практически не доводилась идеология реформ в целом, не разъяснялись положения, смысл и требования закона «О приватизации» и других законных и подзаконных актов.

Значительная часть населения не могла принять участие в приватизации в следствии крайне низких доходов.

Стремление ускорить темпы приватизации обусловило выход в свет в середине 1992 г. целого пакета нормативных актов – Закона РФ «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР», Программы приватизации на 1992 год, Указа Президента РФ № 721 «Об организационных мерах по преобразованию государственных предприятий, добровольных объединений государственных предприятий в акционерные общества».

Внесенные в нормативную базу изменения в еще большей степени смещали акценты приватизации с экономических на достижение политических целей. Главной целью приватизации в 1992 г. было определено «формирование слоя частных собственников, содействующих созданию социально ориентированной рыночной экономики». Остальные цели, такие, как повышение эффективности деятельности предприятий, социальная защита населения, содействие процессу стабилизации финансового положения в стране относились к числу второстепенных.

Само по себе изменение формы собственности спорно с экономической точки зрения, поскольку

переход государственной собственности в частные руки не гарантирует повышение эффективности национальной экономики. В кризисных экономических условиях (спад производства, вызванный разрывом экономических связей, инфляция, непродуманная налоговая политика, замена государственной монополии частной) эффективно не смогут действовать предприятия независимо от форм собственности.

Сравнивая Государственную программу приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации на 1992 год с Основными положениями программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации на 1992 год необходимо отметить ее более совершенный характер, т.к. Программа учитывала накопленный, пусть и достаточно ограниченный опыт приватизации, содержала более конкретный механизм реализации государственного имущества, содержала большее число способов приватизации.

Изменения, внесенные в нормативную базу, усилили административный характер приватизации, ориентировали органы приватизации на достижение максимальных количественных показателей.

Во второй половине 1992 года темпы приватизации резко ускоряются. Причиной тому уже отмеченные изменения законодательства, накопление опыта работниками органов приватизации, усиление административного давления на органы приватизации со стороны региональной исполнительной власти. К участию в приватизации побуждал людей и высокий уровень инфляции. Менялось отношение людей к приватизации. Руководство и работники предприятий стали понимать необратимость реформ, невозможность «переждать» приватизацию как очередную кампанию.

Таблица 1

Динамика малой приватизации в Смоленской области в 1992 г.

Table 1

Dynamics of small-scale privatization in the Smolensk region in 1992.

Приватизировано предприятий, ед.	01.07.1992 г.	01.10.1992	01.01.1993 г.
Торговля	30	168	296
Общественное питание	7	41	81
Бытовое обслуживание	27	105	186
Всего	64	314	563

Так, если за всю первую половину 1992 года в Смоленской области было приватизировано 64 [2, с. 14] объекта относящихся к сфере малой приватизации (табл. 1), то в течение следующих трех месяцев в частную собственность перешло уже 250 объектов [4, с. 98], то есть более 80 объектов ежемесячно. Набранные темпы сохранились до конца 1992 года, по результатам которого в част-

ную собственность перешли 563 объекта вошедших в программу малой приватизации. Ориентация на количественные результаты привела к тому, что к началу 1993 года в регионе оказались приватизированными 67% предприятий торговли, 79% предприятий общественного питания и 100% предприятий бытового обслуживания.

Таблица 2

Способы приватизации объектов малой приватизации в Смоленской области по состоянию на 01 января 1993 года.

Table 2

Methods of privatization of small-scale privatization objects in the Smolensk region as of January 1, 1993.

Показатели	Количество предприятий			
	всего	торговля	общественное питание	бытовое обслуживание
Все формы собственности	705	441	102	162
в том числе:				
муниципальная собственность	677	420	101	156
областная собственность	19	12	1	6
федеральная собственность	9	9	0	0
Приватизировано по состоянию на 01.07.1992 г.	64	30	7	27
Приватизировано по состоянию на 01.01.1993 г.	563	296	81	186
в том числе:				
муниципальная собственность	541	282	80	179
областная собственность	17	9	1	7
федеральная собственность	5	5	0	0
Способ приватизации:				
конкурс	270	169	31	70
аукцион	142	89	21	32
аренда	134	23	28	83
акционирование	17	15	1	1

В целях сохранения объема и ассортимента производимой продукции (услуг) большая часть предприятий и объектов приватизирована путем продажи по конкурсу, (48,0%), что, согласно закону, давало возможность контролировать их деятельность в течение 3-х лет с момента продажи, через аренду с правом выкупа приватизировано 23,8% предприятий и объектов, в том числе 7,8% предприятий торговли, 34,6% общественного питания, 44,6% бытового обслуживания. Через продажу с аукциона приватизировано в целом по области 142 (25,2%) предприятия, в основном это объекты розничной торговли (30,0%) от числа приватизированных объектов, более четверти (25,9%) общественного питания, бытового обслуживания 17,2% (табл. 2).

Обращает на себя внимание то, что подавляющая часть приватизированных предприятий и объ-

ектов – 96,3% являлись муниципальной собственностью. В течении 1992 года в частную собственность перешло 79,9% всех муниципальных предприятий, в том числе 67,1% из сферы торговли, 79,2% общественного питания, 100% бытового обслуживания. Можно констатировать, что малая приватизация на местном уровне в 1992 году была в основном завершена.

В отраслях экономики, включенных в программу «большой приватизации», также происходило ускорение процессов связанных с изменением отношений собственности. Если, как указывалось выше, к июлю 1992 года в Смоленской области в частную собственность перешли единичные предприятия из реального сектора экономики, то во второй половине года «большая приватизация» приватизация также принимает массовый характер. Высокую активность населения на рынке гос-

ударственных активов подтверждает показатель интенсивности приватизации (число реализованных заявок / число предприятий, подлежащих приватизации), который по итогам 1992 года составил 1,410 при среднем значении по Российской Федерации 0,369 [6, с. 197].

Наибольший интерес вызвали предприятия легкой и пищевой промышленности, где рассмат-

риваемый показатель составил соответственно 2,636 и 3,818. Предприятия других отраслей промышленности включенные в план приватизации оказались не столь интересны потенциальным покупателям, так, в строительстве, промышленности строительных материалов, агропромышленном комплексе показатель интенсивности оказался ниже единицы.

Таблица 3

Итоговые показатели приватизации в Смоленской области по состоянию на 01.01.1993 г.

Table 3

Final indicators of privatization in the Smolensk region as of 01.01.1993.

	Предприятия включенные в план приватизации, ед.	Подано заявок на приватизацию, ед.	Реализовано заявок на приватизацию ед.	Размер денежных средств, намечаемых к получению, млн. руб.	Размер денежных средств, полученных от приватизации, млн. руб.	Стоимость имущества предприятий по реализованным заявкам, млн. руб.
Легкая промышленность	11	47	29	259,12	43,41	278,30
Пищевая промышленность	11	47	42	319,61	88,89	329,53
Строительство	55	52	46	266,78	69,35	287,33
Промышленность стройматериалов	20	21	16	184,97	37,48	153,14
Сельскохозяйственные предприятия и ПТО с/х	83	101	86	146,19	25,04	148,20
Автотранспорт и ремонтные предприятия	41	33	29	69,38	24,82	7,08
Объекты малой приватизации	501	698	501	1046,38	509,07	182,60
Объекты незавершенного строительства	36	19	17	36,43	30,09	4,37
Прочие	98	345	305	1403,93	147,89	1386,45
Итого	856	1366	1207	3732,77	976,03	2842,99

Всего по области в 1992 году реализовано 1207 заявок на приватизацию (табл. 3). В наибольшей степени данный процесс затронул пищевую промышленность, где в 1992 г. приватизировано 83,3% предприятий, бытовое обслуживание – 84,9%, оптовую торговлю – 69,6%, легкую промышленность – 59,1%; общественное питание – 61,8%. Следует отметить, что покупателями объектов производственной сферы выступали трудовые коллективы, случаев инвестирования частных средств в производство не наблюдалось.

Дифференциацию спроса на недвижимость в зависимости от отраслевой принадлежности объектов подтверждает и соотношение размера денежных средств, намечаемых к получению и стоимости имущества предприятий по реализован-

ным заявкам. Наиболее привлекательными для покупателей оказались объекты малой приватизации, где указанный показатель составил 5,7:1. Значительно ниже оказалась активность потенциальных собственников в сфере материального производства, (промышленность, строительство), предполагаемая выручка от продажи предприятий данного сектора лишь ненамного превысила стоимость имущества или даже оказалась ниже, как например, в строительстве, пищевой промышленности, (рассматриваемое соотношение составило 0,97), легкой промышленности (0,93), сельском хозяйстве (0,99).

Повышение степени интенсивности реализации государственного имущества сопровождалась подготовкой к массовой приватизации. Изменение

отношений собственности вызывало в обществе в целом негативную реакцию, т.к. основная часть населения, не имевшая средств, оставалась сторонним наблюдателем за перераспределением государственной собственности. Вовлечь в процесс приватизации все население страны могла лишь бесплатная, либо с большой скидкой с цены раздача государственного имущества. Правительство России Постановлением № 490 от 15 июля 1992 г. N 490 «О порядке введения в действие системы приватизационных чеков в Российской Федерации» принимает решение о бесплатном распределении государственной собственности посредством использования приватизационных чеков и наделении ими всех граждан страны независимо от возраста. Предполагалось, что распределение собственности сгладит возникающее недовольство населения приватизацией, позволит в кратчайшие сроки создать широкий слой собственников – гарант от возвращения к коммунистическому прошлому. Одновременно, использование ваучеров должно было стать тем механизмом, который обеспечит достаточно быструю и с минимальными социальными издержками концентрацию собственности в руках граждан, обладающих капиталом в денежной форме.

Перед органами приватизации была поставлена задача – обеспечить подготовку государственной собственностью к массовому распределению. Согласно Указа Президента Российской Федерации от 1 июля 1992 г. № 721, комитетом по управлению госимуществом Смоленской области, помимо областной программы приватизации создан реестр государственных предприятий подлежащих преобразованию в акционерные общества открытого типа. В реестр внесено 51 предприятие с суммарной величиной уставного капитала 6,6 млрд. рублей.

Необходимость обеспечения поступления на рынок достаточного количества акций предопределила усиление динамики преобразования государственных предприятий в акционерные общества. Если в первой половине 1992 года в регионе было создано всего два акционерных общества с общим количеством работающих 348 человек и стоимостью основных фондов 10,6 млн. рублей, то во второй половине года в акционерные общества преобразовано уже 229 бывших государственных предприятий с величиной уставного капитала в 2,5 млрд. руб. (табл. 4).

Преобразование государственных предприятий в акционерные общества в Смоленской области в 1992 году (нарастающим итогом).

Таблица 4

Table 4

Transformation of state enterprises into joint-stock companies in the Smolensk region in 1992 (cumulative total).

Период регистрации акционерных обществ	Число зарегистрированных акционерных обществ, ед.	Стоимость основных фондов, млн. руб.	Численность работающих, чел.	Величина уставного капитала, млн. руб.
01.01.1992-30.06.1992	2	10,6	348	9,7
01.07.1992-01.12.1992	231	1852,2	76534	2519,8

Нужно отметить, что в погоне за высокими темпами реформ акционирование осуществлялось без связи с повышением экономической эффективности производства, чему в немалой степени способствовало отсутствие региональной программы развития экономики. Это выразилось в шаблонной разработке планов приватизации предприятий без учета их финансового состояния, структуры капитала, денежных и имущественных обязательств. Не просчитывались возможные варианты развития производства с учетом складывающейся конъюнктуры. Лихорадочные темпы акционирования не оставляли времени на поиск инвесторов даже на перспективные предприятия, способные стать локомотивом экономики области.

Надежды на частные инвестиции не оправдались вследствие низкой рентабельности производства, политической нестабильности.

Одновременно разворачивается кампания по наделению населения приватизационными чеками. Постановлением Главы администрации Смоленской области от 24.07.1992 г. № 162 создается областная территориальная комиссия и составляется план мероприятий по введению системы приватизационных чеков на территории региона. В соответствии с планом создается 411 пунктов выдачи приватизационных чеков, начавших свою работу 1 октября (в том числе 254 при отделениях сбербанка). Списки получателей чеков, переданы в отделения сбербанка уже в конце сентября. В течение

трех месяцев на территории области осуществлена массовая выдача чеков, из 1201,4 тыс. человек, внесенных в списки граждан-получателей (на момент начала выдачи чеков), чеки получили 1118,0 тыс. человек (95%).

Чтобы не допустить в ходе чековой приватизации недостатка собственности по отношению к выданным чекам и тем самым предотвратить их девальвацию правительство издает ряд нормативных актов, направленных на укрепление доверия населения к проводимой кампании и стабилизации процесса.

Указом Президента РФ от 14 октября 1992 г. № 1229 «О развитии системы приватизационных чеков в Российской Федерации» установлено, что при продаже акций приватизируемых предприятий относящихся к федеральной, областной собственности восемьдесят процентов обыкновенных и привилегированных акций типа Б (закрепленных за фондом имущества) подлежат продаже за приватизационные чеки. Аналогичным образом подлежало оплате имущество, приобретаемое на аукционе и по конкурсу.

Государственному комитету РФ по управлению государственным имуществом согласно Указу Президента РФ от 16 ноября 1992 г. № 1391 «О продаже объектов приватизации за приватизационные чеки» надлежало до 20 ноября 1992 г. утвердить перечень объектов, подлежащих на аукционе и конкурсе продаже за приватизационные чеки. Конкретный механизм реализации приватизационных чеков в процессе приватизации определялся Распоряжением ГКИ РФ от 4 ноября 1992 г. № 701-р.

Помочь населению в реализации приватизационных чеков были призваны специализированные инвестиционные фонды, деятельность которых определялась Указом Президента РФ от 7 ноября 1992 г. № 1186 «О мерах по организации рынка ценных бумаг в процессе приватизации государственных и муниципальных предприятий».

Выводы

Подводя итоги первого года рыночных преобразований в Смоленской области необходимо отметить необоснованно высокие темпы приватизации, как результат безоглядного следования руководства региона политике правительства Российской Федерации и Государственного комитета Российской Федерации по управлению государственным имуществом в области реформ, которую даже американские исследователи охарактеризовали как экстремистскую [8, с. 30]. Можно сказать, что приватизацию поставили на поток, что не могло не сказаться на качестве работы органов приватизации. Планы приватизации предприятий

не содержали мероприятий по реорганизации производства, привлечения инвестиций, применялась единая методика приватизации для всех предприятий вне зависимости от отраслевой принадлежности и состояния производственной базы, конкурентоспособности, результатов хозяйственной деятельности.

Проигнорированным оказалось использование объектов социальной сферы. Уже в 1992 г. возникла проблема использования ведомственного социально-бытового сектора. До реформ крупные предприятия строили и содержали жилые дома, детские сады, санатории, больницы, клубы. Переход к рынку заставил товаропроизводителей считать издержки, в то время как содержание «социалки» требовало больших затрат и ухудшало финансовые показатели. Предприятия стали отказываться от содержания социальной инфраструктуры, не могли принять на свой баланс указанные объекты и местные органы власти вследствие недостатка средств на их содержание. Социальная сфера как бы «зависла», оказавшись ненужной ни тем, ни другим. Пострадавшими оказались рядовые граждане, оставшиеся без тепла в домах, детских садов.

Формально приватизация приняла массовый характер, поскольку большинство населения области наделили приватизационными чеками, владельцами контрольного пакета акций большинства акционируемых предприятий стали трудовые коллективы. Однако распределение значительной доли акций среди работников предприятий не превращало их автоматически в собственников. Фактически собственниками бывших государственных предприятий становилось их бывшее руководство, скупая акции у работников, влияя на членов коллектива используя систему материального стимулирования либо вытесняя с предприятий несогласных, отстаивающих свои права работников. И здесь в очередной раз проявился идеализм идеологов реформ, преувеличивавших возможности влияния рядовых акционеров на администрацию предприятий через владение пакетами акций.

Зачастую новыми собственниками не выполнялись условия конкурсов. Новые собственники изменяли профиль деятельности предприятий, местные органы власти в свою очередь не осуществляли реального контроля за соблюдением договоров.

Экономическая ситуация в области тем временем продолжала ухудшаться. Промышленное производство в 1992 г. в целом по отношению к уровню 1991 г. сократилось на 18,6% (на приватизированных предприятиях на 17,3%), выпуск продукции сократили 182 предприятия из 303 (60,6%), валовое производство сельскохозяйственной про-

дукции уменьшилось на 3,6%. Особенно следует отметить сокращение объема капиталовложений на 44,6% что предопределяло деградацию социально-производственного комплекса региона в будущем.

Приватизация не привела ни к повышению деловой активности, ни к стимулированию инвести-

ционного процесса в силу своей ориентации на достижение количественных результатов без учета отраслевой структуры экономики, состояния предприятий, социальных отношений. Вместо экономической целесообразности при проведении реформ во главу угла были поставлены политические цели, достижение сиюминутных интересов.

Список источников

1. Валюженич Г. Точка зрения. А кушать хочется... // Ежедневник «Аргументы и Факты». № 22-23. 17/06/1992.
2. Иванов А.М., Купченко К.В., Федоскин Н.Н., Ягнешко М.В. Организационный этап приватизации в Смоленской области (конец 1991 – начало 1992 года) // Юридическая наука. 2022. № 11. С. 9 – 16.
3. Куранов Т. Итоги первого года реформ и предложения по стабилизации экономики // Вопросы экономики. 1993. № 3. С. 28 – 41.
4. Малая приватизация в цифрах // Панорама приватизации. 1992. №1. С. 98–105.
5. Российская экономика в 1992 году тенденции и перспективы // Институт экономических проблем переходного периода. 1992. 130 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20141009173437/http://www.iep.ru/ru/rossiiskaya-ekonomika-v-1992-godu-tendencii-i-perspektivy.html>
6. Российская экономика в 1994 году тенденции и перспективы // Институт экономических проблем переходного периода. 1995. 257 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.iep.ru/files/text/trends/1994.pdf>
7. Соцопрос. Вести реформы до конца // Ежедневник «Аргументы и Факты» № 13. 01/04/1992.
8. Эмсен Э., Интрилигейтор М. и др. Эффективная стратегия переходного периода: уроки экономической теории обновления (доклады американских экспертов) // Проблемы теории и практики управления. 1996. № 2. С. 30 – 35.

References

1. Valyuzhenich G. Point of view. But I want to eat... Weekly "Arguments and Facts". No. 22-23. 17/06/1992.
2. Ivanov A.M., Kupchenko K.V., Fedoskin N.N., Yagneshko M.V. Organizational stage of privatization in the Smolensk region (late 1991 – early 1992). Legal science. 2022. No. 11. P. 9 – 16.
3. Kuranov T. Results of the first year of reforms and proposals for stabilizing the economy. Questions of Economics. 1993. No. 3. P. 28 – 41.
4. Small-scale privatization in figures. Panorama of privatization. 1992. No. 1. P. 98– 105.
5. Russian economy in 1992: trends and prospects. Institute of Economic Problems of the Transition Period. 1992. 130 p. [Electronic resource]. Access mode: <https://web.archive.org/web/20141009173437/http://www.iep.ru/ru/rossiiskaya-ekonomika-v-1992-godu-tendencii-i-perspektivy.html>
6. Russian economy in 1994: trends and prospects. Institute of Economic Problems of the Transition Period. 1995. 257 p. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.iep.ru/files/text/trends/1994.pdf>
7. Social survey. Carry out reforms to the end. Weekly "Arguments and Facts" No. 13. 01/04/1992.
8. Emsden E., Intriligator M., et al. Effective strategy for the transition period: lessons from the economic theory of renewal (reports by American experts). Problems of Theory and Practice of Management. 1996. No. 2. P. 30 – 35.

Информация об авторах

Иванов А.М., кандидат исторических наук, доцент, Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; Смоленский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Aleks-I-82@yandex.ru

Ягнешко М.В., кандидат экономических наук, доцент, Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

© Иванов А.М., Ягнешко М.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 93/94+902

Монастырское землевладение Новоторжского уезда по данным писцового описания 1625/26-1626/27 гг.

¹ Менделеев Н.Д.,
¹ Тверской государственный университет

Аннотация: статья посвящена исследованию монастырского землевладения в Новоторжском уезде на основе данных писцового описания за период 1625/26-1626/27 годов. Исследование основано на анализе и интерпретации исторических материалов того времени, где рассматривается структура и объем земельных владений монастырей в указанный период.

На основе писцового описания в комплексе с актовым материалом проведен комплексный анализ с целью выявления особенностей управления и распределения земельных ресурсов монастырями в XVII в. Результаты исследования позволяют более глубоко понять механизмы землевладения монастырей, их роль в общественно-экономической жизни региона и влияние на развитие области в указанный период истории.

Ключевые слова: писцовые книги, Новоторжский уезд, Монастырское землевладение, Новгородская земля, историческая география, грамота, село, землевладение, пустошь, монастырь

Для цитирования: Менделеев Н.Д. Монастырское землевладение Новоторжского уезда по данным писцового описания 1625/26-1626/27 гг. // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 2. С. 65 – 72.

Поступила в редакцию: 13 ноября 2024 г.; *Одобрена после рецензирования:* 15 января, 2025 г.; *Принята к публикации:* 3 марта 2025 г.

Monastic land ownership of the Novotorzhsky district according to the scribal description of 1625/26-1626/27

¹ Mendeleev N.D.,
¹ Tver State University

Abstract: the article is devoted to the study of monastic land ownership in Novotorzhsky district based on the data of the scribe description for the period 1625/26-1626/27. The research is based on the analysis and interpretation of historical materials of that time, which examines the structure and volume of land holdings of monasteries in the specified period.

Based on the scribal description in combination with the assembly material, a comprehensive analysis was carried out in order to identify the features of the management and distribution of land resources by monasteries in the XVII century. The results of the study allow for a deeper understanding of the mechanisms of land ownership of monasteries, their role in the socio-economic life of the region and their impact on the development of the region during this period of history.

Keywords: scribal books, Novotorzhsky uyezd, Monastic land ownership, Novgorod land, historical geography, literacy, village, land ownership, wasteland, monastery

For citation: Mendeleev N.D. Monastic land ownership of the Novotorzhsky district according to the scribal description of 1625/26-1626/27. *Historical Bulletin.* 2025. 8 (2). P. 65 – 72.

The article was submitted: November 13, 2024; Approved after reviewing: January 15, 2025; Accepted for publication: March 3, 2025.

Введение

Монастырское землевладение играло важную роль в экономическом развитии и расселении в Новоторжской земле в период с конца XV до XVII века. Основным источником информации о монастырских владениях служат письменные документы того времени, включая писцовые книги, а также церковные и монастырские акты.

Монастырское землевладение играло ключевую роль в социально-экономической структуре Московского государства. В середине XVI века более трети населенных земель страны находились в руках духовных феодалов, что делает изучение этого вопроса важным для понимания закономерностей территориальной организации Московского государства.

Исследования монастырского землевладения в Новоторжском уезде давно привлекают внимание отечественных краеведов, однако, как правило, их объектами становились монастыри, расположенные в центральной и северной частях Новоторжского уезда.

Материалы и методы исследований

Вопросом монастырского землевладения занимались В.В. Зверинский [7], В.С. Борзаковский [5], М.С. Черкасова [13], и П.Д. Малыгин [8]. Исследования, проведенные в конце XIX – начале XX века краеведами и церковными историками, в основном фокусируются на истории и значимых особенностях отдельных монастырей. Однако в них часто не рассматриваются социально-экономические аспекты. Анализ и сопоставление письменных и архивных материалов предоставляют возможность не только определить расположение многих объектов, но и получить информацию об их состоянии и общей динамике развития.

Писцовая книга Новоторжского уезда, относящаяся к 1625/26 – 1626/27 годам, представляет собой один из самых ранних сохранившихся писцовых документов, касающихся этого региона. Составленная Владимиром Полтиным, она представляет значительный интерес для историков и исследователей, изучающих социально-экономическое устройство Русского государства в XVII веке. Писцовые книги в целом служили важнейшими источниками информации о земельной собственности, населении, налогах и других аспектах современного общества.

Данный документ хранится в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в фонде Поместного приказа (ф. 1209, оп. 1, № 801, лл. 1-789) и представляет собой отсканированную версию оригинала. Несмотря на высокую ценность для научного сообщества, этот документ до настоящего времени не был опубликован, что ограничивает доступ к его содержанию для более широкого круга исследователей. Изучение писцовой книги может пролить свет на многие аспекты жизни Новоторжского уезда в этот период, включая изменения в землевладении, миграционные процессы, а также взаимодействие местного населения с центральной властью.

Подробно изучением данной писцовой книги занимался А.А. Фролов [11], который дал описание ее структуры и содержательно рассмотрел представленные там волости.

Результаты и обсуждения

Новоторжский уезд в писцовой книге 1625/26-1626/27 гг. представлено последовательным описанием прилежащих земель, состоящих из 16 волостей:

Богатинская волость располагалась близ Ржевского и Старицкого уездов, на левом берегу реки Тьмы. Происхождение её названия остаётся неопределённым: возможно, оно связано с деревней, ныне именуемой Богатьково. Это позволяет выдвинуть два варианта: либо деревня стала источником названия волости, либо топоним, который мог это сделать, был утрачен ранее.

Бельская волость находилась на восточной границе Новоторжского уезда, соседствуя с Тверским уездом и Новгородской землёй, у истоков реки Кавы. Название этой волости также не имеет известного происхождения.

Горицкая волость. Проходит к северу от города Торжка между такими реками как: Тверца, Новедь и Осуга. Восточные границы уезда проходят по реке Тверце, тогда как западные – по Осуге. Происхождение названия остаётся неясно, вероятно, название как-то связано с рельефностью и возвышенностью данных территорий.

Дорская волость. Волость располагается на Северо-восточной границе между Тверским и Новгородским уездами. Восточная и южная граница уезда проходит по р. Сусешня. Территориально находилась в бассейне речки Медведицы. На данный момент на месте уезда располагается посёлок

Калашниково. Волость проходила от северной границы Бельской волости. От чего происходило название данной волости – неизвестно.

Дмитровская волость. Находилась на границе с Тверским уездом с южной стороны Ильинской и Спасской волости. Границы уезда проходила по реке Тверце, близь Тверской границы. Название произошло от погоста Дмитрия Селунского, который на данный момент имеет созвучное название с волостью- Дмитровское.

Волость Дорогоща. Территория волости была расположена к югу от города Торжка, между Жалинской, Рашкинской волости и Сукромлей. Название волости происходит от реки Дорогощи [12].

Жалинская волость. Располагалась по данным писцовой книге близ города Торжка на юго-востоке, между Спасской и Сукромлей, восточная граница проходила вдоль правого берега Тверцы до границы Тверского уезда. Сама по себе волость была по размеру соизмерима с Дмитровской и Ильинской волостью. Название волости выбрано по тесной связи с речкой Жалинкой.

Зашегринская волость. Северная граница данной волости проходила по реке Шегрине, тогда как южная – по р. Осуге. Восточная граница соответствовала притоку реки Тверцы, Северная часть уезда проходила с границей Новгородского уезда. На данном момент по локализации на карте данной волости видны большие отклонения от общих установленных границ уезда.

Волость Загорье. Располагалась по восточную сторону от волости Сукромли и к западу от Упервицкой волости. Восточная граница проходила по реке Рачайна. Название волости происходит от села Загорья находящиеся в центре волости.

Ильинская волость представляет собой одну из обширнейших волостей, размещенных в восточной части округа и соседствующих с Тверским уездом. Её территория простирается вокруг станции Николаевской железной дороги, расположенной в Лихославле. На её границах находятся такие волости, как Бельская, Дмитровская и Спасская. Название волости напрямую связано с селом Ильинское, которое расположено в непосредственной близости от Лихославля.

Прутенская волость находилась к северо-востоку от города Торжка. Согласно писцовым описаниям, её приблизительные границы проходили вдоль современных линий Николаевской и Новоторжской железных дорог, а на севере она ограничивалась рекой Тверцей, составляя границу уезда. Эта волость располагалась в самом центре уезда и соседствовала с Зашегринской и Теберенской волостями. По сравнению с другими воло-

стями, Прутенская занимала значительные площади и отличалась высоким количеством топонимов, зафиксированных в её пределах, как показано в таблице. Название волости берёт своё начало от погоста Прутни, который расположен на реке Тверце.

Рашкинская волость. Граница проходила к западу от города Торжка, северная и западная граница располагалась на правом берегу реки Осуги. Территория Рашкинской волости соседствовала с рядом других административных образований, в том числе с Сукромлей и Рашинской волостью, что подчеркивало её значимость в рамках региона. Эти соседства могли влиять на социальные и экономические взаимосвязи между населением разных волостей, способствуя обмену товарами и культурными традициями.

Спасская волость. Располагалась к юго-востоку от города Торжка, западная граница проходила по реке Тверца, тогда как северная граница по р. Логовежь. Вдоль левого берега Тверцы проходила граница с Жалинской волостью. Название волости произошло от села Спасского находившегося на р. Тверце.

Волость Сукромля. Проходила по Ржевскому рубежу, к юго-востоку от Торжка. Название от села Сукромли на юге волости. Сама волость располагалась на северо-западном направлении.

Теребенская волость. Территория волости находилась на западной стороне уезда, границы проходили по рекам: Поведи на севере и Осуге на востоке. Происхождение названия волости на данный момент остается неясно, в писцовом описании не встречаются похожих топонимов на данной территории.

Упиривицкая волость. Находилась на южной границе уезда, южные границы уезда граничили по речкам Тьме и ее притоку Кранивне. Название волости сохранилось по имени села Упирвичи.

Всего по писцовому описанию 1625/26-1626/27 гг. Новоторжского уезда включает в себя 49 сел, 30 населенных сел, 168 населённых деревень, 2459 пустошей Благодаря данному писцовому описанию удалось составить статистическую таблицу монастырского землевладения XVII века по общему состоянию дворов в волостях, четей и владельцев.

Для начала следует разобраться в роли монастырского землевладения для России XVII века. Ю.В.Готье характеризовал монастырское владение как «вид сильнейшего феодального землевладения» [6]. Автор рассуждал о роли монастырского землевладения в виде трех путей:

- Пожалования – получение монастырем земель, или тех или иных прав;

- Вклады – денежные или земельные дарования;

- Колонизация – строительство новых монастырей связанных с миссионерской деятельности.

Монастырское землевладение во второй половине XVII века продолжало расти благодаря смягчению земельной политики в России за счет указов 1620 и 1622 года, а также личному отношению к церкви царя Михаила Федоровича. Как считал Готье, монастыри и их землевладения достигло своего апогея за счет земельного расширения и церковного раскола.

Л.В. Черепнин рассматривал развитие монастырского землевладения в политическом ключе. Он считал, что значительное земельное обогащение – это результат политических объединений, ведь именно монастыри намного раньше других землепользователей становятся земельными собственниками в России [2].

В Новоторжском уезде в каждой волости встречаются населенные и ненаселенные монастырские землевладения. Данные в каждой волости разнятся, вероятно из-за расположения отдельных церковных объектов, в основном землевладения располагаются в непосредственной близости от монастыря или церкви.

На территории Новоторжского уезда существовали владения множества мелких монастырей и пустошей, которые были распределены по разнообразным волостям.

Некоторые монастыри были владельцами земель в разных волостях уезда, например, Пустынский монастырь имели значительные земли в Спасской, Дмитревской, Загорьевской, Уперивицкой, Жалковской, и Горицкой волостях. Эти владения выделяются как в пустынных землях, так и в населенных селах и деревнях.

По писцовой книге самой многочисленной и по четям, и по землевладениям является волость Прутенская. Прутенская волость находилась на северо-востоке Новоторжского уезда, всего волость насчитывает 5274 чети в целом и состоит из 135 пустошей и 5 деревень.

Самая малочисленная волость Новоторжского уезда по данным писцового описания – Тербенская. В данной волости всего 2 монастырской пустоши с 90 четьми.

Это лишь некоторые примеры монастырского землевладения, которые представлены в писцовых материалах. Помимо письменных описаний достаточно подробно географию и историю монастырского землевладения освещает актовый материал.

В начале XX века был опубликован сборник актов Новоторжского Воскресенского женского монастыря, который включает в себя документы

XVII века. Данный сборник актов позволяет определить значение монастырского землевладения для уезда и показать его роль в развитии феодального землевладения.

Немаловажное значение для изучения истории региона имеют акты и документы, изданные в конце XX – начале XXI века. Эти материалы предоставляют ценную информацию о социально-экономическом развитии и юридических аспектах жизни на Руси в различные исторические периоды.

Среди таких документов можно выделить следующие:

1. «Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV – начала XVI века» [1] – этот сборник включает в себя документы, касающиеся различных аспектов жизни того времени, таких как торговля, землевладение и ремесленное производство. Они являются незаменимым источником для изучения экономических отношений и социального устройства.

2. «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV-XVI вв.» [3] – данные материалы освещают вопросы феодального строя, земельной собственности и управления хозяйством. Они помогают лучше понять структуру феодальных отношений и их влияние на жизнь общества.

3. «Русский дипломатарий» [10] – этот сборник документов предоставляет широкий спектр информации по различным темам, включая правовые акты, договоры и переписки, что в свою очередь позволяет исследовать эволюцию российской дипломатической практики и международных отношений.

4. «Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века» [2] – этот сборник содержит документы, касающиеся землевладения и обязанностей служилых людей. Они бросают свет на военные и экономические отношения того времени, а также их роль в формировании социального статуса благородных классов.

5. «Перечень актов архива Троице-Сергиева монастыря» [9] – архив этого известного монастыря является важным источником для изучения не только религиозной, но и социальной жизни в России. Документы включают в себя регистры, свидетели сделок и записи, касающиеся землевладения, что может помочь в анализе роли церкви в экономике и обществе.

Эти акты и документы играют ключевую роль в исследовании исторического контекста, позволяя историкам и ученым более глубоко понять процессы, происходившие в России в различные времена. Они открывают новые горизонты для изучения и анализа, способствуя полноценному пони-

манию политической, экономической и социальной истории региона.

Анализ актовых материалов Новоторжского уезда позволяет выделить значительное количество сведений о монастырском землевладении, принадлежащем как Троице-Сергиеву монастырю, так и Новоторжскому Воскресенскому монастырю. Эти данные структурированы в отдельных архивных коллекциях, что делает их доступными для исследований.

Среди рассмотренных документов особое внимание заслуживает информация, касающаяся села Медна, которое находилось в ведении Троице-Сергиева монастыря. В актовых записях также фигурируют упоминания о соседних населенных пунктах, таких как Дурова, Олексино, Речица, Раменье, Попок, Исконица, Залук, Красилникова, Павловская и Напругово. Эти деревни создают контекст для понимания масштабов и структуры монастырского землевладения в регионе.

Изучение этих актов помогает не только восстановить картину землевладельческой политики в

данной местности, но и проследить социально-экономические связи между монастырями и местными общинами. Архивные документы представляют собой ценнейший источник информации, отражающий динамику жизни в XIX веке, а также роль монастырей как значимых институтов, влияющих на развитие деревень и их жителей. Предполагается, что эти поселения располагались на границе с Тверским уездом.

По писцовой книге к Троице-Сергиевскому монастырю относились поселения в Уперивицкой волости: село Кумганово, Высокая, Фролиха, Ерина Мишерина, Деревки, Шушкова, Коробьино, Желудиха Сидорова, Молокова, Рогачева, Турбаев, Срезнева.

Также встречаются поселения и в Богатовской волости, это села Лаврово, Желудиха Жюлева, Богаткова Ботково, Сенная Нива, Жилина, Дрищина. Для того, чтобы было удобно рассматривать монастырское землевладения была создана база данных в MS Excel с подробным описанием каждой волости Новоторжского уезда.

Таблица 1

Статистика монастырских землевладений в Новоторжском уезде по писцовому описанию 1625/26-1626/27 г.

Table 1

Statistics of monastic landholdings in the Novotorzhsky district according to the census description of 1625/26-1626/27.

Волость	Кол-во дворов	Кол-во землевладений			Общее количество четей	Владельцы по Писцовому описанию 1626 года
		Пустошь	Деревня	Село		
Горицкая	4	13	3	0	695	Пустынский монастырь, Никитцкий монастырь, Рождественский монастырь, Троицково монастырь, Всемилоостливый Спас соборной церкви
Дорогощи	4	27	0	3	1097	Борисоглебский монастырь, Семеновский монастырь, Богоявленский монастырь, Троицкий монастырь, Всемилоостливый Спас соборной церкви, Святой богоотец Иоаким и Анна, Михаил Архангел, Иоанн Богослов
Жалковская	16	38	4	2	1636	Тутынский монастырь, Пустынский монастырь, Рожденственный монастырь, Семеновский монастырь, Савиновский монастырь, Нектарьевский монастырь, Борисоглебский монастырь

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Уперивицкая	0	41	0	2	1400	Савинский монастырь, Живоначальные троица, Борисоглебский монастырь, Пустынский монастырь, Семеновский монастырь, Троицы Сергиева монастырь
Богатовская	0	10	0	0	227	Борисоглебский монастырь, Троицы Сергиева монастырь, Знамени Честнаго Креста да Георгия Стратоперца, Успение Пресвятыя Богородицы
Загорье	0	23	0	0	783	Борисоглебский монастырь Пустынсково монастырь, Церковная Воскресения Христова, Никитский монастырь, Спас соборная церковь, Церковь Рождества Пречистой Богородицы, Церковная Успения Пречистыя
Сукромля	0	9	0	1	363	Рождественский монастырь, Богоявленский монастырь, Церковные Дмитровские
Рашинская	0	7	0	0	276	Богоявленский монастырь, Ведение Пресвятыя Богородицы, Иван Богослов, Филип Святой, Дмитрий Святой,
Теребенская	0	2	0	0	90	Новокрещен Михайлов
Зашегринская	16	19	7	2	1166	Вознесенский девич монастырь, Вотчина Вознесенского монастыря
Прутенская	15	135	5	0	5274	Пустынный монастырь, Рождественский монастырь, Погост Николы Чудотворца, Соборная церковь,
Дорская	2	4	0	1	137	церковь Ильинская, Церковь Покрова Пречистой
Бельская	0	6	0	0	118	Семеновский монастырь, Святых Жен Мироносиц, Никола Чудотворец
Ильинская	4	33	3	0	1611	Воскресенский монастырь, Соборная церковь, Рождественский монастырь, Никицкий монастырь, Борисоглебский монастырь
Дмитревская	21	26	4	0	959	Троицы Сергиева Монастырь, Савин монастырь, Воскресенский монастырь, Пустынский монастырь, Ржевский монастырь, Нектарьев монастырь, Воскресенский девичий монастырь

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Спасская	13	34	5	0	1892	Соборная церковь, церковь Святого апостола Филиппа, церковь благоверного царя Костеньгина, церковь святого страстотерпца Дмитрея, Церковь Никола Чудотворца, Воскресенский Девич монастырь, Семеновский монастырь, Васильевский монастырь, Рождественский монастырь, Введения Пресвятой Богородицы Пустынского монастыря, Борисоглебский монастырь
----------	----	----	---	---	------	---

Выводы

В Новоторжском уезде, помимо Воскресенского и Троице-Сергиева монастырей, располагались также владения нескольких торжокских монастырей, таких как Николаевский, Пустынский, Борисоглебский, Рождественский, Пречистенский и Спасский. Однако их земельные участки в уезде были незначительными и находились близко к городу. Монастырей в самом уезде было немного, в отличие от соседнего Тверского. Возможно, это связано с тем, что Торжок выступал в роли значительного церковного центра. В записи 1537 года упоминается Симеоновский монастырь на Дорогоще, а с 1690 года – Пятницкий на Плоту.

Таким образом, монастырские владения занимали значительную часть территории Новоторжского уезда, среди которых особое внимание заслуживают владения Троице-Сергиева и Новоторжского Воскресенского монастырей. Владения

Троице-Сергиева монастыря превосходили остальные по размерам, численности населения и доходам, включая важные ремесленные центры, такие как села Медна и Кунганово. Кроме того, городские монастыри Торжка и другие обители в уезде подчеркивали значимость Торжка как важнейшего церковного центра для местного населения. Помимо упомянутых монастырей, в уезде также находились владения Николаевского, Пустынского, Борисоглебского, Рождественского, Пречистенского и Спасского монастырей Торжка.

Согласно полученным данным, в XVI веке монастыри стали обладателями значительных частей ранее принадлежавших Новоторжской знати вотчин, большинство из которых были выморочными. В то же время некоторые монастыри расширяли свои владения, предоставляя льготы или колонизируя слабо населенные районы.

Список источников

1. Акты служилых землевладельцев XV-начале XVII в. М.: Издательство Московского университета, 2005. Т. 4. С. 123 – 134.
2. Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV-начала XVI в. М.: Издательство Московского университета, 1952. Т. 1. С. 74 – 87.
3. Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV-начала XVI в. М.: Издательство Московского университета, 1964. Т. 3. С. 165 – 175.
4. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV-XVI вв. Ч. 1 / подготовлено к печати Л.В. Черепнином; отв. ред. С.В. Бахрушин. М.: Издательство Московского университета, 1951. С. 42 – 44.
5. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV-XVI веков / подготовил к печати Л.В. Черепнин; Академия наук СССР. М.: Издательство Академии наук, 1951. С. 174 – 187.
6. Борзаковский В.С. История Тверского княжества. Тверь: Издательство Тверского университета, 1994. С. 109 – 110.
7. Готье Ю.В. Замосковский край в XVII в. М.: Издательство Известия, 1904. С. 92 – 94.
8. Зверинский В.В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской Империи, с библиографическим указателем. СПб., 1897. Том III. С. 54 – 65.

9. Малыгин П.Д. Торжок в составе Новгородских земель (конец I тыс. н.э. – конец XV в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. С. 14.
10. Перечень актов архива Троице-Сергиева монастыря. 1505-1537 / отв.ред. С.М.Каштанов. М. 2007. С. 13 – 43.
11. Русский дипломатарий. М.: Свет призывов, 1997. С. 59 – 63.
12. Фролов А.А. Источники по средневековой истории Тверской области: писцовая книга Новоторжского уезда письма 1625/26-1626/27 годов // Труды региональных конкурсов научных проектов в области фундаментальных и гуманитарных исследований. Тверь, 2010. С. 141 – 145.
13. Хитров Д.А. Карта административно-территориального устройства Новоторжского уезда в середине XVIII в. // Источники по истории русского средневековья. М., 2022. С. 293 – 309.
14. Черкасова М.С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI-XVII века (по архиву Троице-Сергиевой Лавры): дис. ... докт. ист. наук. Вологда, 2001. С. 92 – 94.

References

1. Acts of service landowners of the 15th – early 17th centuries. Moscow: Moscow University Publishing House, 2005. Vol. 4. P. 123 – 134.
2. Acts of the socio-economic history of North-Eastern Rus' in the late 14th – early 16th centuries. Moscow: Moscow University Publishing House, 1952. Vol. 1. P. 74 – 87.
3. Acts of the socio-economic history of North-Eastern Rus' in the late 14th – early 16th centuries. Moscow: Moscow University Publishing House, 1964. Vol. 3. P. 165 – 175.
4. Acts of feudal land ownership and economy of the 14th – 16th centuries. Part 1. prepared for publication by L. V. Cherepnin; ed. S. V. Bakhrushin. M.: Moscow University Publishing House, 1951. P. 42 – 44.
5. Acts of feudal land ownership and economy of the 14th – 16th centuries. prepared for publication by L.V. Cherepnin; USSR Academy of Sciences. M.: Academy of Sciences Publishing House, 1951. P. 174 – 187.
6. Borzakovsky V.S. History of the Tver Principality. Tver: Tver University Publishing House, 1994. P. 109 – 110.
7. Gautier Yu.V. Moscow Region in the 17th Century. M.: Izvestia Publishing House, 1904. P. 92 – 94.
8. Zverinsky V.V. Material for historical and topographic research on Orthodox monasteries in the Russian Empire, with a bibliographic index. St. Petersburg, 1897. Volume III. P. 54 – 65.
9. Malygin P.D. Torzhok as part of the Novgorod lands (late 1st millennium AD – late 15th century): author's abstract. diss. ... candidate of historical sciences. Moscow, 1992. P. 14.
10. List of acts of the archive of the Trinity-Sergius Monastery. 1505-1537. ed. S.M. Kashtanov. Moscow, 2007. P. 13 – 43.
11. Russian diplomacy. Moscow: Svet prizyvov, 1997. P. 59 – 63.
12. Frolov A.A. Sources on the medieval history of the Tver region: the cadastral book of the Novo-Torzhsy district letters of 1625/26-1626/27. Proceedings of regional competitions of scientific projects in the field of fundamental and humanitarian research. Tver, 2010. P. 141 – 145.
13. Khitrov D.A. Map of the administrative-territorial structure of the Novotorzhsky district in the middle of the 18th century. Sources on the history of the Russian Middle Ages. Moscow, 2022. P. 293 – 309.
14. Cherkasova M.S. Large feudal estate in Russia at the end of the 16th-17th centuries (according to the archive of the Trinity Lavra of St. Sergius): dis. ... doctor of history. sciences. Vologda, 2001. P. 92 – 94.

Информация об авторе

Менделеев Н.Д., аспирант, Тверской государственный университет, 170100, Тверь, ул. Трехсвятская, д. 16/31, mendelev17@yandex.ru

© Менделеев Н.Д., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 94 (47)

Теологические воззрения гуманистов: из истории религиозной мысли

¹ Скопа В.А.,

¹ Алтайский государственный педагогический университет

Аннотация: в статье рассматриваются теологические воззрения гуманистов на примере Ф. Петрарки и Дж. Манетти. Гуманистические концепции создавались в разные времена во многих странах мира. Однако понятие гуманизма в определенных исторических ситуациях наполнялось конкретным содержанием, вытекающим из существующих социокультурных условий. Поэтому гуманизм как духовное образование – это исторически обусловленная система идей. Центральная идея гуманистического мировоззрения Ренессанса – признание ценности человека, его прав, интересов, творческих способностей. Рассматривая человека в его земном предназначении, мыслители исходили из того, что счастье – цель человеческого бытия. Вместе с тем, они не отвергали ни сотворение человека Богом, ни бессмертия души. Как представляется, гуманистическую мысль характерной эпохи можно разделить на гуманизм принципов и гуманизм идеалов. Гуманисты прибегали к догматам христианства не для того, чтобы их укрепить, а для того, чтобы обосновать свои идеи. Работы Джанозцо Манетти и Франческо Петрарки символизируют переход от теоцентризма к антропоцентризму, что меняет акценты этики и природы человеческого существования. Человек, как субъект социальных отношений, для которого знания и действия становятся важнейшими аспектами жизни, лишается традиционных христианских мотивов.

Ключевые слова: гуманизм, история, возрождение, Петрарка, Манетти, Возрождение

Для цитирования: Скопа В.А. Теологические воззрения гуманистов: из истории религиозной мысли // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 2. С. 73 – 77.

Поступила в редакцию: 14 ноября 2024 г.; *Одобрена после рецензирования:* 15 января, 2025 г.; *Принята к публикации:* 3 марта 2025 г.

Theological views of humanists: from the history of religious thought

¹ Skopa V.A.,

¹ Altai State Pedagogical University

Abstract: the article examines the theological views of humanists using the example of F. Petrarch and G. Manetti. Humanistic concepts were created at different times in many countries of the world. However, the concept of humanism in certain historical situations was filled with specific content arising from existing socio-cultural conditions. Therefore, humanism as a spiritual formation is a historically conditioned system of ideas. The central idea of the humanistic worldview of the Renaissance is the recognition of the value of man, his rights, interests, and creative abilities. Considering man in his earthly destiny, thinkers proceeded from the fact that happiness is the goal of human existence. At the same time, they did not reject either the creation of man by God or the immortality of the soul. It seems that the humanistic thought of the characterized era can be divided into the humanism of principles and the humanism of ideals. Humanists resorted to the dogmas of Christianity not to strengthen them, but to substantiate their ideas. The works of Gianozzo Manetti and Francesco Petrarch symbolize the transition from theocentrism to anthropocentrism, which changes the emphasis of ethics and the nature of human existence. Man, as a

subject of social relations, for whom knowledge and actions become the most important aspects of life, is deprived of traditional Christian motives.

Keywords: humanism, history, renaissance, Petrarch, Manetti, Renaissance

For citation: Skopa V.A. Theological views of humanists: from the history of religious thought. *Historical Bulletin.* 2025. 8 (2). P. 73 – 77.

The article was submitted: November 14, 2024; Approved after reviewing: January 15, 2025; Accepted for publication: March 3, 2025.

Введение

Гуманизм как историческое, философское и культурное явление имеет многообразие форм и проявлений, которые определяются социокультурными условиями и историческими контекстами. Гуманизм возник в эпоху Средневековья и продолжился в период Ренессанса. Основными его чертами были интерес к античной культуре, языку и литературе, а также стремление к изучению классических текстов. Учёные, такие как Эразм Роттердамский способствовали формированию латинского гуманизма, выступая за возвращение к античным источникам и за развитие образования [2].

Эпоха Возрождения представила наиболее яркие примеры гуманистической мысли, ставящей в центр внимания человека как самостоятельную и значимую сущность. Произведения таких авторов, как Данте, Петрарка и Макиавелли, отражают высокий интерес к природе человека, его потенциалу, свободе воли и моральной ответственности. Возрождение открыло новые горизонты для истории, искусства, науки и философии, нацеленных на исследование человеческого опыта.

Гуманизм как система идей и историко-философское направление изменялось и развивалось на протяжении многих веков, адаптируясь к различным культурным и социальным контекстам [13]. Каждая форма гуманизма вносила свой вклад в понимание человеческого существования и отношений между человеком и обществом, обогащая культурное наследие человечества и способствуя развитию идеалов свободы, равенства и личной ответственности.

Актуальность заявленной темы подчеркивается еще и тем, что проблема *теологических воззрений гуманистов* рассматривается с различных научных воззрений: истории, теологии, филологии, богословия, что находит отражение как у отечественных исследователей, так и зарубежных [1, 3, 4, 5, 6, 10].

Материалы и методы исследований

Исследование выполнено в русле теории модернизации как историсофской парадигмы и цивилизационного подхода. Важной стороной

методологии исторического познания, выражающей общие черты общенаучных и специфически исторических методов, являются принципы научного познания – объективности, системности, историзма и ценностного подхода. Научная историческая методология представляет собой сложную систему взаимосвязанных и взаимопроникающих методов философско-логического, общенаучного и специально-научного уровня.

Результаты и обсуждения

Как в отечественной, так и зарубежной историографии вызывает интерес, касающийся вопроса о взаимодействии гуманизма и христианской теологии, и в частности о подходе гуманистов к теологическим догматам.

В данном контексте стоит рассмотреть, как гуманисты, такие как Петрарка, Манетти переосмысливают христианские идеи и какую роль это играет в формировании их философии, а также интерпретации божественных догматов о том, как гуманисты, такие как Манетти, подрывали традиционное понимание религии, чтобы поставить человека в центр внимания [7, 9, 10, 11].

Петрарка и другие гуманисты старались возвысить человеческое достоинство и подчеркнуть уникальность человеческой природы. Воплощение Бога в человеке для них служило аргументом в пользу того, что человек обладает высшим достоинством и тем самым превосходит ангелов [12]. Это утверждение, конечно, противоречит традиционной теологии, где говорилось о божественном превосходстве над человечеством. В отличие от теологической традиции, подчеркивающей важность смирения и страдания, гуманисты призывали к радости и самоуважению. Петрарка, в частности, утверждает, что «единственным важным является настоящее земное существование человека, что противоречит идее о том, что счастье возможно только в потустороннем мире» [12, с. 112]. Продолжая рассуждать, гуманисты предлагают новый, более оптимистичный идеал человека, места которого определяются не страданием и покорностью, а добродетелью, радостью и гордостью. В этом контексте Петрарка наследует идеалы античности и связывает их с новыми гумани-

стическими воззрениями [8]. Интересно, что гуманисты, как Петрарка, начинают критиковать сами основы потустороннего счастья, считая его излишним. Если вся необходимая для счастья реальность присутствует на Земле, то какие еще желания могут быть у человека? Это ведет к переосмыслению не только человеческой сущности, но и самой религии, которую гуманисты часто рассматривают как не соответствующую жизни.

Отдельное внимание в воззрениях гуманистов уделено переосмыслению христианских догматов. Гуманисты, включая Петрарку, прибегали к догматам христианства не для того, чтобы их укрепить, а для того, чтобы обосновать свои идеи [14]. Часто они оказывались в ситуации, когда им приходилось исказить или свободно интерпретировать христианские догматы, чтобы адаптировать их к гуманистическим идеалам. Таким образом, вводили в дискурс элементы, которые вступали в прямой конфликт с ортодоксальным христианским учением. Это и стало причиной сложных внутренних конфликтов гуманистов, которые осознавали, что идут против традиционных религиозных норм, при этом не желая полностью их отвергать. Таким образом, гуманистическая традиция, представленная воззрениями Петрарки, привнесла в философию и литературу новый взгляд на человеческое существование, который ставил на первый план достоинство человека, радость жизни и оптимизм, а не покорность или страдание [6]. Эта новая парадигма оказала влияние как на историю и философию, так и на литературу, открыв путь для дальнейших течений, таких как Ренессанс и Новое время.

Манетти, возвеличивая человека, утверждал, что именно «этот человеческий идеал является причиной, по которой боги всех традиций изображаются в человеческом облике» [10, с. 85]. Это отражает устремление гуманизма переосмыслить роль человека в мире: не человек создан для служения Богу, а именно человек становится центральной фигурой всего творения. Таким образом, создается концепция, в которой человек представляет собой венец и цель мироздания.

Манетти, как и Петрарка, оспаривает традиционное понимание искупительной жертвы Христа. Вместо того чтобы акцентировать внимание на греховности человеческой природы, он подчеркивает высокие достоинства человека. Таким образом, идея о человеке как «осужденном навсегда» заменяется более оптимистичным взглядом: если человек велик по своей природе, то он не должен оставаться осужденным, и это нуждается в божественном признании.

Манетти утверждает, что божественное вопло-

щение произошло не для искупления греха, а для прославления человека. Это ставит человека на один уровень с божественным, что резко контрастирует с традиционными христианскими учениями о смирении и покаянии. Из идеи «Бог для человека» вытекает новое понимание этики, в которой божественное совершенство человека становится основой для земного счастья [10].

Вместо традиционной христианской морали, строящейся на любви и покорности Богу, Манетти предлагает идею самосохранения как натурального свойства человека. Он акцентирует, что ценность человеческой жизни должна быть в центре этических размышлений, и что предоставленная Богом жизнь как «высшее творение» заслуживает защиты и почитания [10]. Это радикально меняет порядок нравственных приоритетов.

Интересно отметить, что Манетти затрагивает эту тему, критикуя методы, с помощью которых Бог якобы решил снять первородный грех. Это вызывает вопрос о божественном могуществе: как мог всемогущий Бог не иметь иного способа решения проблемы, кроме как через страдание и жертву? Манетти таким образом высвечивает противоречия внутри христианской теологии. Ссылаясь на библейских авторов и церковных отцов, Манетти переработал их идеи в гуманистическом ключе. Он берет цитаты, которые традиционно понимались как подчеркивающие божественное превосходство, и интерпретирует их так, чтобы они поддерживали идеи о свободе и величии человека. Это показывает, как гуманисты создавали новый дискурс, который позиционировал человека как ответственного за свою судьбу и как независимое существо.

В результате, работы Манетти иллюстрируют переход от теоцентризма к антропоцентризму, где человеческое достоинство и самоценность ставятся выше традиционных религиозных концепций. Этот сдвиг был важным этапом в развитии человеческой мысли, предвосхитившим идеи Ренессанса и формирования новых философских и моральных систем. Гуманистическая традиция, представленная такими фигурами, как Манетти, поднимала вопросы, которые оказывали влияние на будущие научные, философские и социальные движения, стремящиеся понять роль человека в мире.

Манетти не боится открыто критиковать священные книги, такие как «Экклезиаст» и «Книга Иова», которые он считает вредными [6]. Эта критика основана на акцентировании значимости человека и его достоинств, в противовес традиционным учениям о смирении и покорности. Его иногда радикальный подход служит проявлением гу-

манистической мысли, осуждающей аскетизм и негативное представление о человеческой природе.

Манетти часто ссылается на «Священное писание» для поддержки своих идей о человеческом достоинстве, однако его интерпретации зачастую кажутся натянутыми и не соответствующими контексту [10]. Он использует отрывки, чтобы продвинуть гуманистическую идею о величии человека, а не для подтверждения христианских догматов. Это указывает на его намерение адаптировать религиозный дискурс под гуманистические нужды.

Манетти переосмысляет взаимоотношения человека и Бога. В его интерпретации человек становится не просто слугой Божьим, а «властелином» мира, который должен учиться управлять им. Его акцент на действии и познании ставит человека наравне с божественным, что противоречит традиционному христианскому учению о зависимости и покорности человека перед Богом.

Манетти, отвергая многие позиции средневековых теологов и указывая на их недостатки, демонстрирует иронию по отношению к схоластической традиции. Он принижает теологическую сложность, предлагая более прагматичный и человеко-

центрированный подход к пониманию морали и этики. Эта критика ставит под сомнение традиционные способы осмысления божественного и человеческого.

Гуманистическая идеология Манетти строится на утверждении о том, что главная цель человека – активное управление и познание мира. Это выражение нового нравственного принципа, который противопоставляется религиозным догматам о смирении и страхе перед Богом. Манетти полагает, что человек должен стремиться к действию и знаниям, а не к покаянию и самоунижению.

Выводы

Таким образом, работы Джанозцо Манетти и Франческо Петрарки символизируют переход от теоцентризма к антропоцентризму, что резко меняет акценты этики и природы человеческого существования. Человек, для которого знания и действия становятся важнейшими аспектами жизни, лишается традиционных христианских оков. Это создает новые идеалы и подходы, которые в дальнейшем окажут значительное влияние на развитие гуманизма и философии в целом. Манетти был одним из первых, кто смело бросил вызов христианским догматам, ставя человеческое достоинство и активное участие в жизни мира на первое место.

Список источников

1. Naldo Naldi. Vita di Giannozzo Manetti. Firenze, 1847. 157 p.
2. Анисимов С.Ф. Духовные ценности: производство и потребление. М.: Мысль, 1988. 251 с.
3. Бруни Л. Против лицемеров // Итальянские гуманисты XV века о церкви и религии. М., 1963. С. 51 – 71.
4. Буркгардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. СПб, 1906. Т. 2. 514 с.
5. Голенищев-Кутузов И. И. Творчество Данте и мировая культура. М., 1971. 351 с.
6. Гуковский М.А. Предисловие к кн.: Итальянские гуманисты XV века о церкви и религии. М., 1963. 254 с.
7. Девятайкина Н.И. Мироззрение Петрарки: этические взгляды. Саратов, 1988. 284 с.
8. Корелин М.С. Петрарка // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890-1907. С. 352 – 355.
9. Лаппо-Данилевский К.Ю. Из истории знакомства с Петраркой в России // Русская литература. 1991. № 3. С. 58 – 62.
10. Манетти Дж. О достоинстве и превосходстве человека // Итальянский гуманизм эпохи Возрождения: Сб. текстов. Саратов, 1988. С. 68 – 76.
11. Мокульский С.С. Петрарка // Литературная энциклопедия: в 11 т. М.: ОГИЗ РСФСР, государственное словарно-энциклопедическое издательство "Советская энциклопедия", СПб., 1934. С. 285 – 287.
12. Петрарка Ф. Моя тайна // Избранное. М., 1974. С. 32 – 41.
13. Петросян М. И. Гуманизм. М.: Мысль, 1970. 291 с.
14. Франческо Петрарка: Библиографический указатель русских переводов и критической литературы на русском языке / Сост. В.Т. Данченко. М., 1986. 314 с.

References

1. Naldo Naldi. Vita di Giannozzo Manetti. Florence, 1847. 157 p.
2. Anisimov S. F. Spiritual values: production and consumption. Moscow: Mysl, 1988. 251 p.
3. Bruni L. Against the hypocrites. Italian humanists of the 15th century on the church and religion. Moscow, 1963. P. 51 – 71.
4. Burckhardt J. The culture of Italy in the Renaissance. St. Petersburg, 1906. Vol. 2. 514 p.
5. Golenishchev-Kutuzov I. I. Dante's work and world culture. Moscow, 1971. 351 p.
6. Gukovsky M.A. Preface to the book: Italian humanists of the 15th century on the church and religion. M., 1963. 254 p.
7. Devyataykina N.I. Petrarch's Worldview: Ethical Views. Saratov, 1988. 284 p.
8. Korelin M.S. Petrarch. Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary: in 86 volumes (82 volumes and 4 add.). St. Petersburg, 1890-1907. P. 352 – 355.
9. Lappo-Danilevsky K.Yu. From the History of Acquaintance with Petrarch in Russia. Russian Literature. 1991. No. 3. P. 58 – 62.
10. Manetti G. On the Dignity and Superiority of Man. Italian Humanism of the Renaissance: Collection of Texts. Saratov, 1988. P. 68 – 76.
11. Mokulsky S.S. Petrarch. Literary encyclopedia: in 11 volumes. M.: OGIZ RSFSR, state dictionary and encyclopedic publishing house "Soviet Encyclopedia", St. Petersburg, 1934. P. 285 – 287.
12. Petrarch F. My secret. Selected. M., 1974. P. 32 – 41.
13. Petrosyan M.I. Humanism. M.: Mysl, 1970. 291 p.
14. Francesco Petrarch: Bibliographic index of Russian translations and critical literature in Russian. Comp. V.T. Danchenko. M., 1986. 314 p.

Информация об авторе

Скопа В.А., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии, Алтайский государственный педагогический университет, sverhtitan@rambler.ru

© Скопа В.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<http://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

УДК 94(470)"1920"

Условия труда и быта иностранных инженеров и рабочих на соцстройках Урала (1925-1933 гг.)

¹ Васина И.И.,

¹ Екатеринбургский институт физической культуры, филиал
Уральского государственного университета физической культуры

Аннотация: анализ историографии показывает, что вопросам труда и быта инженеров, технологов и простых рабочих, приезжавших из-за границы в молодое советское государство, уделялось недостаточное внимание как отечественными, так и иностранными исследователями. Тем не менее, тема будничных забот, производственной и бытовой рутины вызывает несомненный интерес и необходимость дальнейшего изучения. В нашей работе мы постарались кратко осветить рабочую и бытовую рутину.

Ключевые слова: иностранные инженеры и рабочие, социалистическое строительство, условия труда и быта, СССР, Урал

Для цитирования: Васина И.И. Условия труда и быта иностранных инженеров и рабочих на соцстройках Урала (1925-1933 гг.) // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 2. С. 78 – 82.

Поступила в редакцию: 14 ноября 2024 г.; *Одобрена после рецензирования:* 16 января, 2025 г.; *Принята к публикации:* 3 марта 2025 г.

Working and living conditions of foreign engineers and workers at social construction sites in the Urals (1925-1933)

¹ Vasina I.I.,

¹ Yekaterinburg Institute of Physical Culture (branch) of the Ural State University of Physical Culture

Abstract: analysis of historiography shows that the issues of work and life of engineers, technologists and ordinary workers who came from abroad to the young Soviet state were given insufficient attention by both domestic and foreign researchers. Nevertheless, the topic of everyday worries, production and everyday routine arouses undoubted interest and the need for further study. In our work we tried to briefly cover the work and everyday routine.

Keywords: foreign engineers and workers, socialist construction, working and living conditions, USSR, Urals

For citation: Vasina I.I. Working and living conditions of foreign engineers and workers at social construction sites in the Urals (1925-1933). Historical Bulletin. 2025. 8 (2). P. 78 – 82.

The article was submitted: November 14, 2024; *Approved after reviewing:* January 16, 2025; *Accepted for publication:* March 3, 2025.

Введение

В 20-30-е гг. XX в. перед руководством молодого советского государства встала задача восстановления народного хозяйства, возрождения экономики и промышленности страны. В числе факторов, тормозящих модернизационные процессы, были устаревшее промышленное оборудование, дефицит квалифицированных кадров, несоответствие имеющихся технологий современным на тот период требованиям и пр. Особое внимание руководство страны уделяло развитию промышленности Уральского региона, богатого железными рудами, который имел выгодное логистическое и геостратегическое положение.

Целесообразность взаимодействия с более «продвинутыми» западными странами становилась очевидной. XVI съезд ВКП(б) в конце 1925 г. обозначил директивы использования высокотехнологичного импортного оборудования, а также привлечения квалифицированных иностранных специалистов на строящиеся и реконструируемые предприятия и заводы СССР, в том числе Урала.

Материалы и методы исследований

В процессе написания статьи использовались преимущественно теоретические методы исследования, направленные на анализ и систематизацию исторических данных. Источниковую базу составили архивные документы, публикации советских и современных российских исследователей, а также воспоминания и письма участников описываемых событий. Основное внимание было уделено материалам из архивов Свердловской области, которые позволяют восстановить количественные показатели привлечения иностранных специалистов на Урал и проанализировать их условия труда и быта.

Методологическая основа исследования включала сравнительный анализ, применяемый для выявления сходств и различий в опыте иностранных специалистов разных стран, а также ретроспективный подход для анализа факторов, обусловивших их привлечение. Использование историографического метода дало возможность оценить вклад различных авторов в изучение данной темы, а комплексный подход позволил рассмотреть описываемые явления во взаимосвязи с социально-экономической ситуацией СССР в рассматриваемый период.

Результаты и обсуждения

Вопросы приглашения из-за границы специалистов в Советскую Россию занимали многих исследователей. Одним из наиболее известных советских историков, изучавших сотрудничество СССР с зарубежными странами в области науки и

техники, роли иноспециалистов и рабочих, был А.Е. Иоффе. Участием заграничных работников в реконструкции и строительстве предприятий на Урале занимался К.Ж. Ирбе. Автор пришел к выводу, что основными причинами приезда западных ИТР являлись мировой экономической кризис, а также идейные мотивы. В числе современных российских ученых вопросы интеграции иностранцев, особенности их взаимоотношений затрагивали В.Д. Камынин, В.В. Запарий, Б.М. Шпотов, отдельное исследование данной темы на примере Челябинска и Магнитогорска сделал А.В. Богданов.

После того, как XVI съезд ВКП (б) поставил задачу «расширения практики ... приглашения иностранных инженеров, мастеров и квалифицированных рабочих в СССР, обеспечивая полное использование их опыта и знаний на предприятиях Советского Союза», в нашу страну начали прибывать инженеры, техники и рабочие из разных стран [6, с. 326-328].

Наибольшее количество иностранцев, прибывших на Урал в 1928-1933 гг., были гражданами европейских стран (Германия, Италия, Чехословакия, Австрия), а также США. По расчетам Е. Василевича в 1928 г. на территории СССР находилось ок.1200 иностранных рабочих и специалистов, а в 1932 г. – ок. 20 000 чел., а вместе с семьями – ок. 40 000 чел. [12, с. 96-97]. Приблизительно половину из этого числа составляли приезжие из Германии. Что касается Уральского региона, то можно представить динамику количества иностранных ИТР на примере изменения количества приезжих из Германии. Согласно документам архива Свердловской области в 1928 г. на уральских предприятиях работали 55 немецких рабочих и специалистов, в 1930 г. их количество увеличилось в десятикратном размере, в 1931 г. – 800 чел, а в 1932 г. увеличилось еще в 4 раза, достигнув 3000 сотрудников [2, л. 283, 284 об.].

Большое количество специалистов и рабочих из западных стран трудились на строительстве промышленных гигантов Уральского региона: Уральском заводе тяжелого машиностроения, Челябинском тракторном заводе, Магнитогорском металлургическом комбинате, Уфалейском никелевом, Пермском суперфосфатном и многих других заводах.

Всех приезжавших из-за рубежа людей можно разделить на несколько групп: 1) командированные сотрудники иностранных компаний, приезжавшие для реализации проектных и строительных работ; 2) ИТР и рабочие, заключавшие индивидуальные договоры с советскими хозяйствен-

ными организациями; 3) «гастарбайтеры», приехавшие в советскую Россию по идейным соображениям, для оказания помощи в строительстве социализма. Следует отметить, что на Урале больше всего было представителей второй и третьей групп. Основными мотивами приезда иностранцев являлись «великая депрессия» в США 1929 г., последовавший за ней мировой экономический кризис и безработица, в то время как в нашей стране ощущался острый дефицит квалифицированных кадров.

Во многих западноевропейских городах были открыты представительства советских предприятий. В их задачи входило заключение контрактов на закупку промышленных установок, машин, целых производственных линий, осуществление проектных работ, одновременно заключались договоры на командирование монтеров, инженеров и техников для строительного-монтажных работ, консультирования и обучения работе на новых линиях советских коллег. Помимо этого, в их задачи входил подбор кадров и заключение с ними индивидуальных договоров. Для этого в средствах массовой информации размещались объявления о найме, распространялись брошюры и листовки, которые описывали преимущества работы в СССР. Договор, который был разработан секретным отделом административно-финансового управления ВСНХ и заключался с иностранным специалистом, состоял из 22 пунктов [4, л. 140; 5, л. 15-17]:

1) должность и срок, на который принимается человек;

2) подробный перечень служебных обязанностей (непременным требованием являлось обучение советского технического персонала);

3) права кандидатов;

4) штрафы и санкции, выдвигаемые за нарушение обязанностей;

5) заработная плата и условия оплаты расходов по переезду к месту будущей работы, отдельно уточнялась возможность оплаты проезда членов семьи. Также договор предусматривал оплату обратной дороги сотрудника по истечении срока договора.

6) вознаграждение за сверхурочную работу не предполагалось и пр.

Начиная трудовую деятельность, иностранные специалисты и рабочие сталкивались с рядом трудностей как бытового, так и производственного характера. Одной из проблем, которую нередко отмечали иностранные работники, являлось распределение на рабочие места, не соответствующие их квалификации. Были свидетельства о нежелании советских хозяйственных органов использовать иностранную техническую помощь

на 100%. Например, один из немецких инженеров, работавших в Гипромезе, заявил, что должен был прождать 14 месяцев, чтобы добиться для себя полной загрузки. Американская фирма «Артур Макки», принимавшая участие в строительстве Магнитогорского металлургического комбината, ставила вопрос о том, что советская сторона не выписывает всего количества специалистов, которое прописано в контракте. Поставленные в жесткие временные рамки, необходимость соблюдать график работ, руководители советских предприятий нередко были вынуждены поступаться качеством. К примеру, вице-президент «Артур Макки» У.А. Хейвен, прибыв в 1931 г. на ММК отмечал постоянное отступление от американских инструкций и спецификаций в бетонных работах и монтаже металлоконструкций, что угрожало обрушением построек. Советская сторона упрекала американцев в завышении норм безопасности и в письменном виде освобождала «Макки» от ответственности [10, с. 261].

Одним из основных препятствий нормального рабочего процесса было отсутствие инструментов. С данной проблемой сталкивались как иностранные рабочие, так и их советские коллеги. Например, немецкие рабочие на Магнитострое просили снабдить «русских товарищей ... необходимым инструментом, потому что они, как только отвернешься, берут наш, и мы его потом должны искать – это приводит к растрате рабочего времени» [7, л. 61-63 об].

Многие работники отмечали низкий уровень производственной безопасности, что приводило к значительному количеству несчастных случаев на производстве. В числе основных причин травматизма можно назвать:

1) отсутствие опыта работы в предлагаемых условиях – иностранцы, в особенности, работавшие в шахтах, привыкли к комфортным условиям. Это приводило к высокой травматичности и низкой производительности труда.

2) дефицит стройматериалов для постройки мостков и лесов на стройплощадках, а также поручней на лестницах;

3) проблемы с освещением (недостаточное количество электрических лампочек). Рабочим, находящимся на высоте, внутри и снаружи труб или на лесах рано утром или вечером, приходилось работать в темноте. Например, на Магнитострое, на все линии, снабжавшие электроэнергией осветительные приборы, пошло электричество 380В вместо 220В. Как следствие, все лампочки перегорели, а новых не было [5, с. 10-12].

Что касалось оплаты труда, то иностранные

специалисты, командированные зарубежными фирмами, с которыми были заключены договоры о технической помощи, получали заработную плату частично в рублях, а частично в валюте (ее можно было переводить семье, оставшейся на родине). У них зарплата была достаточно высокой: она доходила до 1500 руб. в месяц при средней зарплате в 300 руб. (данные за 1932 г.) [1, с. 17]. Рабочие, с которыми были заключены индивидуальные контракты, жаловались на обман при вербовке: во-первых, отсутствовала единая ставка оплаты труда. Были случаи, когда кандидаты имели одинаковое образование и стаж работы, но без всяких объективных причин им предлагали разную заработную плату. Во-вторых, поступали рекламации на низкий процент зарплаты, получаемый в валюте, а также на несвоевременный перевод валюты за границу [8, л. 24]. Позднее, с 1930 г., иностранных граждан вербовали исключительно на безвалютной основе.

Впервые прибывшие в СССР и, в частности, на Урал иностранцы не имели четкого представления о том, что их ждет на месте. Все их ожидания основывались исключительно на образе справедливого государства рабочего класса, который был создан вербовщиками, хвалебными брошюрами, распространяемыми за границей. Вследствие того, что зачастую надежды существенно отличались от действительности, наступало разочарование.

Культурный шок начинался с предоставляемых советской стороной жилищных условий. Хозяйственные органы на местах, особенно на начальном этапе приглашения иностранных рабочих и специалистов, не всегда были готовы к их приезду. К примеру, в Челябинске иностранным работникам предоставлялись комнаты, а в Златоусте и Надеждинске, как отмечали в своих письмах иностранцы, были даже ванны комнаты. В то же время, в Кизеловском районе хозяйственные органы не успели подготовить жилье: спецбаракы для иностранцев были построены, но отсутствовало отопление, мебель и элементарные дверные замки [8, л. 17, 35].

Продовольственное снабжение иностранных рабочих и инженерно-технического персонала, командированного на Урал иностранными компаниями, было лучшим по сравнению со снабжением советской стороны: для иностранцев были отдельные столовые с улучшенным питанием, для них были установлены повышенные нормы (например, советскому рабочему полагалось 200 грамм хлеба, а иностранному – 300 гр.) [5, с. 54-55]. Также у иностранцев были преимущества в приобретении спиртных напитков и разных хозяйственных мелочей. На производстве советские и

иностранные рабочие, приезжавшие по индивидуальным договорам, питались в столовых по карточкам.

В отношении промтоваров дело, по мнению многих иностранных граждан, обстояло плохо: им выдавали такую же спецодежду, что и советским коллегам – обычные тяжелые полушубки и ватные штаны [9, л. 18-19, 29]. В некоторых районах возникали нарекания на плохую организацию в снабжении продуктами и промтоварами, например, жаловались на поздно открывающиеся и рано закрывающиеся магазины. Иногда же требования иностранцев были, по мнению советской стороны, завышенными: например, в Гипромезе один специалист просил снабдить его туалетной бумагой. Позднее управляющий в докладной записке писал, что никогда «не слыхал, что за туалетная бумага такая и как ее добывать. Обшарил все магазины, а ее не нашел и на что она употребляется, не знаю» [8, л. 6].

Нередко продовольственные и хозяйственные предпочтения иностранным рабочим и ИТР вызывали недовольство у советских рабочих и мастеров. Еще одним пунктом, затрудняющим как производственные, так и межличностные контакты, являлись языковые проблемы. Переводчиков было недостаточно, а качество перевода было достаточно низким (переводчики, которые хорошо знали иностранный язык, были неблагонадежными в политическом отношении, а переводчиков-коммунистов было мало). Иностранцы часто не были уверены в том, что их распоряжения были верно переведены на русский язык. Среди иностранцев создавались кружки по изучению русского языка, но подобная практика была, во-первых, не повсеместной; а, во-вторых, ее результаты были не сиюминутными.

Следует добавить, что отношения между иностранными и советскими рабочими были лучше, чем между иностранным и советским инженерно-техническим персоналом. Примером этого служили интернациональные ударные бригады, в которых люди работали по 10-12 часов в сутки и без выходных [9, л. 53-54]. Между инженерами отношения были более напряженными, поскольку командированные в Советский Союз и, в частности, в Уральский регион, иностранные инженеры играли руководящую роль по отношению к советским инженерам. Иностранцы критиковали советских коллег за «оторванность» от реальности, обвиняя их в ориентации исключительно на планы при незнании фактической ситуации на стройплощадке.

Выводы

Таким образом, поводов для недовольства условиями труда и быта у прибывавших в нашу страну иностранных рабочих и инженерно-технических кадров было немало. К сожалению,

большая часть критических замечаний имела под собой все основания: низкое качество предлагаемого жилья, сложности с переводом валюты за границу, отсутствие необходимого инструмента, задержки поставок необходимых материалов и пр.

Список источников

1. Богданов А.В. Восприятие иностранными рабочими и специалистами советской повседневности 1929-1933 гг. (на материалах ЧТЗ и ММК) // Вестник ЮУрГУ. Серия: «Социально-гуманитарные науки» 2020. Т. 20. № 3. С. 17 – 19.
2. ГАСО Ф. 272Р. Оп. 3. Д. 87.
3. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 781.
4. РГАСПИ Ф. 17 Оп. 114 Д. 257.
5. Скотт Дж. За Уралом: американский рабочий в русском городе стали. М.: Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1991. 474 с.
6. Сталин И.В. Сочинения. Т. 12. М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. 387.
7. ЦДООСО Ф. 4. Оп. 8. Д. 607.
8. ЦДООСО Ф. 4. Оп. 8. Д. 706.
9. ЦДООСО Ф. 4. Оп. 10. Д. 171.
10. Шпотов Б.М. Американский бизнес и Советский Союз в 1920-1930-е годы: Лабиринты экономического сотрудничества. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 320 с
11. Phönix-Rheinrohr AG Archiv. Vereinigte Hütten- und Röhrenwerke. Düsseldorf. PR3 7306. 1931.
12. Wasilewitsch E. Zur Teilnahme deutscher Facharbeiter und Spezialisten an der Industrialisierung der UdSSR (1926-1932) / Geschichte der sozialistischen Länder Europas. Berlin, 1974. 191 S.1. V.

References

1. Bogdanov A.V. Perception of Soviet Everyday Life by Foreign Workers and Specialists in 1929-1933 (Based on Materials from ChTZ and MMK). Bulletin of SUSU. Series: "Social and Humanitarian Sciences" 2020. Vol. 20. No. 3. Pp. 17 - 19.
2. GASO F. 272R. Op. 3. D. 87.
3. RGASPI. F. 17. Op. 3. D. 781.
4. RGASPI F. 17 Op. 114 D. 257.
5. Scott J. Beyond the Urals: An American Worker in a Russian City of Steel. Moscow: Sverdlovsk: Publishing House of the Ural University, 1991. 474 p.
6. Stalin I.V. Works. T. 12. M.: State Publishing House of Political Literature, 1949. 387.
7. CDOOSO F. 4. Op. 8. D. 607.
8. CDOOSO F. 4. Op. 8. D. 706.
9. CDOOSO F. 4. Op. 10. D. 171.
10. Shpotov B.M. American Business and the Soviet Union in the 1920s and 1930s: Labyrinths of Economic Cooperation. M.: LIBROKOM Book House, 2013. 320 p.
11. Phoenix-Rheinrohr AG Archiv. Vereinigte Hütten- und Röhrenwerke. Düsseldorf. PR3 7306. 1931.
12. Wasilewitsch E. Zur Teilnahme deutscher Facharbeiter und Spezialisten an der Industrialisierung der UdSSR (1926-1932). Geschichte der sozialistischen Länder Europas. Berlin, 1974. 191 S.1. V.

Информация об авторе

Васина И.И., кандидат исторических наук, доцент, Екатеринбургский институт физической культуры, филиал Уральского государственного университета физической культуры, vasina_irina@mail.ru

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 93/94

Развитие института женского образования со второй половины XIX века до начала XX века

¹ Сарычев В.В.,
¹ Воронежский государственный педагогический университет

Аннотация: статья даёт обзор на процесс развития института женского образования в российском государстве в обозначенный период времени. Цель статьи преследует изучение особенностей данного процесса на рассматриваемом этапе российской истории. Методы исследования включают в себя анализ трудов отечественных учёных-историков, изучающих данный вопрос. Итоги рассмотрения данной темы дают понять следующее: в этот промежуток истории России происходят серьёзные преобразования в вопросах доступности и инклюзивности образования российской женщины. Впервые появляются учебные заведения, которые открывают свои двери женщинам не только из самых богатых и зажиточных сословий, а также представительницам разных вероисповеданий и национальностей. Некоторые авторы справедливо отмечают, что данный период времени можно назвать «золотым веком» образования российской женщины.

Ключевые слова: женское образование, гендерный подход, образование в России

Для цитирования: Сарычев В.В. Развитие института женского образования со второй половины XIX века до начала XX века // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 2. С. 83 – 87.

Поступила в редакцию: 15 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 17 января, 2025 г.; Принята к публикации: 3 марта 2025 г.

Development of the institute of women's education from the second half of the XIX century to the beginning of the XX century

¹ Sarychev V.V.,
¹ Voronezh State Pedagogical University

Abstract: the article provides an overview of the development of the institute of women's education in the Russian state in the specified period of time. The purpose of the article is to study the features of this process at the considered stage of Russian history. The research methods include the analysis of the works of domestic scientists-historians studying this issue. The results of the consideration of this topic make it clear that during this period of Russian history, serious changes are taking place in the issues of accessibility and inclusiveness of education for Russian women. For the first time, educational institutions appear that open their doors to women not only from the richest and wealthiest classes, but also to representatives of different religions and nationalities. Some authors rightly note that this period of time can be called the "golden age" of education for Russian women.

Keywords: women's education, gender approach, education in Russia

For citation: Sarychev V.V. Development of the institute of women's education from the second half of the XIX century to the beginning of the XX century. Historical Bulletin. 2025. 8 (2). P. 83 – 87.

The article was submitted: November 15, 2024; Approved after reviewing: January 17, 2025; Accepted for publication: March 3, 2025.

Введение

Реформы, проведённые Петром I и Екатериной II в области образования, ознаменовали собой начало кардинального изменения не только всей образовательной системы, но что ещё более важно – совершенно иной подход к рассмотрению роли женщин как в общественной жизни, так и в образовательном процессе. В дальнейшем волну реформ женского образования подхватили и другие российские правители. Так, к середине XIX века в России уже укрепились следующие разряды женских учебных заведений: Институты благородных девиц, Дома трудолюбия, Мещанские институты, Приюты и сиротские дома. Учебные заведения первых двух разрядов считались на тот момент самыми престижными, туда могли попасть лишь девочки из богатых семей, которые обучались грамоте, этикету, иностранным языкам и т.д., в то время как училища третьего разряда преподавали девочкам преподавали в основном женские ремёсла, рукоделие и домоводство, ну а приюты и вовсе давали лишь начальное образование. Так, можно сделать вывод, что гендерный вопрос с ходом проведения образовательных реформ начинает приближаться к своему логическому решению.

Материалы и методы исследований

Анализ рукописей учёных-историков, описывающих процессы, имеющие значение для рассматриваемой темы статьи.

Результаты и обсуждения

Вторую половину XIX века можно ознаменовать как золотое время реформирования образовательной системы, в частности – процесса женского образования, что и являлось преимущественной целью реформ. В 1856 году Н.И. Пирогов опубликовал статью, в которой он ратовал за необходимость перемен не только в статусе женщин в социуме, но и развитие вопроса женского воспитания и обучения. По сути, данный труд одним из первых смог указать на несостоятельность текущего гендерного образовательного подхода в России [7].

В последующем многие видные деятели российской общественности справедливо критиковали устоявшуюся к тому моменту систему женского образования. И весьма справедливо – охарактеризовать эту систему можно было как закрытую и привилегированную. Более того, спецификой этого образования была её сословность, оторванность от реальной жизни и пренебрежительное отношение к культуре России. Существовавшая система образования женщин не соответствовала современным реалиям российского общества – необходимы бы-

ли реформы с той целью, чтобы женщин воспитывали и обучали как человека, которая имела бы равные права, как и мужчина. Нельзя не упомянуть и о вполне справедливых требованиях к открытости и доступности данного образования, независимо от сословия или материального состояния семьи обучающейся.

К сожалению, помимо сторонников и активных агитаторов в пользу реформирования женского образования существовали и деятели консервативных взглядов, которые сопротивлялись потенциальным переменам и любым попыткам реализовать их [13]. В качестве аргумента они высказывали, что сословность и закрытость женских учебных заведений являются гарантией для родителей того, что их дочь будет общаться с равными себе детьми, а также на особое внимание со стороны преподавателей в сторону успехов обучающейся.

По моему мнению, данная позиция лишена смысла. Разный социальный и/или материальный статус детей и их семей на практике не играет какой-либо роли в успеваемости детей. Если девушка, да и парень в том числе, имеют умеренные или большие успехи в той или иной области знаний, на это обязательно будет обращено внимание преподавателя. Если же таких успехов нет, то и говорить не о чем. Более того, говоря о «равности», сторонники консервативных взглядов на обучение девушек говорят, опять-таки, о равности социальной и/или материальной, но никак не умственной. Две девушки из одинаково обеспеченных семей могут иметь совершенно разные интеллектуальные способности, зачастую зависящие как от факторов воспитания, которое дали им родители или няни, так и физиологические особенности девушки. Таким образом, ни о какой «равности» с точки зрения успеваемости здесь нельзя говорить, поскольку равно себе по успеваемости можно найти в любой социальной группе.

К своей позиции добавлю, что у сторонников консервативных взглядов существовал определённый интерес в оставлении касты «интернатников», которые получали бы начальное образование и, по сути, ничем бы не отличались от получавших образование девушек в древней Руси, что, опять же, сводится к гендерному неравенству при таком подходе к образованию.

Несмотря же на консервативные протесты, на замену идее о специфике закрытого, сословного женского образования начинает приходить мысль о принципе равенства полов, в том числе и в образовательном процессе. И со временем это со слов

начало переходить в дело – в 1858 году известным российским преподавателем Н.А. Вышеградским, на основе его собственных разработок в области педагогики для девушек, было основано первое в России учебное заведение для тех девушек, которые не нуждались в полном пансионе [4]; в дальнейшем это учебное заведение стали называть Мариинским – такое название появилось в честь императрицы Марии. По сути, данное учебное заведение представляло собой первое бессловное училище для детей с разным религиозным исповеданием, в которой действовала схожая с мужскими училищами программа [4].

Появление такого учебного заведения послужило толчком для появления ему подобных – так, в 1859 году появилась первая Моршанская женская школа в Тамбовской губернии. В 1861 году первые женские учебные заведения стали появляться ещё в ряде городов российских губерний [7].

В 1860 году издаётся «Положение о женских училищах», которое установило открытие в городах женских школ первого разряда со сроком обучения в 6 лет, а также второго разряда – в 4 года. Согласно данному «Положению», в женских школах учреждались попечительские советы, состоявшие везде из руководителя дворянства, директора учебного заведения, представителя духовенства в регионе, а также городской глава [3].

Перед окончанием действия данного Положения в 1866 году, в конце 1865 года был разработан новый проект Положения. Проект Положения, представленный Министерству, включал в себя повторения пунктов прошлого, вместе с замечаниями к оным. Согласно проекту, женские учебные заведения прекращали быть привязанными к сословию, то есть, попасть туда могли девушки из любых сословий. В том случае, если училище поддерживается каким-либо сословием, дети из других сословий могут попасть в него лишь с разрешения первого [12]. Также Положение вводило пансионы, содержанием которых должны заниматься руководители и педагоги учебного заведения, под контролем начальства. Особый же пункт нового проекта Положения заключался в следующем – он учреждал восьмой педагогический класс с целью подготовки будущих педагогов, которые могли бы после выпуска стать новыми наставниками или учительницами.

Начало XX века для российской общественности, как и для России в целом, стало без преувеличения временем потрясений. Происходящие в этот период события, преобразования в социально-экономической сфере, политические изменения, колебания в общественной жизни и трудовой дея-

тельности людей – всё это привело к появлению новых требований к достойному профессиональному образованию; без внимания не остались и женские школы.

На начало века в России, благодаря успехам прошлого века, уже устоялись все виды женских профессиональных училищ. Всего их можно разделить на четыре группы:

-ремесленные (горно-заводские училища, школы-мастерские и т.д.);

-коммерческие (женские школы торговли, коммерческие курсы и т.д.);

-сельскохозяйственные (сельскохозяйственно-домоводственные школы, школы крестьянского хозяйства и т.д.);

-медицинские (школы ветеринаров, акушерские школы и т.д.).

Деятельность всех этих учебных заведений можно было охарактеризовать профессионально-прогрессивной направленностью. Так, можно сделать вывод, что уже на начало XX века гендерный подход в российской системе образования развивается в ещё более лучшую сторону – женщины не только стали учиться наравне с мужчинами, но и возымели возможность получить специальность, по которой они будут в дальнейшем трудиться.

Более того, уравнивание женщин и мужчин в области прав и свобод, полным ходом шло развитие российского высшего образования для женщин. Так, была создана классификация высших женских учебных заведений на государственные и негосударственные, общественно-частные; последние в свою очередь подразделялись на медицинские, сельскохозяйственные, технические и другие ветви. В качестве примеров таких вузов можно привести Женский политехнический институт, основанный в 1906 году, или Московский женский политехнический институт, основанный в 1917 году.

По состоянию на февраль 1917 года в российском государственном секторе действующими были 65 вузов, из которых лишь три были предназначены для обучения женского коллектива. В их число входили Высшие женские богословско-педагогические курсы в Москве, а также Медицинский и Педагогический университеты в Санкт-Петербурге. Что касается университетов неправительственных – их насчитывалось 89 по всей России, из числа которых насчитывалось около 30 учебных заведений.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что окончательное уравнивание женщин и мужчин в образовательных правах наступило именно в периоде начала XX века, с появлением первых высших учебных заведений для женщин. В дальнейшем же советское государство продолжит прогрес-

сивное развитие политики образования, в ходе которого раздельное образование будет полностью упразднено, тем самым не оставив ни следа от гендерного образовательного неравенства.

Вторая половина XIX и начало XX вв. продолжили те положительные тенденции в реформировании образования Петром I и Екатериной II, которые мы могли наблюдать в периоде с начала и до конца XVIII века. Описанный в разделе период ознаменовывает собой окончательное развитие оков закрытости и сословности образования для девушек; также в учебных заведениях, помимо базовых дисциплин, преподаваемых ранее, стали обучать более узкоспециализированным дисциплинам, естественнонаучным и физико-математическим дисциплинам; более того, по итогу получения образования девушки, как и молодые люди, могли спокойно становиться такими же преподавателями и наставниками, и в начале XX века и вовсе заниматься профессиональной деятельностью в соответствии со своей специализацией.

На мой взгляд, именно начало XX века стало окончательным разрешением вопроса гендерного подхода в истории образовательной системы России.

Итак, из рассмотренного процесса развития института женского образования в России в дореволюционный исторический период можно выделить следующие особые, очень важные моменты – во-первых, впервые женщины получили возможность по окончании обучения самим становиться педагогами и наставниками. Это, как можно подытожить, является невиданным до этого расширением прав женщин. Во-вторых, начали появляться женские учебные заведения, в которые могли попасть

не только девушки из более зажиточных земель. Это говорит о том, что образование для русской женщины становилось всё более и более доступным. И, как уже отмечалось ранее, не стоит упускать из виду такой фактор, как полное или частичное отсутствие ограничений по признаку вероисповедания, национальности и др. Таким образом, это время можно назвать «золотым веком» развития женского образования в России.

Выводы

В целом, политика в этом направлении продолжалась в последующие десятилетия, вплоть до начала XX века. Со времён Петра I и Екатерины II их реформ, данные преобразования в образовательной системе России ощутимо повлияли на доступность этого образования для девушек. И хотя реформирование этого вопроса шло поэтапно, итогом стало получение девушками доступа не просто ко многим областям знаний, но также это им подарило возможность в будущем становиться педагогами и наставниками. В каком-то смысле это можно назвать управленческой должностью – ведь девушки таким образом брали под контроль образовательный процесс в отношении своих подопечных, что стало очень большим успехом в вопросе гендерного подхода в образовательной системе России. Повторюсь, вторую половину XIX века без преувеличения можно назвать «золотым веком» не только для доступа девушек к образованию, но и для их общественного статуса – по сути, они спустя очень долгое время после образования древнерусского государства и появления первых институтов образования на Руси стали буквально ровней для мужчин, лишь с небольшими оговорками.

Список источников

1. Андреева Е.А. Епархиальные училища в России. М., 1999. № 3. 103 с.
2. Еремеева В.Д., Хризман Т.П. Мальчики и девочки – два разных мира. Нейропсихологи – учителям, воспитателям, родителям, школьным психологам. М.: ЛИНКА-ПРЕСС, 1998. 89 с.
3. Иванов А.Е. Высшая школа Российской империи начала XX века // Вестник Российской Академии наук. 1997. Т. 67. 274 с.
4. Калачев А. Женское образование как показатель развития демократии в дореволюционной России / А. Калачев. М., 2017. № 8. 139 с.
5. Константинов В.М., Недосекина И.Б. У истоков женского образования в России // Высшее образование в России. М., 2022. № 4. 81 с.
6. Кузьменко З.А., Кот М.Г., Кузьменко А.В. Развитие образования в Тамбовской области (ист. справка) // Образование в регионе. 2021. № 2. 98 с.
7. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб., 2021. Т. 3. 992 с.
8. Пискунова А.И. История педагогики и образования. От зарождения воспитания в первобытном обществе до конца XX в. М., 2022. 273 с.
9. Попова О.Д. В стенах конвикта... (Очерки повседневной жизни женских епархиальных училищ). Рязань, 2016. 75 с.
10. Попова О.Д. Психологический климат в женских епархиальных училищах середины XIX – начала XX вв. Рязань, 2019. № 2. 97 с.

11. Пыхалов И.В. Образование в Российской империи: факты и мифы. М., 2017. С. 196 – 200.
12. Сапрыкин Д.Л. Образовательный потенциал Российской Империи. М.: ИИЕТ, 2010. 176 с.
13. Успенская В.И. Женщины. История. Общество. Тверь, 2002. 250 с.
14. Штылёва Л.В. Институционализация гендерного подхода. М., 2022. № 10. 186 с.
15. Штылёва Л.В. Педагогика и гендер: развитие гендерных подходов в образовании. М., 2020. № 3. 66 с.

References

1. Andreeva E.A. Diocesan schools in Russia. Moscow, 1999. No. 3. 103 p.
2. Eremeeva V.D., Khrizman T.P. Boys and girls – two different worlds. Neuropsychologists – to teachers, educators, parents, school psychologists. Moscow: LINKA-PRESS, 1998. 89 p.
3. Ivanov A.E. Higher school of the Russian Empire at the beginning of the 20th century. Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 1997. Vol. 67. 274 p.
4. Kalachev A. Female education as an indicator of the development of democracy in pre-revolutionary Russia. A. Kalachev. Moscow, 2017. No. 8. 139 p.
5. Konstantinov V.M., Nedosekina I.B. At the Origins of Women's Education in Russia. Higher Education in Russia. Moscow, 2022. No. 4. 81 p.
6. Kuzmenko Z.A., Kot M.G., Kuzmenko A.V. Development of Education in the Tambov Region (historical reference). Education in the Region. 2021. No. 2. 98 p.
7. Mironov B.N. Russian Empire: from Tradition to Modernity: in 3 volumes. St. Petersburg, 2021. Vol. 3. 992 p.
8. Piskunova A.I. History of Pedagogy and Education. From the Emergence of Education in Primitive Society to the End of the 20th Century. Moscow, 2022. 273 p.
9. Popova O.D. Within the Walls of the Convict... (Essays on the Everyday Life of Women's Diocesan Schools). Ryazan, 2016. 75 p.
10. Popova O.D. Psychological climate in women's diocesan schools of the mid-19th – early 20th centuries. Ryazan, 2019. No. 2. 97 p.
11. Pykhalov I.V. Education in the Russian Empire: facts and myths. Moscow, 2017. P. 196 – 200.
12. Saprykin D.L. Educational potential of the Russian Empire. Moscow: ИИЕТ, 2010. 176 p.
13. Uspenskaya V.I. Women. History. Society. Tver, 2002. 250 p.
14. Shtyleva L.V. Institutionalization of the gender approach. Moscow, 2022. No. 10. 186 p.
15. Shtyleva L.V. Pedagogy and gender: development of gender approaches in education. Moscow, 2020. No. 3. 66 p.

Информация об авторе

Сарычев В.В., аспирант, специалист по учебно-методической работе, Воронежский государственный педагогический университет, kuwabara.shagohod@gmail.com

© Сарычев В.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94

И.Б. Тито и Л.И. Брежнев. Роль личной дипломатии во взаимоотношениях СССР и Югославии (о визите Л.И. Брежнева в Югославию 1962 г.)

¹ Волков Н.М.,
¹ Фролова Е.В.,
¹ Шевченко В.Н.,

¹ Воронежский государственный технический университет

Аннотация: в статье рассматривается вопрос об установлении личного контакта между двумя видными политическими деятелями XX века – Леонидом Ильичем Брежневым и Иосипом Броз Тито в ходе первого пребывания Л.И.Брежнева в Югославии 24 сентября – 4 октября 1962 года. Анализируются факторы, которые способствовали успешному проведению визита, а также влияние личных приятельских отношений лидеров СССР и ФНРЮ (СФРЮ) на двусторонние отношения этих стран и соответствующих коммунистических партий. Авторы полагают, что время, проведенное совместно Брежневым и Тито во время визита, их психологическая совместимость в дальнейшем стали положительными факторами, помогающими на основе взаимного уважения решать сложные проблемы, возникающими между двумя странами.

Ключевые слова: политические лидеры, общество, элита, внешняя политика СССР, Югославия и Советский Союз

Для цитирования: Волков Н.М., Фролова Е.В., Шевченко В.Н. И.Б. Тито и Л.И. Брежнев. Роль личной дипломатии во взаимоотношениях СССР и Югославии (о визите Л.И. Брежнева в Югославию 1962 г.) // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 2. С. 88 – 93.

Поступила в редакцию: 15 ноября 2024 г.; *Одобрена после рецензирования:* 17 января, 2025 г.; *Принята к публикации:* 3 марта 2025 г.

I.B. Tito and L.I. Brezhnev. The role of personal diplomacy in relations between the USSR and Yugoslavia. (about L.I. Brezhnev's visit to Yugoslavia in 1962).

¹ Volkov N.M.,
¹ Frolova E.V.,
¹ Shevchenko V.N.,
¹ Voronezh State Technical University

Abstract: the article examines the issue of establishing personal contact between two prominent political figures of the twentieth century – Leonid Ilyich Brezhnev and Josip Broz Tito during L.I. Brezhnev's first stay in Yugoslavia from September 24 to October 4, 1962. The factors that contributed to the successful conduct of the visit are analyzed, as well as the influence of personal friendly relations between the leaders of the USSR and the FPRY (SFRY) on the bilateral relations of these countries and the corresponding communist parties. The authors believe that the time spent together by Brezhnev and Tito during the visit, their psychological compatibility later became positive factors helping to solve complex problems arising between the two countries on the basis of mutual respect.

Keywords: political leaders, society, elite, foreign policy of the USSR, Yugoslavia and the Soviet Union

For citation: Volkov N.M., Frolova E.V., Shevchenko V.N. I.B. Tito and L.I. Brezhnev. The role of personal diplomacy in relations between the USSR and Yugoslavia. (about L.I. Brezhnev's visit to Yugoslavia in 1962). *Historical Bulletin*. 2025. 8 (2). P. 88 – 93.

The article was submitted: November 15, 2024; Approved after reviewing: January 17, 2025; Accepted for publication: March 3, 2025.

Введение

Среди событий отечественной истории особую роль играют отношения с социалистической Югославией. Тесная дружба между странами сменялась периодами трений и даже острых конфликтов, пока в середине 60-х годов XX века не были установлены ровные равноправные взаимоотношения на основе уважения национальных особенностей, особого «югославского» пути строительства социализма и внеблокового статуса ФНРЮ (позднее – СФРЮ).

Более того, советско-югославская дружба играла значительную роль и в оздоровлении международной обстановки, и в конструировании системы европейской и мировой безопасности. Этому способствовали не только влияния Советского Союза, как сверхдержавы, но и авторитет Югославии не только среди «стран социализма», но и государств «третьего мира».

Переход от политики угроз и ультиматумов времен Сталина или обвинений в «главной опасности – ревизионизме» в конце 1950-х годов к взаимному уважению положительно повлиял и на укрепление позиций Советского Союза во всем мире, улучшал его положительный образ как надежного политического партнера. Подобный прогресс в отношениях, на наш взгляд, связан прежде всего с фигурами политических лидеров двух стран – Л.И. Брежнева и И. Броз Тито, их дипломатическим талантам и установившимся между ними приятельскими отношениями. Значительное влияние этих видных политических и партийных деятелей на внешнюю политику своих стран не вызывает сомнения. В статье мы рассматриваем вопросы, связанные с первым визитом Л.И. Брежнева в Югославию, который, несомненно, повлиял на дальнейшее развитие личных контактов между Брежневым и Тито.

Актуальность данной работы обусловлена тем, что личные отношения между государственными лидерами имеют огромное значение в сфере внешней политики и в наше время и выстраивание позитивного фона во время переговоров помогает решать многие возникающие проблемы.

Цель исследования – проанализировать первые контакты между Л.И. Брежневым и И.Б. Тито во

время визита 1962 г, обращая внимание на личные аспекты, возникающие во время совместных мероприятий.

Новизна данного исследования заключается в том, что авторы частично вскрывают психологические механизмы налаживания равноправных отношений между политическими лидерами государства – сверхдержавы СССР) и крупного европейского государства (Югославия) после череды конфликтов.

Материалы и методы исследований

Методом исследования авторы выбрали сравнительно-исторический метод, то есть анализ и сопоставление опубликованных в советской печати документов, материалов прессы со ставшими достоянием общественности архивными документами, а также суждениями историков о этих событиях.

Результаты и обсуждения

Для полного понимания процесса установления контактов между политиками, на наш взгляд, надо остановиться на личностях Брежнева и Тито, на тех общих чертах характера, которые помогли найти взаимопонимание. С одной стороны, хотя этих лидеров можно считать представителями одного поколения, накопленный жизненный опыт был одновременно и различен, и схож. Хотя Тито родился всего на тринадцать лет раньше Леонида Ильича, в 1893 году, ему пришлось принимать непосредственное участие в событиях Первой мировой войны и Октябрьской революции, работать в Коминтерне под руководством выдающихся революционеров. Напомним, что в годы Второй мировой войны Иосип Броз был признанным лидером национального сопротивления фашистским захватчикам и создателем Федеративной Народной Республики Югославия из обломков довоенного югославского королевства.

В период идеологического противостояния между КПЮ и ВКП (б) Тито совместно с его соратниками принял концепцию собственного пути к социализму, югославским руководителям удалось эффективно противостоять давлению И.В. Сталина и Н.С. Хрущева, ультимативно навязывающих Тито свою точку зрения. Особая позиция Тито в международных делах сделала его одним

из основателей и первым генеральным секретарем существующего и поныне Движения неприсоединения, объединяющего в настоящее время 120 государств «глобального юга».

По сравнению с Тито, биография Брежнева была более заурядной, но объединяло их происхождение из низов, общий опыт личного участия в боевых действиях (напомним, что Брежнев закончил Великую Отечественную войну в чине генерал-майора).

На наш взгляд, именно военные эпизоды биографии привели обоих лидеров к отрицанию войны как метода решения международных конфликтов. Как говорил И.Б.Тито, в ходе рассматриваемого нами визита Брежнева: «Нельзя допустить, чтобы наша земля пропитывалась кровью и была покрыта бесчисленными жертвами, сейчас, в эти мрачные дни, когда миру угрожает еще большая военная катастрофа и имеются люди, которые снова мечтают о реванше, мы обязаны сделать все, чтобы сохранить мир, оплаченный столь дорогой ценой» [1, с. 232].

Важно понимать, что к началу личных контактов с Тито в 1962 году Брежнев уже имел значительный политический и хозяйственный опыт, в том числе управления масштабными проектами (целина, советская космическая программа, руководство ВПК СССР) и территориями с различным национальным составом и менталитетом (Молдавия, Казахстан).

Отсутствие у Брежнева амбиций теоретика марксизма – ленинизма тоже играло позитивную роль, так как он подходил к анализу югославского опыта без лишних схоластических оценок с опорой на здравый смысл и жизненный опыт. Конечно, в ходе первого визита, учитывая свое подчиненное положение по отношению к Хрущеву, Брежневу пришлось отчитать Тито. Как отмечается в одном закрытом советском партийном документе о ходе пребывания Брежнева в Югославии: «В частности, было указано на неправильную позицию руководителей СКЮ в период венгерских событий, а также подвергнута критики их, так называемая, внеблоковая позиция. Было сказано, что внеблоковая позиция руководителей СКЮ, их отношение к двум мировым социальным системам противоречит марксистскому коммунистическому миропониманию». Впрочем, такая оценка давалась в качестве своеобразной ложки дегтя среди позитивных оценок визита Брежнева [2, с. 258].

Меж тем, в ходе первых встреч и при дальнейших контактах, два политика «очень хорошо ладили» [2, с. 258]. Также, для налаживания личной дружбы, большую роль играла схожесть характеров и отношения к жизни. Выйдя из социальных

низов, оба лидера, добившись высокого положения, проявляли качества сибаритов: любили, роскошь, различные украшения и ордена, застолья, охоту, красивых женщин. Например, Тито более сорока лет не расставался со своим знаменитым перстнем с крупным бриллиантом, позировал даже на официальных фотографиях с экзотическими животными в шикарных интерьерах, винных погребах или в белоснежном маршальском мундире. Официальная советская пропаганда никогда не представляла Брежнева любителем красивой жизни, хотя в маленьких и больших радостях жизни Леонид Ильич себе не отказывал. Думается, что «за протоколом» Брежневу и Тито было о чем поговорить, и что обсудить. Интересно в связи с этим следующее описание обстановки во время первой поездки Леонида Ильича в ФНРЮ: «Тито и Брежнев говорили друг другу длинные тосты, и Брежнев оказался неплохим специалистом по этой части. На торжественном обеде, устроенном в его честь, он сидел рядом с Йованкой (супруга Тито – авторы) и бросал на нее по-мужски оценивающие взгляды, Брежнев не мог не заметить привлекательности супруги Тито» [1, с. 319].

Для Тито, Брежнев являлся, скорее всего, более приятным собеседником, чем мужиковатый неопрятный Н.С. Хрущев или советские лидеры сталинской эпохи, поучающие неразумных югославских партнеров по переговорам. Впрочем, было совсем неочевидно, что Брежнев сошелся бы с Тито, так как советский лидер был избирателен в контактах и отказывался, например, от организации встреч с Мао Цзэдуном, считая их бесперспективными. Слишком разными по натуре были эти два политика.

А вот югославский и советский руководители придавали большое значение личным контактам. Так, Тито во время первого завтрака в честь прибывшего в Белград Брежнева прямо заявил: «Одновременно хочу выразить удовлетворение тем, что ваш визит предоставит нам возможность взаимного дружеского обмена мнениями по различным международным проблемам. Личные встречи государственных деятелей, а также развитие связей во всех областях мы всегда считали лучшим способом взаимного ознакомления и развития более широкого обмена материальными и духовными ценностями между народами. А это в современном мире имеет большое значение» [8, с. 223].

Вспомним, что впервые близко наблюдать Иосипа Броз Тито Брежневу довелось во время визита последнего в СССР летом 1956 года. Леонид Ильич не принимал участие в переговорах, но он присутствовал на совместных встречах, во время которых Тито, в нарядном мундире и идеаль-

ном костюме, вероятно, произвел на Брежнева позитивное впечатление. В последующие несколько лет отношения между КПСС и КПЮ/СКЮ были далеко не безоблачными: югославское руководство резко отрицательно отнеслось к событиям в Венгрии 1956, а советские партийные догматики подвергали унижающей критике Тито за ревизионизм.

Однако, на фоне разгорающегося конфликта с Китаем и после XXII съезда КПСС, взявшего курс на дальнейшую десталинизацию, многие идеологические препятствия для взаимных контактов были сняты. Хрущев сделал правильный выбор, направив налаживать отношения с Тито именно Брежнева, занимающий в тот момент должность Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Этот пост считался равным руководителю государства, тогда как Хрущев, несомненный политический лидер занимал посты Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров. Сам визит, начавшийся 24 сентября 1962 года, проходил через шесть лет после поездки Тито в Советский Союз, но был подан мировой общественности как «ответный визит в дружескую страну» [5]. На аэродроме в Москве Леонида Ильича провожал лично со Н.С. Хрущев и другие советские руководители, а встречать самолет в Белграде приехал сам Тито. Встречая советского гостя, Президент ФНРЮ заявил: «Я весьма рад, что мне представилась сегодня возможность приветствовать Вас здесь и сказать: добро пожаловать Вам и Вашей супруге и сопровождающим Вас лицам. Это не только мое желание, но и желание всех нас, всего югославского народа, который питает к народу Советского Союза чувства глубокой симпатии и дружбы. Эти чувства дружбы скреплены огромными страданиями и жертвами, понесенными вашим и нашим народами в совместной борьбе против общего врага – фашистских захватчиков. Такие чувства дружбы мы испытали в Советском Союзе; во время нашего визита в 1956 году» [5].

Любопытно, что в составе делегации находилось три будущих генеральных секретаря ЦК КПСС: сам Л.И. Брежнев, член официальной делегации в качестве депутата Верховного Совета Ю.В. Андропов и сопровождающий Брежнева начальник секретариата Президиума Верховного Совета СССР К.У. Черненко. Также в составе делегации находился главный редактор газеты «Известия» Алексей Аджубей, чей политический вес определялся в большей степени близким родством с Хрущевым [2, с. 792].

С самого начала контактов, гость и хозяин не стали акцентироваться в ходе официальных меро-

приятий на разногласиях. На первом торжественном завтраке в честь пребывания высокого гостя, Тито заявил, что «наличие некоторых различий не должно быть препятствием...», ибо, по моему мнению, они представляют собой нормальное явление, которое в современном мире часто вытекает из того факта, что конкретные пути экономического и общественного развития отдельных стран различны в силу разных исторических и других условий» [8, с. 223]. Брежнева встречали очень пышно, на следующий день ему было присвоено звание почетного гражданина Белграда. Газета «Правда» так отмечала обстановку визита: «Л.И. Брежнев и сопровождающие его лица покидают здание Народного комитета и совершают прогулку по центру города. Многие тысячи людей сердечно приветствовали Л.И. Брежнева и других советских гостей. На площади Маркса – Энгельса трудящиеся окружают посланцев Советской страны, тепложимают им руки. – Привет от Москвы, – говорит Л.И. Брежнев. – Живео! (Да здравствует!) – отвечают жители Белграда. [6, с. 32]. Затем Л.И. Брежнев дал ответный завтрак в честь И.Б. Тито в тот же день он вместе с югославским лидером убыл в поездку по стране на специальном поезде.

27 сентября Президент Югославии покинул высокого гостя, и Брежнева далее сопровождал второй человек в югославской партийно-государственной иерархии Заместитель Председателя Союзного Исполнительного вече А. Ранкович [6]. Однако, помимо официальной программы с дружескими речами на предприятиях, Тито и Брежнев выходили далеко за рамки протокольных мероприятий. Биограф Сюзанна Шаттенберг упоминает о фотографии двух руководителей на охоте, состоявшийся именно во время этого визита [9, с. 189]).

Охотой развлечения не ограничивались. «Побывали они и в резиденции Тито на Бриони, где югославский президент катал Брежнева на катере. К ужасу охраны, он встал за штурвал, и они вдвоем унеслись в море» [1, с. 319]. Однако, такие подробности в отечественной прессе не отмечалось, акцент делался на другом: «Л.И. Брежнев и И.Б. Тито и другие советские гости, и югославские руководители садятся в машины и едут в город. Буквально все жители Крагуеваца вышли на улицы, чтобы приветствовать высокого советского гостя. Улицы и площади расцвечены флагами, цветами, транспарантами. На широком полотне начертано: «За силы мира, прогресса и социализма!». Трудящиеся города забрасывают машины с советскими гостями букетами цветов. Не прекращается взволнованный гул приветствий. Люди скандируют: «Браво!», «Живео!». На всем многокило-метровом

пути – цветы и улыбки» [1, с. 4]. Как отмечалось впоследствии, в документах Президиума ЦК КПСС, визит носил государственный характер, во время переговоров «вопросы межпартийных связей сколько-нибудь обстоятельно не обсуждались» [2, с. 798].

Стороны явно искали точки соприкосновения в сфере экономического сотрудничества и по ряду международных вопросов (борьба за мир, разоружение, германский мирный договор, помощь слаборазвитым странам и так далее). Поэтому в официальных речах отсутствовали взаимные претензии, Особое внимание в ходе визита уделялось совместной борьбе против фашистских захватчиков, 2 октября Брежнев и Тито присутствовали на перезахоронении солдат Советской Армии на партизанском кладбище в городе Горни-Милановац. Оба лидера над могилами войнах говорили о защите мира, но здесь Брежнев более конкретно, чем Тито, указал на существующие внешнеполитические вызовы (напомним, что скоро разразится Карибский кризис: «Память о миллионах погибших сынов советского и югославского народов стучит в наших сердцах. Эта память обязывает нас ко многому. Она не только будит в нас скорбь, но и призывает зорко смотреть вперед, охранять мир. А в мире есть еще силы империализма и агрессии, которые стремятся зажечь пожар новой мировой войны. Во главе этих сил идут ныне империалисты Соединенных Штатов Америки. При их поддержке опять поднимают голову немецкие милитаристы. Как ядовитые пауки, плетут стратеги НАТО черную паутину заговоров против мира. С берегов Рейна доносится барабанный бой и слышны призывы к новому походу на Восток реваншистов, вдохновляемых заокеанскими покровителями. Но пусть они помнят: память о погибших стучит в наших сердцах!» [7, с. 4].

3 октября программа визита в Югославию была завершена. Президент ФНРЮ вручил Л.И. Брежневу орден «Югославской Большой Звезды», которым тот был награжден за заслуги в укреплении дружбы между югославским и советским народами. Интересно, что при подготовке визита Брежнева советское правительство просило югославскую сторону воздержаться от награждения, но

оно все же состоялось [4, с. 794]. По итогам визита было подписано совместное коммюнике. выдержанное в дружеских тонах. Провожать Леонида Ильича на аэродром прибыл сам Тито с супругой, которые, по свидетельству очевидцев долго махали рукой, прощаясь с гостем.

Не рассматривая конкретные итоги визита, мы можем констатировать, что оба лидера нашли личный контакт, что однозначно помогло наладить в дальнейшем равноправные отношения, основанные на взаимном уважении.

Контакты между руководителями стран участились, так уже в декабре 1962 года Тито прибыл в Советский Союз, проводить здесь «деловой отпуск». Особенно участились взаимные визиты после того, как Брежнев возглавил КПСС, став первым лицом в советской властной иерархии. Следует отметить, что Тито сначала был озабочен, насколько удастся новым советским лидерам заменить Хрущева, с которым за последние два года удалось наладить отношения [2, с. 470]. Однако, именно на период правления Брежнева пришелся расцвет советско-югославских отношений. Тито даже лично принимал участие в торжественных мероприятиях, посвященных пятидесятилетию Великой Октябрьской революции. Во времена Хрущева Тито удерживался от проявления таких дружеских чувств, на праздновании сорокалетия революции Президента Югославии в Москве не было.

Выводы

- установившиеся в ходе визита личные отношения между Л.И. Брежневым и И.Б. Тито позитивно повлияли на межгосударственные связи и в целом на международную обстановку как непосредственно после визита, так и в дальнейшем, когда Л.И. Брежнев возглавил советскую политическую иерархию;
- при личных контактах оба лидера соблюдали максимально уважительную форму общения, обсуждали открыто конфликтные ситуации;
- важным фактором являлись как и официальные личные знаки внимания, так то возможность неформального общения в непринужденной обстановке.

Список источников

1. Матонин Е. Иосип Броз Тито. М: Молодая гвардия, 2012. 464 с.
2. Пирьевец Йоже Тито и товарищи. СПб Нестор-история 2019. 632 с.
3. Постановление Президиума ЦК КПСС «Об информации ЦК братских компартий по итогам визита т. Брежнева Л.И. в Югославию» // Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946-1980 гг.: в 2 т. Т. 1: 1946-1964. М., 2014.

4. Постановление Президиума ЦК КПСС «Мероприятия в связи с визитом Брежнева Л.И. в Югославию // Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946-1980 гг.: в 2 т. Т. 1: 1946-1964. М., 2014. 880 с.

5. Правда от 25 сентября 1962 года. Номер 268.

6. Правда от 26 сентября 1962 года. Номер 269.

7. Правда от 3 октября 1962 года. Номер 276.

8. Тито Иосип Броз. Избранные статьи и речи. М. Политиздат. 1973г. 744 с.

9. Шаттенбанк С. Леонид Брежнев. Величие и трагедия человека и страны. М. РОССПЭН, 2018. С. 622.

References

1. Matonin E. Josip Broz Tito. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2012. 464 p.

2. Pirjevec Joze Tito and Comrades. St. Petersburg Nestor-history 2019. 632 p.

3. Resolution of the Presidium of the Central Committee of the CPSU "On information from the Central Committee of fraternal Communist Parties on the results of the visit of Comrade L.I. Brezhnev to Yugoslavia". Meetings and negotiations at the highest level of the leaders of the USSR and Yugoslavia in 1946-1980: in 2 volumes. Vol. 1: 1946-1964. Moscow, 2014.

4. Resolution of the Presidium of the Central Committee of the CPSU "Events in connection with the visit of L.I. Brezhnev. to Yugoslavia. Meetings and negotiations at the highest level of the leaders of the USSR and Yugoslavia in 1946-1980: in 2 volumes. Volume 1: 1946-1964. Moscow, 2014. 880 p.

5. Pravda of September 25, 1962. Issue 268.

6. Pravda of September 26, 1962. Issue 269.

7. Pravda of October 3, 1962. Issue 276.

8. Tito Josip Broz. Selected articles and speeches. Moscow: Politizdat. 1973. 744 p.

9. Shattenbank S. Leonid Brezhnev. The Greatness and Tragedy of Man and Country. Moscow: ROSSPEN, 2018. P. 622.

Информация об авторах

Волков Н.М., кандидат технических наук, доцент, Воронежский государственный технический университет

Фролова Е.В., кандидат философских наук, доцент, Воронежский государственный технический университет

Шевченко В.Н., кандидат исторических наук, доцент, Воронежский государственный технический университет

© Волков Н.М., Фролова Е.В., Шевченко В.Н., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 433.94

Роль золота и серебра в английских колониях на Североамериканском континенте в XVII-XVIII вв.

¹ Решетников Г.В.,
¹ Институт всеобщей истории Российской академии наук

Аннотация: статья посвящена теме становления денежно-кредитной системы североамериканских колоний Британской империи, впоследствии получившими независимость и ставшими Соединенными Штатами Америки в конце XVIII в. Особое внимание в работе уделяется торговле в английских колониях таких распространённых в то время, инструментов купли-продажи, как золото и серебро, импортировавшихся из экономических развитых стран Западной Европы. В данной работе подробно описаны этапы становления политики биметаллизма в английских колониях, а после получения независимости английскими колониями – в Соединенных Штатах Америки: от открытия Америки Х. Колумбом до получения независимости английскими колониями и создания Соединенных Штатов Америки. Показана важнейшая роль федерального правительства в создании финансовых институтов в ходе Войны за независимость. Прослежена внешняя политика во время становления нового государства Соединенных Штатов Америки с наиболее развитыми экономическими странами Западной Европы. Описаны обсуждения проектов по утверждению и хождению различных вариантов валют в новом независимом государстве. Проанализированы общее и различное в денежно-кредитных системах Великобритании и Соединенных Штатов Америки. Показана роль первого министра финансов Соединенных Штатов Америки Александра Гамильтона в создании и преобразовании финансовой системы Соединенных Штатов Америки.

Ключевые слова: золото, серебро, бумажные деньги, английские колонии, финансы

Для цитирования: Решетников Г.В. Роль золота и серебра в английских колониях на Североамериканском континенте в XVII-XVIII вв. // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 2. С. 94 – 98.

Поступила в редакцию: 16 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 18 января, 2025 г.; Принята к публикации: 3 марта 2025 г.

The role of gold and silver in the English colonies on the North American continent in the 17th-18th centuries

¹ Reshetnikov G.V.,
¹ Institute of General History of the Russian Academy of Sciences

Abstract: the article is devoted to the development of the monetary system of the North American colonies of the British Empire, which subsequently gained independence and became the United States of America at the end of the 18th century. Particular attention is paid to the trade in the English colonies of such common instruments of purchase and sale at that time as gold and silver, imported from the economically developed countries of Western Europe. This work describes in detail the stages of the development of the policy of bimetallism in the English colonies, and after the independence of the English colonies – in the United States of America: from the discovery of America by H. Columbus to the independence of the English colonies and the creation of the United States of

America. The most important role of the federal government in the creation of financial institutions during the War of Independence is shown. The foreign policy during the formation of the new state of the United States of America with the most economically developed countries of Western Europe is traced. Discussions of projects on the approval and circulation of various currency options in the newly independent state are described. The similarities and differences in the monetary systems of Great Britain and the United States of America are analyzed. The role of the first Secretary of the Treasury of the United States of America, Alexander Hamilton, in the creation and transformation of the financial system of the United States of America is shown.

Keywords: gold, silver, paper money, English colonies, finance

For citation: Reshetnikov G.V. The role of gold and silver in the English colonies on the North American continent in the 17th-18th centuries. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (2). P. 94 – 98.

The article was submitted: November 16, 2024; *Approved after reviewing:* January 18, 2025; *Accepted for publication:* March 3, 2025.

Введение

Деньги всегда играли важнейшую роль в экономических и политических событиях в мире, в частности, в США. Тем более, золотые деньги. С момента открытия европейцами Америки в 1492 г. одними из главных вывозимых товаров с континента являлись драгоценные металлы – золото и серебро. Х. Колумб и его дальнейшие последователи активно обследовали материк на предмет золота и серебра. Ацтеки попали в рабство из-за найденных больших запасов золота [1, с. 63]. Сложилась парадоксальная ситуация, при которой материк, обладающий большими залежами золота имел его мало уже через несколько веков, то есть, к началу XVIII в.

Материалы и методы исследований

Обоснование темы статьи осуществлялось на основе использования абстрактно-логического и монографического методов, метода сравнения.

Результаты и обсуждения

Золотые деньги стран-метрополий, имевших в Северной Америке свои колонии, лишь в небольших объемах ходили в Америке с начала XVII в. До образования Соединённых Штатов Америки золото и серебро не играло в Северной Америке важной функции. В Новое время, в Америке не чеканилась золотая монета и не велась добыча золота. Роль денег играли самые невероятные предметы по нынешним временам: вампумы, зерно, табак и др. [10, с. 21]. Золотые деньги ввозились в английские колонии переселенцами и поступали через торговлю с западными странами Европы [2, с. 96] это и французские гинеи, португальские рэалы, испанские дублоны и др. [4, с. 46]. Монеты из золота и серебра ходили на Североамериканском континенте приблизительно в равных долях. К началу XVIII в. золото или серебро были уже распространены в крупных прибрежных городах английской колонии [5, с. 69]. Например, колония Массачусетс начала выпускать бумажные деньги,

размениваемые на золото в 1690 г. [4, с. 47]. Ситуация начала качественно меняться с середины XVIII в. под влиянием метрополии – Великобритании. Уже в законе 1750 г. Георга II упоминаются золотые монеты, находившихся в обращении в колонии Массачусетс. Дальше импорт золота из Соединенного Королевства только увеличивался.

В отличие от звонких монет бумажные деньги в английских колониях печатались. К 1740 г. в выпуске бумажных денег участвовали все колонии, кроме Виргинии, которая подключиться к печатанию бумажных денег позже по окончании Семилетней войны. По окончании англо-французской войны (1744-1748), британский король Георг II требовал от колоний возвращения к золоту и серебру и выводу из обращения бумажных денег. В 1751 г. Великобритания запретила эмиссию бумажных денег в колониях и приказала обменивать бумажные деньги на золото и серебро. В 1764 г. парламент Великобритании распространил этот запрет на все колонии и потребовал вывода их из обращения [4, с. 50].

Из-за торговли со многими странами золотые и серебряные монеты стран Западной Европы свободно обменивались по всему восточному побережью Америки. Более важными, чем, британские монеты, которые не могли быть законно экспортированы из Британии в колонии в силу указанных выше причин, были испанские серебряные монеты. Они чеканились в городах Латинской Америке – в Мехико и Лиме и вводились в экономику через активную торговлю с испанскими колониями. Испанские доллары были настолько распространены в колониях, что эта монета в конечном итоге была позже принята в качестве денежной единицы США [11, с. 70].

В период Войны за независимость США, когда различные английские колонии боролись за получение национального суверенитета на территории североамериканского континента, вопрос о де-

нежном обращении стал одним из самых важнейших. Для построения государства нужны были большие денежные средства, в период военной компании против Англии данный вопрос стоял наиболее остро. Американский политический истеблишмент прекрасно понимал, что политический суверенитет не был тождественен экономическому и, что первого не будет без второго. «Архитекторам» созданного нового государства предстояло фактически с нуля построить финансовую систему страны: это и создание национального банка и монетного двора, налаживание чеканки монет и т.д. Надо отметить, что они во многом справились с этими задачами, калькировав некоторые финансовые институты со своей бывшей метрополией – Великобританией, например, учреждение монетного двора. Помогало то, что структура политической власти в Северной Америке копировала английскую [6, с. 6]. То есть, англичане переносили в Новый Свет установления и традиции своей родины [5, с. 23]. Кроме того, Война за независимость сопровождалась демократическими преобразованиями всех сторон жизни Америки [8, с. 423]. Теперь американское общество являлось «бесклассовым», или обществом с высокой степенью социальной мобильности [9, с. 36].

Для ведения Войны за независимость, было напечатано 2 млн. долл. бумажными деньгами в июне 1775 г. Их стоимость приравнялась к золоту, и гарантировалось поддержание твердого курса. До конца года, Конгресс напечатал ещё 1 млн. долл. Уже к подписанию декларации о независимости было напечатано ещё 20 млн. долл. [3, с. 143].

Потребность в эмиссии была большая, поэтому даже штаты выпускали бумажные деньги каждый месяц. Стоимость долларов упала так, что к концу 1779 г. он стоил в несколько десятков раз меньше серебряного. Чтобы затормозить бешеную инфляцию, власть планировала начать выводить из обращения бумажные доллары, восстановив денежный баланс и снизить инфляцию. Выпущенные в это время, облигации федеральным правительством служили источником финансирования государственного бюджета. Кроме того, Конгресс выпускал сертификаты, использовавшиеся на содержание армии. К концу Войны за независимость, американские кредиторы отказывались принимать обесценивавшиеся бумажные деньги к оплате. Вследствие этого, власти штатов законодательно принуждали кредиторов менять свою точку зрения по данному вопросу [7, с. 91].

Пытаясь преодолеть экономический кризис, Конгресс попросил и получил займы от наиболее

развитых стран Западной Европы на сумму 3 млн. долл., но это помогало слабо. Поэтому, была предпринята попытка провести масштабные реформы по данному вопросу. Был принят закон, согласно которому, каждый штат был обязан содержать армию, расположенные на его территории. Взамен этого, большая часть долга перед федеральным правительством списывалась, и штат должен был внести только 1/3 суммы. Этот вопрос стал причиной острых разногласий между сенаторами в Конгрессе. Сельскохозяйственные слои населения являлись сторонниками «дешевых» денег, то есть, бумажных денег – долларов. Поэтому, Конгресс предпринимал попытки остановить инфляцию. Непоследовательность действий Конгресса отрицательно сказывалась на национальной экономике страны, переживавшей последствия войны. В этих условиях на пост министра финансов был назначен американский экономист Р. Моррис. Он сумел сбалансировать государственный бюджет, что привело к росту поступления налогов и снижению расходов. Он успешно сумел преодолеть дефицит в государственном бюджете, чем заслужил репутацию одного из самых успешных министров финансов в истории США [7, с. 143].

С момента принятия Декларации о независимости 4 июля 1776 г., вопрос о хождении золота и серебра внутри страны поднимался неоднократно. Обсуждались разные проекты: биметаллизм золота и серебра, серебряный монометаллизм, даже утверждение хождения испанского серебряного доллара и т.д. 8 апреля 1785 г. совет Казначейства в своём докладе рекомендовал принять в качестве валюты серебряный эквивалент испанского серебряного доллара, делать монеты из золота и серебра, и ввести десятичную систему номиналов [9, с. 16]. 13 мая 1785 г. Конгресс получил практически идентичный, похожий по содержанию доклад от своего комитета, в котором рекомендовалась биметаллическая система с денежной единицей эквивалентной испанскому серебряному доллару при соотношении серебра к золоту 15:1 и десятичную систему номиналов [6, с. 143]. Конгресс принял 8 августа 1786 г. план-проект будущей монетной системы. Этот план предусматривал выбор доллара в качестве официальной валюты, содержащего 375,64 грана чистого серебра, десятичную систему номиналов монет, чеканку монет достоинством от дайма и ниже из меди, а монет от дайма до доллара – из серебра. Курс серебра к золоту рекомендовалось установить на уровне в 15,25 к 1. Хотя 16 октября 1786 г. Конгресс принял указ о создании монетного двора и начала чеканке монет,

но до осуществления на практике этих мероприятий было ещё далеко [2, с. 44].

После ратификации Конституции в 1787 г. национальное правительство получило наконец монопольное право чеканить монету, регулировать её ценность и устанавливать единицы мер и весов. Теперь ни один из штатов не мог чеканить монету, выпускать кредитные билеты и выплачивать долги кроме как золотой или серебряной монетой [10, с. 25].

В 1791 г. был создан Национальный банк (премьерник не справившегося с поставленными перед ним задачами банка Северной Америки), призванный кредитовать государство и население и осуществлять эмиссию денег. Национальный банк и его филиалы в штатах уменьшили зависимость американских деловых людей от иностранных, в первую очередь, британских кредиторов и способствовали упрочению экономической независимости страны. У банка было 25 директоров. Правительство США, имевшее 20% уставного капитала, назначало пятерых из них, остальные 20 были частными лицами [7, с. 114]. Первый национальный банк просуществует недолго: лишь до 1811 г., во многом из-за того, что не было решения ограничить состав платёжных инструментов банка золотыми и серебряными монетами [4, с. 69], но вскоре будет создан второй национальный банк после войны с Англией в 1816 г.

15 апреля 1790 г. палата представителей приняла указ, требовавший от министра финансов подготовить план учреждения национального монетного двора. В ответ министр финансов Александр Гамильтон представил «Доклад о чеканке монеты» (28 апреля 1791 г.). В качестве денежной единицы А. Гамильтон рекомендовал доллар. А. Гамильтон определял рыночный курс золота к серебру как 1 к 15. Умножая эквивалент доллара в чистом золоте, т.е. 243/4 грана, на 15, он получал цифру в 371 1/4 грана серебра за доллар, что почти в точности равнялось среднему содержанию чистого серебра в испанских долларах [4, с. 26]. А. Гамильтон выступал за биметаллизм, [10, с. 25] как оказалось в

последствие это решение было ошибочным, и будет приводить к началу финансовых кризисов из-за колебания курсов. Он считал, что представляется желательным не привязывать денежную единицу исключительно к какому-то из этих металлов. По словам А. Гамильтона, использование двух металлов как стандартных денег также благотворно скажется на развитии внешней торговли страны. А. Гамильтон считал, что монетный коэффициент между золотом и серебром должен составлять 15 к 1. На этом основании Гамильтон полагал, что «монетная единица Соединенных Штатов должна соответствовать 24 3/4 грана чистого золота, или 371 1/4 грана чистого серебра, составляющих доллар в качестве счетных денег» [4, с. 62-63]. Следуя британской практике, он выступал за то, чтобы делать монету из золота и серебра пробы 11/12. Номинал монет А. Гамильтон рекомендовал устанавливать на основе десятичной системы. Для начала он предлагал шесть номиналов монет. А. Гамильтон считал, что в новой системе национальной монеты должен быть обязательно предусмотрен запрет на хождение иностранной монеты, но такое решение не будет принято еще много лет, вплоть до середины XIX в. [2, с. 102]. В итоге в принятой конституции 1787 г. было закреплено, что Конгресс имел исключительное право чеканить монету, определять ценность её и иностранных монет [4, с. 62]. Ключевым событием следующих лет будет являться принятие закона о чеканке монет в 1792 г. Согласно ему, формировались следующие базовые и фундаментальные институты: создавался монетный двор, начал регулироваться выпуск монет, учреждался серебряный доллар в качестве денежной единицы и объявлялся законным платёжным средством.

Выводы

Таким образом, финансовая система английских колоний проделала сложный путь развития: от отсутствия золота и многообразия платёжных средств в начале XVII в. до образования единой финансовой системы в ходе образования США в конце XVIII в.

Список источников

1. Азимов А.А. История США: Освоение Северной Америки: пер. с англ. О. Адамовой и Н. Хольновой. М.: Б.С.Г. ПРЕСС, 2003. 336 с.
2. Золотой стандарт. Теория, история, политика : пер. с англ. / науч. ред. А. Куряев. Челябинск: Социум, 2011. 574 с.
3. История США: в 4 т. / АН СССР. Ин-т всеобщ. истории; Редкол.: Г. Н. Севостьянов (гл. ред.) и др. М.: Наука, 1983-1987. Т. 1.
4. Ротбард М. История денежного обращения и банковского дела в США: пер. с англ. Б.С. Пинскера / под ред. А.В. Куряева. Челябинск: Социум, 2009. 522 с.
5. Согрин В.В. 50 лет в Американистике // Новая и Новейшая история. 2020. № 2. С. 21 – 40.

6. Согрин В.В. Английское влияние на американскую цивилизацию // Новая и Новейшая история. 2019. № 1. С. 3 – 24.
7. Согрин В.В. История США: учебник. М.: Международные отношения, 2021. 600 с.
8. Согрин В.В. Прошлое, настоящее и будущее Американской демократии // Сто лет Уральскому государственному юридическому университету. Екатеринбург, 2019. С. 420 – 437.
9. Травкина Н.М., Васильев В.С. Деамериканизация США: истоки и последствия // Перспективы. Электронный журнал. 2021. № 2/3 (25/26). С. 34 – 49.
10. Эйхенгрин Б. Непомерная привилегия: Взлет и падение доллара = Exorbitant Privilege. М.: Изд. Института Гайдара, 2013. 324 с.
11. Walton G., Rockoff H. History of the American Economy; Edition, 11. South-Western, 2010. 624 p.

References

1. Azimov A.A. History of the USA: Development of North America: trans. from English by O. Adamova and N. Khol-nova. Moscow: B.S.G. PRESS, 2003. 336 p.
2. Gold Standard. Theory, History, Politics: trans. from English. scientific ed. A. Kuryaev. Chelyabinsk: Socium, 2011. 574 p.
3. History of the USA: in 4 volumes. USSR Academy of Sciences. Institute of General History; Editorial board: G.N. Sevostyanov (ed.-in-chief) and others. Moscow: Science, 1983-1987. Vol. 1.
4. Rothbard M. History of Money Circulation and Banking in the USA: trans. from English by B.S. Pinsker. ed. A.V. Kuryaev. Chelyabinsk: Socium, 2009. 522 p.
5. Sogrin V.V. 50 Years in American Studies. New and Contemporary History. 2020. No. 2. P. 21 – 40.
6. Sogrin V.V. English Influence on American Civilization. New and Contemporary History. 2019. No. 1. P. 3 – 24.
7. Sogrin V.V. History of the United States: Textbook. Moscow: International Relations, 2021. 600 p.
8. Sogrin V.V. Past, Present, and Future of American Democracy. One Hundred Years of the Ural State Law University. Ekaterinburg, 2019. P. 420 – 437.
9. Travkina N.M., Vasiliev V.S. De-Americanization of the United States: Origins and Consequences. Prospects. Electronic Journal. 2021. No. 2/3 (25/26). P. 34 – 49.
10. Eichengreen B. Exorbitant Privilege: The Rise and Fall of the Dollar = Exorbitant Privilege. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2013. 324 p.
11. Walton G., Rockoff H. History of the American Economy; Edition, 11. South-Western, 2010. 624 p.

Информация об авторе

Решетников Г.В., аспирант, Институт всеобщей истории Российской академии наук, 119334, г. Москва, Ленинский пр-т., 32 а, dir@igh.ru

© Решетников Г.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 7.036.1

Московские творческие объединения 1917-1932 годов (довоенная историография и критика)

^{1, 2} Ролдугина В.Н.,

¹ Московский финансово-юридический университет (МФЮА),

² Московский городской педагогический университет

Аннотация: в статье рассматривается историография работ, посвященных творческим объединениям Москвы 1917-1932 годов в довоенный период Советского Союза, приводятся имена авторов, выпустивших критические очерки о деятельности объединений, анализируются причины генезиса творческих объединений. Трансформационные процессы, характерные для культурно-исторического периода начала XX века принимают особо драматические и в тоже время грандиозные размахи в событиях отечественной истории. Революционные тенденции прослеживаются на всех уровнях развития отечественного общества того периода. Начинаясь в политико-экономических, идеологических процессах, преобразования приходят в повседневную, а также культурную жизнь государства. Период с 1917 по 1932 год в Москве был отмечен бурным расцветом творческих объединений, которые стали площадками для художественных экспериментов, дискуссий и формирования новых эстетических концепций.

Ключевые слова: творческие объединения, искусство, культура, историография, печать

Для цитирования: Ролдугина В.Н. Московские творческие объединения 1917-1932 годов (довоенная историография и критика) // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 2. С. 99 – 107.

Поступила в редакцию: 16 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 18 января, 2025 г.; Принята к публикации: 3 марта 2025 г.

Moscow Creative Associations of 1917-1932 (pre-war historiography and criticism)

^{1, 2} Roldugina V.N.,

¹ Moscow University of Finance and Law (MFUA),

² Moscow City University

Abstract: the article examines the historiography of works devoted to the creative associations of Moscow in 1917-1932 in the pre-war period of the Soviet Union, provides the names of the authors who published critical essays on the activities of associations, analyzes the reasons for the genesis of creative associations. The transformation processes characteristic of the cultural and historical period of the early twentieth century take on particularly dramatic and at the same time grandiose proportions in the events of Russian history. Revolutionary trends can be traced at all levels of development of the Russian society of that period. Starting in political, economic, and ideological processes, transformations come into the daily as well as cultural life of the state. The period from 1917 to 1932 in Moscow was marked by the rapid flourishing of creative associations, which became platforms for artistic experiments, discussions and the formation of new aesthetic concepts.

Keywords: creative associations, art, culture, historiography, print

For citation: Roldugina V.N. Moscow Creative Associations of 1917-1932 (pre-war historiography and criticism): *Historical Bulletin*. 2025. 8 (2). P. 99 – 107.

The article was submitted: November 16, 2024; Approved after reviewing: January 18, 2025; Accepted for publication: March 3, 2025.

Введение

Проблема генезиса творческих объединений в отечественной истории начала XX века представляет интерес как в рамках отдельных гуманитарных дисциплин, так и в контексте междисциплинарных исследований. С точки зрения философско-психологических исследований творческие объединения рассматриваются с позиции созидания нового в интересах социального прогресса, возрастания степени свободы человека, гуманизации общественных отношений, обеспечивающих целостное развитие личности [1]. С точки зрения искусствоведения и культурологии осуществляется попытка проследить процесс зарождения новых подходов к творчеству, новых форм искусства [40].

В социологических исследованиях рассматриваются социальные причины и последствия внедрения тех или иных творческих веяний, а также причины, подталкивающие деятелей искусств к объединению. Исторические исследования нацелены на выявление исторических закономерностей развития и функционирования общества во всем многообразии его проявлений [19].

«Творчество» можно понимать, как все разнообразие созданных человеком культурных, материальных и духовных ценностей. Отсюда следует, что творческими можно считать любые объединения, служащие данной цели. В нашем исследовании анализируется лишь та их часть, которая имела наибольшее влияние на развитие общества, а именно литература, художественное искусство, архитектура, скульптура, фото и видео искусство.

Выбор нижней границы хронологических рамок определяется фактом свершившейся революции и приходом к власти партии большевиков, что можно считать началом нового общественно-политического, государственного устройства. В этот период стали оформляться стабильные кружки творческой интеллигенции, явившейся созидательным основанием для оформления профессиональных творческих объединений.

Верхняя граница исследования связана с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 года. Таким образом, на смену самодетельным неформальным объединениям творческой интеллигенции приходят ассоциации и

союзы, организованные и структурированные властью.

Территориальные рамки исследования ограничиваются городом Москва, ставшим одним из основных культурных центров. Важным фактором выбора является так же возвращение Москве статуса столицы в 1918 г.

Материалы и методы исследований

В данной статье мы опирались на анализ материалов периодической печати, газетных и журнальных изданий; диссертационные исследования по рассматриваемой проблематике, так же нами были проанализированы монографии и труды авторов, посвятивших свои исследования теме творческих организаций. В качестве методов применяется хронологический метод и метод исторического анализа.

Результаты и обсуждения

Пристальное внимание к творческой жизни раннего Советского Союза проявляется с самого момента зарождения нового государства.

Среди причин такого интереса, можно выделить культурные, политические и социальные.

Отечественная культура периода начала XX века интенсивно вплеталась в контекст развития мирового культурного процесса, привлекала внимание не только в самой России, но и за рубежом. Многие исследователи отмечают взаимовлияние культурных процессов в России и мире. «Русская...культура рубежа веков вошла в европейскую культуру на равных, со своим собственным лицом, и стала одной из важнейших национальных культур, которые определили развитие мирового искусства в XX веке» [45]. Немалый вклад в данный процесс безусловно внесли эмигранты первой волны- творческие деятели, высланные из страны или принявшие самостоятельное решение ее покинуть по политическим мотивам.

Процесс образования творческих объединений проходил параллельно крупномасштабному проекту по ликвидации безграмотности и культурному просвещению населения. «Понятие «культура» официально стало употребляться с 1919 года для привлечения социального внимания и вовлечения трудящихся в общее управление и руководство государством через достижение ими «культурного равенства» с правящей партией (коммунистическим пролетариатом). По сути, речь шла о конструировании общественного сознания посред-

ством культурной политики ради принятия и достижения целей строительства социализма» [40].

Необходимость создания условий для консолидации общества на основе обновленных идеологических, мировоззренческих и политических подходов предъявляет требования к широкомасштабной информационно-пропагандистской компании. Данная задача хорошо осознавалась руководством государства. Под этот проект появляются новые формы связей с общественностью. Делается большой упор на средства массовой информации, к числу первых из которых относились газеты и журналы. В свет выходит множество печатных изданий, посвященных деятельности творческих объединений.

В качестве основных причин, послуживших стимулом для объединения творческой интеллигенции в профессиональные организации, во многих исследованиях указываются политические, однако импульсом к объединению становится и гуманитарная обстановка, социально-бытовые причины. «Вместе было легче выжить в тяжелых обстоятельствах русской жизни тех лет, преодолеть разруху, голод, наладить условия для нормальной работы и профессионального общения людей, причастных к литературе и искусству» [28]. Приверженность линии партии позволяла объединениям получать государственные заказы (например, на оформление массовых праздников), участвовать в государственных выставках, бороться за право влиять на развитие советского искусства или просто вписывать свои имена в историю [37]. Творческие деятели от организаций разных направлений участвовали в оформлении массовых мероприятий и празднеств на площадях Москвы.

Историографию работ, посвященным творческим объединениям можно условно разделить на несколько периодов: ранние исследования 1917-е – 1945-е; послевоенный период (1945-е – 1980-е); современная историография (после 1990х годов).

В трудах авторов времен раннего СССР ставится вопрос об общем значении новаторства в культурно-творческой среде, о способности/неспособности деятелей искусства от партийной идеологии справиться с задачей по созданию искусства нового времени. Авторы выражают свою оценку места и роли творческой интеллигенции в целом, обосновывают значимость творческих объединений для развития общества.

Четкая дифференциация линий научных мнений в данный период затруднена. Попытка условно разделить авторов на 3 лагеря (просоветские организации, организации, предпринявшие попытки отстоять внеполитический статус творче-

ства, и антисоветские) опирается в регулярное смещение сторон, которые занимают и сами творческие деятели, и издания, выпускающие публикации с критическими работами о творчестве объединений, и политика государственного аппарата по отношению к деятелям культуры. Особенно остро подобные противоречия просматриваются в среде литераторов и деятелей театрального искусства. Другим осложняющим фактором становятся противоречия внутри на первый взгляд одного лагеря.

Так или иначе, характерной чертой историографии периода является акцент на идеологическую интерпретацию творческих объединений. Основные работы, характеризующие деятельность творческой интеллигенции, принадлежат перу политических деятелей, историков, философов, литераторов, журналистов.

Антипартийные мыслители интерпретировали деятельность творческих объединений как проявление революционного антирационализма и декаданса. К их числу можно отнести П.И. Новгородцева [32], П.Б. Струве [43], А.С. Изгоева [15], П.Н. Милокова [26], Г.Г. Шпета [50], Д.Н. Овсянникова-Куликовского [33] и мн. др.

Условно лояльные государству авторы рассматривают деятельность творческих организаций сквозь призму классовой борьбы и построения социалистического общества. Объединения, поддерживающие советскую власть в их трудах представлялись как передовые», а буржуазные – как отжившие. К таковым работам можно отнести труды самих деятелей, являвшихся участниками творческих организаций.

Наибольшее число объединений создается в литературном кругу. В период 1917-1932 годов на территории Москвы существовали сотни организаций. Некоторые из них были сформированы до революционных событий, другие сформировались на основе новых идеологических начал. К числу наиболее популярных объединений, существовавших на территории Москвы и оставивших свой литературный след в истории можно отнести РАПП – Российская ассоциация пролетарских писателей, Перевал, ЛЕФ – Левый фронт искусств. ЛЦК – Литературный центр конструктивистов. Крупные организации издавали собственные журналы. Так, организация ЛЕФ издавало журналы «Искусство коммуны», «ЛЕФ» и «Новый ЛЕФ», Перевал – газету «Красная новь». РАПП (Кузница, Октябрь) журналы «Октябрь», «На литературном посту», позже «На посту».

К числу организаций художественного плана, сформированных в Москве на означенный период можно особо отметить помимо уже упомянутого

ЛЕФ, АХРР (Ассоциация художников революционной России); ОСТ, ОХСТ (Общество художников-станковистов), Четыре искусства, Общество московских художников. Среди трудов, освещающих деятельность художественных обществ стоит отметить фундаментальные труды Н. Щекотова [51], М. Буша и А. Замошкина [8], В.М. Лобанова [21]. В данный период так же выходят критические очерки, посвященные выставкам творческих объединений и их участникам. К таковым можно отнести А.А. Федорова-Давыдова [47], Я.А. Тугенхольда [46], А.А. Сидорова [42] и мн. др. Художественные общества так же издавали журналы от АХРР выходил журнал «Искусство в массы», позже переименованный в «За пролетарское искусство».

На территории Москвы в период с 1917 по 1932 существовало огромное множество театральных объединений. Помимо профессиональных театральных групп ГИТИС, Большого и Малого театров, появляется большое количество новых театральных студий, в том числе частных. Среди наиболее крупных театральных обществ такого рода на территории Москвы можно отметить коллективы «Синяя блуза», московский филиал ТРАМ (театр рабочей молодежи), ТЮЗ (театр юного зрителя). Критика деятельности театральных творческих объединений отражает противоречия между традициями имперского театра и новаторством. Среди условных традиционалистов можно отметить критические очерки А.В. Луначарского [22, 23], П.С. Когана [17]. Пропартийная позиция просматривается в трудах Э.М. Бескина [4], О.С. Литовского [20]. На страницах газетных изданий публикуют критические очерки Ю.В. Соболев [41], В.Г. Шершеневич [9], В.С. Виноградов [11]. Помимо публицистических работ в свет выходят фундаментальные научные труды о театральном искусстве авторства Н.В. Всеволодского-Гернгросса «История русского театра» [12].

В первые пореволюционные годы полемика охватила объединения деятелей архитектуры. Основные споры развернулись между архитектурным конструктивизмом объединения ОСА и рационализмом АСНОВА. Общество конструктивистов эволюционировавшее от организации ИНХУК к ОСА («Объединение современных архитекторов») издавали журнал «Современная архитектура» (позже был упразднен в связи с запуском). Во главе ред. коллегии стояли братья А.А. и В.А. Веснины и М. Гинцбург. Критические статьи в адрес объединения АСНОВА издает Р.Я. Хигер [48]. Объединение АСНОВА издавало журнал «известия АСНОВА» под редакцией Л. Лисицкого и Н. Ладовского. От лица АСНОВА по теме архи-

тектурных организаций публикуются А. Рухлядев, В. Кринский [39], А. Бунин [7], и мн. др. От организации Всесоюзное объединение пролетарских архитекторов (ВОПРА) издаются статьи А. Мордвинова [27], И. Маца [24] и др.

Скульптура первых послереволюционных лет ознаменовалась созданием в 1917 году Московского общества скульпторов, с 1926 переименованного в Общество Российских скульпторов (ОРС).

Скульптурное творчество выбивалось из общего направления прогресса в искусстве. Движение скульпторов к соц. реализму не было столь же стремительным, как движение театра, художественного искусства и литературы. Деятельность отечественных скульпторов нередко подвергалось нападкам со стороны идеологов Пролеткульта. Об отставании скульпторов писали многие авторы периода, критикуя их за «безыдейность». Среди авторов, издающих труды посвященные деятельности московских сообществ скульпторов можно отметить Б.Н. Терновца [44], А. Бакушинского [3], Л. Варшавского [10], Гинцбурга [13], Н. Исакова [16], М. Неймана [30], М. Райхинштейна [36], А. Ромма [38], Я. Тугенхольда [46], А.Эфроса [52] и мн.др.

Тема творчества и творческих организаций в начале 20го века расширяется за счет включения в творческую среду молодых направлений таких как фото и кино искусство. Начиная с середины 20х годов выходит множество публикаций, посвященных молодому искусству. К их числу можно отнести: А. Альперта [2], П. Бляхина [5], Г.М. Болтянского [6], А.М. Донде [14], В. Костина [18], Л.П. Межеричера [25] и мн. др. Стоит отметить, что на тот период условий для развертывания политической критики просоветского кинематографа на территории СССР практически не было, однако авторы спорили о самой возможности рассматривать кинематограф как творческое направление. Так, к примеру В. Блюм и В. Шкловский [49] отстаивали точку зрения о невозможности воспринимать кино, как творчество. Среди авторов, посвятивших статьи творческим организациям в области кинематографа можно выделить И. Потемкина [35], Н. Юдина [53], М. Никанорова [31], И.К. Наумова [29] и мн. др.

Особо значимыми историографическими работами, освещающими деятельность московских творческих объединений, становятся: вышедший в 1933 году труд В.Д. Муратовой Под редакцией С.Д. Балухатого «Периодика по литературе и искусству за годы революции 1917-1932 год» [34], работа В.М. Лобанова «Художественные группи-

ровки за последние 25 лет» [21], а также труд И.Л. Маца «Советское искусство за 15 лет» [24].

Выводы

Московские творческие объединения послереволюционного периода представляют собой коллективы единомышленников, образовавшиеся на территории г. Москва, сплоченные на основе творческих и политических представлений о культуре, искусстве, и развитии общества. Среди факторов, послуживших объединению деятелей творчества можно обозначить политико-идеологические (приверженность политическим течениям), социальные (культурно-исторические традиции общества, характерные для творческой интеллигенции периода начала XX века), экономические (получение денежных грантов от заказчиков и прибыли от концертно-выставочной деятельности), гуманитарные (вести хозяйственную деятельность вместе было проще) и психологические (возможность получить признание в творческой среде через поддержку коллектива, а так же

безопасность в условиях нестабильного периода) компоненты.

Историография и критика деятельности московских творческих объединений довоенного периода во многом представляет из себя полемику между представителями противоборствующих политических лагерей. Примечательной особенностью становится тот факт, что критические очерки оставляют представители интеллигенции, покинувшие страну. В творческом разрезе полемика охватывает вопросы о способности/неспособности пропартийных деятелей искусства создать новый формат творчества, ориентированный на массовое потребление. Основной площадкой для дискуссий становится периодическая печать. Творческая деятельность объединений киноискусства выпадает из политической полемики в силу, во-первых, новизны технологии, во-вторых в силу невозможности получить технологию для частных лиц по экономическим причинам.

Список источников

1. Александрова Л.А. Генезис понятия творчества в истории философии // Вестник ЧГУ. 2007. № 3. 8 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-ponyatiya-tvorchestva-v-istorii-filosofii> (дата обращения: 18.09.2024)
2. Альперт А. О фотографировании жизни и быта Советского Союза // Советское фото. 1927. № 1. С. 29.
3. Бакушинский А. Современная русская бакуштура. Искусство / ГАХН, 1927, кн. 2-3. С. 73 – 99.
4. Бескин Э.М. История русского театра. М., Ч. 1. 1928.
5. Бляхин П. Советское фотоискусство-передовое в мире: выступление в прениях на Дискуссии о формализме и натурализме в фотоискусстве // Советское фото. 1936. № 5/6. С. 16 – 18.
6. Болтянский Г.М. Фотография в эпоху революции // Советское фото. 1926. № 3. С. 72 – 73.
7. Бунин А., Круглова М. «Архитектурное оформление города». [Март 1931 г.]. С. 60.
8. Буш М, Замошкин А. Путь советской живописи(1917-1932). М.-Л, 1933.
9. Шершеневич В.Г. 2x2 = 5. Листы имажиниста. М., Имажинисты, 1920 г. Он же. Кооперативы веселья, М., Имажинисты, 1921 Он же. Одна сплошная нелепость. М., Имажинисты, 1922г. Он же. Шершеневич жмет руку кому. М., Имажинисты, 1924 г.
10. Варшавский Лев. О современной скульптуре. Читатель и писатель, 1928, 14 апреля, № 15. С. 4.
11. Виноградов В.С. Суд над музыкальной халтурой. М., 1930,
12. Всеволодский-Гернгросс Н.В. История русского театра. М. 1929.
13. Гинцбург Илья. Заметки о скульптуре. ШЗнь искусства, 1926, Л I. С. 7 – 9.
14. Донде А.М. Беседы о фотографии. М.: Журнально-газетное объединение, 1932. 112 с.
15. Изгоев А.С. Социализм, культура и большевизм // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1918.
16. Исаков Н. Московские выставки: АХР, ОМХ, ОРС. Жизнь искусства, 1929. № 28. С. 6 – 7.
17. Коган П. С. Литературные заметки. Эпопея Андрея Белого // Красная новь. 1921, ноябрь-декабрь. № 4.
18. Костин В. Фотомонтаж и механистические ошибки «Октября» / И За пролетарское искусство. 1932. № 7/8. С. 18 – 21.
19. Кузнецова Е. Советская живопись 1920-х гг.: представители и объединения // Сетевое издание «Наша история» [Электронный ресурс]. <https://nashahistory.ru/materials/sovetskaya-zhivopis-1920-h-gg-predstaviteli-i-obedineniya>
20. Литовский О.С. Вопросы репертуара. М.-Л., 1931. Он же. Задачи художественной самодеятельности в свете решений XVII партконференции. М., 1932. Он же. Десятилетие Театра Революции в поисках нового героя. М., 1933

21. Лобанов В.М. Художественные группировки за последние 25 лет. М., 1930, Он же. Из сохраненного памятью // Борьба за реализм в изобразительном искусстве 20-х гг. М., 1962.
22. Луначарский А.В. Рабочая революция и искусство // Вестник искусств. 1922 № 5.
23. Луначарский А.В. Театр и революция. М., 1924; Он же. Основы театральной политики советской власти. М.-Л., 1926; Он же. Театр сегодня. Оценка современного репертуара и сцены. М.-Л., 1927; Он же. Десять лет культурного строительства в стране рабочих и крестьян. М.-Л., 1927.
24. Маца И.Л. Советское искусство за 15 лет: Материалы и документация / Под ред. с вводн. статьями и примечаниями И. Маца; Сост.: И. Маца, Л. Рейнгардт, Л. Ремпель; Секция пространственных искусств Ин-та ЛиИ Комкадемии. Москва; Ленинград : Изогиз, 1933. 663 с., 16 л. ил.: ил.: 27 см
25. Межеричер Л.П. О «правых» влияниях в фотографии // Советский фотографический альманах: ежегодник, 1929. / под ред. В. П. Микулина. М., 1929. С. 219 – 243.
26. Милоков П.Н. Россия на переломе: Большевицкий период русской революции. Париж: Б. и., 1927. 2 т.
27. Мордвинов А. Декларация Всероссийского общества пролетарских архитекторов. [Август 1929 г.] С. 138.
28. Муромский В.П. Союз деятелей художественной литературы. (1918-1919 годы) // Русская литература. 1995. № 2.
29. Наумов И.К. Пути и задачи ОДСКФ. М.-Л.: ГИХЛ, 1931. 53 с.
30. Нейман М. Две бригады скульпторов // Искусство. 1935. № 6. С. 87 – 116. 351. Он же. Заметки о скульптурном портрете // Искусство. 1940. № 2. С. 29.
31. Никаноров М. Общество Друзей Советского Кино // Кино и культура: журнал. 1929. Январь (№ 1). С. 67 – 70.
32. Новгородцев П.И. О путях и задачах русской интеллигенции // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1918.
33. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Заглавие. История русской интеллигенции: Итоги рус. художеств. лит. 19 в.; Место издания. Москва; Издательство В.М. Саблин.
34. Периодика по литературе и искусству за годы революции. 1917-1932 / АН СССР. ИРЛИ; под. ред. С.Д. Балухатова / сост. К.Д. Муратова. Л.: Изд-во АН СССР, 1933.
35. Потёмкин И. О ближайших задачах О.Д.С.К. // Жизнь искусства: журнал. 1926. 6 апреля (№ 14). С. 5 – 6.
36. Райхинштейн М. Современная русская скульптура // Красная нива. 1926. № 16. С. 12 – 13.
37. Ремизова К. «Уновис», «Зорвед» и МАИ: путеводитель по объединениям художников 1920-х // Онлайн лекторий Арзамас [Электронный ресурс]. URL: <https://arzamas.academy/materials/1785> (дата обращения: 11.09.2024)
38. Ромм А. Основные тенденции нашей скульптуры. Творчество, 1935. В 10. С. 3 – 13.
39. Рухлядев А., Кринский В. «Об идеологической выразительности в архитектуре». [Январь 1931 г.] 58 с.
40. Сергеева Н.А., Замараева Ю.С. Создание новых художественных объединений в советском изобразительном искусстве 1917-1922 гг // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2023. № 7. С. 1043 – 1061. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sozдание-novyh-hudozhestvennyh-obedineniy-v-sovetskom-izobrazitelnom-iskusstve-1917-1922-gg> (дата обращения: 18.09.2024)
41. Соболев Ю.В. [автограф] Московский художественный театр. [XXX лет исканий и работы / обл. раб. Н. Рогачева]. М.: Театропечать, 1929.
42. Сидоров А.А. Художественные выставки. М.: Творчество, 1920.
43. Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины: Сборник статей о русской революции. М., 1918.
44. Терновец Б.Н. Русские скульпторы. М.: Государственное издательство, 1924. 48 с., 14 л. ил.
45. Токарева Е.А., Челнокова А.Ю. Еввропейский контекст серебряного века русской культуры // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2021. № 4 (44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evropeyskiy-kontekst-serebryanogo-veka-russkoj-kultury> (дата обращения: 18.09.2024)
46. Тугендхольд Я. Выставка скульптуры // Известия, 1926, 3 апреля, В 76. С. 5; Искусство Октябрьской эпохи. Д., 1930. Искусство и революция // Художник и зритель. 1924. Уз 3-4; Сезон выставок / Революция и культура. 1928. V» 3-4; Формальный элемент в наше» живописи / Советское искусство. 1928.; Выставка в Музее живописной культуры // Известия. 1925. 10 января.

47. Федоров-Давыдов АА. По выставкам/Печать и революция. 1925. Кн. 5-6.
48. Хигер Р.Я. Формализм. Идеология упадочничества в советской архитектуре. Доклад на 1-ом съезде ОСА (май 1929) // Современная архитектура. 1929. № 4. С. 142 – 146; К вопросу об идеологии конструктивизма в современной архитектуре // Современная архитектура. 1928. № 3. С. 92 – 94, 96 – 102).
49. Шкловский В. Литература и кинематограф. Берлин: Русское универсальное издательство, 1923.
50. Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии. Пг., 1922.
51. Щекотов Н. Искусство СССР. Новая Россия в искусстве. М, 1926.
52. Эфрос А. Наша скульптура. Известия, 1933, II ишя, В 172. С. 2; Прогулки по выставкам. Прогулка пятая: у скульпторов. Литературная газета, 1929, 25 июня, Л 10. С. 3. Удача художника, Советское искусство, 1940, 24 ноября. № 60, с. 3. Он же. Художники перед октябрьским юбилеем. Прожектор, 1927. № 14. С. 20 – 21.
53. Юдин Н. Задачи и состояние фотолюбительства в ОДСК // Фотограф: журнал. 1927. № 11-12. С. 354 – 357.

References

1. Aleksandrova L.A. Genesis of the concept of creativity in the history of philosophy. Bulletin of ChSU. 2007. No. 3. 8 p. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-ponyatiya-tvorchestva-v-istorii-filosofii> (date of access: 09/18/2024)
2. Alpert A. On photographing life and everyday life of the Soviet Union. Soviet photo. 1927. No. 1. P. 29.
3. Bakushinsky A. Modern Russian bakuštura. Art. GAKHN, 1927, v. 2-3. P. 73 – 99.
4. Beskin E.M. History of Russian theater. M., Part 1. 1928.
5. Blyakhin P. Soviet photography – the most advanced in the world: speech in the debate at the Discussion on formalism and naturalism in photography. Soviet photo. 1936. No. 5/6. P. 16 – 18.
6. Boltyansky G.M. Photography in the era of revolution. Soviet photo. 1926. No. 3. P. 72 – 73.
7. Bunin A., Kruglova M. “Architectural design of the city”. [March 1931]. P. 60.
8. Bush M., Zamoshkin A. The path of Soviet painting (1917-1932). M.-L., 1933.
9. Shershenevich V.G. 2x2 = 5. Imagist sheets. M., Imagistry, 1920. Ditto. Fun Cooperatives, M., Imagistry, 1921. Ditto. Sheer Absurdity. M., Imagistry, 1922. Ditto. Shershenevich Shakes Hands with Someone. M., Imagistry, 1924.
10. Varshavsky Lev. On Contemporary Sculpture. Reader and Writer, 1928, April 14, No. 15. P. 4.
11. Vinogradov V.S. Trial of Musical Hackwork. M., 1930,
12. Vsevolodsky-Gerngross N.V. History of Russian Theater. M. 1929.
13. Ginzburg Ilya. Notes on Sculpture. Life of Art, 1926. P. 7 – 9.
14. Donde A.M. Conversations about photography. Moscow: Magazine-newspaper association, 1932. 112 p.
15. Izgoev A.S. Socialism, culture and Bolshevism. From the depths. Collection of articles on the Russian revolution. Moscow, 1918.
16. Isakov N. Moscow exhibitions: AKhR, OMI, ORS. 1life of art, 1929. No. 28. P. 6 – 7.
17. Kogan P.S. Literary notes. The epic of Andrei Bely. Krasnaya nov. 1921, November-December. No. 4.
18. Kostin V. Photomontage and mechanical errors of "October" . For proletarian art. 1932. No. 7/8. P. 18 – 21.
19. Kuznetsova E. Soviet painting of the 1920s: representatives and associations. Online publication "Our History" [Electronic resource]. <https://nashahistory.ru/materials/sovetskaya-zhivopis-1920-h-gg-predstaviteli-i-obedineniya>
20. Litovsky O.S. Repertoire issues. M.-L., 1931. Ibid. Tasks of amateur art activities in light of the decisions of the XVII Party Conference. M., 1932. Ibid. Decade of the Theater of the Revolution in search of a new hero. M., 1933
21. Lobanov V.M. Artistic groups over the past 25 years. M., 1930, Ibid. From what was preserved by memory. The fight for realism in the fine arts of the 1920s. M., 1962.
22. Lunacharsky A.V. Workers' Revolution and Art. Bulletin of Arts. 1922 No. 5.
23. Lunacharsky A.V. Theater and Revolution. M., 1924; Ibid. Fundamentals of the Theater Policy of Soviet Power. M.-JL, 1926; Ibid. Theater Today. Evaluation of the Contemporary Repertoire and Stage. M.-JL, 1927; Ibid. Ten Years of Cultural Construction in the Country of Workers and Peasants. M.-JL, 1927.
24. Matsa I.L. Soviet Art for Fifteen Years: Materials and Documentation. Ed. with introductory articles and notes by I. Matsa; Comp.: I. Matsa, L. Reinhardt, L. Rempel; Section of Spatial Arts, Institute of the Communist Academy of Arts. Moscow; Leningrad: Izogiz, 1933. 663 p., 16 l. ill.: ill.: 27 cm

25. Mezhericher L.P. On the "Right" Influences in Photography. Soviet Photographic Almanac: Yearbook, 1929. edited by V.P. Mikulin. Moscow, 1929. P. 219 – 243.
26. Milyukov P.N. Russia at a Turning Point: The Bolshevik Period of the Russian Revolution. Paris: B. i., 1927. 2 v.
27. Mordvinov A. Declaration of the All-Russian Society of Proletarian Architects. [August 1929] P. 138.
28. Muromsky V.P. Union of Fiction Writers. (1918-1919). Russian Literature. 1995. No. 2.
29. Naumov I.K. Paths and tasks of the ODSCF. M.-L.: GIHL, 1931. 53 p.
30. Neiman M. Two teams of sculptors. Art. 1935. No. 6. P. 87 – 116. 351. Ibid. Notes on the sculptural portrait. Art. 1940. No. 2. P. 29.
31. Nikanorov M. Society of Friends of Soviet Cinema. Cinema and Culture: magazine. 1929. January (No. 1). P. 67 – 70.
32. Novgorodtsev P.I. On the paths and tasks of the Russian intelligentsia. From the depths. Collection of articles on the Russian revolution. M., 1918.
33. Ovsyaniko-Kulikovskiy D.N. Title. History of the Russian intelligentsia: Results of Russian art. lit. 19th century; Place of publication. Moscow; Publisher V.M. Sablin.
34. Periodicals on literature and art during the years of the revolution. 1917-1932. USSR Academy of Sciences. IRLI; ed. S.D. Balukhatov. compiled by K.D. Muratov. L.: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1933.
35. Potemkin I. On the immediate tasks of O.D.S.K. Life of Art: magazine. 1926. April 6 (No. 14). P. 5 – 6.
36. Raikhinshtein M. Contemporary Russian sculpture. Krasnoaniva. 1926. No. 16. P. 12 – 13.
37. Remizova K. "Unovis", "Zorved" and MAI: a guide to the associations of artists of the 1920s. Online lecture hall Arzamas [Electronic resource]. URL: <https://arzamas.academy/materials/1785> (date of access: 11.09.2024)
38. Romm A. The main trends of our sculpture. Creativity, 1935. In 10. P. 3 – 13.
39. Rukhlyadev A., Krinsky V. "On ideological expressiveness in architecture." [January 1931] 58 p.
40. Sergeeva N.A., Zamaraeva Yu.S. Creation of new artistic associations in the Soviet fine arts of 1917-1922. SFU Journal. Humanities. 2023. No. 7. P. 1043 – 1061. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sozдание-novyh-hudozhestvennyh-obedineniy-v-sovetskom-izobrazitelnom-iskusstve-1917-1922-gg> (date accessed: 09/18/2024)
41. Sobolev Yu.V. [autograph] Moscow Art Theater. [XXX years of searching and work. reg. worker N. Rogacheva]. M.: Teakinopechat, 1929.
42. Sidorov A.A. Art exhibitions. M.: Tvorchestvo, 1920.
43. Struve P.B. Historical meaning of the Russian revolution and national tasks. From the depths: Collection of articles on the Russian revolution. M., 1918.
44. Ternovets B.N. Russian sculptors. M.: State Publishing House, 1924. 48 p., 14 l., ill.
45. Tokareva E.A., Chelnokova A.Yu. European context of the Silver Age of Russian culture. Bulletin of Moscow State Pedagogical Univ. Series: Historical Sciences. 2021. No. 4 (44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evropeyskiy-kontekst-serebryanogo-veka-russkoy-kultury> (date accessed: 18.09.2024)
46. Tugendhold Ya. Sculpture exhibition. Izvestia, 1926, April 3, V 76. P. 5; Art of the October era. D., 1930. Art and revolution. Artist and viewer. 1924. Uz 3-4; Exhibition season. Revolution and culture. 192S. V» 3-4; Formal element in our» painting. Soviet art. 1928.; Exhibition at the Museum of Painting Culture. Izvestia. 1925. January 10.
47. Fedorov-Davydov AA. About exhibitions. Printing and revolution. 1925. Book 5-6.
48. Higer R.Ya. Formalism. Ideology of Decadence in Soviet Architecture. Report at the 1st Congress of the OSA (May 1929). Modern Architecture. 1929. No. 4. P. 142 – 146; On the Question of the Ideology of Constructivism in Modern Architecture. Modern Architecture. 1928. No. 3. P. 92 – 94, 96 – 102).
49. Shklovsky V. Literature and Cinematography. Berlin: Russian Universal Publishing House, 1923.
50. Shpet G.G. Essay on the Development of Russian Philosophy. Pg., 1922.
51. Shchekotov N. Art of the USSR. New Russia in Art. M, 1926.
52. Efros A. Our Sculpture. Izvestia, 1933, II ishya, B 172. P. 2; Walks around exhibitions. Walk number five: at the sculptors'. Literary newspaper, 1929, June 25, No. 10. P. 3. The artist's luck, Soviet art, 1940, November 24, No. 60. P. 3. Ditto. Artists before the October anniversary. Projector, 1927, No. 14. P. 20 – 21.
53. Yudin N. Tasks and state of amateur photography in the ODSK. Photographer: magazine. 1927. No. 11-12. P. 354 – 357.

Информация об авторе

Ролдугина В.Н., Московский финансово-юридический университет (МФЮА); Московский городской педагогический университет, Very-good@inbox.ru

© Ролдугина В.Н., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<http://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

УДК 327.82

Влияние мягкой силы на экономические отношения КНР и РФ

¹ Ван Аньци,

¹ Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация: уже в течение достаточно длительного времени КНР во внешней политике реализует идеологию «мягкой силы», предусматривающую косвенное, опосредованное влияние на те решения, которые принимаются ее партнерами на мировой арене. Данная концепция характерна тем, что основные инструменты влияния реализуются в рамках таких, казалось бы, далеких от экономики и внешней торговли или политики сфер, как культура, искусство, образование, спорт. Однако на деле оказывается, что инструменты «мягкой силы» присутствуют даже в области выстраивания отношений в экономической сфере, хотя и не так ярко проявляются в ней. Так, в настоящей статье рассмотрен механизм применения Китаем инструментов концепции «мягкой силы» в процессе формирования экономических отношений с Российской Федерацией, как в историческом аспекте, так и в текущей ситуации нестабильности российской экономики. Также в материале статьи подтверждается и тезис о том, что инструментами «мягкой силы» могут выступать не только культурные аспекты формирования внешней политики, но и экономические инструменты, в частности, механизм инвестирования средств в проекты зарубежных (в рассматриваемом случае – российских) партнеров.

Ключевые слова: международное экономическое сотрудничество, политика мягкой силы, прямые иностранные инвестиции, инвестиционные проекты, инвестиционное сотрудничество

Для цитирования: Ван Аньци Влияние мягкой силы на экономические отношения КНР и РФ // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 2. С. 108 – 115.

Поступила в редакцию: 16 ноября 2024 г.; *Одобрена после рецензирования:* 18 января, 2025 г.; *Принята к публикации:* 3 марта 2025 г.

The impact of soft power on economic relations between China and Russia

¹ Wang Anqi,

¹ Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Abstract: for quite a long time now, the PRC has been implementing the ideology of “soft power” in its foreign policy, which provides for indirect, mediated influence on the decisions made by its partners in the world arena. This concept is characterized by the fact that the main instruments of influence are implemented within the framework of such seemingly distant from economics and foreign trade or politics spheres as culture, art, education, sports. However, in reality it turns out that the instruments of “soft power” are present even in the area of building relations in the economic sphere, although they are not so clearly manifested in it. Thus, this article examines the mechanism of China’s application of the instruments of the concept of “soft power” in the process of forming economic relations with the Russian Federation, both in the historical aspect and in the current situation of instability of the Russian economy. The article also confirms the thesis that not only cultural aspects of foreign policy formation, but also economic instruments, in particular, the mechanism of investing funds in projects of foreign (in this case, Russian) partners, can act as instruments of “soft power”.

Keywords: international economic cooperation, soft power policy, foreign direct investment, investment projects, investment cooperation

For citation: Wang Anqi *The impact of soft power on economic relations between China and Russia. Historical Bulletin. 2025. 8 (2). P. 108 – 115.*

The article was submitted: November 16, 2024; Approved after reviewing: January 18, 2025; Accepted for publication: March 3, 2025.

Введение

В настоящее время КНР представляет собой важного стратегического партнёра для Российской Федерации при сотрудничестве в рамках значительного перечня экономических отраслей и направлений торговых и экономических отношений. Поэтому оценка политики, реализуемой китайской стороной при формировании внешнеэкономических связей сотрудничества с иными странами является важным фактором, определяющим его успешность.

В своей внешней политике Китайская Народная Республика придерживается концепции «мягкой силы», которая изначально была предложена Дж. Наем в 90-х годах XX века, однако на тот момент времени не привлекла большого внимания со стороны правящей партии КНР и стала доминантой в формировании внешней политики государства лишь в 2007 году, когда была идентифицирована в качестве одного из наиболее важных факторов государственной мощи страны в выступлении лидера Коммунистической партии Китая Ху Цзиньтао [4, с. 421].

Суть данной концепции состоит и в обеспечении конкурентных преимуществ государства на мировой арене несиловыми методами, среди которых доминирующей является культурная составляющая. Как отмечал в своей работе основоположник концепции Дж. Най, «через концепцию «мягкой силы» продвигается привлекательный образ светского и процветающего государства с целью тактического воздействия на другие страны и их народы. Таким образом, «мягкая сила» – это способность «заставить других хотеть того, чего хотите вы» [1]. Соответственно, основными компонентами политики «мягкой силы» Китая могут быть названы такие инструменты внешнеэкономического сотрудничества с зарубежными партнерами, как экономическое сотрудничество и дотации, использование кризисной и тотальной дипломатии, а также международных событий и

принципа мирного доминирования [8].

Целью настоящей работы, таким образом, выступает определение того, как обозначенные выше инструменты внешней политики Китая находят свое отражение в его экономических отношениях с Российской Федерацией, как в историческом аспекте, так и в настоящее время, в условиях существенного ужесточения странами Запада антиросийских санкций.

Материалы и методы исследований

Исследование, проведенное при написании настоящей статьи, в качестве источников информации опирается на представленные в открытом доступе данные официальной статистики Китайской Народной Республики и Российской Федерации о показателях внешнеэкономического сотрудничества двух стран, интернет-ресурсы, материалы периодических изданий. В качестве методической базы были использованы как общенаучные методы синтеза и анализа, аналогий, дедукции и индукции, так и специальные методы – графический, коэффициентный.

Результаты и обсуждения

В большинстве своем концепция «мягкой силы» проявляется через такие аспекты во внешней политике реализующего ее государства, как межкультурное взаимодействие, реализация совместных образовательных программ, культурные обмены, сотрудничество в гуманитарной, научной и спортивной сферах. Однако, как представляется, одним из проявлений политики «мягкой силы» Китая в его сотрудничестве с Российской Федерацией может быть названо и участие его в инвестиционных проектах, реализуемых на территории России.

Исторически Китай достаточно охотно инвестировал средства в российскую экономику, доказательством чего являются данные о динамике величины прямых иностранных инвестиций, приведенные на рис. 1.

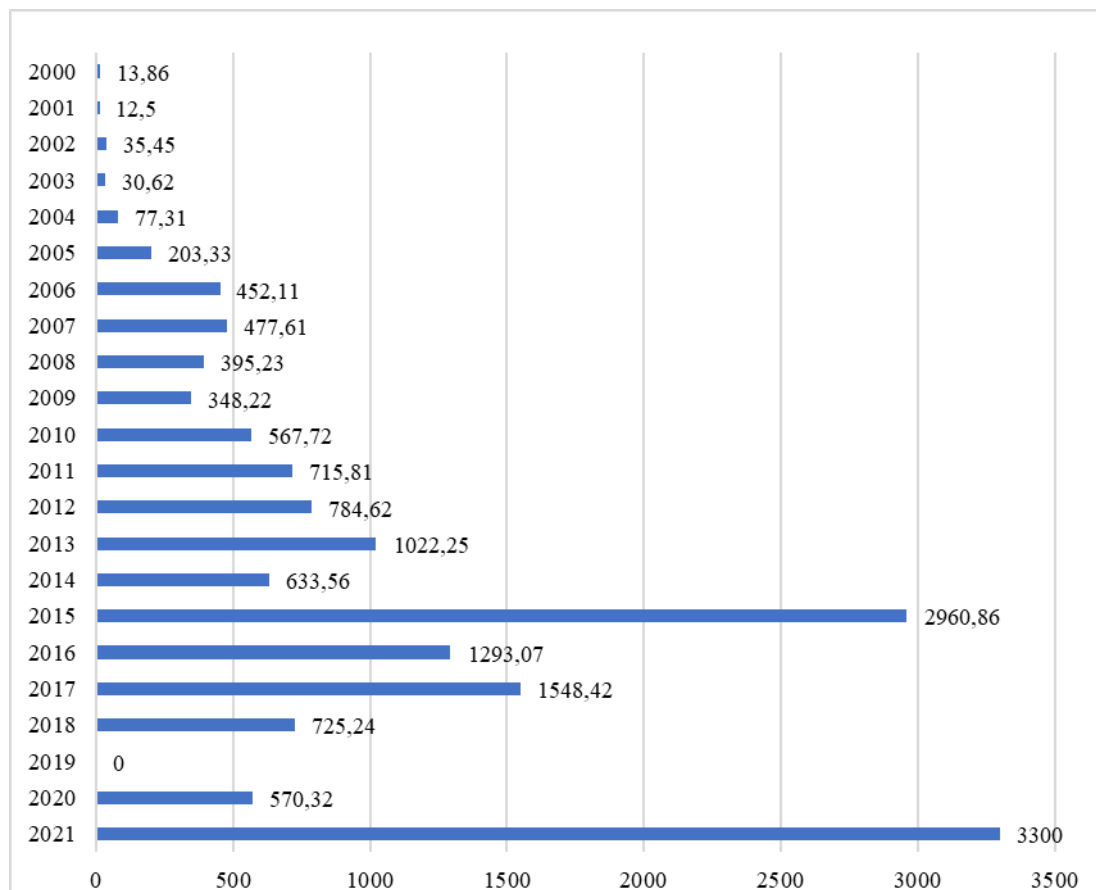

Рис. 1. Динамика величины прямых иностранных инвестиций Китая в российскую экономику, млн USD [9].
Fig. 1. Dynamics of the value of China's foreign direct investment in the Russian economy, million USD [9].

Согласно представленным на графике данным, становится очевидным, что объемы китайских инвестиций в российскую экономику, начиная с 2020 года и до момента начала Россией Специальной военной операции на Украине планомерно растут. Также можно отметить, что на фоне довольно плавного роста показателя прямых иностранных инвестиций можно выделить два резких скачка – в 2015 и 2021 годах, что совпадает с периодом окончания периодов кризисного состояния российской экономики.

Иностранные инвестиции, как инструмент «мягкой силы» обладают довольно высокой степенью действенности и усиливают влияние Китая на экономику тех стран, в инвестиционные проекты которых они осуществляются. Причем такое влияние носит не явный, а косвенный характер его проявления. Выступая в качестве инвестора, китайские компании могут пролоббировать выгодные для КНР условия их реализации, что в будущем может служить основой для развития торговых и логистических связей, а также создаст в глазах российского предпринимательского сообщества образ Китая, как надежного партнера, готового к сотрудничеству даже в условиях усиления

санкционного давления на Россию со стороны стран Запада и США.

Организационные основы инвестиционного сотрудничества России и Китая были зафиксированы в 2014 году, когда была создана Межправительственная Российско-Китайская комиссия по инвестиционному сотрудничеству. С этого момента активизация инвестиционного участия Китая в российской экономике была признана одной из детерминант инвестиционной политики Российской Федерации. Также была начата и встречная деятельность по участию российских инвесторов в проектах китайских компаний.

Таким образом, к началу 2022 года в определенных ее секторах экономика Россия была довольно сильно зависима от китайских инвестиций. Основные инвестиционные интересы Китая при этом традиционно лежали в области добывающей и обрабатывающей промышленности, а также отрасли российской недвижимости.

Наступивший далее 2022 год был охарактеризован возникновением новых вызовов и угроз стабильности российской экономики, вызванных обострением ситуации вокруг Украины. В части зарубежных инвестиций в экономику страны,

можно отметить тот факт, что совокупный объем прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Россию рухнул в 2022 году до отрицательных значений, что отмечается в докладе Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) о мировых инвестициях за 2023 год. Так, показатель ПИИ в российскую экономику в 2022 году сократился до минус 19 миллиардов долларов с 39 миллиардов в 2021 году. Авторы доклада связывают резкое падение с массовым уходом иностранных компаний из России на фоне введенных Западом санкций и репатриацией ими своих инвестиций [6].

При этом китайскими инвесторами было продолжено участие в проектах, реализуемых на территории России, о чем свидетельствуют данные официальных отчетов Межправительственной Российско-Китайской комиссии по инвестиционному сотрудничеству. В продолжении инвестиционного участия Китая в российских проектах видится использование китайской стороной принципа кризисной дипломатии, предусматривающего

обеспечение государством (в данном случае, КНР) дополнительных конкурентных преимуществ в отношениях с иными субъектами мирового хозяйства за счет оказания различного рода мер поддержки тем из них, которые являются вовлеченными и несут потери от участия в политических конфликтах.

Иллюстрацией того факта, что Китай продолжает принимать активное участие в инвестиционной сфере российской экономики, являются данные, опубликованные в ежегодном докладе Межправительственной Российско-Китайской комиссии по инвестиционному сотрудничеству. Согласно представленной ею информации, по состоянию на март 2023 года в активной стадии реализации находились 65 совместных российско-китайских проектов, реализуемых на территории Российской Федерации. При этом их отраслевая структура, а также объем китайских инвестиций могут быть представлены следующим образом.

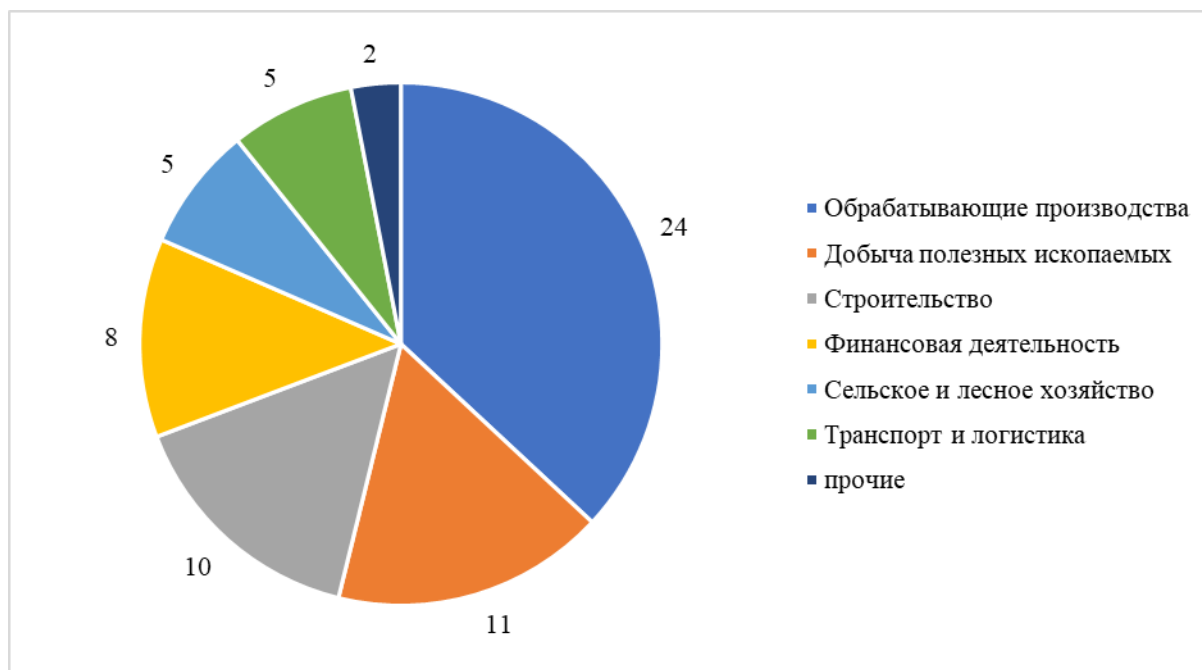

Рис. 2. Отраслевая структура инвестиционных проектов, реализуемых в России с участием китайских инвесторов [2].

Fig. 2. Sectoral structure of investment projects implemented in Russia with the participation of Chinese investors [2].

Очевидно, что предметная область интересов китайских инвесторов не претерпела изменений, и основной интерес с их стороны продолжают вызывать проекты, реализуемые в таких областях российской экономики, как обрабатывающие про-

изводства, строительная и добывающая отрасли. Объем вложений в указанные виды деятельности существенно превышает инвестирование в другие сектора экономики (рис. 3).

Рис. 3. Объем инвестиций КНР в реализуемые Россией инвестиционные проекты по состоянию за 2023 год, млн USD [2].

Fig. 3. Volume of Chinese investments in investment projects implemented by Russia as of 2023, USD million [2].

Представленные на рис. 3 данные свидетельствуют о том, что на вложения в обрабатывающие производства приходится 38,27% от совокупной величины китайских инвестиций, а вложения в строительство, добывающие и обрабатывающие производства составляют 92,84% от совокупной их величины.

Сохранение инвестиционной активности китайских партнеров имеет положительный отклик со стороны российского предпринимательского сектора. С помощью инвестиций КНР в России реализуется целый ряд крупных проектов, к числу которых могут быть отнесены, например, Газохимический комплекс в районе п. Усть-Луга, строительство комплекса по производству полиэтилена мощностью 2700 тыс. т. в г. Свободный, строительство российской части международного транспортного маршрута Европа – Западный Китай автомобильная дорога (Меридиан), освоение Баимского медно-порфирированного месторождения в Чукотском автономном округе, освоение Удоканского месторождения меди в Забайкальском крае, строительство многофункционального жилого комплекса «Балтийская жемчужина» в г. Санкт-Петербург [10].

Анализируя особенности взаимодействия России и Китая в инвестиционной сфере, таким образом, можно определить основные его особенности, определяющие политику Китая в рассматриваемой области. Во-первых, это преимущественная концентрация на первичном секторе российской эко-

номики. Как уже было отмечено ранее в работе, основной объем китайских инвестиций приходится на добывающие и обрабатывающие отрасли, относящиеся к сектору добычи и переработки сырья. Исключение составляет лишь транспортно-логистическая отрасль, к которой китайская сторона также имеет существенный финансовый интерес ввиду реализации программы межгосударственного сотрудничества «Один пояс – Один путь». Во-вторых, это ориентация при ведении инвестиционной деятельности на межправительственное сотрудничество, то есть большинство китайских инвестиций проходят по линии межправительственного сотрудничества, где доминируют энергетический сектор и крупные инфраструктурные проекты [5, с. 1528]. Как представляется, руководствуясь данными принципами при осуществлении инвестиций в российскую экономику, КНР обеспечивает для себя снижение уровня финансового инвестиционного риска потери вложенных средств при одновременном сохранении своего реноме активного инвестора.

В перспективе, как ожидается, Китай продолжит реализацию политики активного инвестирования средств в экономику России при сохранении существующей их структуры и специфики. Так, в работе Д. В. Гордиенко представлены следующие прогнозные данные о динамике величины прямых иностранных инвестиций из Китая в Россию (рис. 4).

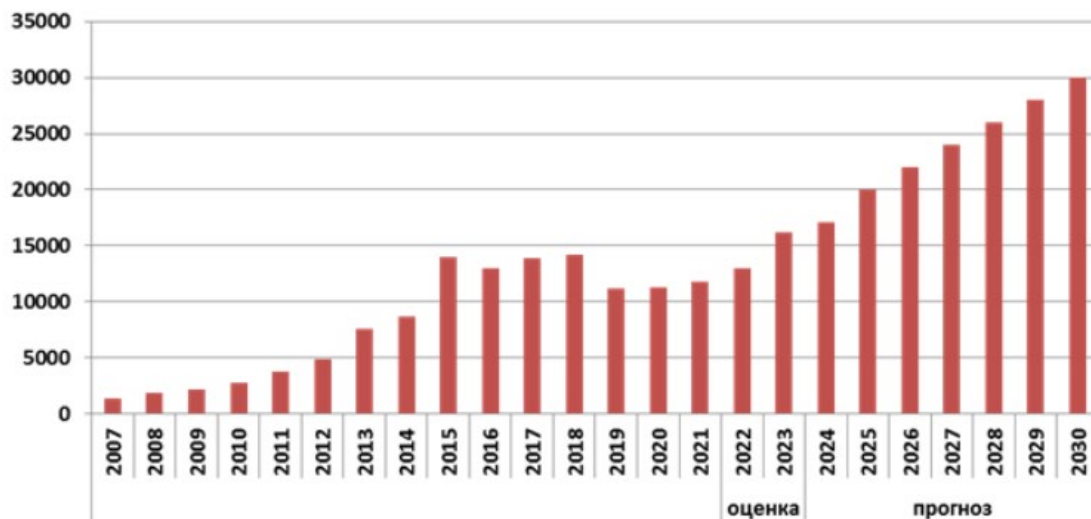

Рис. 4. Прогнозная динамика величины прямых иностранных инвестиций из Китая в Россию до 2030 года (по Д.В. Гордиенко) [5, с. 1508].

Fig. 4. Forecast dynamics of the amount of direct foreign investment from China to Russia until 2030 (according to D.V. Gordienko) [5, p. 1508].

Также анализируя содержание концепции «мягкой силы» и накопленный к настоящему моменту времени опыт российско-китайского сотрудничества в инвестиционной сфере, могут быть определены вероятностные шаги китайской стороны в рамках его укрепления и развития при сохранении своего опосредованного влияния на политические решения, принимаемые российскими властями в отношении перспектив сотрудничества с Китаем.

Одной из возможных инициатив КНР в рассматриваемой области видится заключение дополнительных соглашений на правительственном уровне о взаимном кредитовании и инвестициях, которые бы создали дополнительные преференции для представителей китайской экономики. В частности, это могут быть договоренности о предоставлении дополнительных гарантий по кредитам или снижении рисков для китайских банков, участвующих в инвестиционных процессах.

Согласно опубликованным на портале «Ведомости. Аналитика» данным, российско-китайский комитет дружбы, мира и развития составил рейтинг продуктивности взаимодействия российских регионов с Китаем по итогам 2022 г. – первой половины 2024 г., в основу которого положен учет крупные инвестиционных проектов, наличие значимых экспортных поставок, готовящиеся проекты, интенсивность обмена делегациями. В состав лидеров рейтинга вошли Приморский край, Амурская, Тульская области, Еврейская автономная область и Татарстан [7], то есть в большинстве своем те регионы страны, которые находятся в непо-

средственной близости к КНР. Учитывая тесноту экономических связей между указанными регионами России и Китайской Народной Республикой, в качестве перспективного направления развития их дальнейшего сотрудничества видится укрепление существующей инвестиционной инфраструктуры, создание совместных инвестиционных фондов с участием российских и китайских капиталов, а также образование специальных экономических зон.

Результатом же дальнейшей активизации сотрудничества двух государств в инвестиционной сфере для российской стороны будет получение дополнительного финансирования, дающего ей возможность реализации технологически сложных и финансово затратных проектов в тех отраслях экономики, от которых непосредственным образом зависит национальная безопасность Российской Федерации. Однако при этом нужно учитывать и тот факт, что попутным эффектом для России станет рост зависимости от условий предоставления инвестиционной поддержки со стороны Китая. Поэтому, принимая на государственном уровне решения относительно дальнейшего сотрудничества с КНР, необходимо поддерживать баланс между заинтересованностью в привлечении инвестиционных ресурсов и сохранением независимости при принятии управленческих решений.

Выводы

По результатам проведенного при написании настоящей работы исследования может быть сделан вывод о том, что проявление политики «мяг-

кой силы» в процессе внешнеэкономического сотрудничества России и Китая не ограничивается такими традиционно свойственными для ее проявления областями, как туризм, спорт или образование, а распространяется также и на сферу экономического взаимодействия двух стран. В частности, одним из инструментов «мягкой силы» в процессе российско-китайского сотрудничества является инвестирование Китая средств в экономику страны. Начиная с 2000 года, отмечается планомерный рост величины средств, внесенных в сырьевой сектор экономики России китайскими инвесторами. Причем, наращивание инвестиционной активности и даже определенное увеличение темпов осуществления инвестиционных вложений отмечалось также и в 2022 году, тогда как именно в этот период был отмечен резкий спад показателя прямых иностранных инвестиций в РФ ввиду начала ею Специальной военной операции на Украине. Тот факт, что в указанный период Китай не отказался от реализации уже начатых на тот момент времени инвестиционных проектов, а также инвестировал начало реализации новых инициатив, сделал его для России одним из наиболее

важных финансовых партнеров. В итоге, российская экономика получила возможность дальнейшего развития и реализации технологически сложных и стратегически важных для нее проектов, в то время как китайская сторона увеличила степень своего влияния на те решения, которые российские власти принимают в области стратегического развития сотрудничества двух стран. Отсюда, можно присоединиться ко мнению, которое выражают в своей статье Д. А. Владимирова, Е. В. Журбей и А. А. Карловская о том, что «в целом и целом, деятельность обеих держав в направлении «мягкой силы», хотя и имеет свои отрицательные стороны и требует повышения эффективности, все же позитивно влияет на изменение их имиджа за рубежом и еще более активно способствует внутреннему развитию» [3]. Соответственно, можно утверждать, что принятая в Китае концепция «мягкой силы» демонстрирует свою действенность, и российская сторона, в свою очередь, может рассмотреть возможность заимствования отдельных ее компонентов для использования в своих внешнеполитических отношениях с иными странами.

Список источников

1. Басманов Е.В. «Мягкая сила» как инструмент повышения инвестиционной привлекательности государств: теория вопроса // Постсоветский материк. 2024. № 2 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-kak-instrument-povysheniya-investitsionnoy-privlekatelnosti-gosudarstv-teoriya-voprosa>
2. Болаев А.В. Китайские инвестиционные проекты в России // Московский экономический журнал. 2022. № 10 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskie-investitsionnye-proekty-v-rossii>
3. Владимирова Д.А., Журбей Е.В., Карловская А.А. «Мягкая сила» во внешней политике России и Китая: особенности национальных стратегий // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 1 (52). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-vo-vneshney-politike-rossii-i-kitaya-osobennosti-natsionalnyh-strategiy>
4. Гасилин Н.А. История стратегии «мягкой силы» в дискурсе коммунистической партии Китая в период 2007-2018 гг. // Молодой ученый. 2019. № 20 (258). С. 421 – 423. URL: <https://moluch.ru/archive/258/59244/>
5. Гордиенко Д.В. Инвестиционный потенциал Китая по импортозамещению продукции в экономике Российской Федерации // Экономическая безопасность. 2024. Т. 7. № 6. С. 1501 – 1532. DOI 10.18334/ecsec.7.6.121202
6. Объем иностранных инвестиций в Россию рухнул до отрицательных значений [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2023/07/06/ininvesticii/?ysclid=m6ex94k3y2154627314>
7. Перспективы финансового сотрудничества России и Китая [Электронный ресурс]. URL: https://www.vedomosti.ru/analytics/trends/articles/2024/07/28/1052515-perspektivi-finansovogo-sotrudnichestva-rossii-i-kitaya?from=copy_text
8. Семедов С.А. Специфика «мягкой силы» КНР // Обозреватель – Observer. 2020. № 10 (369). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-myagkoy-sily-kr>
9. Сизых Е.Ю. Прямые инвестиции Китая в экономике России: динамика, структура, факторы влияния // Вестник евразийской науки. 2022. № 2. 12 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pryamyie-investitsii-kitaya-v-ekonomike-rossii-dinamika-struktura-factory-vliyaniya>
10. Совместные проекты и общность экономических интересов: в каких сферах сотрудничают Россия и Китай [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2024/12/20/sovместnye-proekty-i-obshchnost-ekonomicheskikh-interesov-v-kakih-sferah-sotrudnichaiut-rossiia-i-kitaj.html>

References

1. Basmanov E.V. "Soft power" as a tool for increasing the investment attractiveness of states: the theory of the issue. Post-Soviet continent. 2024. No. 2 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-kak-instrument-povysheniya-investitsionnoy-privlekatelnosti-gosudarstv-teoriya-voprosa>
2. Bolaev A.V. Chinese investment projects in Russia. Moscow Economic Journal. 2022. No. 10 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskie-investitsionnye-proekty-v-rossii>
3. Vladimirova D.A., Zhurbey E.V., Karlovskaya A.A. "Soft Power" in the Foreign Policy of Russia and China: Features of National Strategies. Oikumena. Regional Studies. 2020. No. 1 (52). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-vo-vneshney-politike-rossii-i-kitaya-osobnosti-natsionalnyh-strategiy>
4. Gasilin N.A. History of the "soft power" strategy in the discourse of the Communist Party of China in the period 2007-2018. Young scientist. 2019. No. 20 (258). P. 421 – 423. URL: <https://moluch.ru/archive/258/59244/>
5. Gordienko D.V. Investment potential of China for import substitution of products in the economy of the Russian Federation. Economic Security. 2024. Vol. 7. No. 6. Pp. 1501 – 1532. DOI 10.18334/ecsec.7.6.121202
6. The volume of foreign investment in Russia has collapsed to negative values [Electronic resource]. URL: <https://lenta.ru/news/2023/07/06/ininvesticii/?ysclid=m6ex94k3y2154627314>
7. Prospects for financial cooperation between Russia and China [Electronic resource]. URL: https://www.vedomosti.ru/analytics/trends/articles/2024/07/28/1052515-perspektivi-finansovogo-sotrudnichestva-rossii-i-kitaya?from=copy_text
8. Semedov S.A. Specifics of China's "soft power". Observer. 2020. No. 10 (369). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-myagkoy-sily-kr>
9. Sizykh E.Yu. China's direct investments in the Russian economy: dynamics, structure, influencing factors. Bulletin of Eurasian Science. 2022. No. 2. 12 p. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pryamyie-investitsii-kitaya-v-ekonomike-rossii-dinamika-struktura-factory-vliyaniya>
10. Joint projects and common economic interests: in what areas do Russia and China cooperate [Electronic resource]. URL: <https://rg.ru/2024/12/20/sovmestnye-proekty-i-obshchnost-ekonomicheskikh-interesov-v-kakih-sferah-sotrudnichaiut-rossiia-i-kitaj.html>

Информация об авторе

Ван Аньци, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 806721185@qq.com

© Ван Аньци, 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 93/94

Восприятие Афганской войны в стихотворениях и песнях участников событий 1979-1994 гг.

¹ Зорькин А.А.,

¹ Ленинградский государственный университет им. Пушкина

Аннотация: тема Афганской войны в современной истории актуальна вследствие полученного уникального военного опыта борьбы с терроризмом, высокого процента засекреченных документов, создающего препятствие в полном освещении темы. Одной из тем, слабо представленной в научных исследованиях, является тема афганской поэзии и песенного творчества, созданных участниками событий.

Факт создания произведений различных жанров говорит о значительном психологическом влиянии Афганистана на мышление самих солдат и офицеров, сотрудников, находящихся на территории, членов их семей и в целом населения страны. За 1979-1989 годы был создан значительный пласт культуры 1980-х годов совершенно новой тематики.

В данной работе рассмотрены различные источники – книги, электронные статьи – на основе которых проводится анализ песен и стихотворений, созданных в период 1980-1994 годов, рассматриваются основные темы в них, а также их влияние, как среди бойцов Ограниченного Контингента, так и среди советского населения.

Ключевые слова: Афганистан, СССР, советская поэзия, стихи, песни

Для цитирования: Зорькин А.А. Восприятие Афганской войны в стихотворениях и песнях участников событий 1979-1994 гг. // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 2. С. 116 – 123.

Поступила в редакцию: 17 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 19 января, 2025 г.; Принята к публикации: 3 марта 2025 г.

Perception of the Afghan War in poems and songs of participants in the events of 1979-1994

¹ Zorkin A.A.,

¹ Leningrad State University named after Pushkin

Abstract: the topic of the Afghan War in modern history is relevant due to the unique military experience gained in the fight against terrorism, a high percentage of classified documents, which creates an obstacle to full coverage of the topic. One of the topics poorly represented in scientific research is the topic of Afghan poetry and songwriting created by participants in the events.

The fact of creating works of various genres indicates a significant psychological influence of Afghanistan on the thinking of the soldiers and officers themselves, employees located on the territory, members of their families and the population of the country as a whole. During 1979-1989, a significant layer of culture of the 1980s was created on a completely new topic.

This paper examines various sources – books, electronic articles – on the basis of which an analysis of songs and poems created in the period 1980-1994 is carried out, the main themes in them are considered, as well as their influence, both among the fighters of the Limited Contingent and among the Soviet population.

Keywords: Afghanistan, the USSR, Soviet poetry, poems, songs

For citation: Zorkin A.A. Perception of the Afghan War in poems and songs of participants in the events of 1979-1994. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (2). P. 116 – 123.

The article was submitted: November 17, 2024; Approved after reviewing: January 19, 2025; Accepted for publication: March 3, 2025.

Введение

До ввода Советской Армии в Афганистан 25 декабря 1979 года афганской темы как таковой в русской и советской поэзии и песенном творчестве не существовало. В период 1980-1985 годов так называемая «афганская поэзия» в рамках советской культуры, как и самобытная афганская песня, возникала в основном только на территории Афганистана. Препятствием для распространения этой поэзии в СССР являлись особые таможенные правила, по которым рукописи возвращающихся солдат изымались по политическим соображениям. Демобилизованные советские военные и гражданские лица привозили лирику на афганскую тему только в устной форме, и ее было такое незначительное количество, что она не могла существенно повлиять на распространение афганской темы в поэзии на территории СССР.

Материалы и методы исследований

В большинстве своем ее авторами были обычные воины, которые прежде поэтическим творчеством не занимались, поэтому эта лирика не обладает особыми литературными достоинствами. Ее привлекательность заключается в искренности чувств и правдивости передачи событий. Участие в боевых действиях пробудило поэтические способности у многих воинов. Эмоциональный накал от увиденного в Афганистане был настолько велик, что авторами стихотворений становились и военные журналисты, посещающие эту страну в командировках. Основным методом, применяемым в данной работе, является метод количественного контент-анализа. Основными материалами исследования являются стихотворения и

песни по теме войны в Афганистане.

Результаты и обсуждения

В рамках исследования советской поэзии по афганской тематике 1980-1994 годов удалось выделить около 400 произведений. Для исследования выбраны не все поэтические произведения на афганскую тематику, так как многие стихотворения либо схожи по сюжету, либо не представляют научного интереса. Источники этого раздела неоднородны, и возникают определенные трудности при их контент-анализе. Трудно классифицировать, например, стихотворения, на которые была наложена музыка, и они стали песнями. В центре исследования оказалось творчество 7 авторов, выпустивших сборники стихотворений об Афганистане за период 1979-1994гг. Самыми распространенными и часто встречающимися в сборниках разных периодов изданий являются стихотворения В.Г. Верстакова, А.Н.Карпенко, И.Н.Астапкина, А. Стовбы, В. Прокопенко, В. Гайлина, М. Кошкоша [4, с. 216]. Их произведения, связанные с афганской тематикой, можно сгруппировать таким образом: стихотворения о боевых действиях (31); стихотворения-воспоминания об Афганистане (36); стихотворения с использованием ключевых слов афганской военной тематики (27); стихотворения о героизме солдат (17); стихотворения об Афганистане как стране (11); стихотворения о трудностях воинов-афганцев в мирной жизни (17); стихотворения о связи ВОВ и афганской войны (7). Всего из выделенных 199 стихотворений 146 стихотворения посвящены Афганистану (табл. 1, 2).

Таблица 1

Стихотворения об Афганской войне.

Table 1

Poems about the Afghan War.

	Виктор Верстаков	Александр Карпенко	Игорь Астапкин	Валентин Гайлин	Владимир Прокопенко	Александр Стовба	Михаил Кошкош
Боевые	14	5	11				1
Особенности войны в Афганистане	10	7	6		1		3

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Женам, матерям, девушкам	7	4	5	2		1	1
О героизме	7	4	2		1	2	1
Об Афганистане	7		3		1		1
Параллель с ВОВ	1	1	1	1	1	1	
Дружба	5	3	1	1			
Воспоминания	7	12	3	12	1		1
Родина		3	3		1	4	
Персональные	4	1	2		2	1	1
Послевоенные трудности ветеранов	1	4	1	10	1		
Афг. тема/ всего	47/63	33/44	27/38	23/25	3/9	3/9	7/9

Таблица 2

Наиболее известные авторы, создававшие стихотворения афганской тематики.

Table 2

The most famous authors who created poems on Afghan themes.

Авторы	Виктор Верстаков	Александр Карпенко	Игорь Астапкин	Валентин Гайлин	Михаил Кошкош	Владимир Прокопенко	Александр Стомба
Кол-во стихов	47	33	27 (опублик после 1994)	23	9	9	9
Причина присутствия в Афганистане	Командировка	Военный переводчик	Военный в Афганистане	Не участник войны, пострадал из-за потери сына	Участник войны	участник	Участник войны(погиб в 1980)
Срок пребывания в Афганистане	Короткие, но постоянные командировки 1980-1988	Постоянная служба 1981-1984	Постоянная служба В начале 80х	-	1984-1986	-	1979-1980
Профессия	Военный корреспондент	Военный	Военный	инженер	военный	-	Военный, лейтенант
Профессиональный поэт	непрофессионал	Закончил литературный Институт 1989	непрофессионал	непрофессионал	непрофессионал	непрофессионал	Непрофессионал
публиковался	Публиковался официально	Публиковался официально	Публиковался официально	Сеть Интернет После 00	Сеть Интернет После 00	Публиковался официально	Публиковался официально
Ключевые слова	+	+	+	+	+	+	+

Продолжение таблицы 2
Continuation of Table 2

Связь времен ВОВ и Афганской войны	+	+	+	+	-	+	+
Восприятие советской армии	Уважительное	Нейтральное	+0-	отрицательное	-	+	3
Героизм солдат +	22	10	23	0	1	1	1
Отношение к руководству Сов армии +	-	0	0	0	0	4	0
Отношение к руководству армии-		0	0	1	0	0	0
Оценка бытовых условий солдата 0		0	0	2	0	0	0
Оценка медицинской помощи 0	2	4	1	0	0	0	0
Досуг солдат и офицеров	2	10	6	1	2	1	0
Отношение местного населения в советским войскам +	0	0	1	0	0	1	0
Отношение местного населения в советским войскам 0	0	0		1	0	0	0
Афганистан и его состояние+	1	10	3	0	1	2	0
Афганистан и его состояние 0	-	0	-	0	0	0	0
Состояние армии А +	0	0	0	3	1	2	0

К песням афганской тематики можно отнести около 500 произведений. Сюда входят переделанные песни советской эстрады; песни, связанные с Великой Отечественной войной; самобытные афганские песни. Их классификация также вызывает трудности вследствие утраты текстов и музыки, известны только упоминания о некоторых песнях; вследствие переложения нового текста на известную музыку, вследствие параллельного существования произведения в стихотворной и песенной форме. Песенное творчество можно сгруппировать следующим образом: песни, связанные с вооду-

шевлением бойцов (68); песни об особенностях военных действий в Афганистане (37); о героизме и самопожертвовании (12); песни об отношениях бойцов и солдат афганской армии (8); песни об Афганистане как о стране (26); песни, посвященные близким (13); песни-воспоминания о войне в Афганистане (41); песни о Родине (во время войны) (11); песни, связанные с личными событиями (16); другие темы (166). В исследовании проанализировано творчество Юрия Кирсанова и Игоря Морозова, Виктора Куценко, Николая Кирженко и ВИА (табл. 3).

Таблица 3

Тематика песен о войне в Афганистане 1979-1994 гг.

Table 3

Themes of songs about the war in Afghanistan 1979-1994

	Боевые	Особенности войны в Афганистане (применение Афганской терминологии, тактики и т.д.)	Женам, матерям, девушкам	О героизме, самопожертвовании	Об Афганистане как стране	Дружба Между бойцами ОКСВ, афганскими солдатами	Воспоминания	Родина	Персональные	другие
Юрий Кирсанов	12	5	5	2	3	3	5	1		66
Игорь Морозов	15	11	2	1	10	3	12	2	5	74
Андрей Климнюк	3	1	1	1	1		3			18
Виктор Куценко	16	8	3	5	7	1	3	2	5	
Николай Вахтин	5						5			1
Николай Кирженко	1	4	1		3	1	4	1	1	5
Игорь Кошель	1		1							
Леонид Молчанов	3	2	1	3	2		2		2	2
ВИА или Известные авторы	12	6					7	5	3	
итого	68	37	13	12	26	8	41	11	16	166

Зарождение афганской темы в поэзии песенном творчестве связано с именем военного журналиста газеты «Правда» В.Г. Верстакова. Он начал писать стихи на эту тему с момента ввода ОКСВ и продолжал писать после распада СССР. Всего с 1980 года В.Г. Верстаков написал более 100 стихотворений на афганскую тематику. С песнями на его стихи связано зарождение афганской песни, первый этап ее формирования, когда в 1980-1981 годах на них накладывали незатейливую музыку.

Еще одним поэтом, оказавшим значительное влияние на становление афганской поэзии, стал лейтенант Александр Иванович Стомба, погибшего в ходе Кунарской операции в марте 1980 года. Впервые его стихи были опубликованы еще в 1981 году в Днепрпетровске [12, с. 34], но первоначально книга не получила широкого распространения в Советском Союзе. В его небольшой биографии указывалось, что в творчестве лейтенанта тема воинского подвига являлась определяющей как выражение его убеждений и жизненной позиции [13, с. 17]. В своей лирике А.И. Стомба затрагивал темы, касающиеся любого военнослужащего, и в этом кроется причина популярности его лирики: о любви к Родине (3); о любви (3) [2, с. 44]; о желании жить (2); о бессмертии подвига и творчества (2). Несмотря на раннюю смерть поэта, его стихотворения публиковались во многих сборниках до конца Афганской войны.

В этот период распространен еще один способ создания песен: наложение текста афганской те-

матики на известную музыку. Например, песня «Через перевалы и долины» была создана на основе «Песенки фронтовых шоферов», а песня Юрия Визбора «Баксанская» легла в основу песни «Вспомним, товарищ, мы Афганистан». Однако образы героев, воспетые в песнях о Великой Отечественной войне, не отражали реальность событий 1979-1983 гг, поэтому часть песен, стала постепенно исчезать из репертуара солдат ОКСВ. Именно эта ситуация стала причиной зарождения самобытной афганской песни. Это песни про «афганцев», написанные и исполненные «афганцами» для «афганцев».

У истоков оригинальной афганской песни 1980-1983 годов стоит творчество полковников Ю.И. Кирсанова и И.Н. Морозова. Они прославились тем, что очень быстро перешли от адаптации музыки и стали создавать оригинальные тексты. Песни Ю.И. Кирсанова (около 100) и И.Н. Морозова (200) передавали полноту картины происходящего в Афганистане: боевые (27), об особенностях войны в Афганистане (16), об Афганистане как стране (13), работа советников-мушаверов, будни застав ОКСВ, воспоминания о войне (17), песни на другие темы (140).

Песни Ю.И. Кирсанова и И.Н. Морозова становились популярными еще и потому, что их исполняли ВИА, состоящие из воинов – интернационалистов, для солдат Ограниченного контингента, как, например «Батальонная разведка» [9, с. 148].

После 1985 года изменились политические условия, способствующие распространению поэтического и песенного творчества на афганскую тему, оно стало востребованным среди простых граждан, советский народ узнал афганскую лирику военнослужащих и проникся ею.

В 1985 году появилась группа «Голубые береты», созданная без одобрения политотдела. Особенность творчества этого коллектива состоит в ограниченной тематике песен – песни про десант. В 1987 году в СССР вышла их первая грампластинка на студии «Мелодия», они стали лауреатами фестиваля народного творчества. В 1987-1988 годах ВИА «Голубые береты» давал концерты как на территории Афганистана, так и на территории Советского Союза [5].

В этот период значительное влияние на развитие темы Афганистана продолжает оказывать творчество В.Г. Верстакова. Поэт продолжает раскрывать уже знакомые темы и использует новые мотивы, в его творчестве можно отметить стихи, связанные с событиями в Афганистане, уже известными для советских граждан, а также отражающие новое восприятие этой войны и ее окончания. Самым известным поэтом, пишущим на тему Афганистана эпохи Перестройки, является А.Н. Карпенко. После ранения А.Н. Карпенко стал писать стихотворения, а опубликовал их после окончания в 1989 году Литературного института опубликовал полноценный сборник стихов «Разговоры с смертью» в издательстве «Молодая гвардия». Всего автор написал более 100 стихотворений на афганскую тематику. Из них уникальных 44. До окончания войны опубликованы 33 стихотворения (75%). Творчество А.Н. Карпенко способствовало распространению афганской темы в советской культуре, поднимало эту тему на профессиональный уровень. Поэтому многие известные культурные деятели (А.А. Проханов, В.Г. Мигуля, И. Тальков) называли его настоящим патриотом своей Родины. В своих стихотворениях А.Н. Карпенко описывает героизм солдат (10, 22,7%), затрагивает медицинскую тему (4, 9%). Афганистан в его стихотворениях описывается как страна с необычными пейзажами (10, 22,7%). Кроме того, в лирике получили отражение досуг офицеров и солдат (10, 22,7%) [6, с. 23]. Однако острые политические темы ввода и вывода войск, отношений между офицерами и солдатами, критика управления армией не затронуты в его творчестве.

Также стоит отметить творчество непрофессионального поэта Игоря Васильевича Астапкина, представленное его сборнике «Афганский дневник». Он писал стихотворения во время своего пребывания на территории Афганистана, а опубликовал их уже после окончания войны в Афганистане в 1994 году.

Его творчество представлено стихотворениями на афганскую тематику (27) и поэмами. Афганская лирика типична, посвящена боевым будням военнослужащих (6, 22,2%). Кроме того, можно выделить такие темы в его стихотворениях: героизм солдат (23, 85,1%), описание Афганистана и его природы (3, 11,1%), отношения местных с советскими солдатами (1, 3,7%). Несмотря на возможность высказывать критику по афганскому вопросу, И.В. Астапкин не затрагивал подобные темы в своем творчестве. Центральное место в творчестве И.В. Астапкина занимают поэмы, но они очень разнородны по содержанию: «Переводчику», «Письмо дочери» (Н. Чибисову 20-12-1980), «А если вдруг», «Сорок первый-сорок один», «Идущим впереди», «Баллада о советнике», «Халки Бобо».

Валентин Николаевич Гайлин не служил в Афганистане, но его сын проходил срочную службу в ДРА, откуда вернулся тяжело раненным и вскоре умер. Смерть сына стала толчком к написанию стихов о войне в Афганистане – в память о сыне и всех его ровесниках, не вернувшихся с этой войны. Особенностью его творчества является новый мотив в раскрытии афганской темы: он пишет о трудностях адаптации воинов в гражданской жизни Советского Союза [14]. В его творчестве можно выделить негативное отношение к командованию (1, 4,3%), нейтральное отношение оценки бытовых условий (2, 8,6%), досуг солдат и офицеров (1, 4,3%) и позитивное отношение к состоянию Советской Армии (3, 12,9%). В его стихотворениях часто сопоставлялись Великая Отечественная и Афганской войны. Его стихи периодически публиковались в различных сборниках, посвященных теме Афганистана. «С 1985 года Валентин Николаевич работал спецкором центральной газеты объединений ветеранов Афганистана «Контингент», печатался в районных и областных газетах» [16]. Сам автор книгу стихотворений «Неопубликованная книга» не отдавал в печать. Его лирика стала доступна лишь с появлением Интернета и сайтов, посвященных Афганистану [3, с. 499].

Еще один известный автор Михаил Кошкош проходил службу в ДРА в 1984-1986 годах. В своих немногочисленных стихотворениях (9) поэт рассматривал героизм солдат (1, 11,1%), природу Афганистана (1, 11,1%), досуг солдат и офицеров (2, 22,2%), а также положительное отношение к состоянию Советской Армии (1, 11,1%).

В сборнике «Над Гиндукушем плыли облака» (Афганский стиходневник), составленном Владимиром Афанасьевичем Прокопенко, раскрываются те же темы, что и у других авторов. Тематически

объединить стихотворения очень сложно, по большей части они связаны с восприятием Афганистана с разных сторон (2, 22,2%), иногда с критикой правительства или замалчивания войны (4, 44,4%), хорошее отношение к состоянию Советской армии (2, 22,2%).

После 1985 года стали появляться так называемые «афганские барды»: Николай Кирженко, В.П. Куценко и другие [7, с. 145].

Стоит отметить, что большая часть песен В. П. Куценко (100) фокусировалась не на каких-либо значительных событиях, а старалась передать душевные переживания лирического героя [8, с. 92].

В 1988 году в СССР стали появляться нотные сборники самобытных афганских песен, официально выпущенные для гражданского населения страны. Крупные официальные издательства, такие как «Воениздат» и «Молодая гвардия», выпустили несколько подобных сборников. Стали появляться книги с текстами и нотами песен как известных афганских музыкантов и поэтов (И.Н. Морозов, Ю.И. Кирсанов, А.И. Стомба, В.Г. Вер-

стаков, В. Куценко [15, с. 191]), так и авторов, которые были менее знамениты (Леонид Молчанов, Василий Донской [1, с. 10], Николай Кирженко, Александр Карпенко). Кроме того, были опубликованы песни, переделанные из других или неизвестных авторов [10, с. 70; 11, с. 212].

Выводы

К концу Афганского конфликта «афганская» поэзия и песня прошли путь зарождения и становления от «местной», «специализированной» поэзии до народной, востребованной в гражданском обществе и ставшей частью культуры конца 80-начала 90 гг. Афганская поэзия и песня, с одной стороны, связаны с боевыми действиями, привлекательными только для военной части населения страны, с другой стороны, они наполнены чувствами и настроениями, близкими для каждого человека. Афганская война изображена не односторонне, произведения о ней затрагивают общечеловеческие темы. Сейчас, в XXI веке, афганская лирика является частью культуры постсоветского пространства.

Список источников

1. Афганский ветер: Песенник / Сост. Кукоба В.И. Киев; Музична УкраОна, 1989. 120 с.
2. Дмитренко А.М. Александр Стомба. Москва: Политиздат, 1986. 117 с.
3. Зорькин А.А. Оценка песен и стихов, сочиненных про Афганистан в 1979-1989 // (ВАК) // журнал «Вопросы национальных и федеративных отношений».2023. Том 13 Выпуск 2(95). С. 496 – 502.
4. Из пламени Афганистана. Стихи и песни воинов-интернационалистов и стихи, посвященные им / сост. П. Ткаченко. Москва: Советская Россия, 1990. 317 с., тир. 50000. ISBN: 5-268-01106-5
5. История ВИА «Голубые береты». URL: <http://www.berets.ru/> (дата обращения: 7.07.2023)
6. Карпенко А.Н. Разговоры со смертью. Стихи – Москва: Молодая гвардия, 1989. 46 с. (Молодые голоса)
7. Когда поют солдаты. Современное самодеятельное песенное творчество советских воинов, выполняющих интернациональный долг в Афганистане / сост. и вст. статья П.И. Ткаченко. Москва: Молодая гвардия, 1988. 175 с., ил.
8. Куценко В.П. Тем, кто побывал в Афганистане / предисловие Пётр Ткаченко. М.: Молодая гвардия, 1992. 144 с. 50 000 экз. ISBN 5-235-01857-5.
9. Морозов И.Н. Автомат и гитара. М.Издательство «Перо», 2018. 256 с.
10. Наш Афган. Ноты: песни (с услов. буквенно-цифровым обозн. аккордов). Москва: АНТАО, 2004. 72 с.
11. Пасько В.В. Ночь забытых песен. Киев: Збруч, 1999. 306 с
12. Песня грозы сильнее: Стихи. (Вступит, статья М. Селезнева). Днепропетровск, 1981. 47 с.
13. Стомба А.И. Звезда рождается в огне. Стихи. (послесл. П. Ткаченко). Москва: Молодая гвардия, 1983.
14. Стихи Валентина Гайлина. Неизданная книга. URL: <http://avtomat2000.com/gailin1.html> (дата обращения: 12.11.2023)
15. Ткаченко П.И. Время выбрало нас. Песни, рожденные в Афганистане. М.: Воениздат, 1988. 192 с.
16. Этот день в истории газеты «Пульс дня». URL: <https://pulsdnya.ru/2023/01/13/etot-den-v-istorii-gazety-puls-dnya/> (дата обращения 12.10.2023)

References

1. Afghan Wind: Songbook. Comp. V. I. Kukoba. Kyiv; Muzychna Ukraina, 1989. 120 p.
2. Dmitrenko A.M. Aleksandr Stovba. Moscow: Politizdat, 1986. 117 p.

3. Zorkin A.A. Evaluation of Songs and Poems Composed about Afghanistan in 1979-1989. (Higher Attestation Commission). Journal "Problems of National and Federal Relations". 2023. Volume 13, Issue 2 (95). P. 496 – 502.
4. From the Flame of Afghanistan. Poems and Songs of Internationalist Soldiers and Poems Dedicated to Them. Comp. P. Tkachenko. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1990. 317 p., tier. 50000. ISBN: 5-268-01106-5
5. History of the VIA "Blue Berets". URL: <http://www.berets.ru/> (date accessed: 7.07.2023)
6. Karpenko A.N. Conversations with Death. Poems. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1989. 46 p. (Young Voices)
7. When Soldiers Sing. Modern Amateur Song Creativity of Soviet Soldiers Performing International Duty in Afghanistan. compiled and introduced by P.I. Tkachenko. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1988. 175 p., ill.
8. Kutsenko V.P. To Those Who Have Been to Afghanistan. foreword by Pyotr Tkachenko. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1992. 144 p. 50,000 copies. ISBN 5-235-01857-5.
9. Morozov I.N. Machine gun and guitar. Moscow: Pero Publishing House, 2018. 256 p.
10. Our Afghanistan. Notes: songs (with conventional alphanumeric designation of chords). Moscow: ANTAO, 2004. 72 p.
11. Pas'ko V.V. Night of forgotten songs. Kyiv: Zbruch, 1999. 306 p.
12. Song of the Stronger Thunderstorm: Poems. (Introduction, article by M. Seleznev). Dnepropetrovsk, 1981. 47 p.
13. Stovba A.I. A Star is Born in Fire. Poems. (Afterword by P. Tkachenko). Moscow: Molodaya Gvardiya, 1983.
14. Poems by Valentin Gailin. Unpublished book. URL: <http://avtomat2000.com/gailin1.html> (date of access: 11/12/2023)
15. Tkachenko P.I. Time has chosen us. Songs born in Afghanistan. M.: Voenizdat, 1988. 192 p.
16. This day in the history of the newspaper "Pulse of the day". URL: <https://pulsdnya.ru/2023/01/13/etot-den-v-istorii-gazety-puls-dnya/> (date of access 10/12/2023)

Информация об авторе

Зорькин А.А., преподаватель-исследователь, Ленинградский государственный университет им. Пушкина, 187026, г. Никольское, ул. Октябрьская, 15, sanyazorcin1997@mail.ru

© Зорькин А.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 37.013

Правовое регулирование общества смоленских скаутов в начале 1990-х годов по материалам Смоленской области

^{1, 2} Иванов А.М.,

² Силина К.В.,

¹ Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,

² Смоленский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Аннотация: данная статья посвящена созданию, деятельности и возрождению скаутизма в России. Авторы на примере Смоленской области рассматривают создание общества скаутов, показывают цели и задачи, структура организации, устав и документация. Авторы работы вводят в научный оборот архивные материалы из фондов Государственного архива Смоленской области (далее ГАСО) и Государственного архива новейшей истории Смоленской области (далее ГАНИСО) и материалы периодической печати.

Ключевые слова: ассоциация, инструктора, общество скаутов, разведчики, скаутское движение

Для цитирования: Иванов А.М., Силина К.В. Правовое регулирование общества смоленских скаутов в начале 1990-х годов по материалам Смоленской области // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 2. С. 124 – 130.

Поступила в редакцию: 17 ноября 2024 г.; *Одобрена после рецензирования:* 19 января, 2025 г.; *Принята к публикации:* 3 марта 2025 г.

Legal regulation of the Smolensk scout society in the early 1990s based on the materials of the Smolensk region

^{1, 2} Ivanov A.M.,

¹ Silina K.V.,

¹ Smolensk Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,

² Smolensk branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation

Abstract: this article is devoted to the creation, activity and revival of scouting in Russia. Using the example of the Smolensk region, the authors consider the creation of a scout society, show the goals and objectives, the structure of the organization, the charter and documentation. The authors of the work introduce into scientific circulation archival materials from the funds of the State Archives of the Smolensk Region (hereinafter SASR) and the State Archive of the Contemporary History of the Smolensk Region (hereinafter GACHSR) and materials of the periodicals.

Keywords: association, instructors, scout society, scouts, scout movement

For citation: Ivanov A.M., Silina K.V. Legal regulation of the Smolensk scout society in the early 1990s based on the materials of the Smolensk region. Historical Bulletin. 2025. 8 (2). P. 124 – 130.

The article was submitted: November 17, 2024; Approved after reviewing: January 19, 2025; Accepted for publication: March 3, 2025.

Введение

Официальной датой основания русского скаутизма считается 30 апреля 1909 г. – день основания Олегом Ивановичем Пантюховым в Павловске под Петербургом, первого патруля российских скаутов. Первые отряды скаутов возникли в разных городах России почти одновременно по инициативе отдельных лиц, не знавших совершенно о существовании друг друга.

Летом 1990 г. в разных городах и поселках России стали возникать скаутские отряды. Причиной этому были как скаутские контакты лиц, работавших с детьми, с представителями зарубежных скаутских организаций, так и целенаправленная работа русскоязычных эмигрантских скаутских организаций [6, с. 242].

В ноябре 1990 г. в Москве прошла встреча представителей скаутского движения, провозглашавшая создание Ассоциации возрождения российского скаутизма [5, л. 1]. В ноябре 1991 г. Всемирная Организация скаутского Движения (далее ВОСД), организовала «съезд» российских скаутов в Репино под Санкт-Петербургом, предприняла попытку объединить разрозненные скаутские формирования и создать единую всероссийскую скаутскую организацию на интерконфессиональной основе [6, с. 242].

Материалы и методы исследований

Авторы статьи по архивным материалам фондов Государственного архива Смоленской области (далее ГАСО) и Государственного архива новейшей истории Смоленской области (далее ГАНИСО) и материалов периодической печати освещают правовое положение Общества смоленских скаутов. В работе использовались методы научного исследования: анализ, синтез, индукция, системный подход, метод формальной логики, и другие.

Результаты и обсуждения

Общество Смоленских Скаутов пыталось возродить традиции старой педагогики и обогатить ее достижениями современной отечественной и зарубежной педагогической науки [3, л. 1]. В 1991 г. учитель истории средней школы № 21 Рафаэль Николаевич Никитенков организовал первую в Смоленске Организацию смоленских скаутов (далее ОСС) [9, с. 2].

Представители широких кругов общественности, интересовавшиеся скаутским движением, собрались в Смоленске 10 января 1992 г. и создали Общество Смоленских скаутов для координации скаутского движения на территории Смоленской

области и за ее пределами. Отдел юстиции Смоленской области 20 февраля 1992 г. зарегистрировал Общество Смоленских Скаутов под регистрационным номером 30 [4, л. 8-9].

На первом Общем собрании был утверждён Устав Общества смоленских Скаутов, который определял деятельность ОСС в духе всеобщего сотрудничества и дружбы, устав был согласован с уставом Всемирной организации скаутского движения и с уставом Федерации Скаутов России [2, л. 1-2]. Общество Смоленских скаутов являлось добровольным, неполитическим, негосударственным объединением детей, молодежи и взрослых, открытым для всех без различия по происхождению, расе и вероисповеданию, действовавшему в соответствии с фундаментальными принципами скаутского движения, дополняющего воспитательную деятельность семьи и школы.

ОСС осуществлял свою деятельность в соответствии с Конституцией РСФСР, законодательством РСФСР, Конституцией Всемирной Организации Скаутского Движения, Уставом Федерации Скаутов России и устава общества. Совместно с другими организациями и общественными объединениями было возможно проведение мероприятий, разработка совместных программ деятельности, но только в том случае, если это сотрудничество не противоречило уставу ОСС.

ОСС осуществляло свою деятельность на территории Смоленской области и за ее пределами в виде лагерей и филиалов. Общество являлось юридическим лицом, имело самостоятельный баланс, расчетный и другие счета, свою печать, штампы, бланки и другие реквизиты юридического лица, эмблемы, атрибутику и символику. Местом расположения штаб-квартиры являлся город Смоленск. Для осуществления уставных целей и задач ОСС имело право создавать при своей организации хозрасчётные, совместные и иные предприятия с собственными балансами и правами юридического лица, в соответствии с действовавшим законодательством [1, л. 2-3].

ОСС ставил своей целью: развитие физического, интеллектуального, общественного и духовного потенциала молодых людей, как личностей, как ответственных граждан своей страны; содействию единству и развитию скаутинга, его распространению.

Задачами ОСС являлись: объединение формирований скаутов для координации своих действий, выработки и реализации общих программ; создание и формирование материальной и методиче-

ской базы для реализации программ; пропаганда концепций активного воспитания, учебы через дело; развитие работы в малых группах, развитие навыков лидерства и индивидуальной ответственности; постоянное ведение благотворительной деятельности, шефской помощи детским домам и интернатам, домам инвалидов, ветеранам войны и труда, пенсионерам, госпиталям и больницам.

Для осуществления своих целей и задач ОСС использовали разнообразные виды и формы деятельности, не запрещенные законом и способствовавшие полной реализации целей.

Все члены ОСС должны были быть верны Скаутскому Обещанию и Закону, Фундаментальным принципам, сформулированным Основателем Скаутского Движения и закрепленным в Конституции Всемирной Организации. ОСС объединяло группы и отряды скаутов, другие виды объединений скаутов, как на территории Смоленска, так и на территории Смоленской области на равных основаниях, а также за ее пределами на договорных началах. Для всех объединений скаутов, вступивших в ОСС, предъявлялись обязательные требования: согласие с Уставом ОСС, деятельность, не должна противоречить Уставу ОСС.

Прием в ОСС производился на основании: письменного заявления от физического лица по рекомендации руководителя первичной организации скаутов и письменного заявления от юридического лица. Решение о приеме в члены ОСС принималось координационным советом не менее чем 2/3 голосов. Членами ОСС могли быть дети не младше 7 лет и взрослые, независимо от национальности, вероисповедания, пола и признававшие устав общества. Для детей до 16 лет требовалось разрешение от родителей либо лиц их заменяющих. Все скауты организаций ОСС имели членские билеты.

Форма смоленских скаутов состояла из серой военной рубашки и синего галстука. На правом кармане рубашки была нашита белая лилия – эмблема скаутов всего мира. Слева на рукаве изображен герб Смоленска, а внизу располагались нашивки за специальности, полученные скаутом. На левом кармане носились значки, привезенные из тех мест, где побывали скауты. Часть этих значков ребята привозили из лагерей, которые организовывались во время летних каникул. Во время учебы практические навыки удавалось получить лишь по воскресеньям, выезжая за город, а основные знания теории обрабатывались на практике в лагерях. Еще одной целью таких лагерей являлось общение между ребятами, обмен опытом, работой, методикой [9, с. 2]. Объединение смоленских скаутов (на март 1994 г.) не имело

собственного помещения, где бы можно было оборудовать скаутский клуб, методический и информационный центр [8, с. 2].

Член ОСС был обязан: выполнять требования устава ОСС; пополнять и совершенствовать свои знания и умения; по мере своих сил, помогать ближним и окружающим; беречь честь страны и организации; личным примером содействовать пропаганде здорового образа жизни; уплачивать вступительные и членские взносы только из лично заработанных средств. Порядок уплаты, размер и учет членских взносов устанавливался правлением первичных организаций и утверждался на конференции.

Член ОСС имел право: участвовать в любых мероприятиях, проводимых ОСС; пользоваться лагерями, тренировочными центрами, имуществом и прочими материальными и финансовыми ресурсами ОСС; получать методическую и иную помощь в процессе деятельности; иметь символику, указывающую на принадлежность к ОСС; продвигаться по лестнице разрядов и званий. Членство в ОСС может быть прекращено: по личному заявлению, за грубое нарушение устава, за действия, дискредитирующие ОСС и Скаутское движение, за несоблюдение Законов и Обещаний скаутов. Исключение производится с правом и без права обратного вступления в ряды ОСС.

Высшим органом ОСС являлась Конференция представителей первичных организаций скаутов, членов ОСС, созываемая по решению Совета не реже одного раза в год. Решения конференции были правомочны, если на ней присутствовало 2/3 делегатов. Норму представительства и порядок избрания делегатов определял Координационный Совет ОСС.

Функциями Конференции являлись: определение стратегии деятельности и перспектив развития ОСС; утверждение документов, регулировавших отношения внутри ОСС, а также ОСС с другими организациями и учреждениями; выборы на срок до 3-х лет Координационного Совета, Ревизионной комиссии; рассмотрение отчетов и рекомендаций, представленных Советом; принятия Устава, внесение изменений, дополнений и поправок в него; утверждение заявлений о приеме в Члены ОСС по представлению Совета от скаутских организаций и формирований.

Руководящим органом ОСС в период между Конференциями являлся Совет. Численный состав Координационного Совета определялся решением конференции исходя из числа первичных организаций скаутов и развивающих программ, но не менее трех человек.

Функциями Совета являлись: координация ра-

боты по реализации целей и задач ОСС; разработка и реализация проектов, программ и мероприятий; ведение информационно и издательской деятельности; выступление распорядителем средств ОСС; назначение распорядителя кредитов.

Координационный совет собирался не реже одного раза в три месяца. Решения Координационного Совета были правомочны, если на нем присутствовало не менее половины членов Совета. Члены Координационного Совета могли действовать от лица ОСС только при наличии отметки об этом в удостоверении. Нарушение данного пункта устава влекло за собой автоматическое исключение из ОСС.

Первичные организации, вошедшие в общество на правах коллективных членов, могли иметь организационное строение и руководящие органы исходя из местных условий. Исполнительным органом ОСС являлся исполнительный комитет в составе: ответственного секретаря, главного бухгалтера и прочих работников. Все постоянные работники исполкома принимались на работу по договору (контракту) [4, л. 3-4].

Финансовая и хозяйственная деятельность структурных единиц ОСС с правами юридических лиц не носили коммерческого характера, но явились средством выполнения уставных целей и задач. Доходы от производственной и хозяйственной деятельности направлялись на осуществление стоявших перед ОСС задач решением Совета, которые утверждались Конференцией ОСС и не могли распределяться между членами общества.

Для реализации программ и проведения мероприятий ОСС использовались средства, получаемые из: прибыли от собственной финансовой и хозяйственной деятельности; доходов от реализации печатной продукции, рекламы, издательской деятельности; вступительных и членских взносов; поступлений от депозитных вкладов и сумм, размещенных под проценты, ценных бумаг / акций, облигаций и др. видов; поступлений от проведения выставок, лотерей, культурно-массовых мероприятий; добровольных денежных, имущественных взносов, даров, отчислений учреждений, организаций, частных лиц, в том числе и иностранных; других незапрещённых законом, поступлений.

Материальная база ОСС формировалась из: имущества, приобретенного на средства организации в установленном порядке; помещений, инвентаря, оборудования по договору имущественного найма, а также безвозмездно от организаций и частных лиц, в том числе иностранных. Денежные и материальные средства ОСС расходовались по сметам Совета на предстоящий год в соответствии

с программами деятельности. Контроль за финансовой и хозяйственной деятельностью осуществляла ревизионная комиссия в составе не менее трех человек, отчет о деятельности которой утверждался конференцией и рассылался каждой первичной организации скаутов. Ни члены ОСС, ни представители организаций, учреждений, как лично, так и группами, не имели право претендовать на какую-либо часть средств или имущества ОСС.

Международная деятельность ОСС осуществлялась с целью развития взаимопонимания и сотрудничества, обмена программами и проектами, учебной. Двухсторонние контракты с зарубежными партнерами, организациями скаутов устанавливались через представителей Всемирной организации, Национальных Ассоциаций скаутов, а также непосредственно уполномоченным Координационным Советом ОСС. Международная деятельность являлась составной частью деятельности ОСС и осуществлялась на основе безвалютного обмена, а также на средства ОСС, Всемирной Организации, других учреждений и предприятий, поддерживающих и развивающих движение скаутов.

Организация смоленских скаутов работала по четырем направлениям. Первая – «Краевед», ребята изучали археологию, этнографию и историю родного края. Вторая – «Спасатель» – это программа была рассчитана на то, чтобы ребята научились оказывать помощь в любых экстремальных ситуациях. Третья – «Телефон», в рамках этой программы ребята получали умения и навыки людей – милиции, скорой помощи, пожарников и газовой службы, чьи профессии были связаны с номерами 01, 02, 03 и 04. Четвертое направление – «Один процент», девиз этой программы – 1 % всех ребят должен быть охвачен скаутизмом. В разработке была программа «Путешественник», одно из направлений работа с патрулями православных скаутов, которые существовали в рамках ОСС. Программой было предусмотрено паломничество верующих ребят по святым местам [8, с. 2].

Один из основателей русского скаутинга Иннокентий Шухов писал: «Помните, что скаутинг – это прекрасная игра, полная чарующей прелести, свежести, поэзии душевного благоговения». Именно игра и романтическое обращение традиций и ритуалов привлекало ребят в скаутинг. Вот как вспоминает свое посвящение в скауты пятиклассники 21 школы Злата Шикова и Людмила Аскерко: «Это было на турбазе «Хвойная» во время осеннего лагеря. Нас разбудили очень рано, было еще темно. На каждого из нас накинули одеяла и куда-то повели. Когда одеяла сняли, мы уви-

дели ребят держащих скаутское знамя и зажжённые свечи. Каждый из нас подходил к знамени, становился на колено и, подняв руку в скаутском салюте, произносил клятву». Это все запоминалось ребятам, но стать скаутом было не так-то легко. Для этого необходимо было много знать и уметь, чтобы получить 3-й разряд, который давал право быть кандидатом в скаута [8, с. 2].

С целью поощрения активных скаутов в Смоленской областной организации приказом по ОСС №1 была введена система выявления активных скаутов, предложенная ски. Немыткиным В.П. При проведении итогов выставлять знаки отличия в виде лилий разного цвета: 1 белая линия (б) – 10 красных (к) – 100 синим (с). За хорошую учебу в школе (на 4 и 5) – 1 к за четверть. За хорошую учебу в музыкальной, спортивной или художественной школах – 1 к за четверть. Посещение скаутских занятий – 1 с за занятие. Участие в долговременных программах (Путь, Спасатель, Телефон, Милосердие, Поиск и т.д.) – 1 к за год. Разовое трудовое дело, операция, поручение – 1 с за каждое. Долговременное поручение (командир патруля, костровой, завхоз, разведчик добрых дел, летописец и пр.) – от 1 до 10 с за год. Подготовка кандидата к вступлению в скауты – 1 к. Переписка со скаутами на иностранном языке – 1 к за год. Переход на более высокий разряд (2;1; Пс;С) – 1б. За нарушение скаутских законов, дисциплины, провал порученных дел вводится – 1 черная метка. При поручении 2-х черных меток скаут переводится в кандидаты, при получении 3-х – исключается без права вступления. Черная метка аннулируется 1 белой лилией. Итоги подводятся 1 раз в год, не позднее 30 мая. По результатам выбирается на один год условный сборный патруль лучших, которые имеют следующие права: комплектуются формой, нашивками, значками, снаряжением в первую очередь и на льготных основаниях; имеют свои особые знаки отличия; представляют организацию в международных лагерях и встречах, имеют право выбора лагеря, похода и участия в нем на льготных условиях [5, л. 3-об].

Требования к новичку на третий разряд.

1. Скаут: показывает свои знания по истории России, совершает добрые дела, месяца три был стажером в скаутском отряде.

2. Помнит, понимает, может объяснить законы и заповеди, девиз и приветствие.

3. Знает знаки различия, символы и сигналы скаутов.

4. Знает историю скаутского движения.

5. Может показать комплекс утренней зарядки и упражнений.

6. Может провести три игры.

7. Знает правила поведения дома, на улице, в общественных местах.

8. Знает как можно вызвать врача, милицию, пожарных.

9. Может оказать первую медицинскую помощь.

10. Умеет пришить пуговицу, заштопать одежду.

11. Знает как необходимо вести себя на природе: а) знает ядовитые растения, б) умеет разжечь и погасить костер, в) умеет уложить вещи в рюкзак и знает, что надо взять для однодневного похода, г) побывает в двух однодневных походах, д) умеет обращаться с компасом, е) знает основные обозначения на карте, ж) умеет читать следы человека, велосипеда, мотоцикла, автомобиля, и хотя бы трех животных и птиц на снегу или влажной земле, з) знает основные типы узлов и может объяснить, для чего они применяются.

12. Провел интересную встречу, вечер, игру или организовал полезное дело для членов своего патруля.

13. Сделал полезную вещь или украшение для дома.

14. Умеет интересно занять малышей.

15. Назовёт 15 предметов (игра Кима).

16. Расскажет о прочитанных книгах.

17. Провел интересную беседу для членов патруля.

Скаутскими атрибутами являлись: вымпел, униформа, призыв или, как его называют скауты, клич, эмблема, знаки отличия, шейный платок (скаутский галстук) и т.д. Скауты во всем мирежимают руки левой, правой рукой, что является знаком особой дружбы и доверия. Это делается в любом случае, когда рукопожатие необходимо, и неважно, носят ли в это время скаутскую форму или нет. Скаутский салют отдался при полной униформе в торжественных случаях, таких как подъем и спуск национального флага, всегда при произнесении клятвы. Вариантом этого символа салюта является скаутский знак, во время которого правая рука поднимается до уровня плеча, два пальца – большой и мизинец соединены, два или три, в зависимости от разряда скаута, плотно сжаты (указательный, средний и безымянный). Ладонь открыта ко всем. У скаутов был свой вымпел или флажок, который соответствует общему портрету и настрою членов группы.

Призыв (клич) группы должен быть коротким и различимым на расстоянии и соответствовать условиям местности, где живут скауты, а также выражать настроение, общие цели и совместную деятельность. Шейный платок или галстук, обязательно является отличительным элементом для

каждой скаутской группы; по цвету они могут быть разнообразными, могут иметь цвета флага или герба родного края. Особые знаки в виде нашивок, которые скаут носит на рукаве, обозначают его достижения в той или иной скаутской «специальности», например в поварском деле, оказании первой помощи, спортивном соревновании и т.д. С самого начала создания Скаутской организации скауты имели официальную форму, которую носили с великим удовольствием. Во многих странах она была традиционной и существовала не один десяток лет. Униформа служила символом принадлежности члена группы единой Национальной Организации Всемирной скаутской семье. Скаутская форма стран близка по ряду элементов, вместе с тем она отличается по цвету [5, л. 3-об].

Форма смоленских скаутов состояла из серой военной рубашки и синего галстука. На правом кармане рубашки была нашита белая лилия – эмблема скаутов всего мира. Слева на рукаве изображен герб Смоленска, а внизу располагались нашивки за специальности, полученные скаутом. На левом кармане носились значки, привезенные из тех мест, где побывали скауты. Часть этих значков ребята привозили из лагерей, которые организовывались во время летних каникул. Во время учебы практические навыки удавалось получить лишь по воскресеньям, выезжая за город, а основные знания теории обрабатывались на практике в лагерях. Еще одной целью таких лагерей являлось общение между ребятами, обмен опытом, работой, методикой [8, с. 2].

Членских взносов, что уплачивали скауты не хватало на самое необходимое, на форму, на атрибутику. Поэтому некоторые скауты делали знаки

отличия для формы самостоятельно. Разгибали банку из-под пива, из нее вырезались значки. Но несмотря на это, для ребят эти значки были очень дороги, и заслужить их было очень непросто. Поэтому скауты были вынуждены обращаться к военнослужащим и просить списанные военной рубашки для своего обмундирования. Так же Объединение смоленских скаутов (на март 1994 г.) не имело собственного помещения, где бы можно было оборудовать скаутский клуб, методический и информационный центр [8, с. 2].

Ликвидация и реорганизация ОСС осуществлялась по решению Конференции, либо по решению суда в установленном законом порядке. Решением Конференции создавалась ликвидационная комиссия, которая производила расчеты с кредиторами и подводила баланс. При ликвидации ОСС, после покрытия всех расходов, средства должны быть использованы на цели, предусмотренные уставом, и не могли быть распределены между членами общества [4, л. 1-7].

Выводы

Общество Смоленский скаутов было ликвидировано 9 февраля 2006 года. Прекращение деятельности общественного объединения в качестве юридического лица произошло по решению суда на основании ст.29 Федерального закона от 19.05.1995 №82-ФЗ «Об общественных объединениях» [2, л. 24]. Таким образом, можно сделать вывод, что скаутинг прошел длинный и тернистый путь, и сейчас все еще имеется масса белых пятен в его истории. Авторы статьи на основе архивных источников и материалов периодической печати освещают правовые вопросы деятельности скаутов в начале 1990-х годов на примере Смоленской области [7, с. 40].

Список источников

1. Государственный архив Смоленской области новейшей истории (далее ГАНИСО). Ф. 2781. Оп. 1. Д. 1. Документы (заявления, Ассоциации возрождения Российского скаутизма, требования к скаутам, эмблемы скаутов) по истории скаутского движения за 1990-1993 годы. Л. 1-3.
2. ГАНИСО. Ф. 2781. Оп. 1. Д. 3. Устав Федерации скаутов России (ФСР), сведения о регистрации общества смоленских скаутов за 1991 г. Л. 1-2.
3. ГАНИСО. Ф. 2781. Оп. 1. Д. 27. Публикации в центральных и местных газетах о скаутском движении за 1994 г. Л. 2-4.
4. ГАНИСО. Ф. 2781 Оп. 1. Д. 29. Устав Общества Смоленских скаутов. Свидетельство о регистрации общества. Л. 1-7.
5. ГАНИСО. Ф.2781. Оп. 1. Д. 68. Стенгазеты и специальные выпуск «Скаутского вестника» об истории развития Скаутского Движения в г. Смоленске за 1993-95 гг. Л. 1-6.
6. Иванов А.М., Иванова Е.А. Возрождение методов работы с молодежью на примере движения православных скаутов (по материалам Смоленской области) // Укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей и обеспечение прав человека в условиях современных вызовов: Сборник научных статей. Смоленск, 2023. С. 241 – 251.

7. Иванов А.М., Михайленков С.Ю. Возрождение и организация движения православных скаутов в начале 1990-х годов на примере Смоленской области // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. 2023. № 3 (20). С. 33 – 40.

8. Михайловская И. Смоленские скауты // Смоленские новости. 16 марта 1994. С. 2.

9. Общество Смоленских скаутов (юных разведчиков) // «Товарищ». Июнь 1993 г. № 26. С. 1.

References

1. State Archive of the Smolensk Region of Modern History (hereinafter GANISO). F. 2781. Op. 1. D. 1. Documents (applications, Association for the Revival of Russian Scoutism, requirements for scouts, scout emblems) on the history of the scouting movement for 1990-1993. L. 1-3.

2. GANISO. F. 2781. Op. 1. D. 3. Charter of the Russian Scout Federation (RSF), information on the registration of the Smolensk Scout Society for 1991. L. 1-2.

3. GANISO. F. 2781. Op. 1. D. 27. Publications in central and local newspapers on the scouting movement for 1994. L. 2-4.

4. GANISO. F. 2781 Op. 1. D. 29. Charter of the Smolensk Scout Society. Certificate of registration of the society. L. 1-7.

5. GANISO. F.2781. Op. 1. D. 68. Wall newspapers and special issue of the "Scout Bulletin" on the history of the development of the Scout Movement in Smolensk for 1993-95. L. 1-6.

6. Ivanov AM, Ivanova EA Revival of methods of working with youth on the example of the Orthodox scout movement (based on materials from the Smolensk region). Strengthening traditional Russian spiritual and moral values and ensuring human rights in the context of modern challenges: Collection of scientific articles. Smolensk, 2023. P. 241 – 251.

7. Ivanov A.M., Mikhailenkov S.Yu. Revival and organization of the Orthodox scout movement in the early 1990s using the Smolensk region as an example. Theological Bulletin of the Smolensk Orthodox Theological Seminary. 2023. No. 3 (20). P. 33 – 40.

8. Mikhailovskaya I. Smolensk scouts. Smolensk news. March 16, 1994. P. 2.

9. Society of Smolensk scouts (young scouts). "Comrade". June 1993. No. 26. P. 1.

Информация об авторах

Иванов А.М., кандидат исторических наук, доцент, Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; Смоленский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Aleks-I-82@yandex.ru

Силина К.В., Смоленский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

© Иванов А.М., Силина К.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 398.21

Анализ восточнославянского фольклорного сюжета «Диво дивное» (СУС 571)

¹ Ланцов Л.А.,
¹ Южный федеральный университет

Аннотация: данная статья посвящена анализу восточнославянских сказок, где присутствует фольклорный сюжет «Диво дивное» (СУС 571). Для комплексного исследования и описания данной тематики, помимо сказок, были привлечены и иные типы источников (эпические произведения, хроники, фольклорные разыскания в области магических практик), позволяющих наиболее полно раскрыть предмет настоящего исследования. В рамках указанного выше сюжетного типа повествуется о различных метаморфозах героев в животных (собаку, дятла, утку, гуся), наказании неверной жены за измену, встреча в лесу с волшебным помощником, так или иначе семантически связанного с огнем. В частности, используя калькуляционные методы анализа данных, были установлены наиболее устойчивые мотивы, характерные для данного типа, что, в свою очередь, позволило демаркировать наиболее важные черты повествования от метаморфоз, искажающих суть повествования. Подобная дифференциация позволило определить аутентичные элементы рассказов, что позволило должным образом проинтерпретировать существующие в рамках данного сюжетного типа мотив. Как результат, это позволило осуществить мифологическую реконструкцию фольклорного сюжета «Диво Дивное». Таким образом, проведённый детальный анализ данных мотивов, позволяет говорить о данном сюжете как о миф, рассказывающим о волшебном помощнике – «огнедарителе» и этике добродетели, экстраполированной на представление о жизни животных. Удалось описать определенную взаимосвязь между данным сюжетом с одной стороны, некоторыми мифологическими персонажами (Диво/Див из «Слова о полку Игорева» и «Задонщины», Сварог, Кузьма-Демьян), концепцией переселения душ – с другой. Также, получилось установить общность мифо-магического комплекса в рамках славянской общности (в данном случае, речь идет об общих мифологемах, касающихся божественного наказания, наузов и этиологии у восточных и полабских славян).

Ключевые слова: волшебные сказки, славянская мифология, русский фольклор, Див/Диво, этика добродетели, Кузьма-Демьян, Сварог

Для цитирования: Ланцов Л.А. Анализ восточнославянского фольклорного сюжета «Диво дивное» (СУС 571) // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 2. С. 131 – 139.

Поступила в редакцию: 18 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 20 января, 2025 г.; Принята к публикации: 3 марта 2025 г.

Analysis of the East Slavic folklore story "Divo Divnoe" (SUS 571)

¹ Lantsov L.A.,
¹ Southern Federal University

Abstract: this article is devoted to the analysis of East Slavic fairy tales, where the folklore story "Divo Divnoe" (SUS 571) is present. For a comprehensive study and description of this topic, in addition to fairy tales, other types of sources were also involved (epic works, chronicles, folklore research in the field of magical practi-

es), allowing the subject of this study to be most fully disclosed. Within the framework of the above plot type, the story is about various metamorphoses of heroes into animals (dog, woodpecker, duck, goose), punishment of an unfaithful wife for treason, meeting in the forest with a magic assistant, one way or another semantically associated with fire. In particular, using calculation methods of data analysis, the most stable motives characteristic of this type were established, which, in turn, made it possible to demarcate the most important features of the narrative from the metamorphoses that distort the essence of the narrative. Such differentiation made it possible to determine the authentic elements of the stories, which made it possible to properly interpret the motif existing within this plot type. As a result, this made it possible to carry out a mythological reconstruction of the folklore plot "Divo Divnoye". Thus, the detailed analysis of these motives allows us to speak of this plot as a myth telling about a magic assistant - "fire giver" and the ethics of virtue extrapolated to the idea of animal life. It was possible to describe a certain relationship between this plot on the one hand, some mythological characters (Divo/Div from "The Tale of Igor's Campaign" and "Zadonshchina", Svarog, Kuzma-Demyan), the concept of transmigration of souls - on the other. It was also possible to establish the commonality of the mythological-magical complex within the Slavic community (in this case, we are talking about common mythologemes concerning divine punishment, nauzes and etiology among the Eastern and Polabian Slavs).

Keywords: fairy tales, Slavic mythology, Russian folklore, Divo/Div, ethics of virtue, Kuzma-Demyan, Svarog

For citation: Lantsov L.A. Analysis of the East Slavic folklore story "Divo Divnoe" (SUS 571). *Historical Bulletin*. 2025. 8 (2). P. 131 – 139.

The article was submitted: November 18, 2024; Approved after reviewing: January 20, 2025; Accepted for publication: March 3, 2025.

Введение

Исследования на тему славянской мифологии проводилось на протяжении многих лет. Многие известные историки, археологи, лингвисты, антропологи пытались реконструировать тот или иной аспект языческого мировоззрения славянских народов. Подобные исследования очень ценны, поскольку они могут не только рассказать о неких общих принципах формирования тех или иных представлений у народов, но и дать некие ориентиры – в каких-областях необходимо провести анализ, дабы наиболее полно раскрыть имеющиеся представления. Таким образом, расширяя источниковедческую базу и сравнивая различными представления народов между собой мы конструируем новые объяснительные модели, тем самым расширяя количество знаний о народных представлениях в частных случаях. Несмотря на огромное количество исследований, посвященных реконструкции славянской мифологии, в научном обороте отсутствует корпус сведений, необходимых для герменевтического анализа летописных источников. Как говорил Д.Н. Данилевский: «К сожалению, мы до сих пор не располагаем методиками, которые бы позволили с достаточной степенью надежности вычленять такую основу – фольклорность сюжета чаще всего определяется на глаз» [11, с. 256]. Таким образом, реконструкция мифологических представлений есть работа в том числе и источниковедческая. Такое исследование сюжетов из славянской мифологии позволит пополнить корпус источников по европейской и ми-

ровой мифологиям. Это, в свою очередь, позволяет открыть новые вектора развития, посвященные темам сравнительного анализа, мифологической типологии и иным темам, находящимся в рамках религиоведения.

Материалы и методы исследований

Реконструкция мифологических воззрений славянских народов крайне осложнена, ввиду отсутствия достаточно обширных и четко структурированных аутентичных сведений, датировка которых будет относиться к периоду предшествующему разложению и деконструкции языческого мировосприятия, наступившего вследствие христианского или около христианского влияния. Задача реконструкции, хоть и сложная, но вовсе не выполнимая. Как говорил Л.С. Клейн: «А то, чем были богаты те мифологические системы, в русской все-таки присутствует – следами и остатками. Дело за тем, чтобы их обнаружить, и за реконструкцией по следам, остаткам и аналогиям» [17, с. 68]. Такие исходные условия для требуют использовать обширную методологию для настоящего исследования, включая: калькуляционный, сравнительный, историко-генетический, типологический, системный методы анализа и синтеза данных. После комплексного анализа источниковой базы необходимо понять, каким образом полученные сведения между собой согласуются. Ведь задача исследователя состоит в том, чтобы реконструируемая (и, в тот же момент, конструируемая, поскольку речь идет об надрелигиозных и надмифических описательных системах) была когерентной – в отноше-

нии тех данных, которые мы уже имеем, или, по крайней мере, имеем некоторую конвенцию по поводу их априорного использования в рамках академического сообщества.

Результаты и обсуждения

Настоящее исследование посвящено анализу восточнославянского фольклорного сюжета «Диво дивное» [6, с. 164]. В рамках работы будет рассмотрена его структура и семантика. Перед детальным анализом данного сюжетного типа его следует кратко охарактеризовать. Герой отправляется купить диво, как правило, по просьбе своей жены [27; 14, с. 226; 16, с. 361]. Он находит «диво-дивное» – чудесного гуся. Представления о его волшебных свойствах, одни из самых устойчивых для данного типа сюжета [3, с. 241; 19, с. 47, с. 305; 29, с. 165; 10, с. 159; 16, с. 361; 27; 14, с. 226]. Они описываются следующим образом: «Видишь ли – вон на дворе у меня гусь ходит?» – «Вижу!» – «Так смотри же, что с ним будет.. Эй, гусь, подь сюды!» Гусь пришел в горницу. Старичок взял сковороду и опять приказывает: «Эй, гусь, ложись на сковороду!» Гусь лег на сковороду; старичок поставил ее в печь, изжарил гуся, вынул и поставил на стол. «Ну, купец, добрый молодец! Садись, закусим; только костей под стол не кидай, все в одну кучу собирай». Вот они за стол сели да вдвоем целого гуся и съели. Старичок взял оглоданные кости, завернул в скатерть, бросил на пол и молвил: «Гусь! Встань, встрепенись и поди на двор». Гусь встал, встрепенулся и пошел на двор, словно и в печи не бывал!» [3, с. 241]. Далее герой доставляет чудесного гуся своей жене и удаляется. Она же, после того как муж ушел, зовет своего любовника и желает похвастаться перед ним своим «дивным-дивом». Однако гусь её не слушается [29, с. 165; 19, с. 305; 10, с. 159; 14, с. 226]. После этого неверная жена пытается ударить непослушную птицу, но прилипает к гусю [15, с. 87; 19, с. 47, с. 305; 29, с. 165; 5, с. 293; 10, с. 159; 16, с. 361; 27; 14, с. 226]. Если другие пытаются их разнять, то тоже прилипают. После этого герой бьет слипшихся персонажей [15, с. 87; 19, с. 47; 29, с. 165; 16, с. 361; 27; 14, с. 226; 3, с. 237, с. 239, с. 241]. В одном из вариантов старик говорит, что гуся зовут «Молодой жоны наука» [16, с. 361].

В некоторых вариантах работник наказывает «прилипанием» семью попа за то, что тот многократно обещал женить своих дочерей на герое за проделанную работу, но каждый раз отказывал, находя жениха на стороне [5, с. 293]. В данном варианте, волшебную силу «склеивать» людей дает волшебное дерево, а не чудесный гусь. Аналогичного волшебного помощника можно встретить в сказке Зеленина «Нехай так будет», там же, мотив

«приплетения» работает по отношению не только к человеку, но и к колесу: «Назадъ поѣхаль, ось изломалась. – „Чево дѣлать? Надо новую гдѣ-небудь рубить, устраивать“. – Побѣжалъ въ лёсь ось искать. Замахнулся, берѣзу хотѣлъ рубить; она человѣческимъ голосомъ сказала: „не руби, приди да составь конеч’ѣтъ, скажи: не хай такъ такъ будѣтъ – дакъ и сrostѣччя“. – „Правда ли говоришь ты?“ – „Правильно“. – Пришоль, приставиль ось. – „Не хай такъ такъ будѣтъ!“ – Ось срослась. Наложиль колесо и поѣхаль домой». [15, с. 188].

Существует и другой подтип данного сюжета, некоторым образом отличающийся от предыдущих. На мой взгляд, для понимания данного подтипа следует понимать особое представление о добродетели в русской традиционной культуре. В частности, речь идет о таких фундаментальных моральных понятиях как «добрый» и «плохой». Для лучшего понимания следует обратить внимание на использование словосочетания «добрый конь» в фольклорной традиции. Так, в русских сказках встречается мотив, когда герой выбирает себе коня по силе, например, как в сказке А.Н. Афанасьева «Илья Муромец и змей» [3, с. 357]: «Пошел в конюшню жеребца себе выбирать; пришел к жеребцу к первому, наложил на жеребца руку, тот спотыкнулся; перепробовал всех жеребцов в конюшне: на которого ни наложит руку – всякий спотыкается, ни один не удержит. Пришел к самому последнему жеребцу – так, в забросе стоял, – ударил его по спине рукой; он только заржал. И говорит Илья: “Вот мой верный слуга, не спотыкнулся!”». Похожее употребление можно обнаружить и в сказке «Запечный Искр» [26, с. 780] «Искр пошелъ на конюшню выбирать себе коня, но на какого коня руку не наложить, тотъ и къ земле припадетъ. Тогда Искр пошелъ и купиль себе своробливаго жеребенка и привель къ царю. Царь удивился и сказалъ ему: «Кого это ты купиль? Добрые кони не подходили, а на этомъ куда ты уедешь?» Запечный Искр сказалъ: „его нужно отпустить на зеленые луга на три года, и изъ него выйдеть хорошій конь“, и отпустилъ жеребенка». По данному тексту видно, что добрый конь противопоставляется свороблииваму – то есть поршивому, плохому коню. Иными словами, добрый конь – это не лошадь, наделенная положительными моральными качествами. Добрый конь – это в первую очередь выносливый конь, который может выдерживать персонажа, наделенного внушительным весом (достаточно распространенный троп, где сила героя передается через его вес, так, например, в сказке А.Н. Афанасьева: «вырос такой сильномогучий богатырь, что всякий стул под ним ломается, и просит царицу, чтоб приказала сделать ему же-

лезный стул, и тот с подпорами» [3, с. 89]. Именно такой конь поможет проявить богатырю свою удаль и мощь. Данное представление о добродетели не является эксклюзивным, в академическом сообществе оно известно в рамках *аретологии*. О нем хорошо повествует видный и известный представитель данного философского подхода – Асадлер Макинтайр в работе «После добродетели». В частности, говоря о понятиях хороших часов и фермеров, исходя из функциональной составляющей данных сущностей: «Из таких фактических посылок как: «Эти часы ужасно неточны и ненадежны» и «Эти часы лишком тяжелы для ношения их с собой», значимо следует оценочное заключение «Это плохие часы». Из таких фактических посылок как «Он собрал большой урожай с акра, чем любой другой фермер в своем районе», Он имеет наиболее эффективную программу возрождения почвы из всех существующих программ» и «Его стадо выиграло все первые призы на выставках», следует оценочное заключение «Он хороший фермер»» [18].

Данная концепция добродетели очень важна, поскольку большая часть мотивов, присущих анализируемому в данном исследовании сюжетному типу, будет содержать подобные представления в отношении различных животных.

Дивный гусь, о котором говорилось ранее, представлен как «хороший гусь» именно потому, что он сам садится на лопату или сковородку, чтобы его поджарили. Добродетель гуся, в данном случае, заключается в его послушании хозяину. В подтипах представлены другие добродетели, экстраполированные на животных, о которых сейчас и пойдет речь.

В сказке «Никифорово чудо» неверная жена обращает героя в утку. Здесь демонстрируется добродетель уже в отношении других уток: «Охотники стали уток стрелять, силками ловить (но сам хоть утка, ум человеческий), когда приближаются к берегу, стада уточьи от берега отводит, чтобы ружья не достали, и так же все силки обловит, чтобы не попала никак больше утка. Гуляйте все уточки. С этого времени охотники даже не стали доставать никого и стали жаловаться уже правительству, что, находясь в стадах, какая-то утка есть особой породы, стадо от берегов отводит и силки ловит» [21, с. 229].

В другом рассказе [3, с. 237]. Он же решается быть пойманными детьми: «Дай полечу в эту принаду; пусть меня ребяташки поймают, авось кормить станут, да в избе и теплой зимовать будет!». Отец детей оказывается знахарем, который возвращает несчастному супругу его человеческий облик. После этого – он дает ему прутики, с по-

мощью одного из них он может превратить жену в козу, а с помощью иного – снять с неё заклинание.

И в первом, и во втором превращении герой соответствует определенной добродетели, исходя из своей животной, нечеловечьей роли. В первом случае речь идет о выполнении роли пастушьей собаки, за что он награждается со стороны пастуха; во втором же случае – помогать ребятам себя поймать. Вторая добродетель более интересная, поскольку, ввиду отсутствия функциональной добродетели для дятла, которая могла бы присутствовать в народной традиции (как, например, в случае с собакой), добродетель дятла заключается в том, что он, во-первых, становится легкой добычей и потому приносит радость; во-вторых, становится прекрасным украшением для людей, находясь в клетке.

В обеих сказках неверная жена превращает мужа в собаку. В первом варианте собака выполняет роль пастушьей собаки и стережет стада быков: «Пристал я к этому стаду, начал за быками ходить: который от стада отобьется – я сейчас пригоню; а волкам от меня просто житья не стало – ни одного не подпущу» [3, с. 237]. В другом варианте жена-волшебница обратила героя в кобыля; он помог пастухам справиться с медведем, давившим скот [21, с. 228].

Теперь следует разобраться, по какой причине данное представление существует в традиционной культуре. Иными словами, какова его функциональная составляющая. Одним из возможных факторов наличия подобных воззрений, является вера в переселение душ у восточных славян. В частности, о наличии идеи перерождения в рамках сказочного фольклора пишет И.М. Денисова [12]. Тему переселения душ в животных исследовал Б.А. Успенский в работе «Метемпсихоз у восточных славян». Он подводит итоги своего анализа следующим образом: «...в общей совокупности верований о перевоплощении душ могут быть выделены, видимо, верования о переселении душ людей в принадлежащую им скотину – верования, которые так или иначе связаны с культом рода» [28].

Подобную экстраполяцию можно встретить, например, в сказках типа «Марко Богатый». Исходя из анализа данных сюжетов, где мифологический персонаж рассказывает герою о посмертном воздаянии, видно, что добродетель распространяется как в отношении к животным, так и на самих животных. Например, в одной из сказок, солнце рассказывает о посмертных муках [3, с. 251]: «Как ехал я к тебе, красное солнышко, видел на пути двух больших коров – бегают они по полю да мужика на рогах носят; будет ли ему прощение?» – «Нет ему прощения; как жил он на том свете да

был пастухом, он за стадами не смотрел, на хорошую траву коров не гонял; вот за то теперь и мучается»; ср. с мытанием коров: «...скотина невинная, её часто человекъ обижаютъ; и скотина встанеть на Страшномъ Суде» [30]. Аналогичным образом, в этом сюжетном типе наказывался щука-рыба: «Да, ехал я еще через море, и наказывала мне щука-рыба великая спросить у тебя: долго ли ей мучиться?» – «Она проглотила три корабля с товарами; когда отпустит их, тогда и прощенье ей будет». Аналогичное наказание для кит-рыбы. Дуб просит у героя разузнать «долго ли я буду дуб о дуб траться и дуб о дуб заплетаться» [19, с. 225].

В рамках описанной выше парадигмы вопрос добродетели того или иного животного – это достаточно важный вопрос, поскольку исходя из концепции реинкарнации, человек может (или обязательно станет) животным, и его проживание в данном состоянии будет требовать от него определенной модели поведения.

Отдельно следует остановиться на мотиве, где персонаж дарует огонь. Этот мотив, по всей видимости, присущ именно данному виду сказки [3, с. 237; 15, с. 87; 29, с. 165; 21, с. 225]. Изредка его можно найти обособлено, как, например, в сказке «Три брата» из сборника Д.М. Балашова [5, с. 100]. Есть несколько похожие, но все-таки отличные мотивы, связанные с добычей огнем в лесу [13]. Данный мотив неустойчив. Несмотря на общую типологическую взаимосвязь, в каждой из версий сюжета он имеет локальные вариации. Далее, будет дан пересказ основных вех, в рамках данного мотива:

В сборнике Балашова: отец, вместе со своими сыновьями или просто братья отправляются в лес. Из-за холода они нуждаются в огне. Они находят старика в лесу, который может им помочь. Само взаимодействие со стариком от сюжета к сюжету меняется: дает огонь, если расскажет сказки. В сборнике Зеленина: дает огонь, если верит, что жена ему изменяла. У Шейна: старик в лесу (один) дает переночевать герою, ушедшему от жены, не дает огонь, а дает чудесного гуся. У Разумовой: дает огня, если отдаст сына, при этом уточняет: «Ах, ты старый дурак, не спешился бы мне сыновей кормить, а просил бы дорогу, давно бы дома был»; У Афанасьева: просто ест детей, после того, как те в лесу убивают (герои огня и не просят): «Убили мы трех уток, развели огонек, живо сварили их и только было ужинать собрались, как тот же самый старик идет: «Хлеб-соль, молодцы!» – «Милости просим, старичок!» Он сел, всех уток съел да меньшим сыном закусил» [3, с. 237]. В ряде сюжетов, погибшие дети возрождаются, когда отец возвращается домой.

В сказке из сборника Д.М. Балашова проводится параллелизм между Кузьмой-Демьяном: «Этот подумал – Кузьма ли, Демьян, – думал, думал: не знаю сказки!». По мнению многих исследователей, Кузьма-Демьян в народной традиции являлся заменой бога Сварога [17, с. 236; 22, с. 556]. Тем более интересен один фрагмент, где старик, словно змей, вьется вокруг огня: «Пошел. Приходит, дошел до огонька. А приходит – старик три раза кругом огня обвился, огонь горит» [5, с. 100].

На наличие мифологической связи в данном мотиве указывает и то, что в одной из версий «сплетение» происходит с помощью вязания узлов – наузов. «Она стала роздвигать-то [слипшихся], – узелок'отъ завезаль [на пояске], и она прильнула тута». [15, с. 87]. Этому навыку научил героя научил старик в лесу, который дарует огонь в этой, и других версиях данного сюжетного типа. Это магическое действие, равно как и сам амулет был проанализирован А.Н. Афанасьевым в работе «Наузы. Пример влияния языка на образование народных верований и обрядов». Наличие науза в данной сказке показывает, что данное сплетение есть не просто чудо, но результат некоторого магического воздействия. Для того, чтобы понять, о каком именно воздействии идет речь, следует обратить внимание на один фрагмент из «Деяния Данов»: «Не было, впрочем, ничего удивительного в том, что они боялись своих богов, если принять во внимание, сколько раз те наказывали их за распутство. Дело в том, что, когда мужчины в этом городе вступали в любовную связь с женщинами, они, как это случается с собаками, обычно сцеплялись с ними так сильно, что (казалось] уже вовсе не могли от них оторваться. И тогда их [привязывали] к жердям и подвешивали друг напротив друга, благодаря чему эта их совершаемая столь необычным образом связь выставлялась на всеобщее обозрение и посмешище Это одновременно и удивительное, и омерзительное явление лишь усиливало их поклонение своим ничтожным истуканам, и то, за чем в действительности скрывались бесовские козни, они считали проявлением могущества своих богов» [24].

В данном фрагменте судороги во время полового сношения связывается с наказанием со стороны бога или богов. Таким образом, этот фрагмент является этиологическим мифом, где судороги – суть вмешательства со стороны богов за распутство. При детальном анализе сказочного фольклора можно обнаружить, что гусь старается выставить «приклеивание» героев напоказ, выйдя из помещения (ср. с публичным наказанием в «Деяниях Данах» Саксона Граматака): «Гусь выбежал на двор, на улицу и потащил их к лавкам» [3, с. 241];

«Потом подбежала за палкой, гуся ударила. И прильнула к гусю. И гусь ее со двора и потянул» [19, с. 47]; «Вот и пробежал прикатчик, схватил руками, и он прильнул. Гусь и на двор, и по двору поташил» [19, с. 305]; «Тогда гусь поташил их обоих из горницы на двор, а со двора на улицу и привел их к лавке купца Славера» [27]. Следует оговориться, что этот мотив доминирует в сюжетах данного типа и при этом не является двигателем сюжета. Муж мог вернуться домой и обнаружить «прилипшую» жену, но сказителям важно подчеркнуть, что подобное действие привлекло много внимания. Так, наиболее ярко этот мотив проявляется в сказке из сборника И. В. Карнаухова: «А гусь это на двор, и они за ним. За им бегут да кричат: – «Молодой жоны наука!» «Молодой жоны наука!»» [16, с. 362]. Эту особенность следует назвать «увещательной» функцией гуся.

Отдельно следует задаться вопросом, связано ли Диво из вышеуказанных сказок с Дивом из «Слово о Полку Игореве» и «Задонщины».

В историографии существует несколько позиций согласно Диву. Определенную связь можно обнаружить с самовилами, одним из наименований которых является самодива [8, с. 36]. Но, кажется, Див в вышеуказанных средневековых источниках является персонажем мужского рода. Связь с Дивой из текстов поучения [8, с. 384] не очевидна.

Поскольку понятие «диво» является паронимом, то следует отделить мифологического персонажа от всякого другого употребления этого слова, как, например, в «Слове о полку Игореве»: «Но не диво ли, братия, старику помолодеть! [25, с. 263]; или в сказке А.Н. Афанасьева: «Она сотворила молитву, подошла к печке и сняла чурбан, смотрит – что за диво? Был чурбан, а стал мальчик» [2, с. 248].

Для начала следует ознакомиться с источниками, где еще встречаются упоминания о Диве. В «Слове о полку Игореве» имеются следующие фрагменты: «Тогда вступи Игорь князь въ златъ стремя и поеха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше, ночь стонуши ему грозою птичь убуди, свистъ зверинь въста, збися Дивь, кличетъ врѣху древа, велитъ послушати земли незнаеме, Вльзе, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, Тьмутороканьскый блъванъ» и «На реце на Каяле тьма светъ покрыла: по Руской земли прострошася половци, аки пардуже гнездо, и великое буйство подасть Хинови. Уже снесеса хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже врѣжеса Дивь на землю» [25, с. 256, с. 260].

В «Задонщине»: «Это сильные рати сошлись вместе и растоптали холмы и луга, а реки, потоки

и озера замутились. Кликнул Див в Русской земле, велит послушать грозным землям. Понеслась слава к Железным Воротам, и к Орначу, к Риму, и к Кафе по морю, и к Тырнову, а оттуда к Царьграду на похвалу русским князьям: Русь великая одолела рать татарскую на поле Куликовом, на речке Непрядве» и «А уже Див кличет под саблями татарскими, а русским богатырям быть израненными» [20, с. 111; с. 113].

«Див – птица-укальница, серая как баран, шерсть на ней как войлок, глаза как у кошки, ноги мохнатые, как у зверя; птица она вещая – села на шелом – ожидай беду. Сидит она на сухом дереве и кличет она по-змеиному; кричит она по-звериному; с носа искры падают; из ушей дым валит» [6, с. 370]. Некоторые исследователи считают, что подобный образ скорее является плодом творчества самого автора [8]. С этим можно согласиться. Образ «Дива», который дан в источнике А.А. Барсова, напоминает скорее контаминацию двух мотивов – Соловья Разбойника и сказочного чудесного коня, коих образы представлены, например, в следующих источниках: «... – Ты ай же, Соловей Рахманович! – Засвищи-ко ты по соловьиному, – Закрычи-ко ты по звериному» [23, с. 436]; «У коня этого из ушей дым валит, из ноздрей искры сыплются, из рота пламя пышет» [2, с. 361].

В пользу того, что Див из сказки является Дивом из «Слово о Полку Игореве» и «Задонщины» указывает несколько параметров. Во-первых, речь в двух группах источников речь идет, по всей видимости, о птице. Во-вторых, Див из средневековых источников «предвещает несчастье» [8], то есть, так же как и сказочное «Диво», обладает «увещательной» функцией.

В-третьих, в двух типах источников мы встречаем тождественное наименование мифологических персонажей. Если связка сказочного сюжета и фрагмента из источника XIII века верна, то вполне закономерно родство данных образов между собой. Иными словами, сложно представить, что существовало несколько «Дивов-птиц», никоим образом не связанных между собой. Это, в свою очередь не означает, что Див из средневековых источников является тем же самым Дивом из сказок (хотя весьма возможно, ведь сказочное Диво обладает бессмертием). Таким образом, можно сказать, что с большой вероятностью оба Дива относятся к некоторому множеству возможных Дивов.

Выводы

Подводя итоги, можно сказать, что рассказы, относящаяся к фольклорному типу «Диво дивное» (СУС 571) являются мифом, хоть и достаточно искаженным, но содержащем в себе ряд мифологических воззрений, как показывает настоящее ис-

следование, возможных для реконструкции. Подобные сведения, можно разделить на четыре основные темы:

1. Репрезентация этики добродетели, экстраполированная на животных и людей-оборотней. Истоки данных представлений, возможно, связаны с идеями метемпсихоза и погребальным культом.

2. Наличие мифологического персонажа и волшебного помощника – старика в лесу, наделенного огненной семантикой. С большой вероятностью данные сведения являются остатками языческих представлений о Свароге, или, по крайней мере, тесном с его культом персонажем.

3. Наличие мифологического персонажа – волшебного помощника – чудесного гуся, наделенного бессмертием и «увещательной функцией». По всей видимости, данный гусь связан с Дивом из «Слово о полку Игореве» и «Задонщины» (под связанностью я имею в виду то, что сказочное Диво относится ко множеству всех возможных Дивов в славянской мифологии).

4. Общность магической практики, описанной, с одной стороны, в «Деяниях Данах», с другой – зафиксированной в русской фольклорной традиции, связанной с наказанием за распутство со стороны «высших» сил.

Список источников

1. Аничков Е.В. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914.
2. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. Т. I. Лит. памятники. М.: Наука, 1984-1985.
3. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. Т. II. Лит. памятники. М.: Наука, 1984-1985.
4. Афанасьев А.Н. Наузы: Пример влияния яз. на образование нар. верований и обрядов: Археологич. исследование А. Афанасьева. Москва: тип. В. Грачева и Ко, 1865. Москва: Въ типографіи В. Грачева и Комп., 1865.
5. Балашов Д.И. Сказки Терского берега Белого моря. Изд. подгот. Д.И. Балашов. Л., 1970.
6. Бараг Л.Д. и др. (сост.) Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л.: Наука, 1979. 438 с.
7. Барсов Е.В. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской Руси. ТМ., 1887. . 1. С. 370.
8. Белова О.В., Петрухин В.Я. «Уже врьжеса Дивъ на землю...» (Из материалов к словарю «Славянские древности») // Славянский альманах – 1998. РАН Инслав, Издательство «Индрик», М. 1999. С. 160 – 161.
9. Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси, Т. I. Зап. Моск. археолог, ин-та. М., 1913.
10. Гринченко Б.Д. Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях. Вып. II. Чернигов, 1897.
11. Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004. 370 с.
12. Денисова И.М. Мифологемы русских сказок: следы олицетворения и обожествления земли // Вестник антропологии. 2021. № 3. С. 208 – 227.
13. Добровольская В.Е. «Страшные» сказки в русской фольклорной традиции: к вопросу об атрибуции редких сюжетных типов // Культура и текст. 2023. № 4 (55). С. 94 – 105. DOI 10.37386/2305-4077-2023-4-94-105
14. Ефименко П.С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 2. М., 1874, отд. «Сказки». С. 225 – 237.
15. Зеленин Д.К. Великорусские сказки Вятской губернии // Сборник Д. К. Зеленина. Записки РГО, 1915, т. XLII.
16. Карнаухова И.В. Сказки и предания Северного края в записях И.В.Карнауховой. Нация и культура / Фольклор: Научное наследие / Вступ. ст. Т.Г. Ивановой. М.: ОГИ, 2009. 544 с.
17. Клейн Л.С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб.: Евразия, 2004. 480 с.
18. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали / Пер. с англ. В.В. Целищева. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. С. 82 – 90.
19. Никифоров А.И. Севернорусские сказки в записях А.И. Никифорова. Изд. подгот. В.Я. Пропп. М.Л., 1961.

20. Задонщина // Подготовка текста, перевод и комментарии Л.А. Дмитриева // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 1999. Т. 6: XIV – середина XV века. 583 с.
21. Русские народные сказки Карельского Поморья / АН СССР. Карел. фил. Ин-т яз., лит. и истории; Сост., вступ. ст. А. П. Разумовой и Г. И. Сенькиной. Петрозаводск: Карелия, 1974. 423 с.
22. Рыбаков Б.А Язычество древних славян. М.: Академический Проект, 2013. 640 с. (Древняя Русь: Духовная культура и государственность).
23. Рыбников П.Н. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Т. I. / под ред. А.Е. Грузинского. М.: Изд. «Сотрудник школы», 1909. 725 с.
24. Саксон Грамматик. Деяния Данов: в 2-х т. (16 кн). Т. 2: Книги XI-XVI / Перевод с латинского А.Досаева, под ред. И.А.Настенко. М.: «SPSL» – «Русская панорама», 2017. С. 227.
25. Слово о полку Игореве // Подготовка текста, перевод и комментарии О.В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 1997. Т. 4: XII век. 687 с.
26. Смирнов А.М. Сборник Великорусских сказок. Петроград: тип. РАН, 1917. 504 с.
27. Старая погудка на новый лад: Русская сказка в изданиях конца XVIII века. Полное собрание русских сказок; Т. 8. Ранние собрания. СПб.: Тропа Троянова, 2003. Т. 8. 399 с. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Старая_погудка_на_новый_лад/Диво-дивное,_чудо-чудное,_сказка_русская (дата обращения: 28.09.2024)
28. Успенский Б.А. Факты и знаки: Исследования по семиотике истории: Вып. 3 // Метемпсихоз у восточных славян. М.; СПб: Нестор-История, 2014. С. 16.
29. Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Т. I. Ч. I. С. 203.
30. Этнографическое обозрение: Выпуски за 1914 год. 1914, кн. 103-104 № 3-4. Москва, 1914. С. 87.

References

1. Anichkov E.V. Paganism and ancient Rus'. St. Petersburg, 1914.
2. Afanasyev A.N. Russian folk tales by A. N. Afanasyev: in 3 volumes. Т. I. Lit. monuments. М.: Nauka, 1984-1985.
3. Afanasyev A.N. Russian folk tales by A. N. Afanasyev: in 3 volumes. Т. II. Lit. monuments. М.: Nauka, 1984-1985.
4. Afanasyev A.N. Sciences: An example of the influence of languages. for public education beliefs and rituals: Archaeological. research by A. Afanasyev. Moscow: type. V. Gracheva and Co., 1865. Moscow: In the printing house of V. Gracheva and Co., 1865.
5. Balashov D.I. Tales of the Tersky Coast of the White Sea. Ed. prepared by D.I. Balashov. L., 1970.
6. Barag L.D. et al. (compiled) Comparative index of plots. East Slavic fairy tale. L.: Nauka, 1979. 438 p.
7. Barsov E.V. "The Tale of Igor's Campaign" as an artistic monument of Kievan Rus. ТМ, 1887. . 1. P. 370.
8. Belova O.V., Petrukhin V.Ya. "Already the Divine Enemy has Encroached upon the Land..." (From the Materials for the Dictionary "Slavic Antiquities"). Slavic Almanac – 1998. RAS Inslav, Indrik Publishing House, Moscow, 1999. P. 160 – 161.
9. Galkovsky N.M. The Struggle of Christianity with the Remnants of Paganism in Ancient Rus, Т. I. Zap. Mosk. Archaeologist, In-ta. Moscow, 1913.
10. Grinchenko B.D. Ethnographic Materials Collected in Chernigov and Neighboring Provinces. Issue II. Chernigov, 1897.
11. Danilevsky I.N. The Tale of Bygone Years: Hermeneutic Foundations for the Study of Chronicle Texts. М.: Aspect-Press, 2004. 370 p.
12. Denisova I.M. Mythologemes of Russian fairy tales: traces of personification and deification of the earth. Bulletin of anthropology. 2021. No. 3. P. 208 – 227.
13. Dobrovolskaya V.E. "Scary" fairy tales in the Russian folklore tradition: on the issue of attribution of rare plot types. Culture and text. 2023. No. 4 (55). Pp. 94 – 105. DOI 10.37386/2305-4077-2023-4-94-105
14. Efimenko P.S. Materials on the ethnography of the Russian population of the Arkhangelsk province. Part 2. М., 1874, dep. «Fairy Tales». P. 225 – 237.
15. Zelenin D.K. Great Russian Tales of the Vyatka Province. Collection of D.K. Zelenin. Notes of the Russian Geographical Society, 1915, Vol. XLII.

16. Karnaukhova I.V. Tales and Legends of the Northern Region in the Notes of I.V. Karnaukhova. Nation and Culture. Folklore: Scientific Heritage. Introduction by T.G. Ivanova. Moscow: OGI, 2009. 544 p.
17. Klein L.S. Resurrection of Perun. Towards the Reconstruction of East Slavic Paganism. St. Petersburg: Eurasia, 2004. 480 p.
18. MacIntyre A. After Virtue: Studies in the Theory of Morality. Translated from English by V.V. Tselishchev. M.: Academic Project; Ekaterinburg: Business book, 2000. P. 82 – 90.
19. Nikiforov A.I. Northern Russian fairy tales in the notes of A.I. Nikiforova. Ed. prepared V.Ya. Propp. M.L., 1961.
20. Zadonshchina. Preparation of the text, translation and comments by L.A. Dmitrieva. Library of Literature of Ancient Rus'. RAS. IRLI; Ed. D.S. Likhacheva, L.A. Dmitrieva, A.A. Alekseeva, N.V. Diving. St. Petersburg: Nauka, 1999. T. 6: XIV – mid-XV century. 583 pp.
21. Russian folk tales of Karelian Pomerania. USSR Academy of Sciences. Karelian. Phil. Institute of languages, lit. and history; Comp., introduction by A. P. Razumova and G. I. Senkina. Petrozavodsk: Karelia, 1974. 423 p.
22. Rybakov B. A. Paganism of the Ancient Slavs. Moscow: Academicheskyy Proekt, 2013. 640 p. (Ancient Rus': Spiritual Culture and Statehood).
23. Rybnikov P. N. Songs collected by P. N. Rybnikov. Edited by A. E. Gruzinsky. Moscow: Publ. "Sotrudnik shkol", 1909. 725 p.
24. Saxo Grammaticus. Acts of the Danes: in 2 volumes (16 books). T. 2: Books XI-XVI. Translation from Latin by A. Dosaev, edited by I.A. Nastenko. M.: «SPSL» – «Russian panorama», 2017. P. 227.
25. The Tale of Igor's Campaign. Preparation of the text, translation and comments by O.V. Tvorogova. Library of Literature of Ancient Rus'.RAS. IRLI; Ed. by D.S. Likhachev, L.A. Dmitriev, A.A. Alekseev, N.V. Ponyrko. SPb.: Nauka, 1997. Vol. 4: XII century. 687 p.
26. Smirnov A.M. Collection of Great Russian Tales. Petrograd: type. RAS, 1917. 504 p.
27. Old Gudka in a New Way: Russian Fairy Tale in Editions of the Late 18th Century. Complete Collection of Russian Fairy Tales; Vol. 8. Early Collections. SPb.: Troyanov's Trail, 2003. Vol. 8. 399 p. [Electronic resource]. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Страя_погудка_на_новый_лад/Диво-видное,_художное,_сказька_русская (date of access: 09/28/2024)
28. Uspensky B.A. Facts and signs: Studies in the semiotics of history: Issue. 3. Metempsychosis in the Eastern Slavs. Moscow; SPb: Nestor-History, 2014. P. 16.
29. Shein P.V. Materials for the study of the life and language of the Russian population of the North-West Territory. Vol. I. Part I. P. 203.
30. Ethnographic review: Issues for 1914. 1914, book. 103-104 No. 3-4. Moscow, 1914. P. 87.

Информация об авторе

Ланцов Л.А., Южный федеральный университет, leonidlancov@gmail.com

© Ланцов Л.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<http://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки)

УДК 929.7

«Род дворян Сухотиных»: социогенеалогический аспект

¹ Матвеев С.А.,

¹ Государственный университет просвещения

Аннотация: в статье рассматривается родословная роспись дворянского рода Сухотиных, составленная историком Львом Михайловичем Сухотиным, в качестве материала для социогенеалогического анализа. Кратко рассмотрены основные элементы социогенеалогических моделей рода Сухотиных, нашедшие отражение в труде Л.М. Сухотина. Среди них необходимо отметить генезис рода, пришедшийся на период XV-XVI вв., его гендерный состав, стратификацию, матримониальные связи с древним московским и титулованным дворянством, эволюцию образовательных стратегий, служебно-должностное положение. В статье анализируется положение рода в структуре сословия, его демографические параметры, признание сословных прав и геральдизация. Рассмотрены различия и сходства социогенеалогических моделей отдельных ветвей рода. Также привлекается ряд источников по генеалогии Сухотиных, которые позволяют составить более подробное представление о жизни и деятельности отдельных представителей рода в контексте их родственных связей и социальной истории.

Ключевые слова: Л.М. Сухотин, социогенеалогия, дворянство, служилое сословие, род, социальная история

Для цитирования: Матвеев С.А. «Род дворян Сухотиных»: социогенеалогический аспект // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 2. С. 140 – 145.

Поступила в редакцию: 18 ноября 2024 г.; *Одобрена после рецензирования:* 20 января, 2025 г.; *Принята к публикации:* 3 марта 2025 г.

"The family of the Sukhotin nobles": a sociogenealogical aspect

¹ Matveev S.A.,

¹ Federal State University of Education

Abstract: the article examines the family tree of the Sukhotin noble family, compiled by historian Lev Mikhailovich Sukhotin, as a material for sociogenealogical analysis. The main elements of sociogenealogical models of the Sukhotin family, reflected in the work of L.M. Sukhotin, are briefly considered. Among them, it is necessary to note the genesis of the family, which fell during the XV-XVI centuries, its gender composition, stratification, matrimonial ties with the ancient Muscovite and titled nobility, the evolution of educational strategies, and official position. The article analyzes the position of the clan in the structure of the estate, its demographic parameters, recognition of estate rights and heraldization. The differences and similarities of sociogenealogical models of individual branches of the genus are considered. The article involves a number of sources on the Sukhotins' genealogy, which allow for a more detailed understanding of the life and work of individual members of the genus in the context of their family ties and social history.

Keywords: L.M. Sukhotin, sociogenealogy, nobility, service class, clan, social history

For citation: Matveev S.A. "The family of the Sukhotin nobles": a sociogenealogical aspect. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (2). P. 140 – 145.

The article was submitted: November 18, 2024; Approved after reviewing: January 20, 2025; Accepted for publication: March 3, 2025.

Введение

В конце XIX – начале XX в. существенно возрос общественный интерес к генеалогии. Учеными и энтузиастами активно разрабатывалась история дворянских родов, создавались как обширные генеалогические справочники, так и родословные, предназначенные для узкого круга родственников. Методически большинство из этих исследований были позитивистскими, отражающими только биографические данные и родственные связи, практически без попыток их анализа [4, с. 18].

Материалы и методы исследований

Современная генеалогия обладает широкими познавательными возможностями. Это обусловлено тем, что все исторические тенденции и процессы проявляются через жизнь и деятельность людей, которые, в свою очередь, всегда находятся в контексте родственных связей. Реализовать данные возможности позволяет методика комплексного социогенеалогического исследования, которая подразумевает изучение социальных структур и исторических процессов через призму родственных связей [3, с. 8].

Изучение рода дворян Сухотиных имеет большой потенциал для социогенеалогического исследования. В первую очередь это стало возможно благодаря опубликованному в 1908 г. подробному родословию, составленному историком и генеалогом Львом Михайловичем Сухотиным [10]. Ученым была проделана большая работа по сбору и систематизации генеалогической информации из различных источников. Это исследование создало информационную базу для осмысления истории рода. Еще одной работой, содержащей подробные сведения о генеалогии Сухотиных, является вступительная глава к неопубликованным воспоминаниям Л.М. Сухотина. Она содержит подробные биографические сведения о прямых предках ученого, которые зачастую приведены в контексте истории сословия [9].

Результаты и обсуждения

Российское дворянство не было однородным и состояло из различных категорий [4, с. 19]. Каждую из них можно интерпретировать как социогенеалогическую модель, в соответствии с которой складывались судьбы конкретных лиц. Такая модель имеет структуру и подразумевает совокупность нескольких элементов.

Первый элемент – это генезис рода, представляющий процесс самоидентификации, занимавший иногда достаточно длительный период. Становление большинства дворянских родов приходится на период XV-XVI вв. [4, с. 19]. Родословная десяти поколений, живших в данный период, была составлена Л.М. Сухотиным на основе росписи, поданной в Разрядный приказ в 1686 г., и различным материалам Московских архивов Министерства юстиции и Министерства иностранных дел [1, с. 33].

Согласно «Роду дворян Сухотиных» родоначальник Сухотиных – Прокофий Давыдов жил в первой половине XVI в. В исследовании нет упоминаний о его связи с каким бы то ни было «прародом». К легенде о выезде предков из-за границы Л.М. Сухотин относился критично. Примечательно, что составители росписи 1686 г. также не указывали на то, что Прокофий Давыдов прибыл на службу из-за границы. Однако ввиду характерных для XVII в. моды и статусности легенд о выезде предков Сухотины указали следующее: «А в которых годах и при которых великих князьях родственники рода нашего и из которой земли выехали, про то сказать не упомним, а от старых родственников своих слышали, что род наш выезжий в давних летах, и за выезд великих князей жалованные грамоты даваны, и те многие грамоты в Московское разорение и на Туле при воре Петрушке позжены и поиманы» [10, с. 1].

Следует отметить, что существовал документ, датированный XVII в. и содержащий описание местнического дела XVI в., сведения о котором Л.М. Сухотин считал недостоверными. Однако в нем также имеются указания на выезд – а именно на то, что Сухотины происходят от Аверьяна паши Ордасовича Сухого, выехавшего из прусской земли к верейскому князю Михаилу Андреевичу. В данном случае вымысел переплетается с действительностью, поскольку Сухотины видимо принадлежали к «числу лучших слуг» Верейского князя, которые после смерти Михаила Андреевича перешли на службу к Ивану III. Косвенно это подтверждает то, что еще в XVII в. за ними сохранились поместья на бывшей территории Верейского княжества.

Еще одну легенду о происхождении рода Сухотиных приводит в воспоминаниях Т.А. Фохт-Ларионова: «Род Сухотиных происходил от тата-

рина Сухоты – сподвижника то ли Батыя, то ли Чингис-хана.» Однако, на чем основано такое предположение – неясно [11, с. 605].

Завершение генезиса рода отождествляют с рядом факторов. Первый – четкое установление прозвания/фамилии. Первое ее упоминание Л.М. Сухотин относил к 1519 г. в жалованной грамоте Василия III Истоме Васильевичу Сухотину (№ 3 родословия) на поместье в районе Тулы. По всей видимости, к данному периоду фамилия уже закрепилась за ее владельцами [9. Л. 2].

Второй – избрание духовного центра. Определить его у Сухотиных в период XV-XVIII сложно ввиду отсутствия источников. Однако, судя по расселению Сухотиных в XVII в. на территории Орловской и Тульской губерний, духовный центр находился именно там. Одним из таких центров можно считать усадьбу Кочеты в Новосильском уезде Тульской губернии. В расположенном неподалеку с. Суворово, принадлежащем Сухотиным со второй половины XVII в., находилась церковь, при которой имелся и родовой некрополь [9. Л. 5].

Третий – начало внутренней дифференциации. В материалах «Рода дворян Сухотиных» прослеживаются признаки внутренней дифференциации XVII в. Так тульские Сухотины – составители росписи 1680 г. не поместили в нее серпейскую

ветвь – потомство Силы Ивановича, который «принадлежал, вероятно, к довольно многочисленной в XVII в. ветви Сухотиных, ранее Истомы, отделившейся от главного ствола» [10. С. 88].

Четвертый фактор – определение места рода в структуре сословия. В XVI в. большинство представленных в родословии Сухотиных – помещики Тульского уезда и, видимо, принадлежали к служилой корпорации этого региона. В начале XVII в. встречается множество городских дворян тульских, мценских, серпейских и т.д. С середины XVII в. упоминаются московские дворяне, жильцы, патриаршие стольники, стряпчие – в первую очередь это представители двух старших ветвей, которые являются потомками Григория (№4) и Сеита (Феодосия) Истомовичей (№5) Сухотиных, а также представители серпейской ветви.

Второй важный элемент – это структурно-гендерный анализ, связанный с определением демографических параметров рода. Всего в основное родословие Сухотиных на 1906 г. внесено 373 мужчины и 125 женщин. Кроме того, существуют родословия отдельных ветвей Сухотиных, которых Л.М. Сухотину не удалось соединить с основным родословием. Для примера, возьмем только основное родословие Сухотиных:

Таблица 1
Table 1

век	мужчин	женщин
XVI	16	0
XVII	107	10
XVIII	149	36
XIX	99	89

На примере данной таблицы очевидна явная диспропорция и недоучет для поколений, живших в XVI-XVIII вв. Лишь в XIX в. число мужчин и женщин становится примерно одинаковым. Подобная ситуация характерна для большинства родословий [4, с. 20]. Связано это с отсутствием систематических сведений о женщинах в источниках XVI-XVIII вв. Для определения приближенной к действительности численности рассматриваемой ветви рода можно уравнивать количество мужчин и женщин, живших в XVI-XVIII вв. Полученная цифра тоже примерна, мужчины могут учитываться не полностью, но все-таки она более достоверная, чем учет только мужских представителей рода. Так в поколенную роспись внесено 498 человек, а при пересчете получается 732 человека (увеличение начальной цифры примерно на 31%).

При социогенеалогическом анализе необходимо учитывать стратификацию рода, часто состо-

явшего из ветвей, принадлежавших к разным моделям. Во время работы над родословием Л.М. Сухотин выделял ветви по уездам, в которых их представители владели поместьями, например, Крапивенские, Тульские, Полтавские, Калужские, Ливенские, Новосильские и т.д.

Поскольку не все ветви сведены в одно родословие, то вполне уместно будет выделить и ветви по самому раннему известному предку: потомки Истомы Васильевича, Силы Ивановича, Ефима Андреевича и т.д. Также Л.М. Сухотин выделял ветви по потомству Истомы Васильевича: Дмитрия Истомовича, Сеита Истомовича, Григория Истомовича, Софрона Истомовича.

При подготовке родословной росписи Л.М. Сухотин уделял большое внимание матримониальным связям. В черновиках ученого сохранилось множество таблиц, содержащих сведения о прямых предках лиц, с которыми Сухотины были свя-

заны через браки. [7. Л. 21-24; 214-217]. Подобный интерес ученого не случаен, поскольку матримониальные связи являются одним из ключевых факторов, демонстрирующих место рода в сословной иерархии.

В большинстве случаев у Сухотиных они обусловлены территориальным фактором. Наиболее полно в росписи матримониальные связи отражены за период XVIII-XIX вв. Среди наиболее известных браков с представителями родов, проживавших рядом с именами Сухотиных, можно отметить связь с графами Толстыми, через брак Михаил Сергеевича Сухотина (отца составителя родословия) с гр. Татьяной Львовной Толстой, дочерью писателя. Еще одна подобная матримониальная связь – с Тургеневыми через брак Прасковьи Михайловны Сухотиной и Алексеем Романовичем Тургеневым, прадедом писателя.

Необходимо обратить внимание и на другие связи с титулованным и древним московским дворянством. Например, мать Л.М. Сухотина – Мария Михайловна происходила из рода баронов Боде-Колычевых. В данном контексте весьма любопытна позиция ее сестры гр. Натальи Михайловны Соллогуб по поводу брака Л.М. Сухотина с Е.П. Базилевской – с ее точки Базилевские были недостаточно знатным и древним родом, чтобы родниться с Сухотиными [8, с. 105]. Следует отметить, что предки Л.М. Сухотина имели брачные связи с Соковниковыми, Безобразовыми, Воейковыми, Мишковыми, Домашневыми и т.д. С другой стороны, Гавриил Ефимович Сухотин (№264), представитель другой ветви Сухотиных, также происходящей от Сеита Истомовича, был женат на купеческой дочери [10, с. 56].

Социогенеалогическая модель имела большое влияние на служебно-должностное положение. Зачастую оно определялось еще в конце XV – первой половине XVI в., когда происходило формирование новой элиты. О службе Сухотиных в этот период известно немного. В начале XVII в. Федор Истомович Сухотин (№20) сделал хорошую карьеру при Михаиле Федоровиче Романове, однако только в середине-конце XVII в. произошел переход представителей ряда ветвей Сухотиных (потомков Григория и Сеита Истомовичей) в состав московского дворянства [9. Л. 3].

В тесной связи с борьбой за служебно-должностное положение находятся и местнические споры. Сведения о участии Сухотиных в местнических спорах XVI в., по мнению Л.М. Сухотина представляются недостоверными [9. Л. 1-2], однако появление в XVII в. документа с их описанием, созданным с целью «возвеличивания» представляется любопытным.

Наиболее яркий из документов с связанный такой внутрисословной борьбой известен в российской историографии как «Памфлет на род Сухотиных», представляющий собой донос-извет, сведения из которого охватывают период с начала до середины XVII в. [6]. Из текста «Памфлета» следует, что Ф.И. Сухотин, против которого был направлен донос, имел большое влияние в Тульском уезде. По свидетельству автора, с помощью детей и родственников он имел возможность безнаказанно расправляться со своими противниками, отнимать у них поместья и т.д.

В XVIII в. представители многих ветвей Сухотиных добились служебного успеха. Например, Михаил Андреевич (№ 112) в 1692 г. был записан в стольники царицы Евдокии Федоровны, а в 1724 г. занял должность президента Вотчинной коллегии и дослужился до чина генерал-майора и генерал-кригс-комиссара. Прямой предок Л.М. Сухотина – Григорий Филатович (№ 159) был вице-губернатором Архангельской губернии.

Важным элементом социогенеалогического анализа является правовое признание сословных прав и геральдизация. Большинство представителей рода Сухотиных были внесены в 6-й раздел дворянских родословных книг – древнее благородное дворянство. Это книги Тульской, Орловской, Московской, Курской, Калужской, Костромской, Полтавской и ряда других губерний. В этом плане интересен пример упомянутого Гавриила Ефимовича Сухотина (1775 г.р.), который был женат на купеческой дочери и был внесен в 3-ю часть московской дворянской книги, т.е. в раздел получивших дворянство «с чином», при этом его родство с древним родом прослеживается [2, с. 429]. Также выделяется и ветвь однодворцев, потомков Степана Ивановича, с которыми представители рода Сухотиных подтвердили родство и способствовали их внесению в родословную книгу [10, с. 84].

Неотъемлемой частью правового и социального статуса являлось наличие утвержденного герба. Герб Сухотиных был внесен в четвертую часть Общего гербовника. При этом не все ветви рода этот герб использовали. Например, Михаил Васильевич Сухотин (№286) при внесении его в Курскую родословную книгу в 1846 г указал, что «Герба не имеет» [10, с. 60].

Заключительный элемент – образовательная стратегия. Например, для Чернских Сухотиных, из которых происходил известный военный деятель Николай Николаевич Сухотин (№296) был характерен приоритет военного образования и службы перед гражданской.

В противоположность им для Новосильских Сухотиных прослеживается противоположенная тенденция – от военного образования и деятельности к деятельности в области культуры и науки. В XVIII в. Григорий Филатович (№ 159) начал службу нижним чином в Великолуцком полку и за 20 лет стал полковником Нашебургского полка. Брат Григория Филатовича Сухотина – Андрей (№ 158) обучался науке навигации в Венеции и дослужился до капитана галерного флота.

Дети и внуки Григория Филатовича определялись служить в гвардию или в морской корпус. Однако уже его правнук, Федор Михайлович Сухотин (№ 288), родившийся в 1816 г., прослужив 7 лет в армии, выбрал для себя гражданскую службу и заведовал духовно-учебным управлением Синода. Его брат – Михаил (№ 291) стал кандидатом права в Московском университете. Двое других братьев Сергей (№ 289) и Александр (№ 292) выбрали военную службу.

Сергей Михайлович (№ 289) имел двух сыновей. Младший из них – Сергей Сергеевич (№ 337) был на военной службе, но дослужился только до подпрапорщика, а затем занимал должность земского начальника. Старший же сын – Михаил Сер-

геевич (№ 336) окончил историко-филологический факультет, занимал различные судебные должности и был депутатом государственной думы. Дети Михаила Сергеевича Сухотина получили гуманитарное образование. Алексей Михайлович (№ 363) впоследствии стал лингвистом и переводчиком, основал московской фонологической школы. Лев Михайлович (№ 360) окончил Московский императорский университет и стал известен как историк и генеалог. На их фоне выделяется Сергей Михайлович (№ 362) – выпускник морского кадетского корпуса, который, впрочем, получил филологическое образование в Лозаннском университете в Швейцарии.

Выводы

Сухотиных можно отнести к древнему провинциальному дворянству, имевшему связи с древними московскими родами. Формирование социогенеалогической модели, связанных с различными ветвями рода, происходило в контексте общих социально-экономических процессов и генеалогических модификаций. Несмотря на различия между отдельными ветвями, прослеживаются и сходные черты, обусловленные историко-социальным контекстом.

Список источников

1. Матвеев С.А. Л.М. Сухотин и его труд «Род дворян Сухотиных» // Летопись Историко-Родословного Общества в Москве, 2021. Вып. 16 (60). С. 23 – 35.
2. Московское дворянство: алфавитный список дворянских родов с кратким указанием важнейших документов, находящихся в родословных делах архива московского дворянского депутатского собрания. М., 1910. [Б.и.] [628 с.]
3. Наумов О.Н. Инновационные методы в изучении русского дворянства (социогенеалогия) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 4. С. 8 – 30.
4. Наумов О.Н. Что такое социогенеалогия? // Преподавание истории в школе. 2020. № 9. С. 18 – 23.
5. Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской Империи, начатый в 1797 году. Ч. IV. СПб., [1799]. [4] с., 150 л., [4] с.
6. Памфлет на род Сухотиных (XVII в.) // История СССР. 1971. № 5. С. 114 – 122.
7. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 95.
8. Свидзинская М.С. Кто вы «поручик С.»? Историческая биография убийцы Распутина. М.: Библиоглобус, 2016. 380 с.
9. Сухотин Л.М. Вступительная глава к моим воспоминаниям. Предки. [23 с.] [Текст не опубликован. Ксерокопия с машинописного варианта текста находится в личной коллекции И.В. Сахарова.]
10. Сухотин Л.М. Род дворян Сухотиных // Дворянское сословие Тульской губернии. Т. 3 (12). Ч. 6. М., 1909. С. 1 – 105.
11. Фохт-Ларионова Т. Воспоминания // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ, 2001. С. 643 – 661.

References

1. Matveev S.A. L.M. Sukhotin and his work "The Family of the Sukhotin Nobles". Chronicle of the Historical and Genealogical Society in Moscow, 2021. Issue. 16 (60). P. 23 – 35.
2. Moscow nobility: alphabetical list of noble families with a brief indication of the most important documents located in the genealogical files of the archive of the Moscow noble deputy assembly. M., 1910. [B.i.] [628 p.]

3. Naumov O.N. Innovative methods in the study of the Russian nobility (sociogenealogy). Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences. 2020. No. 4. P. 8 – 30.
4. Naumov O.N. What is sociogenealogy? Teaching history at school. 2020. No. 9. P. 18 – 23.
5. General Armorial of the Noble Families of the All-Russian Empire, Begun in 1797. Part IV. SPb., [1799]. [4] p., 150 p., [4] p.
6. Pamphlet on the Sukhotin Family (17th Century). History of the USSR. 1971. No. 5. P. 114 – 122.
7. Russian State Archive of Ancient Acts. F. 1280. Op. 1. D. 95.
8. Svidzinskaya M.S. Who Are You, “Lieutenant S.”? Historical Biography of Rasputin’s Killer. Moscow: Biblio-Globus, 2016. 380 p.
9. Sukhotin L.M. Introductory Chapter to My Memories. Ancestors. [23 c.] [The text is not published. A photocopy of the typewritten version of the text is in the personal collection of I.V. Sakharov.]
10. Sukhotin L.M. The Sukhotin Noble Family. The Noble Estate of Tula Province. Vol. 3 (12). Part 6. Moscow, 1909. P. 1 – 105.
11. Fokht-Larionova T. Memories. Russian Archive: History of the Fatherland in Testimonies and Documents of the 18th – 20th Centuries: Almanac. Moscow: TRITE Studio, 2001. P. 643 – 661.

Информация об авторе

Матвеев С.А., Государственный университет просвещения

© Матвеев С.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 656.2

К вопросу привлечения войсковых частей и подразделений для помощи ЖПУ на Забайкальской железной дороге в подавлении антиправительственных выступлений в 1905-1907 гг.

¹ *Меньшагин В.Е.,
Байкальский государственный университет*

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы взаимодействия жандармских полицейских управлений с армией на Забайкальской железной дороге в 1906 г., связанные с решением проблемы подавления беспорядков, вызванных рядом причин: началом революции 1905-1907 гг., возвращением войск после окончания Русско-японской войны 1904-1905 гг., недовольством населения ухудшением условий жизни и результатами Русско-японской войны 1904-1905 гг. Цель исследования – выявить причины возникновения революционных ситуаций на Забайкальской железной дороге и продемонстрировать ход событий, связанных с подавлением восстаний. Задачи исследования: показать, как решались вопросы с помощью издания указов и формирования отрядов из числа армейских частей в тесном сотрудничестве с представителями ЖПУ. Гипотеза исследования – построение предположений о том, почему события революционных выступлений 1905 г. продемонстрировали недостатки организации и функционирования государственного механизма имперской России и его передового отряда – жандармерии. При написании статьи автором были применены следующие методы исследования: теоретический (рассмотрение источников, анализ исторических процессов и явлений) и практический (указание конкретных примеров событий). В ходе исследования автором были достигнуты следующие результаты: проанализированы основные подходы российской армии, действовавшей на основании распоряжений правительства, с помощью которых удалось подавить революционные бунты.

Ключевые слова: генерал Ренненкампф, генерал Меллер-Закомельский, экзекуционные поезда, Читинская республика

Для цитирования: Меньшагин В.Е. К вопросу привлечения войсковых частей и подразделений для помощи ЖПУ на Забайкальской железной дороге в подавлении антиправительственных выступлений в 1905-1907 гг. // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 2. С. 146 – 151.

Поступила в редакцию: 18 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 20 января, 2025 г.; Принята к публикации: 3 марта 2025 г.

On the issue of involving military units and subdivisions to assist the ZhPU on the Transbaikal Railway in suppressing anti-government protests in 1905-1907

¹ *Menshagin V.E.,
Baikal State University*

Abstract: Russian Army considers the issues of interaction between gendarme police departments and the army on the Trans-Baikal railway in 1906, related to the problem of suppressing riots caused by a number of reasons: the outbreak of the revolution of 1905-1907, the return of troops after the end of the Russo-Japanese War of 1904-

1905, the discontent of the population with the deterioration of living conditions and the results of the Russo-Japanese War of 1904-1905. The purpose of the study is to identify the causes of revolutionary situations on the Trans – Baikal Railway and to demonstrate the course of events related to the suppression of uprisings. The objectives of the study are to show how issues were resolved through the issuance of decrees and the formation of detachments from army units in close cooperation with representatives of the ZHPU. The research hypothesis is the construction of assumptions about why the events of the 1905 revolutionary uprisings demonstrated the shortcomings of the organization and functioning of the state mechanism of imperial Russia and its advanced detachment, the gendarmerie. When writing the article, the author applied the following research methods: theoretical (consideration of sources, analysis of historical processes and phenomena) and practical (indication of specific examples of events). In the course of the research, the author achieved the following results: analyzed the main approaches of the Russian army, which acted on the basis of government orders, with the help of which it was possible to suppress the revolutionary riots.

Keywords: General Rennenkampf, General Meller-Zakomelsky, execution trains, Chita Republic

For citation: *Menshagin V.E. On the issue of involving military units and subdivisions to assist the ZhPU on the Transbaikal Railway in suppressing anti-government protests in 1905-1907. Historical Bulletin. 2025. 8 (2). P. 146 – 151.*

The article was submitted: November 18, 2024; Approved after reviewing: January 20, 2025; Accepted for publication: March 3, 2025.

Введение

Начало XX века в России ознаменовалось рядом событий, среди которых, в рамках поставленного вопроса, следует отметить революционные процессы 1905-1907 годов. Созданию напряжённой ситуации в Сибири способствовала проигранная война с Японией. Возникновению мятежей на Забайкальском участке Транссибирской железнодорожной магистрали во многом способствовало возвращение военных частей Маньчжурской армии на постоянные места своего пребывания и демобилизованных военнослужащих, покидающих театр военных действий после подписания Портсмутского мирного договора с Японией. Транссибирская дорога была забита воинскими эшелонами. Власть не могла организовать правильную эвакуацию армии в условиях постоянных стачек и забастовок и стачек. Деморализованные из-за поражения, озверевшие солдаты и матросы эвакуировались самостоятельно. Некоторые из них начали принимать активное участие в революционных процессах.

Целью настоящего исследования является рассмотреть роль военных частей и подразделений в помощи жандармским полицейским управлениям (ЖПУ) на Забайкальской железной дороге в усмирении антиправительственных выступлений в 1905-1907 гг.

Материалы и методы исследований

При написании статьи автором были рассмотрены разнообразные источники: архивные документы, воспоминания современников, монографические исследования, а также применены следующие методы исследования: теоретический (рас-

смотрение источников, анализ исторических процессов и явлений) и практический (указание конкретных примеров событий).

Результаты и обсуждения

Рассматриваемые в статье события обнаружили серьезные промахи в функционировании государственной власти в России, в том числе представителей силовых структур – жандармерии и полиции. В этот период служащие указанных органов, в силу отсутствия опыта ведения борьбы с революционерами, в рамках существующего законодательства, на котором основывался их функционал, проявили полную несостоятельность и неумение отличать обычных погромщиков от идейно оформленных, сплочённых групп борцов с существующим режимом. Кроме того, обнародование Манифеста 17 октября добавило непонимание обстановки и сумятицу в ряды силовиков на местах.

Впоследствии разные чины из жандармерии говорили о том, что принятый Манифест сыграл важнейшую роль в формировании революционной ситуации. Ротмистр С.И. Балабанов, являющийся помощником главы Иркутского Губернского жандармского управления в Забайкальской области, утверждал в одном из политических обзоров за 1905 г., что после обнародования Манифеста в Чите усилилась революционная агитация, настроения среднего класса значительно обострились и приобрели напряженность, однако местное правительство бездействовало, так как боялось кровопролития [6, с. 67].

Сохранились яркие воспоминания генерала А.И. Деникина о его возвращении с войны. Он говорил, что самый острый революционный период,

длящийся с ноября 1905 г. по начало 1906 г., провёл в железнодорожном составе на Сибирской дороге, направляясь из Маньчжурии в Петербург. Его поезд шел крайне медленно через только что образовавшиеся республики – Красноярскую, Иркутскую, Читинскую. Ему пришлось пожить несколько недель среди военных запасных частей, которые ехали домой через уральские земли [3, с. 225].

Деникин красочно описал эпизод, характеризующий сложившуюся ситуацию на Транссибирской железной дороге. Вместе с другими военными он оказался на маленькой, полуразрушенной станции без пропитания и воды. Это произошло из-за того, что один из проходящих мимо составов, также везущий запасные воинские эшелоны, из-за поломки своего паровоза, отцепил локомотив у поезда, на котором ехал Деникин [3, с. 226].

ЖПУ не могли выполнять свои обязанности на железнодорожной линии, которая являлась стратегически важной государственной артерией. Это побудило власти издать Указ «О создании особого комитета на железных дорогах» от 14.12.1905 г. [1]. Власти понимали, что революционно настроенные массы готовы решать проблемы радикально, то есть физически устранять людей, мешающих их действиям. Для мятежников железная дорога являлась особенно привлекательной, так как она связывала промышленные города, где большую часть населения составляли рабочие, на которых революционеры и опирались. Революционные массы воспринимали стремление властей решать проблемы путем компромиссов и переговоров как слабость. В свою очередь начальники карательных экспедиций воспринимали компромиссы и переговоры как преступление против государственности. Надежды на жандармерию и полицию, несмотря на ряд приказов и распоряжений, нацеленных на улучшение их деятельности, особо не было. Жандармские полицейские управления, работающие на железной дороге, также были не способны устранить беспорядки из-за малочисленности и недостаточной подготовленности своего штата. Поэтому для стабилизации обстановки правительство решило пойти на крайне жёсткие, непопулярные меры, например, на привлечение армейских подразделений к погашению мятежа. Однако власти стремились ограничить полномочия военных законом, что демонстрирует Указ от 14.12. 1905 г. [1].

В декабре 1905 г. генерал-лейтенант В.Ф. Палицын, являющийся руководителем генштаба, утвердил инструкцию для станционных комендантов, как постоянных, так и временных, а также войсковых частей с целью поддержания движения

на железнодорожных путях при возникновении забастовок.

Для усмирения революционных выступлений и обеспечения порядка на Сибирской железнодорожной магистрали правительство, справившись с первоначальной растерянностью и замешательством, в конце 1905 г. решило усилить жандармов армейскими подразделениями, передав последним часть жандармских функций, и направить их в наиболее опасные зоны. Власть была обеспокоена сложившейся ситуацией, особенно тем, что творилось в Сибири. По словам министра внутренних дел П.Н. Дурново, правительство боялось, что войска перейдут на сторону вооружённых бунтовщиков.

С.Ю. Витте, являвшийся в том время Председателем Совета министров, приписывал себе инициативу в области организации экспедиций. В собственных «Воспоминаниях» он говорил о необходимости принятия в Сибири серьезных мер по решению данного вопроса. Витте много раз уведомлял о сложившейся на Транссибирской магистрали ситуации великого князя Николая Николаевича, генерала Ф.Ф. Палицына и военного министра А.Ф. Редигера [6, с. 67].

Витте доложил императору Николаю II 24 декабря 1905 г. о попытках, предпринятых для нейтрализации мятежных процессов в Российской империи. В указанном докладе он отметил, что из-за слабого положения армии и полицейских отрядов и с целью повышения авторитета власти следует с кровавыми бунтовщиками расправляться наиболее беспощадными способами. Витте уповал на так называемые «экзекуционные поезда», которые необходимо было бы пустить по Сибирской дороге. Он предлагал руководителю Генштаба организовать, кроме поезда Ренненкампа, еще составы из Омска и из европейской части России. Также Витте склонял министра внутренних дел, по прошению генерала Сухотина, к тому, чтобы ввести военное положение на территории всех губерний, где проходит Сибирская дорога. Но, по мнению, Витте, с данным направлением будет тяжело совладать из-за того, что на ней мятеж поднимают не только железнодорожные работники, но и уходящие с места военных действий армейские отряды [2, с. 162-163].

Император Николай II поручил организовать данную операцию великому князю Николаю Николаевичу. Императору понравилась идея Николая Николаевича о том, чтобы отправить Меллер-Закомельского с войсками и жандармами в Сибирь, а навстречу ему выслать из Харбина генерала П.К. Ренненкампа. Об этой идее Николай II писал своей матери 12 января 1906 г. [6, с. 67].

13 декабря 1905 г. Николай II отдал приказ о снаряжении карательной экспедиции, возглавляемой П.К. Ренненкампом. Он наставлял Ренненкампа в том, что тот не должен останавливаться ни перед какими трудностями, и делать все, что считает нужным, для подавления мятежа. Он ждал от генерала оперативного вывода из трудной ситуации, в которой оказалась важная государственная линия [2, с. 152].

А.А. Поливанов, исполнявший обязанности начальника Генштаба, 22 декабря послал телеграмму Сухотину, командовавшему частями Сибирского военного округа, о назначении А.Н. Меллер-Закомельского руководителем отряда, отправленного на Самаро-Златоустовскую и Сибирскую железнодорожные линии. Также командировали войска для охраны от покушений злоумышленников и сохранения порядка на Забайкальской и Сибирской железных дорогах, на которых объявили военное положение.

Руководители отрядов были настроены решительно. Методика их действий большей частью совпадала и определялась решительностью, оперативностью, жёсткостью в проведении операций. Но, следует отметить, что Ренненкампф в своих действиях, в первую очередь, придерживался законов Российской Империи – создавал военно-полевые суды для рассмотрения дел бунтовщиков, в ряде случаев заменял казнь на отправку в тюрьму.

Так, 28 февраля 1906 г. генерал Ренненкампф приказал Балабанову провести расследование дела о перехвате императорской телеграммы местными работниками. 11 марта дело, посвященное забастовке почтовых и телеграфных служащих, случившейся на станции Чита, передали в военный суд. 14 марта он вынес 13 почтовым и телеграфным чиновникам смертный приговор. Только одного осужденного – В.В. Дмитриева – оправдали. Однако Ренненкампф заменил казнь для 13 чиновников заключением и каторжными работами.

Более жёстко пресекал различные выступления против властей генерал Меллер-Закомельский. Следуя по Транссибирской магистрали, он практиковал расстрелы для подавления любых революционных проявлений. Так, например, 12 января 1906 г. под его руководством состоялась расправа с железнодорожными служащими на станции Иланская. Местные работники, вернувшиеся из Канска, куда они ездили на поезде с целью освободить арестованных за революционную пропаганду товарищей, подверглись расстрелу. О произошедшем событии генерал отчитался в своём рапорте. Он утверждал, что ему сообщили о сходке рабочих в депо. Меллер-Закомельский отправил

50 человек из эшелона Терского Кубанского полка, стоявшего на станции Иланской, и роту станционной охраны оцепить депо. Когда войска и полиция вошли в него, мятежники открыли огонь. Войска с охраной также начали по повстанцам и уничтожил 19 человек, а 70 ранили и арестовали [6, с. 72].

Результативность мер, предпринятых Меллер-Закомельским, была высока. Иваноковский во время донесения министру путей сообщения 10 января отмечал большую эффективность «летучего отряда», так как он очень быстро сумел прекратить произвол и беспорядок на станции Зима и арестовать самых опасных агитаторов, тогда как охрана никак не могла справиться с мятежниками [2, с. 898].

Генерал А.Н. Меллер-Закомельский считал бескровное усмирение волнений неэффективным. Достаточно отметить его сожаления по поводу переговоров, которые были назначены Ренненкампом, Временным генерал-губернатором Полковниковым и военным губернатором Сычевским с революционерами. В ходе этих переговоров мятежники сдались, сложили оружие и боевые запасы (жители Читы захватили по приведённым в рапорте данным тринадцать вагонов с трёхлинейными винтовками, множество берданок и патронов, сдали около тридцати тысяч винтовок, динамит, ручные гранаты, патроны, пироксилин). По мнению Меллер-Закомельского, данное событие стало крупной ошибкой, напоминающей ту, которую совершили при подавлении революционных процессов в Красноярске. Генерал признавался, что поддерживает сожаление генерала Сухотина о том, что Красноярск сдался без боя. Меллер-Закомельский считал также, что нужно было разгромить Читу, так как уничтожение местных мастерских являлось бы меньшим убытком казне по сравнению с масштабными потерями, спровоцированными бунтами. Меллер-Закомельский также считал, что нужно было разгромить Читу, так как уничтожение тамошних мастерских было бы меньшим убытком казне в сравнении с крупными потерями, спровоцированными революционными силами. Генерал полагал, что это произвело бы неизгладимое впечатление на всех, и революционные процессы надолго бы затихли [6, с. 72].

В Иркутске также по прибытии отряда производились обыски, аресты сочувствующих революционерам. По распоряжению Меллер-Закомельского подверглись аресту один из редакторов «Восточного обозрения» И.С. Фатеев, И.О. Концевич и др., был снят со своего поста глава города П.Я. Горяев. Меллер-Закомельский приказал также военному губернатору Алексею лик-

видировать журнал «Восточное обозрение», последний выпуск которого увидел свет 24 января 1906 г. В городе смертные казни не проводились в силу ряда причин, одной из которых было отсутствие каких-либо признаков подготовки выступления с целью захвата власти и образования республики наподобие Красноярской либо Читинской [10, с. 289].

В январе 1906 г., во время транспортировки вооружения по железной дороге из Читы в Иркутск, на станции Слюдянка отряд генерала А.Н. Меллер-Закомельского задержал члена Иркутского и Читинского комитетов РСДРП, одного из глав вооруженного мятежа в Чите, – Бабушкина. 18 января 1906 г. его расстреляли вместе с пятью другими повстанцами на станции Мысовая без проведения следственных операций и осуществления судебных процедур (называть собственное имя он не стал).

Меллер-Закомельский серьезно относился к поставленным перед ним задачам. Он объективно оценивал сложившуюся ситуацию. Генерал считал, что наведение порядка сумело бы поднять престиж власти и подорвать важность стачечных комитетов. Тем не менее, он понимал, что подавление революционного движения носит временный характер, так как, очевидно, что после снятия военного положения мятежники снова начнут разжигать бунт. По мнению генерала, многие сибирские города и железнодорожные станции требовали постоянного контроля и решительных мер со стороны администрации, в частности, служащих ЖПУ [6, с. 74].

С революционными выступлениями на Забайкальском участке Транссибирской железнодорожной линии покончили в короткий срок. Результаты деятельности карательных экспедиций сказались быстро. Уже 23 января Ренненкампф предстал с отчетом перед императором Николаем II и сообщил о нейтрализации вооруженного восстания в Чите. Он уведомил государя, что большинство главных зачинщиков мятежа были задержаны, но нескольким организаторам все же удалось скрыться. Ренненкампф предложил судить сбежавших на временном военном суде, который он сам лично учредил.

Кроме того, он сообщил, что продвигается в медленном темпе, так как производит масштабную зачистку железнодорожных путей [2, с. 121]. Ренненкампф утверждал, что подавление революционных выступлений произошло не только благодаря деятельности специальных воинских отрядов, направленных на наведение порядка, но и с помощью работы жандармов ЖПУ на Забайкальской железной дороге. Однако генерал Меллер-

Закомельский своим в рапорте императору критиковал высоких чиновников из жандармерии. Он считал, что не все из них соответствуют своей должности. Многие из них недостаточно разбирались в своих обязанностях, были нерешительными и в своих действиях опирались на непроверенные сведения. Вследствие этого, результаты их деятельности не имела успеха. По мнению генерала, жандармские служащие часто были не уверены в правильности своих действий [6, с. 71]. На взгляд Меллер-Закомельского, колоссальный вред борьбе с революционерами приносила неопределенность в отношениях между жандармской полицией и военной охраной и отсутствие четкого распределения их прав и обязанностей.

Основной функцией в этот период у ЖПУ являлась оперативная работа, как то: сбор данных по организации беспорядков и выступлений, концентрации оружия и боеприпасов у восставших, их месторасположение, транспортировка и передача отрядам боевиков, выявление организаторов, их местонахождение и явки, связи и т.д. В дальнейшем опыт, полученный жандармами зимой 1906 года, будет проанализирован и ляжет в основу ряда документов, повышающих эффективность работы ЖПУ на железной дороге.

Выводы

1. В рассматриваемый период совместные действия жандармерии и армии регулировались Указом «О создании особого комитета на железных дорогах» [1].

2. Впервые ЖПУ действовали в содружестве с военными частями на масштабной территории, охватывающей Транссибирскую железнодорожную магистраль с прилегающими населёнными пунктами, в т.ч. и территорию, находящуюся в зоне ответственности Забайкальской железной дороги (около 8,5 тыс. километров, включая ветку КВЖД (ок.1,5 тыс. км.) [11, с. 82].

3. На момент начала действий против восставших у ЖПУ на железной дороге опыта проведения подобных операций не было, как не было и достаточного численного состава жандармерии, в связи с чем инициатива была полностью передана армейским начальникам.

4. В сложившихся условиях жандармерии отводилась второстепенная роль – оперативная работа по выявлению организаторов выступлений, места сосредоточения выступающих, наличие оружия и т.д. Надо отметить, что со своей ролью ЖПУ на Забайкальской железной дороге справилось успешно.

В битве реакционеров и революционеров за армию первые действовали с большим мастерством благодаря умелой стратегии их руководителей.

Реакционерам с помощью ряда успешных манёвров удалось постепенно отделить революционную армию от мятежного пролетариата и разбивать их частями [7, с. 63]. Тем не менее, события революционных выступлений 1905 г. выявили по-новому

промахи организационного устройства и особенностей функционирования государственного механизма имперской России и его передового отряда – жандармерии.

Список источников

1. ГАИО ф. 602, оп. 1, д. 12.
2. Высший подъём революции 1905-1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь-декабрь 1905 года. Часть первая / Под ред. Сидорова А.Л. и др. М.: Политиздат, 1955. 987 с.
3. Деникин А. И. Путь русского офицера. Нью-Йорк, 1953. 382 с.
4. Доклад ген. Меллер-Закомельского Николаю II // Карательные экспедиции в Сибири в 1905-1906 гг.: документы и материалы. М.; Л., 1932. С. 185 – 202.
5. Донесение и.д. енисейского губернатора В. Ф. Давыдова в Департамент полиции о расстреле отрядом Меллер-Закомельского рабочих Иланского депо // Революция 1905-1907 гг. в России. Документы и материалы. Второй период революции: 1906-1907 гг. Ч. 1. Кн. 1. М., 1963. С. 818 – 819.
6. Кадиков Э.Р. Рапорт генерал-лейтенанта А.Н. Меллер-Закомельского Николаю II о карательной экспедиции в Сибирь в начале 1906 г. как исторический источник // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 2 (22). С. 66 – 75.
7. Максаков В. Революция и контрреволюция в Сибири в 1905-1906 гг. // Карательные экспедиции в Сибири в 1905-1906 гг.: документы и материалы. М.; Л., 1932. 463 с.
8. Меньшагин В.Е. Некоторые аспекты принятия Указа о создании «Особого комитета на железных дорогах» в 1905 году. // Исторический бюллетень. 2024. Т. 7. № 4. С. 149 – 154.
9. Редигер А. Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра: в 2 т. М., 1999. Т. 1. 550 с.
10. Сибирская экспедиция барона Меллера-Закомельского // Былое. 1917. № 3. Сентябрь. С. 134 – 153.
11. Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: в 4-х т. Т. III: И – Р / Гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2006. 541 с.

References

1. GAIO f. 602, op. 1, d. 12.
2. The Highest Rise of the Revolution of 1905-1907. Armed Uprisings. November-December 1905. Part One. Ed. by A.L. Sidorov and others. Moscow: Politizdat, 1955. 987 p.
3. Denikin A.I. The Path of a Russian Officer. New York, 1953. 382 p.
4. Report of General Meller-Zakomelsky to Nicholas II. Punitive Expeditions in Siberia in 1905-1906: Documents and Materials. Moscow; Leningrad, 1932. P. 185 – 202.
5. Report of the I D. Yenisei Governor V. F. Davydov to the Police Department about the execution of workers of the Ilan depot by the Meller-Zakomelsky detachment. Revolution of 1905-1907 in Russia. Documents and Materials. The Second Period of the Revolution: 1906-1907. Part 1. Book 1. Moscow, 1963. P. 818 – 819.
6. Kadikov E.R. Report of Lieutenant General A. N. Meller-Zakomelsky to Nicholas II on the punitive expedition to Siberia at the beginning of 1906 as a historical source. Bulletin of Omsk University. Series "Historical Sciences". 2019. No. 2 (22). P. 66 – 75.
7. Maksakov V. Revolution and Counterrevolution in Siberia in 1905-1906. Punitive expeditions in Siberia in 1905-1906: documents and materials. M.; L., 1932. 463 p.
8. Menshagin V.E. Some aspects of the adoption of the Decree on the creation of the "Special Committee on the Railways" in 1905. Historical Bulletin. 2024. Vol. 7. No. 4. P. 149 – 154.
9. Rediger A.F. The story of my life. Memories of the Minister of War: in 2 volumes. M., 1999. Vol. 1. 550 p.
10. Siberian expedition of Baron Meller-Zakomelsky. Byloe. 1917. No. 3. September. P. 134 – 153.
11. Encyclopedia of Transbaikalia: Chita Region: in 4 volumes. Vol. III: I – R. Ed. R.F. Geniatulin. Novosibirsk: Nauka, 2006. 541 p.

Информация об авторе

Меньшагин В.Е., соискатель учёной степени кандидата наук, Байкальский государственный университет, zavovan@mail.ru

© Меньшагин В.Е., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<http://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

УДК 93/94

Роль А.М. Безобразова в развязывании Русско-японской войны

¹ Рущенко Г.С.,
¹ Южный федеральный университет

Аннотация: статья посвящена анализу роли А.М. Безобразова в развязывании Русско-японской войны 1904-1905 годов. Автор рассматривает деятельность так называемой «безобразовской клики» – группы влиятельных лиц, включая самого Безобразова, его соратников и родственников, которые активно продвигали экспансионистскую политику на Дальнем Востоке.

Основное внимание уделено докладным запискам Безобразова, адресованным Николаю II, в которых он обосновывал необходимость усиления российского присутствия в Маньчжурии и Корее, а также критиковал японскую экспансию. Автор статьи анализирует, как идеи Безобразова и его окружения способствовали эскалации конфликта с Японией, несмотря на предупреждения таких политиков, как С. Ю. Витте.

Кроме того, новшеством является оценка рациональности помыслов Безобразова в географическом ключе.

Уделено историографическому обзору, в котором рассматриваются мнения исследователей, таких как А.И. Уткин, И.В. Лукоянов и Б.А. Романов, о роли Безобразова в принятии ключевых решений. Автор также подчеркивает, что негативный образ Безобразова в историографии во многом связан с последующими неудачами России в войне и его конфликтами с другими сановниками.

В заключение делается вывод о том, что, хотя Безобразов не был единственной причиной войны, его действия значительно усилили напряженность в регионе и способствовали началу конфликта, который имел далеко идущие последствия для Российской Империи.

Ключевые слова: А.М. Безобразов, «Безобразовская клика», Русско-японская война, причины Русско-японской войны, внешняя политика Российской Империи, Маньчжурия

Для цитирования: Рущенко Г.С. Роль А.М. Безобразова в развязывании Русско-японской войны // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 2. С. 152 – 160.

Поступила в редакцию: 19 ноября 2024 г.; *Одобрена после рецензирования:* 23 января, 2025 г.; *Принята к публикации:* 3 марта 2025 г.

The role of A.M. Bezobrazov in the unleashing of the Russo-Japanese War

¹ Rushchenko G.S.,
¹ Southern Federal University

Abstract: the article analyses the role of A.M. Bezobrazov in unleashing the Russo-Japanese War of 1904-1905. The author examines the activities of the so-called 'Bezobrazov clique' – a group of influential persons, including Bezobrazov himself, his associates and relatives, who actively promoted expansionist policy in the Far East.

The main attention is paid to Bezobrazov's report notes addressed to Nicholas II, in which he justified the need to strengthen the Russian presence in Manchuria and Korea, as well as criticised Japanese expansion. The author

analyses how the ideas of Bezobrazov and his entourage contributed to the escalation of the conflict with Japan, despite the warnings of such politicians as Vitte.

In addition, it is new in science to assess the rationality of Bezobrazov's thoughts in the geographical-strategic aspect.

A historiographical review is given to examine the views of researchers such as A.I. Utkin, I.V. Lukoyanov and B.A. Romanov on Bezobrazov's role in key decisions. The author also emphasises that Bezobrazov's negative image in historiography is largely due to Russia's subsequent failures in the war and his conflicts with other dignitaries.

The conclusion is that, although Bezobrazov was not the sole cause of the war, his actions greatly increased tensions in the region and contributed to the outbreak of a conflict that had far-reaching consequences for the Russian Empire.

Keywords: A.M. Bezobrazov, «Bezobrazov's Clique», the Russo-Japanese War, causes of the Russo-Japanese War, foreign policy of the Russian Empire, Manchuria

For citation: *Rushchenko G.S. The role of A.M. Bezobrazov in the unleashing of the Russo-Japanese War. Historical Bulletin. 2025. 8 (2). P. 152 – 160.*

The article was submitted: November 19, 2024; Approved after reviewing: January 23, 2025; Accepted for publication: March 3, 2025.

Введение

Что одинаково важно и в литературе, и в истории человечества? Конфликт – то, без чего ни классическая книга, ни школьный учебник по истории не будут полноценны. Конфликт сопровождает героев, а войны сопровождают державы, и неудивительно, что даже спустя столетия историки охотно берутся за их исследование.

На рубеже веков империи открыли новые направления для своего развития. Рост капиталистических корпораций Европы и Америки была предопределил погоню за прибылями, рынками вывоза и ввоза капитала, поиск дешевых рабочих рук и сырья; требовались новые просторы для добычи этих средств. Франция с Англией поделили целые континенты на свои колонии (Африку, часть Азии и Австралию). А другие выдающиеся державы, не успевшие застолбить колониальные владения, влились в борьбу за еще не освоенные территории, например за Дальний Восток, который привлек внимание России и Японии.

Российской Империи требовался выход к Тихому океану, Корейскому заливу и Японскому морю, собственный флот, укрепление в Приамурье и Приморье, а также доступ к Маньчжурии, которая бы стала важной опорной точкой на пути к господству на Востоке.

Во многих работах историками разделяется мнение, что Русско-японская война 1904-1905 г. осталась в истории Российской империи темным отпечатком, навсегда изменившим ее судьбу, во многом предопределившим последующие трагические события: забастовки, революции, стачки. Не получив победы в этой «маленькой победоносной

войне», страна понесла значительный экономический ущерб, что сопутствовало росту социального напряжения.

В наши дни историки часто размышляют и причинах поражения России, и о недальновидности командования, и о личностях, чьи имена связаны с событиями 1904-1905 годов.

Исследуются логистика, причины и последствия войны, особенно заключенный Портсмутский мир, но менее прочего уделяется внимание деятельности «безобразовского кружка». Между тем, Безобразов А.М., его родственник Абаза А.М., Вонлярярский В.М. и другие личности, о которых речь пойдет позже, сыграли ключевую роль в напоре на Маньчжурию. Образованное по инициативе Безобразова Русское лесопромышленное товарищество вкупе с его вооруженной охраной стало одной из причин, по которым разгорелся русско-японский конфликт.

Исследование «безобразовской клики» представляется актуальным: это не самая популярная тема для исследований, тем не менее нуждающаяся в рассмотрении в силу своей значимости из-за непосредственной причастности к развязыванию вышеупомянутой русско-японской войны.

Неясно, насколько Александр Михайлович способствовал эскалации, и в связи с малым числом опубликованных работ теме, данная статья представляется актуальной.

Существующая историография, прямо затрагивающая роль Безобразова в развязывании русско-японского конфликта, представляется проработанной, но немногочисленной. В ней можно выделить несколько наиболее значимых публикаций,

что и будет сделано далее. В свою очередь, они опираются на работы о русско-японской войне в целом.

Для подтверждения тезиса о значимой и непосредственной роли Безобразова в развязывании войны, в настоящей работе мной были проанализированы докладные записки Безобразова и критические сведения об Александре Михайловиче, приводимые С.Ю. Витте в его воспоминаниях.

Безобразов Александр Михайлович – потомственный дворянин, статс-секретарь, действительный статский советник и политик, активно влиявший на действия российской власти на Дальнем Востоке [1]. Именно он, «придворный махинатор» по выражению доктора исторических наук Уткина А.И. [12, с. 43], стал основным инициатором вышеупомянутой «клики» (так группу его партнеров, коллег и товарищей называют советская и российская большие энциклопедии) и способствовал эскалации конфликта между Россией и Японией на Дальнем Востоке.

Следует отметить, что личности Безобразова в рассматриваемых исторических трудах сопутствует преимущественно негативная коннотация. Причины этого станут ясны в конце работы.

Доцент кафедры Истории России, кандидат исторических наук, Хвостова И.А. в своей научной статье [13, с. 19] 2013 года отмечала роль Безобразова, как лидера одной из партии у власти: в 1898 году правящие круги России разделились на две партии, и одну из них возглавил Безобразов.

Этому предшествовало следующее: в 1896 году предприниматель Ю.И. Бринер получил разрешение на разработку леса у реки Ялу в Корейской империи, однако, не сумел сыскать средств на открытие дела. Это привлекло внимание пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае Н.Г. Матюнина и его друга В.М. Вонлярлярского – они, по утверждению историка д.и.н. Лукоянова И.В. [10], попытались создать аналог британской Chartered Company – полукоммерческой структуры, получавшей преференции от короны, занимавшейся не только торговой, но и территориально-экспансивной деятельностью), с той лишь разницей, что в российском случае предполагалось использование казенных средств.

Лукоянов И.В. подробно описывают дальнейшие события ссылаясь на сохранившиеся воспоминания Вонлярлярского В.М., привлекая материалы таких историков, как Широкограда А.Б. [14], Уткина А.И. [12], Золотарева В.А. [4] и других исследователей, причем в работе Уткина А.И. Безобразову уделяется значительное внимание, не обнаруживаемое в работах других историков по теме. В первой главе его книги Безобразову вовсе

посвящен отдельный одноименный параграф [12, с. 56–68].

Разумеется, приведенная смежная с темой литература не является исчерпывающей, но, насколько можно судить, именно о Безобразове данные работы свидетельствуют больше прочих, а узкотематических работ специально о роли А.М. Безобразова в открытом доступе нет.

Материалы и методы исследований

В основу исследования легли как архивные материалы, так и работы отечественных и зарубежных историков, посвященные Русско-японской войне и роли А.М. Безобразова в её развязывании.

Основными источниками стали докладные записки А.М. Безобразова, адресованные Николаю II, которые содержат анализ ситуации на Дальнем Востоке и рекомендации по усилению российского присутствия в регионе. Эти документы были изучены в контексте их влияния на принятие ключевых политических решений.

В работе использованы и мемуары современников, в частности воспоминания С.Ю. Витте, который критически оценивал деятельность Безобразова и его окружения.

Этот материал позволил рассмотреть события с разных точек зрения и выявить противоречия внутри российского правительства.

Для анализа историографических материалов применялся сравнительный метод, который помог выявить основные тенденции в оценках деятельности Безобразова и его влияния на ход событий, и основные общенаучные методы.

Результаты и обсуждения

При попытке, видимо, Вонлярлярским и Матюниным привлечь государственные ресурсы потребовалось обращение к влиятельным персонам. Такими стали граф И.И. Воронцов-Дашков и отставной, к тому моменту, полковник Безобразов, друг Вонлярлярского. Как именно Безобразов стал неформальным лидером группы, не представляется возможным выяснить, однако, именно в его круг общения касательно дальневосточных дел вошли контр-адмирал Абаза, военный агент в Пекине К.И. Вогак, его друг и предприниматель Вонлярлярский и сам министр внутренних дел В.К. Плеве. Вместе вся эта клика через Воронцов-Дашкова подала Николаю II проект учреждения Восточно-Азиатской промышленной кампании и столкнулась с противодействием второй, упоминаемой Хвостовой, партии.

Оппонентами «безобразовской клики» были С.Ю. Витте, В.М. Ламздорф (министр иностранных дел) и отчасти А.Н. Куропаткин (военный министр). По их мнению, Россия не была готова к ведению войны против Японии. С.Ю. Витте

настаивал на необходимости «выиграть время», завершить строительство Сибирской дороги, наладить КВЖД, усилив охрану и улучшив эксплуатацию, закрепиться на рубежах Приамурья, сохранить контроль Маньчжурского севера и накопить финансы на войну. Безобразов же, что будет ясно из далее рассмотренных докладных записок, считал иначе: японские силы в регионе им оценивались как незначительные, и потому Россия, по его мнению, могла пойти на риск, чтобы защитить интересы своих промышленников и военных кругов, считавших дальнейшую экспансию на восток целесообразной.

Вместо Восточно-Азиатской компании «безобразовцам» в 1903 году получилось учредить Русское лесопромышленное товарищество. На охрану нанимались отставные русские солдаты и наемники-китайцы. При этом, по мнению Лукоянова, товарищество не сколько заготавливало лес, сколько грабило местных жителей.

На Особых совещаниях курс России на Дальнем Востоке был пересмотрен: на совещании 26 марта 1903 года Витте удалось отстоять положение товарищества, как исключительно частного дела, а вот уже на совещании 20 мая того же года фон Плеве, несмотря на возражения С.Ю. Витте, В.М. Ламздорфа и А.Н. Куропаткина, считавших Россию неготовой к конфликту, добился поддержки компании Безобразова, политической и экономической.

Хвостова и Лукоянова сходятся во мнении: это, во-первых, встревожило японцев, а, во-вторых, привело к кадровым перестановкам в российской власти.

После Особых совещаний в 1903 году Витте получил отставку, и Царское правительство тем самым перешло от мирного освоения Маньчжурии к агрессивному вмешательству, которое велось сообществом Безобразова. Ухудшение обстановки в регионе могло быть выгодно как России, так и Японии. России, в лице Императора, была необходима «маленькая победоносная война», а Японии – плацдарм для продвижения на материке, и грядущее противостояние предстояло как-либо обосновать. Управляющим делами Особого комитета Дальнего Востока стал упомянутый ранее Абаза. В результате «безобразовская клика» получила широкое влияние на монарха: Безобразов стал статс-секретарем, а его сторонник, адмирал Е.И. Алексеев, назначен заместителем на Дальнем Востоке.

Сам С.Ю. Витте при том очень подробно (и весьма субъективно) описал происходившие события, раскритиковав действия Плеве, Безобразова и их коллег, попросту называя все это авантюрой в своих воспоминаниях [3, с. 185-211]. Воз-

никшая взаимная неприязнь между сановниками прослеживается и в письмах Безобразова: в письме к Абазе от 26 мая 1904 года тот оскорбляет Витте «главным запевалой» и хочет тому «накласть». «Нужно кому следует хорошенько показать зубы, чтобы вся эта галдящая [о временных неудачах] замолкла.» – пишет Александр Михайлович [2, с. 74].

Из этого проистекает предположение, что взаимная неприязнь членов царского правительства, сохранившаяся в ряде писем и воспоминаний, способствовала сохранению историографией образа А.М. Безобразова как «махинатора» и «хитреца». Впрочем, Александр Михайлович очернял в своих письмах других сановников не меньше, чем те его.

Ценнейшим источником, прямо указывающим на непосредственную роль Безобразова, можно считать его первые две докладные записки лета 1903 года, датированные 21 июня и 20 июля, соответственно. Тексты докладных записок взяты из приложений к работе Золотарева В.А.

Безобразов считал, что японское присутствие в Корее на момент перед началом войны было преувеличено. В первой докладной записке Николаю II он приводит сведения о численности японского населения в Корее (30 тысяч преимущественно «подонков общества», – выражается А. Безобразов) и чинимых корейцам притеснениям [5, с. 399]. То, что японское население действительно могло быть не в ладах с местным корейским, подтверждается давней военной историей взаимоотношений обеих стран, однако, Безобразов несколько преувеличивает потенциал проблем, которые могут возникнуть у японцев в связи с этим.

«Привыкший к угнетению корейский народ должен стремиться поголовно восстать против своих притеснителей» – в этих словах Безобразова видится подаваемая надежда на то, что корейцы в случае начавшегося русско-японского конфликта могли бы массово оказать сопротивление японским силам. Но историкам, взвешивающим постфактум, известно, что эта надежда не подтвердилась.

Однако, выражение данной надежды, вкупе с приведенными далее высказываниями, могло способствовать ослаблению бдительности и опасений по отношению к японскому присутствию в Корее со стороны Николая II и российского правительства в целом.

О японских предприятиях в Корее Безобразов отзывался негативно. По его мнению, они на глазах у всего мира спекуляциями, фальшивыми денежными знаками, навязываемыми услугами грабят корейский народ. Им приводится противоречивая информация. Безобразов докладывает, что «в Корее имеется много субсидируемых японским

правительством частных предприятий, не дающих никакой коммерческой выгоды», но далее следует пассаж про ограбление Кореи разными упомянутыми способами, в том числе весьма финансово изощренными (например, скупка земель на фабрикуемые японцами денежные знаки) [5, с. 396-397].

Речь Безобразова в указанном фрагменте умаляет выгоду японского присутствия в Корее и вновь несколько развивает упомянутую ранее надежду на то, что корейцы от подобного обращения едва ли довольны.

Наиболее обличающей является мысль Безобразова о том, что японцы в обязательном порядке будут стремиться вытеснить Россию из Маньчжурии, обосновавшись на корейском плацдарме, и собираются «стать во главе желтокожей расы». Несмотря на едкость последней фразы, по существу, Безобразов предугадывает развитие националистических и милитаристских идей у японцев в недалеком будущем, что подтвердится историей японского присутствия в Корее и Маньчжурии в последующем. Так что осведомленность Безобразова о ситуации с японцами в Корее была, как минимум, не нулевой, раз часть его предположений оказалась верна. Интересно, что Безобразов настаивает на необходимости занятия некоторых стратегических точек (Северной Кореи и бассейнов Ялы и Тумени (Туманганы)) для получения военно-стратегических выгод. Как он пишет в конце докладной записки – «этот случай желательнее не упустить» [5, с. 398].

Река Яла, вкупе с Маньчжурско-Корейскими горами, еще с древности служила естественным барьером между Китаем и Кореей. Она неглубока, но ее ширина может достигать больше сотни метров, а общая длина составляет около восьмисот километров, и впадает она в Корейский залив, обеспечивая судоходство. Контроль над такой естественной преградой и водной дорогой – важное военное стратегическое преимущество для того, кто желает контролировать земли что к северу, что к югу от реки Ялы.

Река Туманган, пусть и несколько короче, напротив, ведет от Маньчжурско-Корейских гор в Японское море.

Владеющая обеими бассейнами сила таким образом контролирует речные пути и на Запад, и на Восток в северной Корее, и имеет стратегическое преимущество. Контроль над реками и их побережьями позволил бы России быстро перемещать войска и ресурсы в случае конфликта, облегчая усиление присутствия своих военных и промышленников в регионе.

А так как Япония уже проявляла интерес к Корее, контроль над этими точками, в случае полно-

ценного закрепления там русских войск, мог бы значительно повлиять на картину грядущих боевых действий.

С военно-стратегической точки зрения предложение А.М. Безобразова занять этих позиции вполне обосновано. Судить же о дипломатической целесообразности скорейшего захвата точек трудно, кроме того, не ясно, желал ли Безобразов просто подчеркнуть их важность или рекомендовал занять их как можно скорее, даже если это приведет к эскалации.

Любопытно, что вопреки способному возникнуть поверхностному суждению о том, что Россия должна была действовать против Японии одна и быстро, Безобразов пишет о необходимости «образовать согласованные между собою частные коммерческие интересы других национальностей и выдвинуть их вперед, навстречу японским домогательствам». Тем самым он подчеркивал, что у России есть потенциальная вероятность не быть в зреющем конфликте одинокой, и придавал уверенности в том, что дальнейшая эскалация конфликта не является проблемой.

Во второй докладной записке Безобразовым была рассмотрена вероятность создания договоров, выгодных для России и Германии, и ясно прослеживается намерение подорвать тем самым английскую всемирную торговлю [6, с. 399-401]. Из текста складывается впечатление, что на момент 1903 года Безобразов полагал, что Германия может помочь России в грядущем конфликте и это должно облегчить возможную войну. Логика Безобразова следующая: Германия – растущее промышленное государство, конфликтующее с гегемоном-Англией, которая имеет договора с Японией. Вероятное повреждение торговых позиций Англии в азиатском регионе через борьбу с Японией теоретически должно было привлечь Германию в конфликт на стороне России. Но этого не случилось, потому что Германия не была готова на обострение отношений с Великобританией.

По мнению Николаса А. Ламберта, историка Оксфордского университета, Германия не была главной заботой британских лидеров [9, с. 41-42]. До 1905 года многие британские лидеры по-прежнему считали Россию самым стойчивым и опасным противником Британской империи. Вкупе с тем, что до 1904 года Британия проводила реформы на флоте и активно занималась перераспределением флотов в регионе, Германии идти на эскалацию конфликта с Великобританией ради туманных перспектив в Русско-японской войне было попросту недостаточно выгодно. Так, интерес Британской Империи и дальше остается смещенным в сторону России.

Тем не менее Николай II, равно как и Безобразов, разделял идею о союзе России с Германией. Подтверждение этому – последующий еще во время русско-японской войны Бьеркский договор 24 июля 1905 года, заключенный между Россией и Германией во многом по инициативе русского Императора. Хоть он и не стал действующим, но обозначил, что Николай II видел в Германии потенциального союзника.

Поэтому присланные Безобразовым в докладных записках еще в 1903 году сведения о том, что Германия могла бы выступить на стороне России в случае конфликта с Японией, могли показаться тяготеющему к Второму Рейху Николаю Александровичу обнадеживающими, принижающими рискованность эскалации.

Советский историк первой половины XX-го века Б.А. Романов, бывший профессор нынешнего Санкт-Петербургского Гуманитарного Университета, в своем комплексном исследовании причин Русско-Японской войны, как и ряд других исследователей, отмечал особую роль Безобразова и его клики (иначе говоря, безобразовцев) в развязывании войны. Безобразов напрямую упоминается свыше десятка раз в его работе, часто – в негативном ключе. В отличие от упомянутых ранее исследователей Романов в своей работе сосредоточился преимущественно вокруг происходящего в правительственных кабинетах в целом. Им подробно описывается со ссылками на дневники современников и архивные материалы происходящий упомянутый накал придворных взаимоотношений, вызванный разладом мнений между безобразовцами и сторонниками Витте.

В августе 1903 года начались переговоры, длившиеся до января. По мнению Б. А. Романова, вопрос войны еще решался в Петербурге тогда, когда в Японии он был уже давно решен [11, с. 292].

Рассмотренные выше летние докладные записки Безобразова, предшествующие переговорам, по всей видимости, послужили идейной подоплекой переговоров и во многом опередили их исход. Неизвестно, в какой степени к ним обращался лично Николай II, принимая решения, однако, произошедшее далее демонстрирует и отношение современников к влиянию роли Безобразова.

По сведениям все того же Б.А. Романова, Николай II, когда война была уже проиграна и шли портсмутские переговоры, приказал пересмотреть причины русско-японской войны и вместе с Витте «свесил» ответственность за развязывание конфликта всецело на «шайку», созданную Александром Михайловичем [11, с. 281, с. 288, с. 296].

Не один лишь Безобразов был ответственен за русско-японский конфликт, но в этом вопросе его голос был достаточно значим и заметен, что не составило царским сановникам особого труда обвинить Александра Михайловича постфактум в развязке и неудачах.

Докладные записки Александра Михайловича, убеждавшие Николая и его сановников в вероятной легкости грядущего конфликта, стали, вкупе с устными речами безобразовцев, одними из главных мотиваторов российского правительства на избрание рокового для России способа ведения дипломатии накануне русско-японского конфликта.

Выигранная Безобразовым и его соратниками полемика при дворе способствовала тому, что Николай II и Плеве отодвинули мнение лиц, подобных Витте, чье мнение придало бы конфликту совсем иные формы разрешения, а вот какие именно, любому историку можно лишь догадываться в публицистической форме.

Из-за агрессивных идей Безобразова, по всей видимости, японская дипломатическая миссия, жаждавшая или значительных уступок со стороны России, или войны, заключила, что дальнейшие мирные переговоры с Россией на момент конца 1903 года и начала 1904 года невозможны, поскольку авантюрный экспансионистский курс, принятый с подачи Александра Михайловича Безобразова и его коллег, едва ли подразумевал возможное урегулирование и компромиссы. Итогом такого курса стала война, во время которой, кстати, Безобразов отдалился от деятельности и передал фактическое управление группой Абаза.

При этом, важно отметить, что Абаза, хоть и разделявший во многом деятельность Безобразова, летом 1903 года не считал невозможным создание деловых отношений с Японией и дээскалацию конфликта с помощью уступок, в том числе весьма значимых.

В письме контр-адмирала Абазы Николаю II. от 14 июня 1903 г. и приложении к нему генерал-адмирал указал на потенциальные угрозы, которые могут возникнуть в случае японского контроля над Кореей, такие как блокирование российских сил в регионе [7, с. 389-392].

Он выразил мнение, что такая ситуация может привести к изоляции российских флотских сил и минимизации стратегических позиций России, и потому Россия может быть заинтересована в поддержании дружественных отношений.

В письме уже от 16 июня 1903 года Абаза писал: «Если решиться взять Маньчжурию, то, объявляя Японии об этом решении, будет своевременно подарить им Корею, но не следует ждать,

пока Япония «попросит» Корею «после» взятия нами Маньчжурии. Япония «просить» не станет, а будет резко требовать, и тогда получится с нашей стороны не подарок, а уступка» [8, с. 394-395]. Эти строки – свидетельство его надежды на то, что дипломатия и определенные уступки могли бы смягчить напряженность, но при этом не сильно подорвали бы позиции России на Дальнем Востоке.

Отдать Корею японцам по мнению генерал-адмирала целесообразно, но с оговоркой о том, что закрепиться экономически в регионе Япония была не должна.

Письма Абазы показывают, что «безобразовская клика» не была едина во мнениях касательно необходимых в проводимой на Дальнем Востоке мер и отдельные ее члены искали средств деэскалации грядущего конфликта.

Выводы

Стоит отметить, что деятельность клики Безобразова, несомненно, является одной из ключевых причин начала русско-японской войны. Неизвестно, началась бы она в противном случае и хватило ли бы российским дипломатам красноречия успокоить японцев в случае следования идеям Витте. Ясно одно: агрессивный курс Безобразова и его коллег способствовал усилению недоверия со стороны японцев и еще больше убедил их в необходимости решительно покончить с российским влиянием в Корее и Маньчжурии.

Но курс этот не был един все время и не подразумевал невозможность обсуждений.

Образ А.М. Безобразова в историографии преимущественно негативен, потому что:

1. После неудач на него массово свесили ответственность.
2. Его речи, как письменные, так и устные, были одними из самых заметных по вопросу, поэтому обвинение выглядит обоснованным.

Список источников

1. Безобразов А.М. Новый энциклопедический словарь: в 48 т. (вышло 29 томов). Санкт-Петербург; Петроград, 1911-1916.
2. Безобразовский кружок летом 1904 г. // Красный архив. 1926. № 4 (17). Письмо А. М. Безобразова к Абазе от 26 мая 1904 года.
3. Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. Царствование Николая II. Ленинград: Государственное издательство, 1924. 504 с.
4. Золотарев В.А., Соколов Ю.Ф. Трагедия на Дальнем Востоке: Русско-японская война 1904-1905 гг.: в 2 кн. Москва, 2004. 640 с.
5. Золотарев В.А., Соколов Ю.Ф. Войны с Японией: от поражения к Победе. К 110-летию окончания Русско-японской войны 1904-1905 гг. и к 70-летию окончания Советско-японской войны 1945 г. / Предисл. С.Л. Тихвинский. Москва: ИНЭС, РУБИН, 2015. 652 с. // Докладная записка А. Безобразова Николаю II, I.

3. Конфликты с придворными, в том числе и сугубо личные, оставили о нем негативные воспоминания, которые сейчас рассматриваются историками.

4. Видимый личный интерес Александра Михайловича в связи с приятельским знакомством с промышленниками Приамурья и Маньчжурии (Бринером и др.) позволяет называть его махинатором, влияющим на политику отечества в собственных интересах.

Вряд ли он был бы заклеимлен столь негативно, если бы японская «авантюра» оказалась успешной или, как минимум, не такой трагичной. Более того, исходя из писем, Безобразов надеялся на успех и пользу для Отечества, заодно и себя, но ошибался. От неудач ему выгоды не следовало. Сведения докладных записок вводили в заблуждение, но заблуждение это разделялось многими современниками.

Агрессивная и экспансионистская политика группировки, сложившейся вокруг Александра Михайловича и пренебрегавшей дипломатическими методами, обострила отношения между Россией и Японией. Несмотря на то, что война могла бы начаться и без участия клики Безобразова, предложенный ими курс, явно противоречивший интересам мирного урегулирования, способствовал эскалации конфликта.

Нельзя недооценивать роль агрессивной политики японских дипломатов, готовых к риску аналогично Безобразову. Участники клики были готовы идти на некоторые уступки, что видно из предложений Абазы в июне 1903 года разделить сферы влияния с Японией, но к тому времени эти уступки японцам были уже не нужны. Поэтому «демонизировать» роль Безобразова и рассматривать его исключительно в негативном свете не представляется корректным.

6. Золотарев В.А., Соколов Ю.Ф. Войны с Японией: от поражения к Победе. К 110-летию окончания Русско-японской войны 1904-1905 гг. и к 70-летию окончания Советско-японской войны 1945 г. / Предисл. С.Л. Тихвинский. Москва: ИНЭС, РУБИН, 2015. 652 с. // Докладная записка А. Безобразова Николаю II, II.
7. Золотарев В. А., Соколов Ю. Ф. Войны с Японией: от поражения к Победе. К 110-летию окончания Русско-японской войны 1904-1905 гг. и к 70-летию окончания Советско-японской войны 1945 г. / Предисл. С.Л. Тихвинский. Москва: ИНЭС, РУБИН, 2015. 652 с. // Письмо контр-адмирала Абазы Николаю II. 14 июня 1903 г.
8. Золотарев В.А., Соколов Ю.Ф. Войны с Японией: от поражения к Победе. К 110-летию окончания Русско-японской войны 1904-1905 гг. и к 70-летию окончания Советско-японской войны 1945 г. / Предисл. С.Л. Тихвинский. Москва: ИНЭС, РУБИН, 2015. 652 с. // Письмо контр-адмирала Абазы Николаю II. 16 июня 1903 г.
9. Lambert N.A. The Opportunities of Technology: British and French Naval Strategies in the Pacific, 1905-190. In: *Naval Power in the Twentieth Century*. – Naval Institute Press, 1996.
10. Лукоянов И.В. «Безобразовская клика» // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал [Электронный ресурс]. Режим доступа://<https://bigenc.ru/c/bezobrazovskaia-klika-412987/?v=9230542>: дата публикации: 07.12.2023 (дата обращения 10.05.2024)
11. Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895-1907). 1-е изд. Москва-Ленинград: Академия Наук СССР, 1947. 496 с.
12. Уткин А.И. В начале всех несчастий. Русско-японская война 1904-1905 гг. Москва: Эксмо, 2005. 496 с.
13. Хвостова И.А. Политическое противостояние в Дальневосточном вопросе на рубеже XIX-XX вв.: С.Ю. Витте – А.М. Безобразов // *Достижения вузовской науки*. 2013. № 5. 6 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа://<https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskoe-protivostoyanie-v-dalnevostochnom-voprose-na-rubezhe-xix-xx-vv-s-yu-vitte-a-m-bezobrazov> (дата обращения: 18.05.2024)
14. Широкоград А.Б. Россия и Япония. Незавершенное соперничество. Москва: Вече, 2008. 448 с.

References

1. Bezobrazov A.M. *New Encyclopedic Dictionary*: in 48 volumes (29 volumes were published). St. Petersburg; Petrograd, 1911-1916.
2. Bezobrazov's Circle in the Summer of 1904. *Red Archives*. 1926. No. 4 (17). Letter from A.M. Bezobrazov to Abaza dated May 26, 1904.
3. Witte S.Yu. *Memories*. T. 1. The Reign of Nicholas II. Leningrad: State Publishing House, 1924. 504 p.
4. Zolotarev V.A., Sokolov Yu.F. *Tragedy in the Far East: The Russo-Japanese War of 1904-1905*: in 2 books. Moscow, 2004. 640 p.
5. Zolotarev V.A., Sokolov Yu.F. Wars with Japan: from defeat to Victory. On the 110th anniversary of the end of the Russo-Japanese War of 1904-1905 and on the 70th anniversary of the end of the Soviet-Japanese War of 1945. Preface S.L. Tikhvinsky. Moscow: INES, RUBIN, 2015. 652 p. Memorandum of A. Bezobrazov to Nicholas II, I.
6. Zolotarev V.A., Sokolov Yu.F. Wars with Japan: from defeat to Victory. On the 110th anniversary of the end of the Russo-Japanese War of 1904-1905 and on the 70th anniversary of the end of the Soviet-Japanese War of 1945. Preface S.L. Tikhvinsky. Moscow: INES, RUBIN, 2015. 652 p. Report by A. Bezobrazov to Nicholas II, II.
7. Zolotarev V. A., Sokolov Yu. F. Wars with Japan: from defeat to victory. On the 110th anniversary of the end of the Russo-Japanese War of 1904-1905 and on the 70th anniversary of the end of the Soviet-Japanese War in 1945. Preface S. L. Tikhvinsky. Moscow: INES, RUBIN, 2015. 652 p. Letter from Rear Admiral Abaza to Nicholas II. June 14, 1903.
8. Zolotarev V.A., Sokolov Yu.F. Wars with Japan: from defeat to victory. On the 110th anniversary of the end of the Russo-Japanese War of 1904-1905 and on the 70th anniversary of the end of the Soviet-Japanese War of 1945. Preface by S.L. Tikhvinsky. Moscow: INES, RUBIN, 2015. 652 p. Letter from Rear Admiral Abaza to Nicholas II. June 16, 1903.
9. Lambert N.A. *The Opportunities of Technology: British and French Naval Strategies in the Pacific, 1905-190*. In: *Naval Power in the Twentieth Century*. Naval Institute Press, 1996.
10. Lukoyanov I.V. "The Bezobrazov Clique". *The Great Russian Encyclopedia: Scientific and Educational Portal*. [Electronic resource]. Access mode://<https://bigenc.ru/c/bezobrazovskaia-klika-412987/?v=9230542>: publication date: 07.12.2023 (accessed 10.05.2024)

11. Romanov B.A. Essays on the diplomatic history of the Russo-Japanese War (1895-1907). 1st ed. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1947. 496 p.
12. Utkin A.I. At the beginning of all misfortunes. Russo-Japanese War 1904-1905. Moscow: Eksmo, 2005. 496 p.
13. Khvostova I.A. Political confrontation in the Far Eastern question at the turn of the XIX-XX centuries: S.Yu. Witte – A.M. Bezobrazov. Achievements of University Science. 2013. No. 5. 6 p. [Electronic resource]. Access mode://<https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskoe-protivostoyanie-v-dalnevostochnom-voprose-na-rubezhe-xix-xx-vv-s-yu-vitte-a-m-bezobrazov> (date of access: 18.05.2024)
14. Shirokorad A.B. Russia and Japan. Unfinished Rivalry. Moscow: Veche, 2008. 448 p.

Информация об авторе

Рущенко Г.С., ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0000-3079-2510>, Институт истории и международных отношений, Южный федеральный университет, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, larventus@outlook.com

© Рущенко Г.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94(470): 323.266

Элементы теорий заговора в исторических нарративах политических партий России

¹ Тимшина Е.Л.,

¹ *Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации*

Аннотация: собственные оценки событий прошлого для массовых политических движений стали в современном обществе неотъемлемой частью партийной идентичности. Активная историческая политика способна приводить к изменению коллективной памяти, эволюции восприятия обществом как отдельных событий прошлого, так и целых исторических эпох. Одним из инструментов политической трансформации прошлого является использование конспирологических теорий, позволяющих значительно упростить сложные исторические процессы и объяснить их рядовому избирателю через злокозненность группы лиц. Автором статьи анализируется использование элементов теорий заговора при выработке собственной исторической политики, выявление особенностей такого использования, систематизация использованных теорий. Основными источниками послужили официальные документы наиболее популярных российских партий, статьи, выступления и публикации их лидеров, материалы партийных сайтов. Результаты исследования основаны на использовании общенаучных методов и принципов научного познания, сравнительном анализе, системном подходе. К использованию элементов конспирологии, как показало исследование, более склонны прибегать партии крайних частей политического спектра. В основном теория заговора, в зависимости от политических убеждений, используется для объяснения конца идеализированного «золотого века», за который партиями принимаются различные периоды истории России. По мнению современных политиков, результатами заговора стали революционные события 1917 г. и распад СССР в 1991 г. По типологии преобладающим является геополитическое объяснение заговоров, т.е. они были инспирированы иностранными державами с опорой на изменников среди правящей элиты или социальных аутсайдеров. Такой подход позволяет партиям проводить параллели с современными «цветными» революциями и предостерегать от опасности повторения заговоров прошлого в настоящем.

Ключевые слова: ЛДПР, КПРФ, Историческая политика, Коллективная память, Теория заговора, Геополитический заговор, Октябрьская революция, Распад СССР, РОДП Яблоко

Для цитирования: Тимшина Е.Л. Элементы теорий заговора в исторических нарративах политических партий России // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 2. С. 161 – 171.

Поступила в редакцию: 20 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 23 января, 2025 г.; Принята к публикации: 3 марта 2025 г.

Elements of conspiracy theory in the historical narratives of Russian political parties

¹ Timshina E.L.

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

Abstract: mass political movements' own assessments of past events have become an integral part of party identity in modern society. An active historical policy can lead to changes in collective memory, the evolution of society's perception of both individual events of the past and entire historical epochs. One of the tools of the political transformation of the past is the use of conspiracy theories, which make it possible to significantly simplify complex historical processes and explain them to ordinary voters through the malice of a group of individuals. The author of the article analyzes the use of elements of conspiracy theories in developing their own historical policy, identifying the features of such use, and systematizing the theories used. The main sources were official documents of the most popular Russian parties, articles, speeches and publications of their leaders, materials from party websites. The research results are based on the use of general scientific methods and principles of scientific knowledge, comparative analysis, and a systematic approach. According to the study, parties from the extreme parts of the political spectrum are more inclined to resort to the use of elements of conspiracy theory. Basically, conspiracy theory, depending on political beliefs, is used to explain the end of the idealized "golden age", for which various periods of Russian history are mistaken by parties. According to modern politicians, the results of the conspiracy were the revolutionary events of 1917 and the collapse of the USSR in 1991. According to the typology, the prevailing geopolitical explanation of conspiracies, i.e. They were inspired by foreign powers with the support of traitors among the ruling elite or social outsiders. This approach allows the parties to draw parallels with modern "color" revolutions and warn against the danger of repeating the conspiracies of the past in the present.

Keywords: LDPR, KPRF, Historical politics, Collective memory, Conspiracy theory, Geopolitical conspiracy, October Revolution, Dissolution of the Soviet Union, Yabloko

For citation: Timshina E.L. Elements of conspiracy theory in the historical narratives of Russian political parties. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (2). P. 161 – 171.

The article was submitted: November 20, 2024; Approved after reviewing: January 23, 2025; Accepted for publication: March 3, 2025.

Введение

Для любой политической власти характерно обращение к историческим примерам. Апелляция к минувшим событиям происходит для обоснования политических притязаний в настоящем, оправдания или легитимизация спорных решений, вербовки и мобилизации сторонников, получения электоральных преимуществ, однако научный подход с научными методами познания и сложной цепочкой взаимосвязей исторического процесса не подходит для политического утилитарного использования прошлого. Внедряя и продвигая собственные исторические взгляды, политические партии не стремятся к построению объективной и системной картины прошлого, а намеренно используют разрозненные, «удобные» для них факты и события, которые можно легко донести до максимально широких кругов населения. Комплексные политические, социально-экономические и культурные взаимосвязи исторических процессов, при этом упрощаются до максимально простых схем. Одним из методов

подобной примитивизации является теория заговора, позволяющая объяснить сложные процессы волей группы лиц. Обычно такая группа наделяется сверхчеловеческими способностями вмешиваться в ход истории, при этом её деятельность носит исключительно злонамеренный характер.

Популярность теорий заговора в последние десятилетия обусловлена широким распространением и доступностью электронных медиа, социальных сетей, которые обеспечили и облегчили «горизонтальный» обмен информацией. Другой причиной стала «размытость самого образа мира в современную эпоху, общей ситуацией нестабильности и неопределенности, в том числе, и в сфере политики. ... Все дело в том, что даже в самых демократических и транспарентных обществах большинство политических решений, так или иначе, принимаются за закрытыми дверями и даже вездесущим СМИ в большинстве случаев не удается проникнуть за этот занавес» [1, с. 3], что оставляет значительное место для конспироло-

гических трактовок событий недавнего прошлого и настоящего. Существует широко распространенное, и во многом справедливое, предубеждение, что вера в различные заговоры могущественных тайных организаций является уделом маргинальных и крайне радикальных групп, однако в современном мире с его разнонаправленными информационными потоками произошел выход теорий заговора из их традиционного «ареала обитания» и проникновение конспирологических элементов в ранее недоступные области общественной и политической жизни, в том числе в идеологические построения респектабельных политических партий.

На особенности трансформации исторических событий в преломлении индивидуальной и коллективной памяти указывал в своих статьях М. Хальбвакс ещё в середине XX в., но развитие его концепции получили, начиная с 1970-х гг., когда в трудах Ж. Ле Гоффа, П. Хаттона, П. Нора, А. Ассман и П. Бурдые, Дж. де Грута [2-8] были заложены методологические и практические основы изучения феномена исторической памяти больших сообществ, восприятия исторических процессов социумом. После распада Советского Союза и отказа от монопольного марксистского подхода в гуманитарных науках изучение исторической политики началось и в России. В результате сформировался значительный пласт отечественных исследований по проблематике коллективной памяти. Благодаря деятельности историка А. И. Миллера, вышли несколько сборников статей, посвященных методологическим вопросам и проблемам исторической политики и «исторических войн» на постсоветском пространстве [9-10]. В сборнике «Всё в прошлом» авторы предприняли попытку ввести в отечественную историографию термин «публичная история» (адаптация академической истории для публичного использования) и рассмотреть отдельные направления её практического применения [11]. Сравнение подходов к изменению истории в политических целях и генерации нового восприятия прошлого в разных странах рассмотрены в работе историка-американиста И.И. Куриллы [12]. Механизм выработки государственной политики прошлого, как части символической политики, от момента образования Российской Федерации как независимого государства рассмотрен в трудах философа О.И. Малиновой [13, 14]. Влияние общества и общественных организаций на формирование исторической политики проанализировано в статьях А.Ю. Бубнова [15].

Активное изучение теорий заговора (как и общественной памяти) началось во второй половине XX в. в рамках интереса к исследованиям общественного сознания и особенностям его формирования. Первой работой, определившей развитие направления, можно считать эссе американского исследователя Р. Хофштадтера «Параноидальный стиль в американской политике» [16], в котором автор обозначил основные черты, присущие мышлению человека, верящего в конспирологические теории, характерное для него восприятие образа прошлого. Среди других влиятельных работ, посвященных теориям и заговора и их воздействию на формирование представлений о политических процессах, необходимо отметить исследование Д. Пайпса [17]. Он отметил, что вера в заговор не является уделом радикальных маргиналов, а распространённый в обществе феномен, обусловленный самой человеческой природой.

Среди работ отечественных исследователей можно отметить работы А.Г. Дугина, И.А. Яблокова, В.Э. Багдасаряна. Первый в своей фундаментальной работе «Конспирология» рассмотрел конспирологию как часть современной массовой культуры, считая ее типичным проявлением постмодерна [18]. В серии трудов И.А. Яблокова, посвящённых конспирологии, выделяется монография «Русская культура заговора» [19], в которой автор с позиции западной историографии попытался проследить эволюцию конспирологического мышления в постсоветское время и опыт применения теорий заговора государственной властью. В.Э. Багдасарян [20] предпринял исследование проникновения теорий заговора в отечественную историографию.

Материалы и методы исследований

Изучение проблематики памяти социума относится к междисциплинарным исследованиям, что предопределило сложности в выработке единого терминологического аппарата. В исследованиях применяются достаточно близкие по смыслу, но не всегда тождественные термины «культура памяти», «коллективная память», «символическая политика», «историческая память», «историческая политика», «политика истории», «политика прошлого». Для целей настоящей статьи целесообразным является использование термина «историческая политика», в определении, предложенном А.Ю. Бубновым, которое учитывает и влияние иных акторов кроме государства: «всякая целенаправленная деятельность по политическому использованию

прошлого, включающая как деятельность власти в сфере национально-государственной идентичности, так и борьбу в публичном поле влиятельных общественных групп за утверждение своих версий интерпретации коллективного прошлого» [15, с. 6]. Обобщающий термин «публичная история» безусловно включает в себя партийные адаптации прошлого для широких общественных масс. Однако, целью политических партий является навязывание своей позиции в рамках идейной борьбы, а не популяризация истории или диалог о спорных моментах прошлого. По высказыванию А.И. Миллера, «разрушение пространства для диалога – неотъемлемый элемент исторической политики» [9, с. 23], в связи с этим термин «историческая политика» кажется более точным для описания обращений к истории в рамках политической деятельности.

Цель данной статьи состоит в исследовании конспирологической компоненты в исторической политике современных политических партий России. Объектом изучения является историческая политика политических партий, предметом – использование теории заговора в исторических построениях политических партий, выявление особенностей такого использования, систематизация использованных теорий. Основными источниками послужили официальные документы партий, предвыборные программы, выступления и публикации партийных лидеров, книги, материалы с официальных сайтов партий. Результаты исследования основаны на использовании общенаучных методов и принципов научного познания, сравнительном анализе, системном подходе.

В Российской Федерации зарегистрировано несколько десятков партий, однако немногие пользуются действительной популярностью и участвуют в значимых электоральных гонках, в связи с этим в целях данной статьи число партий ограничено участниками двух последних предвыборных кампаний в Государственную Думу. Другим лимитирующим фактором является наличие собственного видения исторических событий, например, «узкоспециализированные» политические объединения «Зелёные», «Зелёная альтернатива», «Российская партия пенсионеров за социальную справедливость», сосредоточившись на профильных для них темах не демонстрировали своего отношения к прошлому.

Результаты и обсуждения

Современные политические партии России в своей исторической политике традиционно

оперируют событиями последнего столетия, начиная с предреволюционных лет. Основным объяснением является незакрытость этого периода в коллективной памяти и продолжение общественных дискуссий как о причинах событий XX века, так и о поиске лучшего для России политического устройства.

Обладателем одной из наиболее развитых систем представлений о прошлом является ЛДПР. По словам её лидера В.В. Жириновского, «империя самая удачная форма правления» [21], в Российской империи XX в. партия видит определенный идеал политического устройства, хотя и не отрицает наличие проблем, связанных в первую очередь, со слабостью и некомпетентностью властей при последнем императоре. Падение монархии ЛДПР объясняет наличием политического заговора, например, широкий социальный протест и массовое забастовочное движение происходили из-за финансовых выплат недовольным со стороны заговорщиков. «В февральской революции не участвовали политические партии, она была организована кучкой интеллигентов. ... В 1905 и 1917 годах были первые «оранжевые революции», организованные на зарубежные деньги» [22]. Заговор был осуществлен внутренними силами, однако за спиной заговорщиков, по мнению В. В. Жириновского стояла Британская империя. Мотивом английского вмешательства в дела союзника по Антанте является перспектива послевоенной конкуренции. Победа в войне была предрешена, у Российской империи были наилучшие показатели среди воюющих стран [23], что потенциально позволяло ей стать если не мировым лидером в поствоенном мире, то существенно улучшить своё положение.

Октябрьская революция также стала результатом государственного переворота, осуществленного узкой группой: большевиками во главе с В.И. Лениным. По мнению В.В. Жириновского, за ним стояла иностранная держава. В этот раз инициатива заговора принадлежала Германской империи, которая после удачного переворота значительно упрочила свои позиции в Первой мировой войне: «После Февральской революции 1917 года Россия шла к нормальной европейской демократии. Временное правительство состояло из бывших депутатов, на ноябрь были назначены выборы в Учредительное собрание, при этом Россия шла к победе в Первой мировой войне. Но Ленин все это сломал, организовав госпереворот на деньги немцев» [24]. Таким образом, в исторической трактовке ЛДПР обе революции 1917 года стали результатом

заговорщицких действий в интересах различных государств.

Данные успешные заговоры, инспирированные иностранцами, вписываются в историческую политику ЛДПР, в которой заметное место занимает антагонизм коллективного Запада и Русского народа (и Востока в целом). В этой модели Запад выступает как негативная и агрессивная сила: «Противостояние с Западом – не современная новация, ему уже тысяча лет. С 1054 года – великого раскола христианства мы стали Западу чужими, ценностными оппонентами, несогласными. А с несогласными на Западе, несмотря на так называемую демократию, разговор короткий: кто не с нами, тот против нас. Запад не настроен на диалог, на поиск компромисса» [25, с. 4]. В концепции ЛДПР Запад предстает как единая глобальная сила: геополитические интересы, экономические, религиозные, политические различия отдельных стран Запада не существенны для глобального противостояния с Востоком; поэтому нет противоречия в том, что непримиримые враги на полях Первой мировой войны, Великобритания и Германия, практически одновременно прилагают усилия к торможению прогресса России. Однако Запад вмешивается в дела России не всегда заговорщицкими или военными методами, с начала Нового времени влияние в основном носило идеологический характер (протестантизм, либерализм, марксизм). Например, в другом переломном моменте истории – распаде Советского Союза ЛДПР, хотя и признает огромную заинтересованность Запада в крушении государства и идейное влияние на местные элиты, конспирологической компоненты не находит.

Заговор в свержении монархии увидела и другая национально-консервативная партия «Родина», но круг заговорщиков по её оценке был значительно шире – партийные лидеры и высшее военное руководство: «либеральные думские политики в союзе с начальником Генерального штаба Михаилом Алексеевым и командующими фронтами изолировали монарха и вынудили его к отречению» [26]. Основной либеральной политической партией, вокруг которой строился заговор, считается Конституционно-демократическая партия: «Именно кадеты главные виновники Февральской революции: имея доступ к думской трибуне – гораздо больший, чем левые, имея доступ к СМИ – их пресса была самой мощной после государственной, они ещё больше раскачали ситуацию, фактически спровоцировали мощное антиправительственное движение» [26]. Как и представители ЛДПР, сторонники «Родины»

увидели в успехе антимонархического заговора усилия коллективного Запада: «солидарность враждующих между собой мировых сил в деле разрушения российского государства: Германии и стран Антанты, рабочих социалистических партий и международных финансовых магнатов, интернациональных и националистических (в частности, еврейских), атеистических и религиозных, либеральных, масонских организаций» [26]. Несмотря на декларируемые идеологические разногласия с большевиками, в их приходе к власти, в отличие от ЛДПР, черты иностранного заговора «Родина» не находит, отмечая патриотическую позицию и эффективность коммунистов как администраторов. Либеральные силы оказались не способны к управлению и дискредитировали себя, фактически произошел самораспад, в результате которого у руля страны оказалась наиболее сплоченная и компетентная сила.

Оценивая крах Советского Союза, представители партии «Родина» неоднократно указывали, что одной из причин стало «предательство элит» [27 и 28], но при этом не конкретизировали его в форму заговора, не указывали непосредственных участников. Анализ текстов показывает, что подразумевалось скорее идеологическое перерождение руководства страны и стремление к собственному обогащению, чем наличие реального заговора тем более, что партия не отрицает наличие идейного и экономического кризисов в позднем Советском Союзе.

Несмотря на непримиримые расхождения в политических взглядах с ЛДПР, Российская объединённая демократическая партия (РОДП) «Яблоко» также увидела в Октябрьской революции государственный переворот, инициированный узкой группой заговорщиков при поддержке Германии. Один из основателей партии Г.А. Явлинский охарактеризовал события октября 1917 г. следующим образом: «Большевистская власть, самоназванная «советской», родилась из государственного переворота, совершенного группой левых радикалов-экстремистов, которые для реализации своих целей использовали финансовую помощь Германии, стоявшей на пороге поражения в Первой мировой войне. Главный результат переворота — разрушение всего положительного опыта Российской государственности (от судов присяжных и органов местного самоуправления до институтов собственности, наследования, кредитно-финансовой системы и свободы печати), государственный терроризм, стратоцид, разгон Всероссийского Учредительного Собрания» [29]. Политический

режим Временного правительства РОДП оценивала как достаточно стабильный, а Учредительное собрание должно было создать демократическое государство по образцу западноевропейских. Партия народной свободы (ПАРНАС) как и «Яблоко», относящая к либеральной части политикума, заговора в Октябрьской революции не видит. По мнению представителей ПАРНАС, «Выборы в Учредительное собрание, проведенные в ноябре 1917 г. достаточно свободно, явно показали, что революционный путь предпочитали тогда четыре пятых наших граждан, проголосовавших за большевиков, социалистов-революционеров и близкие к ним политические партии» [30]. Таким образом, переход власти в руки «левых радикалов-экстремистов» был бы предопределен в независимости от развития событий.

Краеугольным камнем исторической политики современных российских коммунистов является сталинская эпоха, которая значительно идеализируется. После развенчания культа личности происходит окончание «золотого века». Процесс отхода от сталинских принципов является, в том числе и результатом деятельности иностранных держав и «агентов влияния» внутри страны [29], при этом партия не конкретизирует процессы 1960-1970-х гг. в заговор. Основой накопления негативных для власти изменений, в первую очередь, становятся неудачная кадровая политика и слабые управленческие способности партийных руководителей («к правящей партии присосалось немало чуждых элементов, безыдейных карьеристов и приспособленцев; недооценка опасности происходивших процессов, монополия на власть и на идеологию, перерождение части партийных лидеров ввергли КПСС в состояние “завнавшейся партии”» [32]). Финалом разрушения государства стала политика Перестройки. С начала 1990-х гг. руководители КПРФ критиковали М.С. Горбачёва и его сподвижников за отход от социалистических ценностей, но постепенно доминирующей стала точка зрения о разветвленном заговоре в руководстве СССР, направленным на развал страны. За спиной заговорщиков стоял коллективный Запад. По словам Г.А. Зюганова в 2021 г. «план разрушения нашей страны разрабатывался не предателями Горбачевым, Ельциным, Яковлевым, Шеварднадзе, а американскими спецслужбами. Назывался он «Гарвардский проект» [33].

Кризисные явления в экономике, приведшие к дефициту товаров первой необходимости, оцениваются как искусственно вызванные

заговорщиками. На пресс-конференции посвященной тридцатилетию создания ГКЧП лидер КПРФ заявил, что «пятая колонна», по сути дела, не допускала до рынков Москвы большие партии не только промышленных, но и продовольственных товаров» [33]. Публикации разных лет на сайте КПРФ с яркими обвинительными заголовками дополняют это утверждение [например, 34, 35]. Конфликты и противоречия между союзным и республиканским руководством были постановочными и составляли один из элементов глобального заговора. «Запад был не в состоянии сломить советскую систему до тех пор, пока не смог опереться на поддержку предавшей её группы руководителей во главе с Горбачёвым и Ельциным. Эти два мнимых оппонента на деле действовали синхронно, в одном разрушительном направлении» [36]. К основным участникам заговора в партийных публикациях так же относят члена Политбюро ЦК КПСС А.Н. Яковлева и министра иностранных дел Э.А. Шеварнадзе.

Если КПРФ считает заговор по уничтожению СССР полностью доказанным, то касательно событий 1917 г. партия активно борется против конспирологических теорий, особенно в части Октябрьской революции. Её оценивают не как результат переворота, а как результат широкого движения народных масс, направленного на сохранение государства в условиях анархии («Великая Октябрьская социалистическая революция была для России единственным реальным шансом национального самосохранения в обстановке военного, политического и экономического краха, распада страны и полной недееспособности правящего буржуазно-помещичьего блока») [32]. Относительно Февральской революции, хотя представители КПРФ находят в ней определенные черты «цветной революции», основополагающим остаётся подход, выработанный ещё советской историографией – «Революция явилась неизбежным следствием клубка противоречий, которые вызрели в России. В Февральской революции были задействованы разные движущие силы. С одной стороны, это либеральная буржуазия, которая стремилась к политической власти. С другой стороны, это народные массы, у которых были свои задачи, включая выход из войны.» [37].

Исторические взгляды второй коммунистической партии «Коммунисты России» близки к позиции КПРФ, в том числе в части конспирологических теорий. КР стоит на позиции, что позднесоветские элиты совершили предательство и настаивает на проведении

«народного суда» над лицами, чья деятельность привела к распаду СССР [38]. Главное отличие в отношении «горбачевского заговора» проистекает из-за конкуренции и конфликта между коммунистическими партиями. «Коммунисты России» высказали тезис об участии в заговоре и лидера КПРФ: «В дни разрушения СССР ... Геннадий Зюганов подвизался в аппарате так называемого "архитектора перестройки", идеолога переродившейся верхушки КПСС, заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС Александра Яковлева; какие задания Зюганов получал от Яковлева, обвиненного историками в связях с ЦРУ?» [38].

Государственная историческая политика России, сложившаяся после 2000 г., характеризовалась исчезновением противопоставления друг другу отдельных периодов истории страны, однако акцент делался на «светлых» страницах прошлого. Власть старательно и последовательно старалась избегать формулирования отношения к драматичным и переломным моментам истории страны или делала это максимально нейтрально, ярким примером может служить практически незамеченный на государственном уровне столетний юбилей революции. «Единая Россия» как партия власти действовала в этой же парадигме, давая максимально общие и обычно нейтральные оценки событиям 1917 г., распаду СССР и подобным. Такой подход оставил мало места для развития конспирологических теорий, но в тезисах отдельных представителей партии обращение к образу заговора присутствует. Примером могут служить выступления Председателя Государственной Думы РФ В. В. Володина, который последовательно упоминал о предательстве партийной элиты как одном из причин гибели Советского Союза («<предатели> же появились из недр правящей партии, КПСС. ... Именно по этой причине развалился Советский Союз. Из-за предательства, из-за того, что партия, имеющая монополию на власть, забыла о народе» [39]). Хотя подобные упоминания и неоднократно встречаются в нарративах партии, они носят второстепенное значение, не персонифицируются, не детализируются и не служат фундаментом для исторических построений этих объединений. Призыв В.В. Володина, высказанный ещё в 2021 г. провести расследование предательства («нам необходимо дать оценку, почему распался Советский Союз. Правильно было бы это сделать, не откладывая. Кто предал? Фамилии, имена» [40]), остался не реализованным.

«Справедливая Россия» традиционно, как и партия власти, избегала радикальных оценок прошлого, однако после реорганизации с присоединением движений «Патриоты России» и «За правду» её историческая политика приобрела дуализм. С одной стороны, представители изначальной «Справедливой России» во главе с С. М. Мироновым придерживались старых подходов – они сохраняются и на официальных ресурсах партии; с другой – лидер движения «За правду» Е.Н. (Захар) Прилепин внёс новые концепции видения прошлого близкие по взглядам к национал-патриотическим партиям. Для них характерно, в том числе признание внутреннего заговора, как в событиях Февральской революции («самая подлая часть дворянства, либеральные дельцы, бессовестная буржуазия – это они предали царя, развалили фронт и привели имперскую Россию к распаду» [41]), так и в распаде СССР.

Выводы

Таким образом, обращение к теориям заговора в исторической политике современных политических партий свойственно в основном объединениям крайних частей политического спектра. Во всех рассмотренных случаях элементы конспирологии не используются самостоятельно, а интегрированы в нарратив мифологизированного «золотого века». В зависимости от своих политических воззрений партии находят его в образах «Российской империи», «Временного правительства и Учредительного собрания» и «Сталинской эпохи», значительно идеализируя и модифицируя выбранный период в соответствии со своими целями и представлениями об идеале государства. Совершенное государство по определению не может стать жертвой кризиса, экономических проблем, центробежных тенденций и социального взрыва, поэтому универсальным объяснением становится образ злокозненного коллективного «чужака» – враждебной существующему обществу группы заговорщиков и предателей.

В историографии конспирологических теорий существует несколько достаточно схожих типологий заговоров. Например, В. Э. Багдасарян выделил 7 историографических типов теории заговора, которые перечислены в соответствии с хронологической последовательностью их формирования: «религиозный», «геополитический», «этнический», «социальных аутсайдеров» (заговор отдельной социальной категории, имеющей отрыв от остального общества), «финансовый», «бюрократических структур», «психобиологический» (видами психобиологической конспирологии выступают теории заговора

«социальных меньшинств», «биофобов», «феминисток») [20, с. 338]. Для целей политических партий наиболее подошла теория геополитического заговора, в центре которой находится тайная деятельность дипломатов и спецслужб иностранных государств. В коллективном сознании отечественного общества с момента начала противостояния католицизму угроза обычно ассоциировалась с деятельностью западных стран, которые обычно и выступали главными геополитическими соперниками нашей страны. Во всех рассмотренных примерах использования теорий заговора в политическом дискурсе просматривается участие Запада: или в виде собирательного образа («коллективный Запад», «атлантисты», «англосаксонский мир») в разрезе распада СССР, или по отдельности – Великобритания или Германия в революциях 1917 г. Вмешательство геополитических противников опиралось на поддержку отдельных элементов местных властных структур (переродившееся партийное руководство в 1991 г., лидеры думских фракций и генералитет в 1917 г.) или социальных аутсайдеров (либералы в Февральской революции, большевики в Октябрьской революции).

Политические партии в процессе обращения к конспирологическим построениям не выдвигали новых теорий, не искали и не предъявляли избирателям доказательства конспирологических постулатов. Анализ использования теорий заговора показал, что по мере развития партийной исторической политики они эволюционировали, укоренялись и получали большее развитие. Дополнительным фактором их внедрения в нарративах партий стали крупные коммеморативные даты: столетие революций 1917 г. и тридцатилетие распада СССР, предопределившие дополнительный интерес общества к минувшим событиям и их причинам, в то время как власть предпочла, насколько это было возможно, не заметить оба юбилея – в государственной исторической политике так и не был сформулирован официальный поход к этим проблемным точкам прошлого.

В своих объяснениях окончания «золотого века» партии адаптировали под свои цели уже

существовавшие идеи заговора, прописанные в коллективном сознании, поэтому все теории заговора преподносятся как уже доказанные. Этому способствовала уникальность медиапространства, сложившегося после распада советской системы. Политика гласности при Перестройке допустила появление в информационном поле ранее недоступных советским гражданам теорий, в том числе вошли в обиход бытовавшие в эмигрантской среде идеи о заговорщицкой природе революций, которые быстро получили развитие в трудах уже современных российских авторов. Катализатором запроса на конспирологическую историографию явилась необходимость поиска причин поражения СССР в «холодной войне» и резкого ухудшения экономического положения большинства населения страны. Самым простым и востребованным ответом стал заговор различных тайных сил, что активно подпитывалось выходявшей литературой. Дисбаланс международных отношений, создание однополярного мира и активный внешнеполитический курс США, а также образ врага, уже разработанный в советской историографии, способствовали укоренению в коллективном сознании геополитической теории заговора как основной. Дополнительный импульс партийные теории заговора получили после начала цепочки «оранжевых революций», в том числе и на постсоветском пространстве. Стимулирование народных выступлений со стороны западных дипломатов и спецслужб способствовало проведению аналогий между социальными потрясениями прошлого и настоящего с усилением конспирологической компоненты в оценки исторических событий. И коммунистические, и национал-патриотические партии активно использовали эти параллели для закрепления своего видения прошлого. В условиях современного нарастающего противостояния России и Запада можно ожидать, что теория геополитического заговора и предательства отдельных социальных групп продолжит развиваться и укореняться в исторических нарративах политических партий.

Список источников

1. Кадурина Н.А. Влияние конспирологических концептов на репрезентацию политических процессов: дис. ... канд. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2013. 155 с.
2. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3 (40-41). С. 8 – 27.
3. Нора П. Между памятью и историей // Франция-память. Спб., 1999. С. 17 – 65.
4. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014. 328 с.
5. Хаттон П. История как искусство памяти. Спб., 2004. 422 с.

6. Бурдые П. Социология социального пространства. Спб., 2007. 288 с.
7. Ле Гофф Ж. История и память. М., 2013. 303 с.
8. De Groot J. Consuming History: Historians and Heritage in Contemporary Popular Culture. Oxford., 2016. 332 p.
9. Историческая политика в XXI веке: сборник статей / под ред. А. Миллера, М. Липман. М., 2012. 648 с.
10. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Актеры, институты, нарративы: коллективная монография / под ред. А.И. Миллера и Д.В. Ефременко. Спб., 2020. 632 с.
11. Всё в прошлом. Теория и практика публичной истории / под ред. А. Завадского, В. Дубиной. М., 2021. 448 с.
12. Курилла И.И. Битва за прошлое: Как политика меняет историю. М., 2022. 232 с.
13. Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России. М., 2013. 421 с.
14. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М., 2015. 207 с.
15. Бубнов А.Ю. Историческая политика и борьба интерпретаций коллективного прошлого в публичной сфере // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. Т. 4. С. 3 – 12.
16. Hofstadter R. The Paranoid Style in American Politics: And Other Essays. Cambridge, 1996. 366 p.
17. Пайпс Д. Заговор. Мания преследования в умах политиков. М., 2007. 336 с.
18. Дугин А.Г. Конспирология: наука о заговорах, секретных обществах и тайной войне. М., 2005. 614 с.
19. Яблоков И.А. Русская культура заговора: Конспирологические теории на постсоветском пространстве. М., 2020. 431 с.
20. Багдасарян В. Э. "Теория заговора" в отечественной историографии второй половины XIX-XX вв.: Критика мифологизации истории: дис. ... док. ист. наук. М, 2000. 528 с.
21. ЛДПР предложила праздновать в России "день империи" // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20200221/1565036497.html> (дата обращения 01.09.2024).
22. Жириновский уверен, что революция 1917 года тоже была «оранжевой» // Издание Федерального Собрания «Парламентская газета». URL: <https://www.pnp.ru/politics/2017/02/22/zhirinovskiy-uveren-cto-revoluciya-1917-goda-tozhe-by-la-oranzhevoy.html> (дата обращения: 01.09.2024)
23. ВВЖ. Марш мысли. М., 2018. 176 с.
24. «В юности Ленин со мной был всегда» // Газета «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3959623> (дата обращения: 03.09.2024)
25. Жириновский В.В., Воронин С.А. Россия – Европа: история непонимания. М., 2018. 112 с.
26. Виктор Аксютин: революция и власть в России // Сайт партии «Родина». URL: <https://rodina.ru/novosti/Viktor-Aksyuchic-Revolyuciya-i-vlast-v-Rossii> (дата обращения: 02.09.2024)
27. Коротченко: Воссоздать СССР уже невозможно, важно извлечь уроки из его распада // Сайт партии «Родина». URL: <https://rodina.ru/novosti/Korotchenko-Vossozdat-SSSR-uzhe-nevozmozhno-vazhno-izvlech-uroki-iz-ego-raspada> (дата обращения 05.09.2024).
28. Бирюков: СССР ломали "во благо народов", что привело к их социальному геноциду // Сайт партии «Родина». URL: <https://rodina.ru/novosti/Biryukov-SSSR-lomali-vo-bлаго-narodov-cto-privelo-k-ix-socialnomu-genocidu> (дата обращения 05.09.2024)
29. Явлинский Г.А. Госпереворот в России: столетняя трагедия // Сайт РОДП «Яблоко». URL: <https://www.yabloko.ru/publikatsii/2017/11/07> (дата обращения: 02.09.2024)
30. Заявление Партии народной свободы в связи со столетием революции в России – 1917-2017 // Сайт Партии народной свободы (ПАРНАС). URL: https://parnasparty.ru/images/data/docs/589df2c551c40_Zayavlenie_Partii_s_pravkami.PDF (дата обращения 06.09.2024)
31. Зюганов Г.А. Строитель державы. К 125-летию со дня рождения Иосифа Виссарионовича Сталина // Сайт КПРФ. URL: <https://kprf.ru/personal/zyuganov/zarticles/29118.html> (дата обращения 09.09.2024).
32. Программа партии // Сайт КПРФ. URL: <https://kprf.ru/party/program> (дата обращения 10.09.2024).
33. Зюганов Г.А. Развал СССР – величайшая трагедия всего человечества // Сайт КПРФ. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/204730.html> (дата обращения 10.09.2024)
34. Кременцова Е. Как Горбачёв создал искусственный дефицит еды // Сайт КПРФ. URL: <https://kprf.ru/history/soviet/160269.html> (дата обращения 10.09.2024)
35. Рушникова В. Неизвестные страницы истории. Дефицит при Горбачеве создавался искусственно // Сайт КПРФ. URL: https://kprf.ru/rus_soc/99032.html (дата обращения 10.09.2024)

36. Зюганов Г.А. Тридцать лет предательства: горькие уроки и горизонты возрождения // Газета Правда 2021. № 80. 29 июля. С. 1.
37. От либерального Февраля к пролетарскому Октябрю // Сайт КПРФ. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/162513.html> (дата обращения 10.09.2024)
38. Компартия Коммунисты России потребовала судить виновников развала СССР и главного меньшевика // Сайт партии «Коммунисты России» URL: https://komros.info/News/news_15635.html (дата обращения 10.09.2024)
39. Володин назвал причиной развала СССР предательство в КПСС // ИА ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/22269669> (дата обращения 10.10.2024)
40. Володин призвал дать оценку распаду СССР и назвать имена предателей страны // ИА ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/11525187> (дата обращения 10.10.2024).
41. Прилепин Захар. ...Сначала Вы, Господа // Контентная платформа Дзен. URL: <https://dzen.ru/a/ZXRh755fqm0HeECh> (дата обращения 10.10.2024)

References

1. Kadurina N.A. The influence of conspiracy concepts on the representation of political processes: diss. ... candidate of political sciences. Rostov-on-Don, 2013. 155 p.
2. Halbwachs M. Collective and historical memory. *Neprikosnovenny zapas*. 2005. No. 2-3 (40-41). P. 8 – 27.
3. Nora P. Between memory and history. *France-memory*. St. Petersburg, 1999. P. 17 – 65.
4. Assman A. The long shadow of the past: Memorial culture and historical policy. Moscow, 2014. 328 p.
5. Hutton P. History as the art of memory. St. Petersburg, 2004. 422 p.
6. Bourdieu P. *Sociology of social space*. St. Petersburg, 2007. 288 p.
7. Le Goff J. *History and Memory*. Moscow, 2013. 303 p.
8. De Groot J. *Consuming History: Historians and Heritage in Contemporary Popular Culture*. Oxford., 2016. 332 p.
9. *Historical Policy in the 21st Century: A Collection of Articles*. edited by A. Miller, M. Lipman. Moscow, 2012. 648 p.
10. *Memory Politics in Contemporary Russia and Eastern European Countries. Actors, Institutions, Narratives: A Collective Monograph/* edited by A.I. Miller and D.V. Efremenko. St. Petersburg, 2020. 632 p.
11. *Everything in the Past. Theory and Practice of Public History*. edited by A. Zavadsky, V. Dubina. M., 2021. 448 p.
12. Kurilla I.I. *Battle for the Past: How Politics Changes History*. M., 2022. 232 p.
13. Malinova O.Yu. *Construction of Meanings: A Study of Symbolic Politics in Modern Russia*. M., 2013. 421 p.
14. Malinova O.Yu. *Actual Past: Symbolic Politics of the Ruling Elite and Dilemmas of Russian Identity*. M., 2015. 207 p.
15. Bubnov A.Yu. *Historical Politics and the Struggle of Interpretations of the Collective Past in the Public Sphere*. *Bulletin of Tula State University. Humanities*. 2017. Vol. 4. P. 3 – 12.
16. Hofstadter R. *The Paranoid Style in American Politics: And Other Essays*. Cambridge, 1996. 366 p.
17. Pipes D. *Conspiracy. Persecution Mania in the Minds of Politicians*. Moscow, 2007. 336 p.
18. Dugin A.G. *Conspiracy Theory: The Science of Conspiracies, Secret Societies, and Secret War*. Moscow, 2005. 614 p.
19. Yablokov I.A. *Russian Culture of Conspiracy: Conspiracy Theories in the Post-Soviet Space*. Moscow, 2020. 431 p.
20. Baghdasaryan V.E. "Conspiracy Theory" in Russian Historiography of the Second Half of the 19th-20th Centuries: Critique of the Mythologization of History: Dis. ... Doc. of History. Moscow, 2000. 528 p.
21. The LDPR proposed celebrating "Empire Day" in Russia. RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20200221/1565036497.html> (date accessed 09/01/2024).
22. Zhirinovsky is confident that the 1917 revolution was also "orange". Publication of the Federal Assembly "Parliamentary Newspaper". URL: <https://www.pnp.ru/politics/2017/02/22/zhirinovskiy-uveren-chto-revolyuciya-1917-goda-tozhe-by-la-oranzhevoy.html> (date accessed: 09/01/2024)
23. VVZh. *March of Thought*. Moscow, 2018. 176 p.
24. "In my youth, Lenin was always with me". *Kommersant newspaper*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3959623> (date of access: 09/03/2024)
25. Zhirinovsky V.V., Voronin S.A. *Russia – Europe: a history of misunderstanding*. Moscow, 2018. 112 p.

26. Viktor Aksyuchits: revolution and power in Russia. Rodina party website. URL: <https://rodina.ru/novosti/Viktor-Aksyuchic-Revolyuciya-i-vlast-v-Rossii> (date of access: 09/02/2024)
27. Korotchenko: It is no longer possible to recreate the USSR, it is important to learn lessons from its collapse. Rodina party website. URL: <https://rodina.ru/novosti/Korotchenko-Vossozdat-SSSR-uzhe-nevozmozhno-vazhno-izvlech-uroki-iz-ego-raspada> (date of access 09/05/2024).
28. Biryukov: The USSR was broken "for the good of the peoples", which led to their social genocide/ Website of the Rodina party. URL: <https://rodina.ru/novosti/Biryukov-SSSR-lomali-vo-bлаго-narodov-что-привело-k-ix-socialnomu-genocidu> (date of access 09/05/2024)
29. Yavlinsky G.A. Coup d'etat in Russia: a hundred-year tragedy. Website of the RODP "Yabloko". URL: <https://www.yabloko.ru/publikatsii/2017/11/07> (date of access: 09/02/2024)
30. Statement of the People's Freedom Party in connection with the centenary of the revolution in Russia – 1917-2017/ Website of the People's Freedom Party (PARNAS). URL: https://parnasparty.ru/images/data/docs/589df2c551c40_Zayavlenie_Partii_s_pravkami.PDF (date of access 09/06/2024)
31. Zyuganov G.A. Builder of the state. On the 125th anniversary of the birth of Joseph Vissarionovich Stalin. Website of the Communist Party of the Russian Federation. URL: <https://kprf.ru/personal/zyuganov/zarticles/29118.html> (date of access 09.09.2024).
32. Party program. Website of the CPRF. URL: <https://kprf.ru/party/program> (date of access 10.09.2024).
33. Zyuganov G.A. The collapse of the USSR is the greatest tragedy of all mankind. Website of the CPRF. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/204730.html> (date of access 10.09.2024)
34. Kremntsova E. How Gorbachev created an artificial food shortage. Website of the CPRF. URL: <https://kprf.ru/history/soviet/160269.html> (date of access 10.09.2024)
35. Rushnikova V. Unknown pages of history. The deficit under Gorbachev was created artificially. Website of the CPRF. URL: https://kprf.ru/rus_soc/99032.html (date of access 10.09.2024)
36. Zyuganov G.A. Thirty years of betrayal: bitter lessons and horizons of revival. Pravda newspaper 2021. No. 80. July 29. P. 1.
37. From liberal February to proletarian October. Website of the CPRF. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/162513.html> (accessed on 10.09.2024)
38. The Communist Party of Communists of Russia demanded that those responsible for the collapse of the USSR and the main Menshevik be tried. Website of the Communist Party of Russia URL: https://komros.info/News/news_15635.html (accessed on 10.09.2024)
39. Volodin named betrayal in the CPSU as the reason for the collapse of the USSR. TASS News Agency. URL: <https://tass.ru/politika/22269669> (accessed on 10.10.2024)
40. Volodin called for an assessment of the collapse of the USSR and the names of the traitors to the country. TASS News Agency. URL: <https://tass.ru/politika/11525187> (accessed on 10.10.2024).
41. Prilepin Zakhar. ... First You, Gentlemen. Content platform Zen. URL: <https://dzen.ru/a/ZXRh755fqm0HeECh> (date of access 10.10.2024)

Информация об авторе

Тимшина Е.Л., кандидат исторических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

© Тимшина Е.Л., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 930.3

О некоторых особенностях формирования региональной идентичности ХМАО-Югры и политической борьбе за правосубъектность автономного округа в 1990-е гг. (на материалах периодической печати Тюменской области)

¹ Заикин Д.С.,
¹ Сургутский государственный университет

Аннотация: проблематика формирования региональной идентичности Ханты-Мансийского автономного округа – Югры представляет собой многосторонний аспект истории развития региона в контексте его становления под призмой конструирования и формирования региональной «самости».

В рамках распада СССР и формирования новой формы государственности протекали несколько процессов: центробежные процессы, формирование новых отношений «центр – регионы» и новые подходы в национальной политике. Борьба за правосубъектность в 1990-е гг., протекавшая в регионах, в том числе «Тюменского севера», имела специфический характер ввиду политических, социальных, климатических и правовых особенностей. Каждый из регионов боролся за свое: властям области было важно сохранить целостность области, право воздействия на социально-экономические процессы в автономных округах, получение и распределение нефтяной и газовой ренты. В национальных автономиях на фоне обострившихся экологических, экономических проблем и общесоюзной этнополитической ситуации шла борьба за свою полную политическую субъектность и независимость, получения статуса полноправного актора федерации.

В данной статье предпринята попытка охарактеризовать общественно-политические события, происшедшие в период распада советского государства и формирование новой российской государственности, дать оценку некоторых общественно-политических событий, тенденций, определивших процесс формирования региональной идентичности, становление югорской правосубъектности в течение 1990-х гг.

Особое внимание автор уделяет факторам, которые оказали значительное влияние на становлении современного югорского общества, его идентичности, а также истории взаимоотношений властей ХМАО-Югры и Тюменской области в контексте разграничения полномочий (власти) в вышеуказанный период.

Ключевые слова: югорская идентичность, федеративный договор, региональная история, сложноустроенный субъект, факторы становления идентичности

Для цитирования: Заикин Д.С. О некоторых особенностях формирования региональной идентичности ХМАО-Югры и политической борьбе за правосубъектность автономного округа в 1990-е гг. (на материалах периодической печати Тюменской области) // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 2. С. 172 – 183.

Поступила в редакцию: 22 ноября 2024 г.; *Одобрена после рецензирования:* 25 января, 2025 г.; *Принята к публикации:* 3 марта 2025 г.

On some peculiarities of the formation of regional identity of KHMAO-Ugra and the political competition for the legal political status of the Autonomous Okrug in the 1990s (on the materials of the periodicals of the Tyumen Region)

¹ Zaikin D.S.,
¹ Surgut State University

Abstract: the problematics of regional identity formation in Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Ugra is a multifaceted aspect of the history of the region's development in the context of its formation under the prism of constructing and forming a regional «identity». Within the framework of the USSR collapse and the formation of a new form of statehood several processes took place: centrifugal processes, the formation of new relations «centre – regions» and new approaches in national policy. The struggle for legal personality in the 1990s, which took place in the regions, including the «Tyumen North», had a specific character due to political, social, climatic and legal peculiarities. Each of the regions fought for its own: it was important for the regional authorities to preserve the integrity of the region, the right to influence socio-economic processes in the autonomous districts, and the receipt and distribution of oil and gas rents. In the ethnic autonomies, against the background of aggravated ecological, economic problems and the all-union ethno-political situation, there was a struggle for their full political subjectivity and independence, for obtaining the status of a full-fledged actor of the federation.

This article attempts to characterise the socio-political events that took place during the collapse of the Soviet state and the formation of the new Russian statehood, to give an assessment of some socio-political events and trends that determined the process of regional identity formation, the formation of the Ugra legal personality during the 1990s.

The author pays special attention to the factors that had a significant impact on the formation of modern Ugra society, its identity, as well as the history of relations between the authorities of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Ugra and Tyumen region in the context of delimitation of powers (authority) in the above period.

Keywords: regional identity, Ugra identity, treaty of Federation, regional history, complex subject, factors of identity formation

For citation: Zaikin D.S. On some peculiarities of the formation of regional identity of KHMAO-Ugra and the political competition for the legal political status of the Autonomous Okrug in the 1990s (on the materials of the periodicals of the Tyumen Region). *Historical Bulletin*. 2025. 8 (2). P. 172 – 183.

The article was submitted: November 22, 2024; Approved after reviewing: January 25, 2025; Accepted for publication: March 3, 2025.

Введение

Актуальность региональной идентичности варьируется в зависимости от ситуации, но на определенных этапах она становится весьма значимым фактором исторического развития, оказывая существенное влияние на интеграционные или, напротив, на дезинтеграционные процессы в государстве. Основное население, проживающее на территории, представляет собой сообщество, объединенное представлениями об общности проживания и интересов, ощущениями сплоченности и солидарности, которые являются основой самосознания и идентичности. Эти представления формируются в процессе пространственного воображения, преобразования окружающей среды и накопления социального опыта. Формирование региона сопровождается и интеграцией, и организацией общества на основе уважения этнического, культурного, религиозного многообразия и общечело-

веческих ценностей (правовых, этических и политических).

Материалы и методы исследований

В данной работе приводятся не только новые документы, но, по сути, уже и ранее хорошо изученный – большой авторский коллектив «Академической истории Югры» [1] проделал огромную работу в деле изучения постсоветской югорской истории, историками были изучены и проанализирована большая группа источников, в том числе и периодика. С другой стороны, многогранность процессов, современные исследовательские тенденции, в их числе – междисциплинарность, ставят задачи более подробного погружения в детали взаимоотношений субъектов так называемой «Тюменской матрешки».

В настоящее время достаточно хорошо исследованы надрегиональные, федеральные процессы, протекавшие на территории советского государ-

ства в «перестроечный» и «постперестроечный» периоды. Но по-прежнему остается малоизученным региональный материал, региональные тенденции и внутрирегиональные процессы. История югорского региона, в частности, в позднесоветский период является актуальнейшей темой по нескольким причинам: экономическая значимость Западной Сибири для российской экономики, отсюда особенности и специфика политических акторов и их взаимодействия в контексте феномена сложноустроенности Тюменской области. Одним из предметов новых исследований и нового подхода к изучению истории региона может стать изучение формирования региональной идентичности через политику идентичности в традиционном уже для отечественной науки конструктивистом подходе.

Новые политические и экономические условия после распада Советского Союза привели к появлению самостоятельного субъекта Российской Федерации: появление новых институтов, ассоциаций и организаций, которые также способствовали формированию региональной идентичности. Культурный обмен и взаимодействие с другими, «идентичными» регионами стимулировали формирование региональной идентичности и смягчали влияние процессов глобализации. Этот новый идентификационный сюжет особенно четко проявляется на примере Ханты-Мансийского автономного округа-Югры в рассматриваемый период. Экономическая специализация региона накладывала отпечаток на самоидентификацию жителей, социальный уклад и, и тем самым создавала основы самоидентификации.

К концу 1980-х гг. Ханты-Мансийский автономный округ стал крупнейшим нефтяным донором страны: «в конце 1980-х гг. нефтегазодобывающие районы Ханты-Мансийского автономного округа были крупнейшей в стране базой по извлекаемым запасам нефти, обеспечивающей получение более 63% этой важнейшей для народного хозяйства продукции. За 1986-1990 гг. в округе было введено в эксплуатацию 38 576 нефтяных скважин, 7854 км магистральных газопроводов, построено 4645 км дорог с твердым покрытием» [2, с. 88]. Вместе с тем добыча нефти падала, отсутствовала четкая программа развития и долгосрочное планирование в части политики нефтедобычи, экологической политики, отсутствовало достаточное снабжение нефтяников и газовиков. Не хватало даже наличных денег для выплаты заработной платы нефтяникам: областные власти запрашивали у федерального центра согласие на эмиссию купюр [3, л. 85]. Экономическая ситуация усиливала процессы политической стагнации.

Необходимо отметить, что особенности освоения территории Югры заложили в матрицу идентичности сильные позиции не только производственной, но и локальной (городской), а также этнической идентичности. В 1990-е годы все эти «участники» идентитарного кода югорчан взаимодействовали между собой, усиливались, ослаблялись и оказывали влияние на наполнение и характер региональной идентичности.

Результаты и обсуждения

Этнополитическая ситуация

При обсуждении формирования региональной идентичности в Ханты-Мансийском автономном округе - Югре в 1990-е годы невозможно обойти стороной ключевой фактор, связанный с этнической составляющей населения региона. Ханты и манси, являющиеся коренными народами этой территории, играли важную роль в формировании индивидуальной и коллективной идентичности на протяжении долгих лет – примордиалистская этническая политика руководителей советского государства дала свои негативные плоды. В период перестройки (1985-1990 гг.) этнические меньшинства, включая хантов и манси, начали активнее включаться в политико-общественные процессы, ощущая на себя политические тенденции в этнической политике государства. Такие организации как «Спасение Югры» и «Ямал потомкам» были катализаторами и активными участниками процессов не только внутри Тюменской области, но и на федеральном уровне. А политические и общественные активисты автономий вносили существенный вклад в установлении нового правового регулирования этнической политики. Например, один из ярких политических деятелей – представителей коренных-малочисленных народов, писатель Еремей Айпин: с февраля 1990 года по ноябрь 1991 года – председатель подкомиссии Комиссии Совета национальностей Верховного Совета СССР по национальной политике и международным отношениям.

В августе 1989 г. прошел первый учредительный съезд, на котором был утвержден устав организации «Спасение Югры». В уставе декларировались цели защиты прав коренного населения, в том числе за счет и усиления политического статуса автономного округа. На протяжении последнего десятилетия двадцатого века именно эта организация была активным актором общественно-политических событий в Югре. «Спасение Югры» на регулярной основе проводило съезды своих сторонников, на которых формировались «критические замечания», которые направлялись в адрес исполкома Югры. В ответ на критические замечания III съезда ассоциации председатель комитета

по делам национальностей Г.С. Корепанов председателю организации «Спасению Югры» в сентябре 1991 года отвечал, что Тюменский «обисполком считает, что образование Ханты-Мансийской автономной республики в рамках единого Тюменского топливно-энергетического комплекса нецелесообразно и может привести к нарушению сложившихся экономических связей. Постановка этого вопроса может вестись только после проведения общеобластного референдума по этой проблеме» [4, л. 78].

Одним из серьезных прецедентов в период распада Союза на территории Югры являлись события, развернувшиеся в селе Варьеган, где представители хантов и ненцев из числа Варьеганского отделения «Спасение Югры» 1 октября 1990 года устроили пикетирование и перекрыли дорогу. 2 октября 1990 представители организации направили в адрес Президента СССР М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина письмо, в котором выражали недовольство гибелью неестественной смертью 29 человек из числа коренного населения, порчей поголовья скота, нерестовых рек, требуя передачи земель в собственность родовых общин, выстроить отношения промышленных предприятий и родовых общин на договорной основе, а также передачи всей власти на местах в родовые советы. В случае невыполнения условий представители коренного населения грозились заблокировать работы на нефте-газпоромыслах и лесозаготовках [5, л. 99, 100]. В требованиях также значилось получение полноценной автономии округа и прямого подчинения Ханты-Мансийского автономного округа РСФСР [6, л. 48]. Совет народных депутатов ХМАО отметил необходимость решение проблем коренного населения, но прямого ответа на пункт требований полноценной автономии не последовало [7, л. 46].

На наш взгляд, именно этнический фактор, являвшийся «камнем преткновения» в правосубъектности и конституционном статусе Югры, играл и до сих пор играет особую роль в «политике идентичности» югорских властей, а стратегия защиты коренных малочисленных народов Севера являлась основной стратегией властей автономии несмотря на то, что численность коренного населения в общей численности населения на 1989 год составляло 0,9%, а, например, в соседнем Ямало-Ненецком автономном округе – 6% [8, с. 18]. Автор Пивнева Е.А. также подчеркивает обращение властей ХМАО к коренным народностям, анализируя переписи населения, проводимые в округе: «В то же время в последние десятилетия в среде коренных народов активизировались процессы смены этнической идентичности в пользу корен-

ных народов, связанные с процессами «этнического возрождения» второй половины 1980-х гг. и проводимой в округе преференциальной политикой в отношении коренных малочисленных народов» [9, с. 102].

Как отмечает исследователь Д.В. Сердюков: «... сами смыслы, лежащие в основе создания Ассоциация «Спасение Югры», подчеркивали особость и специфику региона, весьма удачно отражающие долгосрочные политические цели истеблишмента округа, направленные на достижение политической автономии территории» [10, с. 204].

Тенденции в процессе распада государства. Ухудшение социально-экономического положения

Неудачно складывающийся ход реформ под руководством М.С. Горбачева, идеологический кризис, кризис однопартийной системы и распад основной политической силы страны – Коммунистической партии привели к заметному ухудшению уровня жизни даже на относительно «богатом» Севере. Как отмечает исследователь Д.В. Сердюков: «Усиление кризисной ситуации в экономике и в социальной сфере региона способствовало росту общественного недоверия к КПСС, осуществляющей «перестройку» [11, с. 16].

Тяжелое положение во всех сферах жизни фиксировалась и официальных отчетах. Подобная оценка отражена и в отчете обкома КПСС «коммунисты обеспокоены неспособностью руководителей государства остановить развал нашего Союза и экономики, обуздать разгул преступности» [12, л. 6], аналогичные оценки ситуации можно увидеть в обращении делегатов XXVI Сургутской городской партийной конференции к Центральному комитету КПСС от 15 декабря 1990 года: «Трудящиеся города и района возмущены бездействием центральных государственных органов по наведению порядка в стране и требуют принятия незамедлительных, эффективных мер по стабилизации экономической и политической обстановки, пресечению разгула преступности» [13, с. 1].

Все эти события непосредственным образом сказывались и на значительное ухудшение социально-экономического положения жителей как Тюменской области – юга области и автономных округов – «население области неоправданно мало получает средств для рационального развития территории» [14, л. 5].

В дискурсе политических акторов, жителей стали появляться накопившиеся «болезненные точки» – экологические проблемы как глобально, так и местного уровня, непомерно высокий уровень преступности, а также борьба аборигенов с нефтяниками за сохранение своих коренных угодий.

Несмотря на происходящие процессы деградации и всеобщего упадка государственных структур жители Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа и Ямало-Ненецкого автономного округа на Референдуме в марте 1991 года, в целом, высказались за сохранение Советского союза [15, л. 5]:

- Ханты-Мансийский автономный округ – 62,5% при явке в 59,7%;
- Ямало-Ненецкий автономный округ – 61,7% при явке в 66,5%;
- Тюменская область – 71,6% при явке 71,6%.

Также стоит отметить, что во всех трех частях сложнопостроенной области советские власти практически единодушно не поддержали и осудили действия группы ГКЧП, а также поддержали действия руководителей РСФСР и Президента Б.Н. Ельцина [16, л. 97].

Сам же Б.Н. Ельцин в рамках своего визита в Тюмень 8 августа 1991 года (незадолго до «августовского путча»), комментируя развивающиеся сепаратистские тенденции уже внутри России, так комментировал складывающуюся обстановку: «Я считаю, у представителей окружных автономий нет такого, чтобы разодрать Тюменскую область» [17, л. 29], декларируя необходимость переговоров и учета мнений жителей региона, бескровность сепаратистских процессов в РСФСР, в отличие от событий в других союзных республиках СССР (ситуации в Прибалтике, на Кавказе).

Таким образом, центральная власть, в лице быстро набирающего авторитет и поддержку Б.Н. Ельцина, была заинтересована в сохранении единой Тюменской области в качестве консервативной сырьевой и перерабатывающей базы, несмотря на сепаратистские тенденции.

На встрече президентом России было озвучено, что, принимая во внимание особый статус в экономике государства Западно-Сибирского нефтегазового комплекса и Тюменской области, готовится указ. И 19 сентября 1991 год издается Указ Президента № 122 «О развитии Тюменской области» [18]. После опубликования и подписания Президентом РСФСР Б.Н. Ельциным правового акта в газете Тюменская правда появился комментарий председателя Ялutorвского горсовета В. Зимнева с красочным заголовком «Юг претендует на свою долю», в котором он рассуждал о новых условиях существования как своего муниципалитета, так и других «южных» частей Тюменской области: «удастся ли лебедю, раку и щуке – трём субъектам федерации учесть интересы южных территорий? Не получится ли так, что они в пылу страстей, занятые перетягиванием каната, забудут о нас...»

[19, с. 2]. Председатель окружного совета депутатов В.А. Чурилов, комментируя указ и новые условия распределения 10% ренты между субъектами области, утверждал: «...никто ни о ком заботиться не должен. У каждого есть своя голова на плечах, свой бюджет, свои органы власти. Нет у меня обязанности заботиться о юге. У юга нет обязанности заботиться о Севере» [20]. В решении правления организации «Ямал-потомкам» отмечалось, что «данном Указом проигнорированы интересы автономных округов как субъектов, имеющих свои региональные и национальные особенности» [21, л. 39]. Таким образом, неоднозначная политика федерального центра, слабость государственных и партийных структур, экономические проблемы подталкивало элиты к необходимости договорного процесса на месте.

О ходе договорного процесса

Важным шагом на пути формирования идентичности ХМАО-Югры как с политической, так и с культурно-социальной стал итог договорного процесса, завершившегося принятием правового акта о статусе Ханты-Мансийского автономного округа как самостоятельного субъекта Российской Федерации.

17 декабря 1991 года было подписано соглашение «О разграничении полномочий между Тюменскими областными, Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким окружными органами представительной и исполнительной власти в сфере экономических отношений» [22, с. 1], ставшее одним из первых в череде заключенных соглашений. Еще за несколько месяцев до подтверждения правосубъектности в федеративном договоре власти Тюменской области признавали округ полноценным самостоятельным субъектом: «Стороны признают, что на территории Тюменской области осуществляют свои полномочия равноправные субъекты федеративных отношений РФСР – Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа и Тюменская область в целом...» [22, с. 1].

Рассуждая о ходе процесса подписания федеративного договора в выпуске 19 марта 1992 год корреспондент «Сургутской трибуны» А. Вац, в материале о совещании автономий России отмечал: «Не попытка ли это ухватиться за хвост уходящего поезда? Не запоздалый ли отлуп центру?... не разыграл ли очередной политический трюк с целью получения собственных царств-государств, дабы и править на в них на свой лад, по своему хотению?» [23, с. 2]. А председатель Совета народных депутатов Ханты-Мансийского автономного округа В.А. Чурилов, позднее вспоминал: «Я в Ханты-Мансийск пригласил руководителей автономных округов (их было десять) и Еврейской

автономной области, мы провели совещание. Автономии твердо высказались за самостоятельность. Нас поддержал Рамазан Абдулатипов, на ту пору председатель Палаты национальностей Верховного совета РСФСР. И наверное, за неделю до подписания федеративного договора мы объявили Кремлю, что мы, автономии, – участники федеративного договора...» [24].

31 марта 1992 года власти Ханты-Мансийского автономного округа, наряду с представителями Тюменской области и Ямало-Ненецкого автономного округа поставили свои подписи под Федеративным договором. Тем самым основным правовым актом государства закреплялся статус автономий как самостоятельных субъектов новой федерации [25, с. 172].

Председатель Совета народных депутатов Ямало-Ненецкого автономного округа Александр Кузин следующим образом комментировал совместное заседание окружного и областных малых Советов 1 июля 1992 года в Салехарде: «У Тюмени, мы чувствуем, осталась попытка подчинить округа. У ханты-мансийцев – твердое решение развиваться, оставаясь в составе области. Ямальцев иногда называют сепаратистами, но для нас здесь главное – уйти от политиканства при обсуждении...» [26, с. 4].

В октябре 1992 года подписано «Соглашение о разграничении полномочий между Тюменскими областными, Ханты-Мансийскими и Ямало-Ненецкими окружными органами представительной и исполнительной власти в сфере экономических отношений». В газете «Новости Югры» также отмечается, что сами власти Тюменской области делают все для «развала области»: «весьма влияют как на порядок в области, так и на авторитет власти распоряжения областного руководства не имеющие правовой базы, которые затем хотят отменять. И, кстати, стиль принятия этих решений отнюдь не способствует сохранению единства территории области, отстаиванию общих интересов...» [27, с.1].

В декабре 1993 года состоялось всенародное голосование по принятию Конституции. И на территории округов новый Основной документ поддержали активнее: 81,8% из пришедших на голосование жителей Югры, 80,3% жителей Ямала проголосовали за принятие новой Конституции (составной частью которой являлся Федеративный договор). Жители «юга» Тюменской области были менее однозначны – 67,8% [28].

27 сентября 1995 года заключается «Договор об отношениях органов исполнительной власти Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа, Ямало-Ненецкого автономного округа.

Однако, несмотря на, казалось бы, найденный компромисс, Тюмень пошла на эскалацию – Постановление Тюменской областной Думы от 18.10.1995 №288 «Об Обращении Тюменской областной Думы в Конституционный Суд Российской Федерации» [29], в котором ставятся вопросы о правоприменении Конституционной нормы и необходимости проведения выборов губернатора Тюменской области в автономиях. Таким образом, в 1995-1997 события противостояния в сложнопостроенном субъекте достигают своего апогея. В феврале 1996 года пытаются использовать лоббистские возможности, и Тюменская областная Дума принимает ряд обращений в адрес федеральных властей. В ответ 5 марта 1996 года Думой ХМАО принимается постановление: «Об обращении к федеральным органам государственной власти», в котором власти округа выступают апологетами сохранения спокойствия и стабильной политической обстановки, в отличие от властей Тюменской области, которые ведут деструктивную политику – попытки непосредственно распространения власти и юрисдикции на территорию автономного округа [30, с. 1].

Отправной точкой «послеконституционного» этапа отношений властей Тюменской области и автономных округов являлось постановление Конституционного суда от 14 июля 1997 г № 12-П. Суд подтверждал факт вхождения автономных округов в состав Тюменской области, признавалось и равноправие этих субъектов. Также Суд пришел к выводу о необходимости единой власти для всех трех субъектов, которая должна избираться населением области и округов: «Вхождение автономного округа в край, область означает также признание населения округа составной частью населения края, области. В связи с этим население автономного округа вправе наравне с населением других районов (частей) края, области участвовать в выборах органов законодательной и исполнительной власти (главы администрации) края, области. Поэтому органы государственной власти автономного округа обязаны принять все предусмотренные законодательством меры для реализации этого права граждан... "Вхождение" не умаляет статуса автономного округа как равноправного субъекта Российской Федерации, поскольку он вправе по своему усмотрению распоряжаться тем объемом полномочий, которые предоставлены ему Конституцией Российской Федерации» [31].

Вокруг решения высшей инстанции снова разгорелись заочные дебаты, в «Новостях Югры» выходит разгромный репортаж: «Искажение реальной ситуации, решений Конституционного Суда РФ, необъективность публикаций – стиль тюмен-

ских газетчиков», а про губернатора Тюменской области Л.Ю. Рокецкого отмечается следующее: «Непоследовательность, безответственность и сознательное непризнание Конституции Российской Федерации, Федерального договора, договора между тремя равноправными и самостоятельными субъектами РФ отмечают этого политического деятеля Тюменьщины» [32, с. 3].

Упоминая о сложных перипетиях взаимоотношений парадоксальным и заслуживаемым интереса является то, что большое количество руководителей, политиков Тюмени и автономных округов работали сначала то в Ханты-Мансийске, в Салехарде, а за тем в Тюмени, то наоборот – Г.С. Корепанов, Ю.В. Неелов, В.А. Чурилов, Ю.К. Шафраник, Л.Ю. Рокецкий, С.С. Собянин. Все эти представители политической и управленческой элиты хорошо знали друг друга, в том числе и расстановки сил как в Тюменской области, так и автономных округах.

*Альтернативные варианты развития
и политических статусов*

Альтернативными вариантами развития отношений в договорных рамках было повышение правового и политического статуса округов – провозглашение автономий республиками. Ямальцы продвинулись достаточно далеко: 18 октября 1991 г. окружной Совет принял декларацию о суверенитете Ямало-Ненецкого округа в статусе республики. Закон РСФСР от 15 декабря 1990 года «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР» предусмотрел, что «автономный округ находится в составе РСФСР и может входить в край или область» [33]. Совет народных депутатов Ханты-Мансийского автономного округа принял более сдержанное решение, заявив о необходимости наделения автономного округа статусом и полномочиями равноправного субъекта Федерации, подчеркнув при этом, что статус округа не является достаточной политической, экономической и правовой гарантией автономии и прав, проживающих в нем граждан. Как следствие подобных действий со стороны автономных округов в ноябре 1991 года президиум областного Совета народных депутатов предпринимает еще одну тщетную попытку взять под контроль развитие территориальных отношений в Тюменской области. Однако его обращение к Президенту РСФСР с просьбой о передаче главе администрации области права назначения (по согласованию с главами администраций автономных округов) глав администраций городов и районов, расположенных на территории Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных

округов, было оставлено без внимания федеральными органами власти.

И внутри самих автономий все было тоже не стабильно, например в работе Васильева В.И. «Проблемы национального развития малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области» в 1990 году отмечается: «в конце 1989 г. часть шурышкарских хантов высказалась на страницах местной прессы за передачу района Ханты-Мансийскому автономному округу» [34]. На международной конференции «Человек и его среда обитания», проходившей в Тюмени обсуждалась активно идея выделения Ханты-Мансийского округа в автономную республику и придания самостоятельного статуса «На первый взгляд привлекательно, но когда мы посмотрели работает ли эта идея на человека, выяснилось – нет» [35, с. 3]. В марте 1991 года в «Тюменской правде» выходит статья под названием «Ямальский суверенитет и тюменское мороженое», в которой повествуется о том, что на власти Ямала запросили у Тюмени мороженое для того, чтобы накормить участников форума. Автор в замысловатой форме напоминает элитам Ямала: «Суверенитет – дело хорошее, но гостей кормить надо» [36, с.1].

Кроме альтернатив в границах Тюменской области существовали сценарии кардинальных изменений границ и регионов. Одним из наиболее политически громких, оставивших яркий след в истории того периода было создание на базе Свердловской области «Уральской республики». Пытаясь воспользоваться напряженной ситуацией, идеологами уральской республики была предпринята попытка включить в состав территории проживания югорских манси с соответствующими месторождениями полезных ископаемых [37]. Свердловчане смогли продавить свои идеи и на федеральном уровне – председателем Правительства России Е. Гайдаром было подписано постановление № 944 от 07.12.1992 «О Конгрессе культуры народа манси» [38]. I-й Конгресс культуры мансийского народа прошел 25-26 декабря 1992 г. в Урае. Однако отсутствию поддержки со стороны «Спасение Югры» и ясное понимание целей организации властями автономии в течении года идеи Мансийского республики сошли на нет [39, с. 1].

В прессе также звучала информация о проекте «Зауральского края», созданном инициативной группой в Екатеринбурге, предусмотрев вхождение в состав края Тюменской, Курганской и Свердловской областей [40, с. 1], идея создания суперрегиона появлялась и позже в рамках уральской республики [41, с. 77]. По итогам заседания президиума областного Совета народных депута-

тов часть депутатов рассуждали о возможных концепциях развития территориально-политического деления, озвучивались разные пути: «тюменская земля или республика», «а почему бы не войти в Уральскую республику» [42, с. 1].

В этот период активно действуют и общественные объединения, одно из которых «Союз объединения Сибири»: «Сибирская республика должна войти в состав России на конфедеративных началах. Россия только выиграет от этого. Сейчас хозяина в Сибири нет. Отсюда варварское отношение ко всему – к территории, ее богатствам, экологии, культурному наследию, к людям...» [43, с. 1]. В 1990 году в Сургуте была зарегистрирована общественная организация «Демократический форум Сургута». Устав организации содержал недвусмысленные задачи: «ДФ выступает за объявление Ханты-Мансийского автономного округа автономной областью или республикой, имеющей монопольное право на все природные ресурсы на своей территории, в подчинение которой переходит все имущество республиканских и союзных министерств (кроме МО)» [44, л. 75].

Исследователь М.А. Никитин в своей статье по итогам экспедиции по изучению этнополитических процессов в области, на Ямале и в Югре отмечал усилия властей Югры даже по формированию не просто региональной, а трансрегиональной общности: «Советник губернатора ХМАО по делам национальностей и общественных объединений Г.А. Выдрин в интервью признался, что администрация округа стремится к консолидации пёстрога, с этнической точки зрения, населения вплоть до формирования нового этноса – «сибиряки». Тактически, данная задача решается культивированием окружного патриотизма» [45]. То есть возможные альтернативы и стратегии конструирования идентичности рассматривались властями ХМАО. Исследователь отметил также характер югорской идентичности: «Объективные причины, сплачивающие местное население – противостояние с исполнительной властью юга Тюменской области, которое было особенно сильным во второй половине 1990-х годов прошлого века, и постоянные попытки федерального Центра перераспределить в свою пользу доходы от добычи нефти» [45].

Выводы

Подводя итоги, можно отметить следующее: формирование региональной идентичности в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре в 1990-е годы было результатом взаимодействия различных акторов: экономических, этнических, социокультурных и общественно-политических; влияло экономическое развитие, глобализация и политические трансформации.

Особую политическую и историческую роль сыграло появление в 1989 году организации «Спасение Югры». Несмотря на достаточно острый характер проблем и зачастую жесткие ультимативные требования членов организации по отношению к югорским властям на первых этапах, именно фактор «этничности», который институализировала организация, стал системообразующим фактором в становлении идентичности и политике идентичности югорских властей. Влияние на процессы оказала и экономическая специализация округа, особенности освоения территорий. И внутренние и внешние силы предлагали свои варианты субъектных границ региона – от идей Ханты-Мансийской республики, Сибирской республики и большой Уральской республики, до выделения отдельных образований – таких как попытка создания Мансийской республики. Однако власти округа, несмотря на наличие явных притязаний на широкую политическую автономию, не пересекали «красных линий», активно участвуя в договорном процессе.

Таким образом, в 1990-е годы шла политическая борьба за правосубъектность округа. Власти округа боролись за свою самостоятельность, свою идентичность, в чем их активно поддерживало население и элитные группы. Несмотря на сложности и вызовы этого периода, региональная идентичность укреплялась, обогащаясь новыми элементами и сохраняя традиции и ценности уникального югорского региона. Одними из главных сторонников полной самостоятельности для защиты своего образа жизни были коренные малочисленные народы Севера. Через череду сложных вызовов, большое количество переговоров между властями Тюменской области и автономных округов были установлены достаточно паритетные отношения.

Список источников

1. Академическая история Югры. [Электронный ресурс] // Институт российской истории РАН. URL: <https://iran.ru/publications/3472> (дата обращения 01.10.2024)
2. Академическая история Югры: в 8 т. / под общ. ред. Р.Г. Пихоя. Ханты-Мансийск: АО изд. Дом «Новости Югры», 2024. Т. 7. Второе «покорение Сибири»: Ханты-Мансийский автономный округ – Югра в годы становления и развития нефтегазового комплекса (1953-1991 / отв. Ред. Е.Ю. Зубкова, А.И. Прищепа. 712 с.

3. ГАТО. Ф. р814. О.1. Д. 7650. Л. 85.
4. ГАТО. Ф. 2331. О.1. Д. 7. Л. 78.
5. ГАТО. Ф. 2331. О.1. Д. 7. Л. 99,100.
6. ГАТО. Ф. 2331. О.1. Д. 7. Л. 48.
7. ГАТО. Ф. 2331. О.1. Д. 7. Л. 46.
8. Корнилов Г.Г. Население Ямала в 1959-1989 гг.: историко-демографический анализ. автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2010. 31 с.
9. Пивнева Е.А. Коренные малочисленные народы ХМАО – Югры в зеркале всеобщих переписей населения России XX-XXI вв. // Тульский научный вестник. Серия: История. Языкознание. 2023. № 4 (16). С. 87 – 110.
10. Академическая история Югры: в 8 т. / под общ. ред. Р. Г. Пихоя. Ханты-Мансийск: АО Изд. дом «Новости Югры», 2024. Т. 8. Югра в 1991-2023 гг. / отв. ред. С.В. Журавлев, В.К. Нехайчик. 776 с.
11. Сердюков Д.В. Нарастание кризиса советской партийно-государственной системы в 1985-1991 гг.: региональный аспект (на материалах ХМАО): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сургут, 2006. 275 с.
12. ГАСПИТО. Ф. 124. О.1. Д. 9096. Л. 16.
13. Обращение // Тюменская правда. 1990. Декабрь. С.1.
14. ГАСПИТО. Ф. п124. О.1. Д. 9141. Л. 6.
15. ГАТО. Ф. р5. О.1. Д.2165. Л. 5.
16. ГАТО. Ф. р814. О.1. Д.7850а. Л. 97.
17. ГАТО. Ф. р814. О.1. Д.7848. Л. 29.
18. Указ Президента РСФСР от 19.09.1991 № 122 «О развитии Тюменской области» // Официальный интернет портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?Docbody=&nd=102012543&rdk=0> (дата обращения 01.10.2024)
19. Юг претендует на свою долю // Тюменская правда. 1991. С. 2.
20. Делим деньги – делим власть // Тюменская правда. 1991.
21. ГАТО. Ф. 2331. О.1. Д.1. Л. 39.
22. Соглашение «О разграничении полномочий между Тюменскими областными, Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким окружными органами представительной и исполнительной власти в сфере экономических отношений» // Тюменская правда. 17.12.1991 № 231. С. 1.
23. Плюс суверенизация округов // Сургутская трибуна. 1992. № 55. С. 1 – 4.
24. Валерий Чурилов: «За неделю до подписания федеративного договора мы объявили кремлю, что мы – автономии» [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический интернет портал «ugra-news.ru» («Новости Югры»). URL: https://ugra-news.ru/article/valeriy_churilov_za_nedelyu_do_podpisaniya_federativnogo_dogovora_my_obyavili_kremlyu_ch_to_my_avtono/ (дата обращения 10.10.2024)
25. Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990-1993 гг.): в 6 т. Т. 3: 1992 год. Книга третья (Строительство новой Федерации) / под общ. ред. О.Г. Румянцева. М.: Волтерс Клувер, 2008. 1112 с.
26. Ямал не будет «воевать» за республику, если узаконит необходимые права // Новости Югры. 1992. Июль. С. 4.
27. Неравноправное равноправие // Новости Югры. 1992. № 184-185. С. 1.
28. Итоги всенародного голосования по проекту Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 года [Электронный ресурс] // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. URL: http://www.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/referendum/1993_ref_itogi.php (дата обращения 10.10.2024)
29. Постановление Тюменской областной Думы от 18.10.1995 № 288 «Об обращении Тюменской областной Думы в Конституционный Суд Российской Федерации» <https://admtyumen.ru/law/view.htm?id=204338> (дата обращения 10.10.2024)
30. «Об обращении к федеральным органам государственной власти» // Новости Югры. 1996. № 42. С. 1.
31. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.07.1997 № 12-П «По делу о толковании содержащегося в части 4 статьи 66 Конституции Российской Федерации положения о вхождении автономного округа в состав края, области» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15235/ (дата обращения 01.10.2024)
32. Тюменский корень // Новости Югры. 1996. № 88. С. 3.

33. Закон РСФСР от 15 декабря 1990 г. "Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР" [Электронный ресурс] // Электронный музей конституционной истории России URL: <http://rusconstitution.ru/library/constitution/articles/1296/> (дата обращения: 01.10.2024)
34. Васильев В.И. Проблемы национального развития малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области (на материалах Шурышкарского района) [Электронный ресурс]. <https://static.iea.ras.ru/neotlozhka/7-vasiliev.pdf> (дата обращения 10.10.2024)
35. Тюменская правда. 25.12.1990. С. 3.
36. Ямальский суверенитет и тюменское мороженое // Тюменская правда 1991. № 62. С. 1.
37. Мансийская республика. Как в девяностые Антон Баков и Эдуард Россель присоединяли нефтяные земли ХМАО [Электронный ресурс] // Портал «66.ru». URL: <https://66.Ru/news/politic/229174/> (дата обращения 01.10.2024)
38. Постановление Правительства Российской Федерации от 07.12.1992 № 944 «О конгрессе культуры народа манси» // Официальный интернет портал правовой информации. URL: http://ips.pravo.gov.ru/?docbody=&link_id=30&nd=102020161&intelsearch= (дата обращения: 01.10.2024)
39. «Конгресс» распущен, но продолжает бесчинствовать // Новости Югры. 1992. № 17. С. 1.
40. К удельному княжеству? // Тюменская правда. № 231. 17.12.1991. С. 1.
41. Осипов, И.В. Движение за создание Уральской Республики в контексте истории уральского регионализма: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2021. 243 с.
42. Тюменская республика? // Новости Югры. 1993. № 75. С. 1.
43. Нужна ли Сибирская республика? // Тюменская правда. 19.12. 1991 С. 1.
44. Магс. Ф. 3. О. 1. Д. 504. Л. 75.
45. М.А. Никитин. Изучение этнополитических процессов в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах Тюменской области (отчёт по экспедиционному выезду [Электронный ресурс]. <http://www.ethnonet.ru/lib/0803-04.html> (дата обращения 01.10.2024)

References

1. Academic history of Yugra. [Electronic resource]. Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. URL: <https://iriran.ru/publications/3472> (date of access 01.10.2024)
2. Academic history of Yugra: in 8 volumes / under the general editorship of R.G. Pikhoy. Khanty-Mansiysk: AO Publishing House. House "Novosti Yugry", 2024. Vol. 7. The second "conquest of Siberia": Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra in the years of formation and development of the oil and gas complex (1953-1991). Ed. E.Yu. Zubkova, A. I. Prishchepa. 712 p.
3. GATO. F. p814. O.1. D. 7650. L. 85.
4. GATO. F. 2331. O.1. D. 7. L. 78.
5. GATO. F. 2331. O.1. D. 7. L. 99,100.
6. GATO. F. 2331. O.1. D. 7. L. 48.
7. GATO. F. 2331. O.1. D. 7. L. 46.
8. Kornilov G.G. Population of Yamal in 1959-1989: historical and demographic analysis. author's abstract. dis. ... cand. history. sciences. Ekaterinburg, 2010. 31 p.
9. Pivneva E.A. Indigenous peoples of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra in the mirror of general population censuses of Russia in the 20th-21st centuries. Tula Scientific Bulletin. Series History. Linguistics. 2023. No. 4 (16). P. 87 – 110.
10. Academic history of Yugra: in 8 volumes.under the general editorship of R.G. Pikhoy. Khanty-Mansiysk: JSC Publishing House "Novosti Yugry", 2024. Vol. 8. Yugra in 1991-2023. ed. S.V. Zhuravlev, V.K. Nekhaychik. 776 p.
11. Serdyukov D.V. Growing crisis of the Soviet party-state system in 1985-1991: regional aspect (based on the materials of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug): author's abstract. diss. ... candidate of historical sciences. Surgut, 2006. 275 p.
12. GASPITO. F. 124. O.1. D. 9096. L. 16.
13. Appeal. Tyumenskaya Pravda. 1990. December. P. 1.
14. GASPITO. F. p124. O.1. D. 9141. L. 6.
15. GATO. F. r5. O.1. D.2165. L. 5.
16. GATO. F. p814. O.1. D.7850a. L. 97.
17. GATO. F. p814. O.1. D.7848. L. 29.

18. Decree of the President of the RSFSR of September 19, 1991 No. 122 "On the Development of the Tyumen Region". Official Internet portal of legal information. URL: <http://pravo.Gov.Ru/proxy/ips/?Docbody=&nd=102012543&rdk=0> (date of access 10/01/2024)
19. The South Claims Its Share. Tyumenskaya Pravda. 1991. P. 2.
20. We Share Money – We Share Power. Tyumenskaya Pravda. 1991.
21. GATO. F. 2331. O.1. D.1. L. 39.
22. Agreement "On the delimitation of powers between the Tyumen regional, Khanty-Mansiysk and Yamalo-Nenets district bodies of representative and executive power in the sphere of economic relations". Tyumenskaya Pravda. 12/17/1991 No. 231. P. 1.
23. Plus sovereignty of districts. Surgutskaya Tribune. 1992. No. 55. P. 1 – 4.
24. Valery Churilov: "A week before signing the federal treaty, we announced to the Kremlin that we are autonomies" [Electronic resource]. Information and analytical Internet portal "ugra-news.ru" ("News of Yugra"). URL: https://ugra-news.Ru/article/valeriy_churilov_za_nedelyu_do_podpisaniya_federativnogo_dogovora_my_obyavili_kremlyu_ch_to_my_avtono/ (date of access 10.10.2024)
25. From the history of the creation of the Constitution of the Russian Federation. Constitutional Commission: transcripts, materials, documents (1990-1993): in 6 volumes. Volume 3: 1992. Book three (Construction of a new Federation). under the general editorship of O.G. Rumyantsev. Moscow: Wolters Kluwer, 2008. 1112 p.
26. Yamal will not "fight" for the republic if it legitimizes the necessary rights. News of Yugra. 1992. July. P. 4.
27. Unequal equality. News of Yugra. 1992. No. 184-185. P. 1.
28. Results of the nationwide vote on the draft Constitution of the Russian Federation on December 12, 1993 [Electronic resource]. Central Electoral Commission of the Russian Federation. URL: http://www.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/referendum/1993_ref_itogi.php (date of access 10.10.2024)
29. Resolution of the Tyumen Regional Duma of October 18, 1995 No. 288 "On the appeal of the Tyumen Regional Duma to the Constitutional Court of the Russian Federation" <https://admtyumen.ru/law/view.htm?id=204338> (date of access 10.10.2024)
30. "On the appeal to federal government bodies". News of Yugra. 1996. No. 42. P. 1.
31. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 14.07.1997 No. 12-P "On the case of interpretation of the provision contained in Part 4 of Article 66 of the Constitution of the Russian Federation on the inclusion of an autonomous okrug into a territory, region" [Electronic resource]. Reference and legal system "Consultant Plus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15235/ (date of access 01.10.2024)
32. Tyumen root. News of Yugra. 1996. No. 88. P. 3.
33. Law of the RSFSR of December 15, 1990 "On Amendments and Additions to the Constitution (Basic Law) of the RSFSR" [Electronic resource]. Electronic Museum of Constitutional History of Russia URL: <http://rusconstitution.ru/library/constitution/articles/1296/> (accessed: 01.10.2024)
34. Vasiliev V.I. Problems of National Development of Small-Numbered Peoples of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug of the Tyumen Region (based on materials from the Shuryshkarsky District) [Electronic resource]. <https://static.iea.ras.ru/neotlozhka/7-vasiliev.pdf> (accessed 10.10.2024)
35. Tyumenskaya Pravda. 12/25/1990. P. 3.
36. Yamal sovereignty and Tyumen ice cream. Tyumenskaya Pravda 1991. No. 62. P. 1.
37. Mansi Republic. How Anton Bakov and Eduard Rossel annexed the oil lands of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug in the nineties [Electronic resource]. Portal "66.ru". URL: <https://66.Ru/news/politic/229174/> (date of access 01.10.2024)
38. Resolution of the Government of the Russian Federation of 07.12.1992 No. 944 "On the Congress of Culture of the Mansi People". Official Internet portal of legal information. URL: http://ips.pravo.gov.ru/?docbody=&link_id=30&nd=102020161&intelsearch= (date of access: 01.10.2024)
39. "Congress" is dissolved, but continues to commit atrocities. News of Yugra. 1992. No. 17. P. 1.
40. Towards an appanage principality? Tyumenskaya Pravda. No. 231. 12/17/1991. P. 1.
41. Osipov, I.V. The movement for the creation of the Ural Republic in the context of the history of Ural regionalism: diss. ... Cand. of History. Moscow, 2021. 243 p.

42. Tyumen Republic? News of Yugra. 1993. No. 75. P. 1.
43. Is a Siberian Republic Needed? Tyumenskaya Pravda. 12/19/1991 P. 1.
44. Mags. F. 3. O. 1. D. 504. L. 75.
45. M.A. Nikitin. Study of ethno-political processes in the Yamalo-Nenets and Khanty-Mansi Autonomous Okrugs of the Tyumen Region (report on an expeditionary trip [Electronic resource]. <http://www.ethnonet.ru/lib/0803-04.html> (date of access 01.10.2024)

Информация об авторе

Заикин Д.С., аспирант, Сургутский государственный университет, danil_zaikin74@mail.ru

© Заикин Д.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<http://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки)

УДК 392.311

Семейные традиции представителей народа сихиртя – автохтонного населения Ямала

¹ Стерхов А.А.,

¹ Гимназия «Лаборатория Салахова», г. Сургут

Аннотация: статья посвящена исследованию семейных традиций рода Вэлко Стерх-ра, являющегося последним ныне живущим родом из древнего народа сихиртя, автохтонного населения полуострова Ямал. Подробно представлена специфика родового имени, обладающего сложной структурой и состоящего из титула, титульной части фамилии, родовой части фамилии и личного имени с присоединением имени отца – для главенствующей ветви рода; либо состоящего из родовой фамилии и имени – для младших ветвей рода. Отдельно указана особенность женских имён у народа сихиртя. Автором раскрыта специфика восприятия своего дома представителями народа сихиртя, вводится в этнографическую науку понятие культурной самоизоляции представителей народа сихиртя, существовавшей на протяжении тысячелетий. Представлено описание интерьера дома, подчёркивается приверженность сихиртя к строгому порядку в доме. Особое внимание уделяется традициям питания и традиции гостеприимства в этнической культуре сихиртя, по настоящее время строго соблюдаемых представителями старшей ветви рода Вэлко Стерх-ра. Делается вывод о незыблемости и важности традиций в сознании представителей народа сихиртя, приверженности традиционному укладу жизни не только в обрядовой сфере, но и в ситуациях повседневного быта. Особо следует отметить, что мир традиций народа сихиртя, поддерживаемый представителями старшей ветви рода Вэлко Стерх-ра, сохранился в исконном виде с эпохи Древнего мира и абсолютно не подвергся влиянию современного постиндустриального общества.

Ключевые слова: автохтонное население, дом сихиртя, культурная самоизоляция, семейные традиции, традиции гостеприимства, традиции питания, сихиртя

Для цитирования: Стерхов А.А. Семейные традиции представителей народа сихиртя – автохтонного населения Ямала // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 2. С. 184 – 188.

Поступила в редакцию: 23 ноября 2024 г.; *Одобрена после рецензирования:* 25 января, 2025 г.; *Принята к публикации:* 3 марта 2025 г.

Family traditions of representatives of the Sikhirtya people – the indigenous population of Yamal

¹ Sterkhov A.A.,

¹ Gymnasium "Salakhov Laboratory" of Surgut

Abstract: the article is devoted to the study of the family traditions of the Velko Sterkh-ra family, which is the last living family from the ancient Sikhirtya people, the indigenous population of the Yamal Peninsula. The specifics of a generic name with a complex structure and consisting of a title, the titular part of the surname, the generic part of the surname and a personal name with the addition of the father's name – for the dominant branch of the genus; or consisting of the generic surname and first name – for the younger branches of the genus are presented in

detail. The peculiarity of female names among the Sikhirtya people is separately indicated. The author reveals the specifics of the perception of their home by representatives of the Sikhirtya people, introduces into ethnographic science the concept of cultural self-isolation of representatives of the Sikhirtya people, which has existed for thousands of years. The description of the interior of the house is presented, the commitment of sikhirtya to strict order in the house is emphasized. Special attention is paid to the traditions of food and hospitality in the ethnic culture of Sikhirtya, which are currently strictly observed by representatives of the senior branch of the Velko Sterkh-ra family. The conclusion is made about the inviolability and importance of traditions in the minds of representatives of the Sikhirtya people, adherence to the traditional way of life not only in the ceremonial sphere, but also in everyday life situations. It should be especially noted that the world of traditions of the Sikhirtya people, supported by representatives of the senior branch of the Velko Sterkh-ra family, has been preserved in its original form since the era of the Ancient World and has absolutely not been influenced by modern post-industrial society.

Keywords: autochthonous population, sikhirtya house, cultural self-isolation, family traditions, hospitality traditions, food traditions, Sikhirtya

For citation: Sterkhov A.A. Family traditions of representatives of the Sikhirtya people – the indigenous population of Yamal. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (2). P. 184 – 188.

The article was submitted: November 23, 2024; Approved after reviewing: January 25, 2025; Accepted for publication: March 3, 2025.

Введение

До настоящего времени главной научной проблемой для этнографов, исследующих коренные народы Крайнего Севера, является вопрос о существовании автохтонного (доненецкого) населения Ямала, легендарного народа «сихиртя». Как отмечают И.В. Демьяненко и Н.Ю. Марамзина, «находятся все новые и новые доказательства, тысяча лет назад на северной земле жил маленький, но сильный народ, который явно мог победить ненцев, но уступил землю без войны, позволив им пасти на этой земле собственных оленей» [2, с.13]. О попытках нахождения следов духовной культуры данного народа говорит в своей статье Н.И. Шутова, исследователь священных мест Урала эпохи Средневековья [9, с. 112]. П.Ф. Лимеров в своих исследованиях проводит параллель между народом, который восточные славяне называли «чудь», и сихиртя [4, с. 72]. Но при этом следует чётко различать два не связанных друг с другом народа – чудь заволочская, под которой подразумевается финно-угорское население севера и северо-запада европейской части современной России, и чудь белоглазая, тот самый легендарный народ, который ненцы называют сихиртя, также используя при этом эпитет «белоглазые». Я.В. Пилипчук предполагает, что сихиртя являлись парауральцами [5, с. 33]. О сихиртя как первом автохтонном народе Севера говорит современный норвежский исследователь В.Т. Гортер, при этом полностью ошибочно полагая, что «постепенно сихиртя были полностью ассимилированы» [10, с. 239]. Напротив, в ненецких преданиях, отраженных, в том числе, в нескольких современных исследованиях по указанной проблеме, говорится об уходе сихир-

тя под землю после прихода на Ямал людей [8, с. 121]. Так, встречающиеся на Ямале сопки ненцы считают домом представителей подземного народа сихиртя [3, с. 292]. Согласно ненецким преданиям, под землёй находится ещё семь земель, на первой из которых и живут сихиртя [6, с. 138]. Согласно представлениям ненцев, под землёй сихиртя, среди прочих занятий, пасут мамонтов [1].

Материалы и методы исследований

Материалами настоящего исследования являются родовые предания, обычаи и традиции народа сихиртя, передаваемые из поколения в поколение в виде устной традиции, образа жизни, быта и памятников материальной культуры. В процессе работы над статьей использовались такие методы этнографического исследования, как наблюдение, интервью, структурно-функциональный метод и компонентный анализ.

Результаты и обсуждения

Представим далее три основных аспекта данного исследования: структуру родовых имён старшей ветви рода Вэлко Стерх-ра, специфические характеристики дома сихиртя как важнейшего элемента социально-культурной самоизоляции народа, а также традиции питания.

Родовое имя

Представив выше краткий обзор научной литературы по исследуемой проблеме, закономерно поставим вопрос, на который до настоящего времени не получен однозначный ответ: существовал ли народ сихиртя в действительности. Ответ однозначен: существовал, и более того, существует до сих пор, ведя по тысячелетнему обычаю скрытый образ жизни. В предыдущей статье, опубликованной в 2023 году в журнале «Исторический

бюллетень», автор данного исследования раскрыл факт, что до настоящего времени сохранился единственный род, принадлежащий к этносу сихиртя, носящий родовую фамилию Стерх-ра (в русифицированном варианте, используемом в документах с XVII века – Стерховы) [7, с. 78]. При этом мужчин-представителей старшей ветви рода, полностью сохранившей традиции, обычаи, культуру, верования и язык народа сихиртя, осталось всего трое – ныне живущий Глава рода, Вэлкойне иштра Вэлко Стерх-ра Алекша-эн-Алекша; его единственный сын Свастара иштра Вэлко Стерх-ра Алекша-эн-Алекша; единственный сын предыдущего – Сурайя иштра Вэлко Стерх-ра Алекша-эн-Алекша.

Следуя логике научного исследования, рассмотрим подробнее значение вышеуказанных имён. Общей фамилией для представителей рода является фамилия Стерх-ра, где первый компонент обозначает принадлежность к конкретному роду, а второй – принадлежность к народу сихиртя в целом. При этом только трое представителей рода имеют право прибавить перед «родовой частью фамилии» слово «Вэлко», являющееся титульной частью фамилии, и означающее статус Главы рода, его старшего сына и старшего внука (первого сына старшего сына Главы рода). Порядок написания полного имени представителя старшей ветви рода следующий:

1) Титул старшинства (один из трёх возможных соответственно статусу в роду): Вэлкойне иштра, Свастара иштра или Сурайя иштра.

2) Титульная часть фамилии: Вэлко (отсутствует у всех представителей рода, кроме трёх старших, о которых сказано выше).

3) Родовая часть фамилии: Стерх-ра.

4) Личное имя с именем отца: у старшей, главенствующей ветви рода всегда Алекша-эн-Алекша («Алекша от Алекши» в дословном переводе с сихиртиайне).

Следовательно, полное имя Главы рода записывается так: Вэлкойне иштра Вэлко Стерх-ра Алекша-эн-Алекша.

С XVII века по настоящее время представителями старшей ветви рода используется в государственных документах русифицированное полное имя Стерхов Алексей Алексеевич, поскольку имя «Алекша» похоже по звучанию на распространённое в русскоязычной среде имя «Алексей». Однако семантика данных имен, разумеется, различается полностью. Имя «Алекша» относится к «высоким именам» в родовой традиции сихиртя, так как происходит от имени верховного божества пантеона сихиртя – Вэлко Але, создателя Вселенной и всего живого и неживого в ней. Таким образом,

каждый Глава рода в обязательном порядке называет своего старшего сына и наследника «Алекша», отсюда в русифицированном варианте каждый старший мужчина в роду носит имя «Алексей Алексеевич».

Традиционные женские имена, применяемые как внутри рода Вэлко Стерх-ра, так и в целом в народе сихиртя, состоят из трёх-четырёх слогов и оканчиваются на «эйна (-ейна)» или «-айна». При этом трёхсложные имена считаются статусно выше четырехсложных и обозначают более близкое родство к Главе рода.

Дом сихиртя

Сихиртя предпочитают жить в частных домах, хотя в настоящее время допускают проживание и в многоквартирном доме, но только при необходимости, связанной с ведением трудовой деятельности в крупном городе. Дом для представителя народа сихиртя – это место тишины и покоя, внутренний мир, изолированный от мира внешнего. В доме соблюдается чистота и порядок во всём, вплоть до расстановки тарелок по возрастанию или убыванию в кухонном шкафу, тщательного подбора мебели гармоничных тонов, исходя из общего стиля интерьера дома (квартиры). Дом сихиртя чётко разделяется на рабочую зону (например, рабочий кабинет внутри дома) и зону отдыха. В интерьере рабочей зоны преобладают строгие, холодные тона; в зоне отдыха, напротив, мягкие, бежевые, золотистые, древесные и т.д. Окна дома (квартиры) должны выходить на две или более стороны света. Предпочтительно, чтобы часть окон выходила на север, но допускается и выход на противоположные стороны света – запад и восток. Дом сихиртя – важнейший элемент культурной самоизоляции. Сихиртя до крайней степени негостеприимны, никогда не подойдут к двери в ответ на стук или звонок, если только сами кого-то не пригласили в дом на определенное время. В доме всё расставлено по своим местам, согласно древним традициям. Сихиртя не любят яркий свет и предпочитают верхнему электрическому освещению под потолком мягкий свет настольных ламп, либо стараются подобрать неяркие лампы для потолочных люстр.

Традиции питания

Как было сказано выше, отличительным признаком традиционного менталитета представителей народа сихиртя в части, касающейся собственного дома, является крайнее негостеприимство, закрытость для посторонних. Получение приглашения в гости, особенно на обед или ужин, полученное от сихиртя, является символическим выражением настоящей дружбы или любви, искреннего доверия. Приглашая в свой дом гостя на

обед, сихиртя накрывает богатый стол, с разнообразными видами блюд: напитки, салаты, фрукты, сладости, рыбные и мясные блюда – так, чтобы приглашенный мог получить достойное угощение. При этом со стороны гостя требуется принять как можно больше пищи, чтобы показать, насколько он доволен и восхищен угощением. И здесь скромность и умеренность не украшает гостя, а наоборот, может если не оскорбить, то, скорее, искренне огорчить хозяина дома, который посчитает, что не смог принять гостя достойно и порадовать его от всего сердца.

У народа сихиртя существует непреложный обычай перед началом обеда с приглашенным гостем (или гостями) первым накладывать еду себе самому (и наливать напитки первым себе), а потом уже гостю. Данный жест символически показывает гостям, что еда не отравлена, демонстрирует полную гарантию безопасности гостя в этом доме. После обеда, торжественного или обычного, посуду принято мыть сразу, не оставляя до конца дня.

Поскольку пол в доме (даже устланный ковриками) считается грязным местом, ни в коем случае нельзя ставить тарелки с едой на пол, даже в современных бытовых условиях (например, тарелка с фруктами или конфетами, поставленная для удобства на пол во время детской игры). Сихиртя строго соблюдают один из важнейших запретов: никогда не принимают пищи и воды в том здании (место учебы, место работы, организация), где кто-либо из людей словом или поступком оскорбил древние традиции их народа или кого-то из представителей рода, до тех пор, пока данное место навсегда не покинет источник оскорбительного поведения (например, уволится или умрёт).

Выводы

Народ сихиртя не только реально существовал в древности, но и существует до сих пор. Последними представителями данного народа являются по прямой мужской линии являются члены рода Стерх-ра (Стерховы в русифицированном варианте фамилии). Более многочисленная младшая ветвь рода проживает в настоящее время в Поволжье, в районе города Ижевска, и полностью утратила знания о всех составляющих элементах культуры сихиртя – религии, языке, обычаях и традициях. Старшая, главенствующая ветвь рода – Вэлко Стерх-ра, полностью сохранившая и передающая из поколения в поколение от отца к старшему сыну весь богатейший культурный мир народа сихиртя, включая язык и письменность, представлена в настоящее время всего тремя мужчинами, из которых Глава рода, Вэлкойне иштра Вэлко Стерх-ра Алекша-эн-Алекша (Алексей Стерхов), проживает в Шадринском районе Курганской области (южное Зауралье); единственный сын Главы рода, Свастара иштра Вэлко Стерх-ра Алекша-эн-Алекша (Алексей Алексеевич Стерхов), проживает в городе Сургуте Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (до августа 2013 года проживал в городе Салехарде Ямало-Ненецкого автономного округа – Югры), единственный сын единственного сына Главы рода, Сурайя иштра Вэлко Стерх-ра Алекша-эн-Алекша, проживает в городе Шадринске Курганской области (до апреля 2022 года – в городе Сургуте Ханты-Мансийского автономного округа – Югры).

Старшая ветвь рода Стерх-ра по настоящее время полностью соблюдает обычаи и традиции народа сихиртя, сохраняет менталитет и мировоззрение данного народа не только в обрядовой сфере, но и в повседневном быту.

Список источников

1. Варламов А.Н. Сибирский мифологический сюжет о мамонте как отражение эволюции на рубеже голоцена // Сибирский антропологический журнал. 2022. Т. 6. № 1. С. 129 – 138.
2. Демьяненко И.В., Марамзина Н.Ю. Этно-мифологические образы и символы в декоративно-пластической композиции «Легенда о сихиртя»: теоретический аспект (Часть 2) // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 1-3 (55). С. 13 – 15.
3. Карась П.Л. Организация пространства и локальная мифологическая картина мира ненцев // Этнография Алтая и сопредельных территорий. 2023. № 11. С. 290 – 294.
4. Лимеров П.Ф. Легенды о чуде: предки, не принявшие новую веру // Словесность и история. 2020. № 2. С. 64 – 79.
5. Пилипчук Я.В. Миграции и войны арктических самодийцев в Западной Сибири в XVI-XVII вв // Parabellum Novum: военно-исторический журнал. 2021. № 14 (47). С. 28 – 49.
6. Семенов А.Н. Философия мировидения в творчестве обско-угорских и самодийских писателей // Югорский текст как поликультурный феномен. Тюмень : ИПЦ «Экспресс», 2023. С. 135 – 155.
7. Стерхов А.А. Традиции ухаживания и свадебные обряды народа сихиртя // Исторический бюллетень. 2023. Т. 6. № 5 (215). С. 77 – 82.

8. Хохлов Н.В., Дзини С. Действительно ли существовали сихиртя или это миф? // Арктика: гуманитарные векторы развития : Тезисы Международной конференции, Москва, 15-16 февраля 2022 года / Редакторы С.Г. Ваняшкин, Е.В. Воробьева. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2022. С. 121 – 122.

9. Шутова Н.И. Общие и особенные черты священных мест Урала и Среднего Поволжья эпохи Средневековья // Уральский исторический вестник. 2018. № 1 (58). С. 109 – 117.

10. Gorter W.T. About Vikings and Sikhirtyans // Culture of russians in archaeological researches: archeology of the North of Russia: сборник научных статей, Сургут, 08-13 ноября 2021 года. Vol. 1. Омск, Сургут: Автономная некоммерческая организация «Институт археологии Севера», 2021. P. 239 – 243.

References

1. Varlamov A.N. Siberian mythological plot about the mammoth as a reflection of evolution at the turn of the Holocene. Siberian anthropological journal. 2022. Vol. 6. No. 1. P. 129 – 138.

2. Demyanenko I.V., Maramzina N.Yu. Ethno-mythological images and symbols in the decorative and plastic composition "The Legend of Sikhirtya": theoretical aspect (Part 2). International research journal. 2017. No. 1-3 (55). P. 13 – 15.

3. Karas P.L. Organization of space and local mythological picture of the Nenets world. Ethnography of Altai and adjacent territories. 2023. No. 11. P. 290 – 294.

4. Limerov P.F. Legends about the Chud: ancestors who did not accept the new faith. Literature and history. 2020. No. 2. P. 64 – 79.

5. Pilipchuk Ya.V. Migrations and wars of the Arctic Samoyeds in Western Siberia in the 16th-17th centuries. Parabellum Novum: military-historical journal. 2021. No. 14 (47). P. 28 – 49.

6. Semenov A.N. Philosophy of worldview in the works of Ob-Ugric and Samoyed writers. Yugra text as a multicultural phenomenon. Tyumen: IPC "Express", 2023. P. 135 – 155.

7. Sterkhov A.A. Courtship traditions and wedding ceremonies of the Sikhirtya people. Historical bulletin. 2023. Vol. 6. No. 5 (215). P. 77 – 82.

8. Khokhlov N.V., Dзини S. Did the Sikhirtya Really Exist or Is It a Myth? The Arctic: Humanitarian Vectors of Development: Proceedings of the International Conference, Moscow, February 15-16, 2022. Editors S.G. Vanyashkin, E.V. Vorobyova. Moscow: Moscow State Linguistic University, 2022. P. 121 – 122.

9. Shutova N.I. General and Special Features of the Sacred Places of the Urals and the Middle Volga Region in the Middle Ages. Ural Historical Bulletin. 2018. No. 1 (58). P. 109 – 117.

10. Gorter W.T. About Vikings and Sikhirtyans. Culture of Russians in Archaeological Researches: Archeology of the North of Russia: Collection of Scientific Articles, Surgut, November 08-13, 2021. Vol. 1. Омск, Surgut: Autonomous Non-Commercial Organization "Institute of Archeology of the North", 2021. P. 239 – 243.

Информация об авторе

Стерхов А.А., кандидат педагогических наук, заместитель директора по УВР, учитель истории, Гимназия «Лаборатория Салахова», г. Сургут, sterhov1979@mail.ru

© Стерхов А.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 94

Исторические истоки проблемы Тибета и китайско-индийской границы

¹ У Бинь,

¹ Московский педагогический государственный университет

Аннотация: после того как британцы стали править Индией, они продолжили расширять свои границы в Индии, что привело к возникновению проблемы китайско-индийской границы, а поскольку на границе с Индией находился китайский регион Тибет, и британское правительство всегда надеялось, что Тибет может стать буферной зоной между Китаем и Индией. Это еще больше усложнило пограничный вопрос между двумя странами. Британское правительство стремилось провести демаркацию границ Индии в традициях европейских национальных государств. Несмотря на многочисленные попытки Великобритании определить границу между Индией и Китаем путем проведения конференции или заключения договора, китайское правительство так и не признало ее. В итоге между Индией и Китаем не возникло четкой и законной пограничной линии, а лишь пограничная зона неопределенной протяженности. После обретения Индией независимости, из-за серьезных этнических и пограничных проблем в Индии, индийское правительство, исходя из национальных интересов, попыталось унаследовать и расширить британское колониальное наследие на китайско-индийской границе, освящая унаследованное от Великобритании пограничное наследие, а Китайская Народная Республика после создания и установления контроля над Тибетом неизбежно не согласилась с поведением индийского правительства, что привело к возникновению проблемы китайско-индийской границы.

Ключевые слова: Неру, Индия, Китай, Великобритания, Тибет, Китайско-Индийские отношения

Для цитирования: У Бинь Исторические истоки проблемы Тибета и китайско-индийской границы // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 2. С. 189 – 194.

Поступила в редакцию: 24 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 27 января, 2025 г.; Принята к публикации: 3 марта 2025 г.

Historical origins of the Tibet issue and the Sino-Indian border issue

¹ Wu Bin,

¹ Moscow State Pedagogical University

Abstract: after the British ruled India, they continued to expand their boundaries in India, which made the Sino-Indian border problem start to appear, and because the border with India was the Tibet region of China, and the British government always hoped that Tibet could become a buffer zone between China and India. This made the border issue between the two countries even more complicated. The British government was committed to demarcating India's borders in the tradition of European nation-states. In spite of the British efforts to establish the boundary between India and China by means of a conference or a treaty, the Chinese government never recognized it. In the end, there did not emerge a clear and legal boundary line between India and China, but only a border area of vague scope. After India's independence, due to the serious ethnic and border problems in India, the Indian government, out of national interest, attempted to inherit and expand the British colonial legacy on the Sino-Indian

border, sanctifying the border legacy inherited from Britain, and after the People's Republic of China was established and took control of Tibet, it inevitably would not agree with this behavior of the Indian government, which gave rise to the Sino-Indian border problem.

Keywords: Nehru, India, China, UK, Tibet, China-India relations

For citation: Wu Bin Historical origins of the Tibet issue and the Sino-Indian border issue. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (2). P. 189 – 194.

The article was submitted: November 24, 2024; Approved after reviewing: January 27, 2025; Accepted for publication: March 3, 2025.

Введение

На протяжении более сотни лет китайско-индийский пограничный конфликт оставался неразрешенным. С исторической точки зрения, причина, по которой он стал важнейшим фактором, влияющим на двусторонние отношения, редко встречается в мировой истории и неразрывно связана с колониальной экспансией Великобритании в Южной Азии и ее вторжением в Тибет для контроля над ним. Британия давно имела притязания на китайский Тибет и ранее уже совершала попытки его аннексии, поддерживая идею о его независимости. Позже это переросло в использование многочисленных нечестных приемов и попыток приложить все силы для ослабления отношений между центральным правительством Китая и Тибетом. Британия стремилась добиться автономии Тибета, а затем реализовать стратегию фактического контроля над ним.

Материалы и методы исследований

Информация в данной работе взята из соответствующих официально опубликованных монографий и архивных материалов на английском языке, а также материалов на сайтах Интернета, включая зарубежные архивные материалы, доступные и используемые через Интернет.

В основном в работе используются методы исторического исследования и документального анализа, чтобы проиллюстрировать исторические истоки китайско-индийского пограничного конфликта путем анализа исторических событий.

Результаты и обсуждения

Проблема китайско-индийской границы возникла в результате британской колониальной экспансии в Индии. В конце XVIII в. после того как тринадцать североамериканских штатов обрели независимость, Британия начала строить вторую Британскую империю с центром в Индии, продолжая проникновение и расширение вокруг Индии, а также усиленно укрепляя индийскую оборону и безопасность. Одна из наиболее важных стратегий заключалась в том, что британские военные пытались заставить Британскую Индию подписать различные формы пограничных дого-

воров или текстовых протоколов о намерениях с соседними странами. В 1899 г. после того как видный английский государственный деятель, путешественник, специалист по приграничной географии Д.Н. Керзон стал губернатором Индии, он придумал индийскую систему обороны, применив опыт управления северо-западной границей Индии к северо-восточной границе Индии, он отправил британские войска для вторжения в Тибет с целью попытаться контролировать Тибет.

Британия усилила свою агрессию и проникновение в Тибет, и даже применила силу для нападения на Лхасу, но правительство династии Цин не решилось воевать против англичан, и не только не послало войска для защиты Тибета, но также попросило местное правительство Тибета пойти на уступки британцам, а также согласиться с требованиями Великобритании и снять ограничения в сфере транспорта и торговли. Однако, что касалось национальных интересов, таких как границы и территория, связанных с суверенитетом, правительство династии Цин не желало легко сдаваться. В ответ на новый виток пограничного кризиса, вызванный провалом китайско-японской войны 1894-1895 гг., правительство династии Цин также усилило управление и контроль приграничных территорий, таких как Тибет и Синьцзян, что побудило Британию ужесточить контроль над территориями к югу от Гималайских хребтов и попытаться провести четкую китайско-индийскую границу.

После основания Китайской Республики (1911-1949 гг.) Великобритания вынудила китайское правительство прекратить военные действия в Тибете. В то же время, начиная с октября 1913 г., британское правительство вновь спланировало и организовало конференцию в индийском г. Симла (штат Химачал-Прадеш), которая длилась более восьми месяцев, в надежде постепенно улучшить статус Тибета и достичь такого положения, при котором местное правительство Тибета и центральное правительство Китая фактически находились бы в равном положении, а также добиться исторического и правового основания тибетской

автономии. Серия заговоров и действий британского правительства по тибетскому вопросу имела своей целью расширение власти местного правительства Тибета. Сначала британские официальные лица предложили Китаю «сюзеренитет» над Тибетом, одновременно применяя метод кнута и пряника и вынуждая китайское правительство парафировать договор и признать, что в нем согласно «Симлскому соглашению» на карте есть незаконная «линия Мак-Магона», которая стала источником раздора для будущих китайско-индийских пограничных споров и конфликтов.

Некоторые ученые полагают, что эта британская политика «сформировала вокруг Индии окружение враждебных стран, находящихся под британским господством и контролем», это была предельно ясная и твердая политика, главной целью которой было в любое время защитить границы Индии от угроз. Согласно данной политике, «Тибет, расположенный на северо-восточной границе Индии, должен быть независимым и дружественным Индии, и в то же время над ним должна доминировать Британия» [1].

С того времени, по мере роста китайского национализма, внешняя политика китайского правительства стала стремиться к равному участию в международных отношениях, а не отказываться от большего количества прав. Правительство Бэйянских милитаристов, как и правительство Гоминьдана стремились изменить и даже отменить неравноправные договоры. По мере того, как Китай ужесточал свою дипломатию, могущество и влияние Британии после двух мировых войн постепенно ослабевало. До ухода Великобритании из Индии местное правительство Тибета по-прежнему твердо контролировало территорию в районе Таванга к югу от «линии Мак-Магона». Таким образом, демаркация китайско-индийской границы в конечном счете не была завершена.

«Китайско-английская конвенция о Тибете и Индии», составленная и контролируемая Британией в г. Симла, включала положения об автономии Тибета, но помимо формальных положений договора, там было еще одно очень важное положение, а именно, представители китайского правительства, британского правительства и местного правительства Тибета – три стороны – подписали и поставили печати на карте, нарисованной под «Китайско-английской конвенцией о Тибете и Индии», тем самым показав свое согласие с этой границей. Сложилась ситуация, когда представители китайского правительства без согласия правительства центрального Китая, лишь парафировали проект Симлского соглашения и содержащиеся в нем прилагаемые чертежи «линии Мак-Магона»,

однако официальный текст соглашения и карты не был подписан и скреплен печатью. В нем также четко говорилось, что парафирование было недействительно, китайское правительство также заявило, что не признает «Симлское соглашение».

Эту безошибочную историческую деталь, западные страны, Индия и другие страны намеренно или ненамеренно принимали за расплывчатый подход. Достаточно упомянуть, что представители Китая подписали соглашение, но тот факт, что китайские представители не подписали официальный документ, свидетельствовал о том, что соглашение не имело никакой юридической силы. Судя по дальнейшему историческому развитию, Симлское соглашение и «линия Мак-Магона» с приложенной картой, были придуманы британцами для контроля тибетской автономии, что стало главной исторической и правовой основой для утверждения позиции индийского правительства по вопросу китайско-индийской границы в будущем.

Благодаря постоянному расширению, Великобритания продвинула границы Индии далеко вперед. Граница с Китаем имела протяженность более 2000 км, однако Великобритания не подписала договор и не достигла соглашения с Китаем, а также не проводила пограничного патрулирования или фактического управления. Таким образом, хотя независимая Индия унаследовала богатое и многочисленное приграничное наследие, оно также оставляло много вопросов: 1. Заявление Индии о линии границы было двусмысленным и лишеным легитимности, не были достигнуты и подписаны четкие и недвусмысленные положения договора между Китаем и Индией, не говоря уже о завершении совместной демаркации границ и нанесения ее на карту. 2. Великобритания выдвинула одностороннее требование, но не смогла осуществить фактический контроль. 3. Британские пограничные претензии игнорировали местные этнические, культурные, языковые и религиозные условия.

Причина такой ситуации была тесно связана с британской пограничной политикой, в которой доминировали имперские интересы. Колониальные границы отличались от границ обычных национальных государств. Формирование колониальных границ в большей степени отвечало стратегическим или экономическим потребностям колониальных стран. Это был результат силовой политики, которую не волновали чувства и требования колониального народа. Многие азиатские и африканские колониальные границы не имели четкого разделения по этносу или культуре. Граница выполняла оборонительную функцию, и, хо-

тя великие державы знали свою национальную идентичность и политические пределы этой идентичности, но они по-прежнему продолжали интересоваться территориями за пределами своих границ ради собственной безопасности, расширяли свое влияние за пределами границ и создавали так называемые буферные зоны [2].

На фоне сложной ситуации и рискованных действий между Великобританией, Россией и Китаем, основной целью британской пограничной политики в Индии было создание безопасной границы, то есть во внешнем кольце необходимо было создать буферную зону, а во внутреннем кольце сформировать зону управления. Территорию к югу от Гималаев можно было лишь контролировать, но не управлять ей напрямую. Одновременно расширяя свою агрессию против Тибета, нужно было сделать Тибет буферной зоной между тремя странами. Не желая формировать четкую границу между Китаем и Индией, Британия также не была готова тратить слишком много сил и энергии для достижения максимальных приграничных интересов Индии, поэтому во время демаркации границ не уделялось особое внимание истории данной местности и условиям человеческой культуры. Это наглядно показывает, что «британский подход к управлению границами соответствовал интересам Британской империи, вместо того, чтобы защищать национальное государство Индии, которую Великобритания фактически никогда не считала своей страной» [3].

Таким образом, китайско-индийская граница, унаследованная Индией, являлась результатом британской колониальной агрессии и силовой политики, «по большому счету пограничные условия Индии с соседними странами были навязаны британским правительством, а проведенная демаркация границ по своей природе стала чрезвычайной мерой, но в результате все это разделило народы, общество и семьи» [4].

Индийское националистическое движение осуществлялось посредством мирной передачи власти. Поскольку Индия стала победительницей в антиколониальной борьбе, а также законным преемником британского колониального правительства, она также активно конкурировала с Пакистаном за свое британское наследие как внутри страны, так и за рубежом. В связи с этим правительство Неру не отвергло полностью имперское наследие, которое особенно касалось территориальных вопросов [5].

Создание Республики Индия было достигнуто путем раздела Индии и Пакистана. Пакистан использовал религиозные различия между индуизмом и исламом в качестве теоретической основы

для основания своей страны. Обострение индийских межконфессиональных противоречий и убийств на религиозной почве, также привело Индию к кризису национальной идентичности. Чтобы сохранить национальное единство, индийское правительство объединило небольшие штаты внутри страны, оно также вело активную пропаганду внутри страны. После обретения независимости Индией начали проявляться изначально скрытые противоречия между Индией и Китаем. Осознание суверенитета Индии как независимой страны беспрецедентно выросло. Что касается дипломатии, продолжилось намеренное наследование интересов и границ, доставшихся от вторжения Британской империей.

В действительности, в начале обретения независимости у Индии существовала серьезная проблема национальной идентичности. Бывший министр иностранных дел Индии Кумар Падма Шивашанкар Менон считал: «Когда британцы покинут Индию, единству разделенной Индии все еще будет угрожать опасность, так как около 560 штатов еще не имеют четкой позиции. Они могут присоединиться к Индии, к Пакистану или остаться независимыми, а Индия, похоже, станет вторыми Балканами» [6].

Чтобы сохранить единство страны, Индия изменяла политику кнута и пряника, интегрировала различные государства в одну страну и решительно расправлялась с сепаратистским движением. В процессе формирования единой национальной идентичности индийское правительство определяло национальную идентичность через территорию, «канонизировало» индийские территории и границы, соединяло территорию с историей, культурой и религией, любая провокация войны рассматривалась как осквернение священной территории.

С одной стороны, Индия сохраняла преемственность наследия британских границ, продолжая политику Великобритании по расширению границ и созданию буферных зон. С другой стороны, она выступала против утверждения, что китайско-индийская граница является наследием британской агрессии, и старалась изо всех сил найти законность оснований индийских границ. Представители индийского правительства энергично продвигали идею о том, что границы Индии были сформированы давней историей, а не после британского правления в Индии. Индийская нация сформировалась еще до прихода англичан, и одной из отличительных черт было то, что границы Индии определялись на основе традиций и обычаев. С точки зрения Индии, граница стала вопросом, связанным со священной территориальной

целостностью родины, и имела высокое эмоциональное содержание [7].

Неру отмечал: «Традиции и обычаи, а также сотни лет управления доказывают, что китайско-индийская граница уже давно определена. Вклад Великобритании заключался в том, что она разработала, обнаружила и обозначила демаркацию границ между Китаем и Индией, а не установила границы. Политика Великобритании в области развития границ, а также выбор не всегда были уместными, поэтому индийскому правительству также необходимо было принять некоторые собственные решения после обретения независимости [8].

Исходя из текущей ситуации Индии после обретения независимости, в ее геополитических интересах было выгодно настаивать на сохранении британского пограничного наследия, что отражало незавершенность антиколониальной борьбы Индии и было связано с кризисом идентичности и националистическими настроениями индийской нации в начале независимости. С точки зрения международного права, границы были тесно связаны с национальной идентичностью и служили символом ограничения государственного суверенитета. Если политическая система неразумна, а границы государства четко определены, с технической точки зрения, такую систему нельзя назвать государством. «Границы полностью автономного национального государства – это клеточные стенки базовой единицы национальной идентичности, которые определяют границы священной территории родины. За пределами границ находятся зарубежные страны и подданные иностранного государства. В этом случае границей является эмоциональная, психологическая и гео-

графическая линия» [9].

Поэтому, столкнувшись с новым режимом Китайской Народной Республики, Индийское правительство находилось перед дилеммой: Неру не только хотел дружеского сотрудничества между Китаем и Индией, а также хотел сохранить свои колониальные привилегии в Тибете и других районах Гималаев. Однако правительство Китая утверждало, что эти районы являются частью его территории [10].

Судя по действиям Индии в приграничных районах Китая и Индии, индийское правительство решило унаследовать, консолидировать и расширить британские колониальные права в Гималаях. Неру, конечно, ненавидел империализм и колониализм, но не мог исключить огромную выгоду, которую они могли принести Индии, даже если это было продуктом империализма. «В действительности, чтобы преследовать геополитические интересы, правительство Индии проводило политику шовинизма великих держав на Индийском субконтиненте, постоянно контролировало внутренние и внешние дела Непала и пыталось аннексировать Сикким и Бутан, и, по сравнению с Британией, ни в чем ей не уступало.

Выводы

Поэтому, когда Тибет был мирно освобожден, и Народно-освободительная армия Китая вошла в Тибет, политическая ситуация в Тибете претерпела принципиальные изменения. Индийское правительство оказалось неспособным защитить привилегии, унаследованные от британского периода. Правительства Китая и Индии также начали новый раунд переговоров по тибетскому вопросу и пограничным вопросам.

Список источников

1. Манкекар Д.Р. Виновные люди 1962 года. Бомбей: Дели, 1968. С. 6.
2. Лэмб А. Азиатские рубежи: исследования по актуальной проблеме. Мельбурн: Ф.У. Чешир, 1968. С. 7 – 9.
3. Гирилал Д. Пограничный спор в перспективе // Отчёт Китая. 1970. Т. 6. № 6. С. 57.
4. Суба Чандрани Д., Раджамохан П.Г. Мягкие, пористые или жёсткие? На пути к стабильным границам в Южной Азии // Обзор Южной Азии. 2007. Т. 14. № 1. С. 120.
5. Индия и Китай – взаимоотношения / под ред. С. Сингха. Нью-Дели: Анмол, 2006. С. 190.
6. Кришна В. Сардар Валлабхаи Пател: Индийский железный человек. Нью-Дели: Индус, 1995. С. 433.
7. Лэмб А. Азиатские рубежи: исследования по актуальной проблеме. Мельбурн: Ф.У. Чешир, 1968. С. 130.
8. Франкель Ф.Р., Хардинг Г. Отношения между Индией и Китаем: Что нужно знать Соединённым Штатам. Нью-Йорк: Изд-во Колумбийского ун-та, 2004. С. 37.
9. Лэмб А. Азиатские рубежи: исследования по актуальной проблеме. Мельбурн: Ф.У. Чешир, 1968. С. 7.
10. Дипак Б.Р. Индия и Китай 1904-2004: столетие мира и конфликта. Нью-Дели: Публикации Манака, 2005. С. 96.

References

1. Mankekar D.R. The Guilty Men of 1962. Bombay: Delhi, 1968. P. 6.
2. Lamb A. Asian Frontiers: Studies in a Current Issue. Melbourne: Cheshire, 1968. P. 7 – 9.
3. Girilal D. The Border Dispute in Perspective. China Report. 1970. Vol. 6. No. 6. P. 57.
4. Suba Chandran D., Rajamohan P.G. Soft, Porous or Hard? Towards Stable Borders in South Asia. South Asian Review. 2007. Vol. 14. No. 1. P. 120.
5. India and China – Relationships. edited by S. Singh. New Delhi: Anmol, 2006. P. 190.
6. Krishna V. Sardar Vallabhbhai Patel: India's Iron Man. New Delhi: The Hindu, 1995. P. 433.
7. Lamb A. Asian Frontiers: Studies in a Current Issue. Melbourne: F.W. Cheshire, 1968. P. 130.
8. Frankel F.R., Harding G. India-China Relations: What the United States Needs to Know. New York: Columbia University Press, 2004. P. 37.
9. Lamb A. Asian Frontiers: Studies in a Current Issue. Melbourne: F.W. Cheshire, 1968. P. 7.
10. Deepak B.R. India and China 1904-2004: A Century of Peace and Conflict. New Delhi: Manaka Publications, 2005. P. 96.

Информация об авторе

У Бинь, аспирант, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-003-1197-6842>, Московский педагогический государственный университет, wubinfrank@163.com

© У Бинь, 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 93/94

«Дневник заграничного путешествия» В.М. Флоринского как источник по истории становления системы академической мобильности второй половины XIX в.

¹ Качин Н.А.,
¹ Харина Н.С.,

¹ Югорский государственный университет

Аннотация: целью статьи является анализ неопубликованного «Дневника заграничного путешествия», написанного В.М. Флоринским на основе его путевых записей, сделанных в период с 1861 по 1863 гг. Дневник ярко отражает личность автора, его характер и мировоззрение. В условиях взаимодействия с другими культурами, В.М. Флоринский приходит к пониманию своей идентичности как представителя русской медицинской школы, стоящего на передовой науки и формирующего «прогрессивное знание», призванное внести существенный вклад в развитие отечественной медицины. В контексте размышлений В.М. Флоринского о «своем» и «чужом» особый интерес заслуживает то, как он рассматривает культурные различия. В Берлине он столкнулся с изоляцией и культурной отчужденностью, что позволило глубже осознать свою идентичность как русского. Авторы, опираясь на неопубликованные материалы из личного архива В.М. Флоринского, отмечают важность роли переписки для него: письма и записные книжки становятся своего рода связующим звеном, которое помогает человеку не терять свою идентичность в процессе адаптации к новым условиям. В работе используются разнообразные методы научного исследования, в том числе, методы анализа, синтеза, сравнения, классификации и типологии, а также специфические исторические и источниковедческие подходы. Эти методы позволяют раскрыть тему, ее многоаспектность и обеспечить всесторонний подход к анализу исторических и источниковедческих данных.

Ключевые слова: путевые записки, личный дневник, отечественная медицина, международная стажировка, медицинская карьера, академическая мобильность

Для цитирования: Качин Н.А., Харина Н.С. «Дневник заграничного путешествия» В.М. Флоринского как источник по истории становления системы академической мобильности второй половины XIX в. // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 2. С. 195 – 201.

Поступила в редакцию: 26 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 29 января, 2025 г.; Принята к публикации: 3 марта 2025 г.

«Diary of a Foreign Journey» of V.M. Florinsky as a source on the history of the formation of the academic mobility system in the second half of the 19th century

¹ Kachin N.A.,
¹ Kharina N.S.,

¹ Ugra State University

Abstract: the aim of the article is to analyze the unpublished "Diary of a Foreign Journey" written by V.M. Florinsky based on his travel notes made between 1861 and 1863. The diary vividly reflects the author's personality, his character and worldview. In the context of interaction with other cultures, V.M. Florinsky comes to an understanding of his identity as a representative of the Russian medical school, standing at the forefront of science

and forming "progressive knowledge" called upon to make a significant contribution to the development of domestic medicine. In the context of V.M. Florinsky's reflections on "one's own" and "another's", his view of cultural differences is of particular interest. In Berlin, he encountered isolation and cultural alienation, which allowed him to better understand his identity as a Russian. The authors, relying on unpublished materials from the personal archive of V.M. Florinsky, note the importance of the role of correspondence for him: letters and notebooks become a kind of link that helps a person not to lose his identity in the process of adaptation to new conditions. The work uses various methods of scientific research, including methods of analysis, synthesis, comparison, classification and typology, as well as specific historical and source studies approaches. These methods allow us to reveal the topic, its multifaceted nature and provide a comprehensive approach to the analysis of historical and source studies data.

Keywords: travel notes, personal diary, domestic medicine, international internship, medical career, academic mobility.

For citation: Kachin N.A., Kharina N.S. «Diary of a Foreign Journey» of V.M. Florinsky as a source on the history of the formation of the academic mobility system in the second half of the 19th century. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (2). P. 195 – 201.

The article was submitted: November 26, 2024; Approved after reviewing: January 29, 2025; Accepted for publication: March 3, 2025.

Введение

С середины XIX в. зарубежные стажировки стали неотъемлемой частью системы научного образования в России, что было обусловлено новыми государственными инициативами в области просвещения. Несмотря на кратковременное прекращение этой практики в период с 1848 по 1855 гг., воцарение Александра II привело к ее восстановлению и закреплению в Университетском уставе 1863 г. [9].

Большинство исследователей полагают, что реализация данной меры была направлена правительством на решение кадрового вопроса в университетской среде и создание предпосылок для более тесного сотрудничества российской и европейской науки. Молодые учёные, завершившие данное обучение, пользовались авторитетом и уважением среди коллег, воспринимались как носители «истинных» и «чистых» научных знаний [7, 11].

Как справедливо отмечал российский историк и филолог А.Н. Пыпин, между уровнем развития науки в России и в Европе становилось все более явным значительное расхождение [10, с. 167]. Таким образом, стало очевидным значительное отставание отечественных научных достижений от европейских. Было признано, что для адекватного преподавания любой дисциплины в университетской среде российским учёным необходимо было выйти за рамки исключительно «домашнего обучения» и познакомиться с передовыми практиками ведущих европейских научных центров.

Одним из таких кандидатов на заграничную поездку, еще до успешной защиты докторской диссертации, стал В.М. Флоринский (1834-1899 гг.) – выдающийся учёный и государственный де-

ятель, внесший значительный вклад в развитие образования во второй половине XIX в. Имя учебного неразрывно связано с основанием и открытием Сибирского университета, а также с руководством Западно-Сибирским учебным округом.

Во время зарубежной поездки Василий Маркович фиксировал свои наблюдения и размышления в виде кратких записей. Он заносил «новые факты и личные соображения» как в записную книжку, так и на отдельные черновики.

В начале 1870-х годов в Санкт-Петербурге, используя свои разрозненные путевые заметки, сделанные во время заграничной командировки, он написал мемуары, получившие название «Дневник заграничного путешествия» [12].

Воспоминания В.М. Флоринского охватывают лишь промежуток времени с 5 июня по 24 сентября 1861 г. В них отсутствуют сведения о пребывании автора в таких странах как Австрия, Франция, Англия и Италия. Сам Василий Маркович обосновывает пропуск этого периода в своих мемуарах тем, что не сохранилось никаких письменных записей. По его мнению, восстановление событий по памяти было бы некорректным и неуместным, поскольку привело бы к искажению живых впечатлений и суждений [12, Л. 2].

Материалы и методы исследований

Основными источниками исследования являются «Дневник заграничного путешествия 1861 г.» [12] и «Мысли и воспоминания о моем детстве и школьном времени» [13].

На сегодняшний день отдельные части архива и коллекций В.М. Флоринского находятся в хранилищах различных образовательных и культурных учреждений, таких как Национальный музей Республики Татарстан, Научная библиотека имени

Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета, Научная библиотека Томского государственного университета и Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан.

Основываясь на неопубликованных материалах из личного архива В.М. Флоринского, авторы статьи исследуют столкновение ученого с «иной» культурой в ходе его зарубежной командировки 1861-1863 гг. В своём путешествии Василий Маркович активно взаимодействует с другой культурой, представляя себя как «русского медика», который создает «прогрессивное знание».

Воспоминания В.М. Флоринского представляют собой ценный источник для исследователей истории российской науки и образования. Их значение обусловлено тем, что автор не просто фиксирует события и личности, но и размышляет о профессиональном пути врача, а также о целях и тенденциях развития современной ему медицинской корпорации.

В исследовании применяются разнообразные научные методы: анализ, синтез, сравнение, классификация и типология, а также специфические исторические и источниковедческие методы (историко-генетический, проблемно-хронологический, информативно-целевой и дискурсивный анализ текстов).

Результаты и обсуждения

В мае 1858 г. в Санкт-Петербурге при Медико-хирургической академии был учреждён Врачебный институт с целью подготовки высококвалифицированных научно-педагогических кадров. По окончании обучения трое наиболее отличившихся выпускников получали возможность пройти двухгодичную стажировку за рубежом.

П.А. Дубовицкий видел в зарубежных стажировках для молодых врачей не просто возможность расширения знаний, но и важный инструмент для формирования всестороннего образования. По его мнению, такие поездки позволяли отечественным специалистам получить доступ к передовым методикам и ресурсам, недоступным в Российской империи, а также ознакомиться с лучшими мировыми практиками и установить личные контакты с ведущими зарубежными учеными, что способствовало предотвращению узкоспециализированного подхода и стимулировало развитие многогранного мировоззрения [2].

В своих мемуарах В.М. Флоринский отмечал, что, выполнив все обязательства, возложенные на студентов Врачебного института, и опубликовав ряд научных работ, а также получив звание приват-доцента, он обладал большими шансами на получение заграничной командировки по сравнению с другими студентами [13, л. 39]. Такую уве-

ренность ему внушали как Президент Академии, так и профессор И.Т. Глебов, хорошо знавшие о его способностях и достижениях.

Перед своим отъездом А.Я. Крассовский, являвшийся научным руководителем В.М. Флоринского, предоставил ему исчерпывающую инструкцию. В документе было отмечено, что молодому специалисту-медику во время профессиональной поездки следует уделить внимание не только углублению знаний в области акушерства и гинекологии, но и провести детальный анализ уровня знаний в сфере педиатрии в европейских странах [8].

В инструкции рекомендовалось начать путешествие с университетов Германии, после чего посетить Францию и Англию. Также предписывалось каждые полгода информировать о своем местонахождении и достигнутых результатах в обучении. Вернувшись домой, В.М. Флоринский должен был составить отчет о результатах поездки. Поэтому Василий Маркович, будучи за границей, вел подробные записи своих наблюдений, фиксируя как новые факты, так и личные размышления в записную книжку и на отдельные черновые листки. Он уделял этому занятию часть своего свободного времени перед сном. Параллельно с этим, он поддерживал активную переписку с близкими – родственниками, друзьями и коллегами из Медицинской академии.

В его личных записях содержится информация о том, что он обязался поддерживать регулярную переписку: еженедельно – с родственниками, не реже чем раз в две недели – с Иваном Тимофеевичем Глебовым и Яковом Алексеевичем Чистовичем, его бывшими наставниками и близкими друзьями. Также Петр Александрович Дубовицкий попросил его писать не только о делах, но и о процессе обучения за границей. Кроме того, он вел переписку с князем Иваном Дубровским, Евстафием Ивановичем Богдановским, находящимся в Париже, и некоторыми другими знакомыми [12, л. 4 – об. 5]. По возвращении из поездки В.М. Флоринский собрал свои письма и путевые заметки, которые легли в основу «Дневника заграничных путешествий».

1861 г. Василий Маркович считал знаменательным для себя, поскольку зарубежная командировка позволила ему не только завершить своё медицинское образование, но и определиться с будущей профессиональной деятельностью. Ученый выражал свою радость по поводу осуществления долгожданной мечты – зарубежной командировки. Он подчеркивал, что эта поездка важна не только как ступень в научной карьере, но и как возможность восполнить пробелы в медицинском и об-

щем образовании. По его мнению, судя по имеющейся информации о зарубежных университетах, уровень преподавания в нашей медицинской академии значительно отстает от европейских стандартов: «преподавание в нашей медицинской академии сильно отстало во всех частях» [12, л. 1 об.].

При анализе личных записей ученого, можно предположить, что ему предстоит серьезная работа по переосмыслению и обновлению своих знаний, чтобы соответствовать требованиям современного медицинского образования. Это необходимое условие для того, чтобы в будущем, при благоприятном стечении обстоятельств, занять кафедру. Следует подчеркнуть, что в процессе путешествия у В.М. Флоринского формируются уникальные пространственные представления, которые можно охарактеризовать как «ментальную карту». В этот период происходит пересмотр отношения к привычной пространственной среде и деконструкция стереотипов о «чужом» пространстве, которое воспринимается как фрагментированное и неструктурированное (становится пазловым) [3, с. 12].

Взаимодействие с иными культурами и моделями поведения актуализирует самоидентификацию путешественника. Согласно мнению Д.Н. Замятина, путешествия способствуют развитию целенаправленных географических представлений, в которых доминирование фактических сведений о физико-географических и экономико-географических характеристиках уступает место культурным, эмоциональным и психологическим составляющим. Такая структура образа наделяет путевые заметки и воспоминания социальной значимостью, которая определяется не столько точностью фактических данных, сколько «силой создаваемого в процессе путешествия образа» [4, с. 15].

В своих путевых заметках В.М. Флоринский глубоко размышлял о природе личной идентичности и о границах, отделяющих «своего» от «чужого» [12, л. 2].

По его мнению, их истинное значение становится очевидным лишь тогда, когда человек оказывается вне своей привычной среды и остро ощущает недостаток этих связей, подобно тому, как это случилось с самим автором [12, л. 2].

Василий Маркович признавал, что первым препятствием на пути к освоению новой культуры является языковой барьер. Он отмечал, что, хотя и понимает разговорную немецкую речь с некоторыми трудностями, самостоятельное общение на этом языке для него пока затруднительно. Тем не менее, он выражает уверенность в том, что со временем этот барьер будет преодолен [12, л. 3].

Как приграничные территории, соприкасающиеся с «русскими землями», В.М. Флоринский описывал Виленскую, Ковенскую и Гродненскую области Российской империи. По его мнению, Динабург является последней границей «русского мира» и началом «еврейского царства», простирающегося до самой Германии. В этом промежуточном регионе, по его мнению, русский человек «ощущает себя чужим, поскольку здесь преобладает немецкий язык» [12, л. 2-3].

Наличие значительного еврейского населения на данной территории формирует специфическую атмосферу «чужеродности» пространства для автора. Как подчеркнул Василий Маркович, архитектурный стиль города Ковно демонстрировал значительные отличия от городов русской архитектуры. Доминирующее присутствие католических храмов, непритязательный вид каменных построек с крутыми черепичными крышами, а также мощение улиц булыжником, которое, однако, не сопровождалось должным уровнем санитарной очистки, – всё это формировало облик города [12, л. 2-2 об.].

Откуда у многих российских интеллектуалов XIX в. взялось деление на «свое» и «чужое» пространство? Все просто, эти взгляды основывались на философской концепции С.М. Соловьева, согласно которой единая и неделимая Россия простирается от Белого до Черного морей и от Балтийского до Тихого океана [6, с. 27]. Активная внешняя политика Российской империи способствовала присоединению новых, культурно неоднородных территорий, которые ещё не были интегрированы в общую культурную сферу. В этих условиях граница между «своим» и «чужим» пространством становилась гибкой, а на периферии возникали буферные зоны, воспринимаемые как пограничные из-за соседства с другими культурами.

О.Е. Бредникова отмечала, что близость к государственной границе сопровождается насыщенной национальной символикой, что неизбежно активизирует чувство национальной идентичности и требует подтверждения принадлежности к определённому народу посредством документов, таких как паспорт. Сложившаяся ситуация провоцирует путешественника на поиск отличий между «нами» и «ими» [1, с. 493].

В качестве иллюстрации можно привести пример железнодорожной станции Вержболово, которая для В.М. Флоринского стала символическим «местом прощания» с Россией. Сам автор в своих мемуарах ярко описывал чувство, охватившее его в тот момент. По его мнению, Вержболово было единственным местом, где можно было по-

настоящему ощутить «русский дух» и атмосферу [12, л. 2 об. -3].

Во время своего пребывания в Берлине В.М. Флоринский, опираясь на свои наблюдения, вновь обращался к противопоставлению «своего» и «чужого», проводя параллель между немецкой столицей и Санкт-Петербургом. В своих заметках он делает выводы о культурных и нравственных различиях между двумя городами.

Так, Флоринский отмечал, что центральная улица Берлина не была лучше Невского проспекта, магазины города не производили на него особого впечатления, а немцы, по его мнению, «чай пить не умеют и самоваров у них совсем нет» [12, л. 2 об. -3, 4-4 об.]. Он также подчеркивал, что «испорченность нравов и уличный разврат в Берлине бьет в глаза резче, чем в Петербурге. Притом же у немцев все это выходит как-то грубо, неуклюже» [12, л. 2 об. -3, 4-4 об., 14].

Во время обучения в Медико-хирургической академии у В.М. Флоринского сформировалось определенное представление о «типичном немце». Он считал немцев людьми, лишенными эмоциональной глубины, сравнивая их с «бездушными машинами». По его мнению, такие качества, как трудолюбие, честность и аккуратность у немцев не являются проявлениями живой души, а скорее результатом хорошо отлаженной системы [12, л. 9 об. -10].

Он наблюдал аналогичные черты и у русских немцев, описывая их как высокомерных, уверенных в своем превосходстве, гордых и надменных по отношению к тем, кого считали ниже себя, и льстивых к высшим [12].

Впервые услышав русский язык в Берлине, после длительного перерыва, Василий Маркович осознал остроту своего культурного одиночества в «немецком море» и почувствовал себя изолированным от всего того, что ему дорого. Лишь в обществе соотечественников, он мог позволить себе открыто выражать свои мысли и эмоции. В данном контексте весьма уместна народная мудрость: «Свой своя – поневоле брат». Эта поговорка точно отражает его нынешнее положение [12, л. 11].

В течение месяца пребывания в Берлине, В.М. Флоринский посетил ряд лекций на медицинском факультете и в университетских клиниках «Шаритэ». По итогам своего визита он высоко оценил репутацию Берлинского университета как одного из ведущих центров научной деятельности. Он сравнил разветвленную систему университетских клиник с Медико-хирургической академией, отметив их современную планировку, соответствующую последним научным стандартам. Особенно он выделил лекции Р. Вирхова и Т.Ф. Фрерихса,

которые заставили его «переучиваться». Р. Вирхов, по мнению Флоринского, стал примером ученого и «творца науки», чьи идеи пленяют новизной и вдохновляют на передовые достижения [12, л. 6 об. - 7].

По окончании своего пребывания в Берлине, В.М. Флоринский пришел к выводу о том, что успешно овладел разговорным немецким языком и получил представление о немецкой культуре и науке [12, л. 10-10 об., 13, 15].

После посещения Берлина, В.М. Флоринский совершил двухдневную поездку в Галле с целью ознакомления с акушерской клиникой профессора Г. Голя. В Лейпциге, ограниченный по времени, он смог осмотреть лишь строение медицинского факультета университета, родильный институт, а также детские и офтальмологические клиники. Он отмечал, что «Лейпцигский университет в целом произвел на меня большее впечатление, чем Берлинский» [12].

Здесь была представлена обширная коллекция редких патологических препаратов, выполненных с выдающимся мастерством, которая оказалась для меня ценнее всех теоретических лекций [12].

В.М. Флоринский признавал выдающиеся достижения немецкой науки, видя в ней ключевой фактор глобального прогресса. По его мнению, Германия взяла на себя эстафету лидерства от Франции. Успехи и просчеты немецкой науки, по его убеждению, обусловлены специфическими чертами национального характера немцев – «народным гением», который выражается в рациональности, самолюбии, дисциплинированности, трудолюбии и умеренности в потреблении [12, л.16, 17 об., 41].

Образ немецкой науки представился медику как «особенно недружелюбный» по отношению к отечественным учёным. Он отмечал, что немецкие профессора воспринимают российских деятелей науки как будущих конкурентов [12, л. 18 об., 39].

Из Германии В.М. Флоринский отправился в Прагу, где детально изучил практику акушерских клиник профессора К. Зейферта и детской клиники профессора Р. Лешнера. Во время пребывания в Праге ученый отмечал, что зарубежная поездка оказывает на него преобразующее воздействие, пробуждая в нём новые силы для продолжения научной деятельности [12].

В середине 1861 г. молодой ученый обосновался в Вене, где прожил более четырех месяцев. Единственным отрицательным моментом, который он отметил во время своего пребывания в австрийской столице, стало отсутствие развитой системы частных библиотек, предоставляющих доступ к современной медицинской литературе и

периодическим изданиям. Также, В.М. Флоринский побывал в Мюнхене, Париже и Лондоне.

По возвращении из зарубежной командировки 23 сентября 1863 г., заведующий кафедрой акушерства, женских и детских болезней А.Я. Красовский направил прошение об утверждении В.М. Флоринского в должности адъюнкт-профессора на его кафедре.

Подводя итоги своему пребыванию в Европе, В.М. Флоринский отметил, что она оказалась плодотворной не только с точки зрения повышения квалификации, но и способствовала переоценке им устоявшихся взглядов на принципы функционирования западной медицины [12].

Выводы

Таким образом, рассматривая «Дневник заграничного путешествия» Василия Марковича Флоринского, можно говорить о том, что во второй половине XIX в. зарубежные командировки приобрели статус неотъемлемой части академической коммуникации и стали обязательным этапом для формирования карьеры медицинского специалиста. Ученый, прошедший стажировку в ведущих иностранных университетах, считался в России носителем передовых знаний и человеком, способным внести вклад в развитие прогрессивной науки в стране.

Интересно, что в процессе учебы в Медико-хирургической академии он постепенно усваивал мировоззренческие установки медицинской корпорации, которая изначально казалась ему чуждой. Уже находясь в заграничной командировке, сталкиваясь с иной культурой и глубже знакомясь с западной наукой, он начинает уверенно идентифицировать себя как «русского медика».

В.М. Флоринский подчеркивал важность общения с русской диаспорой в Европе для сохранения национальной идентичности. По его мнению,

оставаться «русским» можно было только в «православной и национальной сфере», что в условиях «чужой стихии» крайне сложно. Поэтому в мемуарах он описывает события, демонстрирующие его принадлежность как к «русскому ученому-медику», так и к православному человеку из «народной деревенской среды». Это проявляется в посещении русской бани, осмотре достопримечательностей в компании соотечественников, исполнении патриотических песен [12, л. 27, 29, 31; 13].

Воспоминания В.М. Флоринского, будучи оформленными в автобиографическом стиле, выходят за рамки простой фиксации фактов прошлого. Видно, что Василий Маркович не ставил перед собой исключительно задачу полного описания состояния европейской медицины и ее практики.

Воспоминания полностью раскрывают личность автора, его индивидуальные черты, мировоззрение и политические убеждения. Благодаря этому, общий объем сведений исследованного мемуарного комплекса значительно шире внеализованной (фактической) информации, присутствующей в тексте. Особое внимание уделяется принципам организации западной научной инфраструктуры (библиотекам, музеям, лабораториям). Полученные в Европе знания В.М. Флоринский использовал не только в своих научных и публицистических работах, но и на практике, принимая активное участие в создании Сибирского университета и деятельности научно-просветительских обществ Казани и Томска.

Важным источником для формирования комплексного представления о социокультурной среде российских медиков второй половины XIX в. является скрытая косвенная (потенциальная) информация, извлекаемая из оценок В.М. Флоринского, его эмоционального отношения к описываемым событиям и их участникам.

Список источников

1. Бредникова О.Е. Приграничье как социальный феномен (направления социологической концептуализации) // Вестник СПбГУ. Сер. 12, Социология. 2008. № 4. С. 492 – 498.
2. Дубовицкий П.А. Несколько слов по поводу статьи г. профессора Бессера «О выборе профессоров» // МВ. 1862. № 46. С. 450.
3. Замятин Д.Н. Географические образы путешествий // Культурное пространство путешествий: матер. науч. форума. СПб.: Центр изучения культуры, 2003. С. 10 – 13.
4. Замятин Д.Н. Образы путешествий: социальное освоение пространства // Социологические исследования. 2002. № 2. С. 12 – 22.
5. Качин Н.А. Архив и коллекции В. М. Флоринского: опыт источниковедческого анализа: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2019. 248 с.
6. Соловьев С.М. Об историческом движении русского народонаселения: из публ. лекций Общества любителей естествознания. СПб.: Воен. тип., 1867. 28 с.
7. Свешников А.В. Правительственная политика в сфере зарубежных командировок русских ученых второй половины XIX – начала XX века // Расписание перемен: очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М., 2012. С. 849 – 887.

8. Постановление конференции Медико-хирургической академии об отправлении В.М. Флоринского за границу для специального изучения избранных им предметов, 15 февраля 1861 г. // РГВИА. Ф. 316. Оп. 60. Д. 256. Л. 21.

9. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года [Электронный ресурс]. СПб., 1830–1900. Собр. 2-е. Т. 39, отд. I. № 12179. Электрон. дан. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=263 (дата обращения: 16.05.2018).

10. Пыпин А.Н. Мои заметки. Саратов: Соотечественник, 1996. 331 с.

11. Трохимовский А.Ю. Политика министерства народного просвещения по подготовке молодых ученых за границей (1856-1881) // Вестник Московского ун-та. Сер. 8, История. 2007. № 1. С. 61 – 76.

12. Флоринский В.М. Дневник заграничного путешествия 1861 г. // Национальный музей Республики Татарстан (НМРТ). Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/100. 55 л.

13. Флоринский В.М. Мысли и воспоминания о моем детстве и школьном времени. Казань, 1882 г. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/205. 50 л.

References

1. Brednikova O.E. Borderland as a social phenomenon (directions of sociological conceptualization). Bulletin of St. Petersburg State University. Series. 12, Sociology. 2008. No. 4. P. 492 – 498.

2. Dubovitsky P.A. A few words about the article of Professor Besser “On the choice of professors”. MV. 1862. No. 46. P. 450.

3. Zamyatin D.N. Geographical images of travel. Cultural space of travel: materials of the scientific forum. St. Petersburg: Center for the Study of Culture, 2003. P. 10 – 13.

4. Zamyatin D.N. Images of travel: social development of space. Sociological studies. 2002. No. 2. P.p. 12 – 22.

5. Kachin N.A. Archive and collections of V. M. Florinsky: an experience of source study analysis: dis. ... cand. hist. sciences. Tomsk, 2019. 248 p.

6. Soloviev S. M. On the historical movement of the Russian population: from the public. lectures of the Society of Natural Science Lovers. SPb.: Voen. type., 1867. 28 p.

7. Sveshnikov A.V. Government policy in the sphere of foreign business trips of Russian scientists in the second half of the 19th – early 20th centuries. Schedule of changes: essays on the history of educational and scientific policy in the Russian Empire – USSR (late 1880s – 1930s). Moscow, 2012. P. 849 – 887.

8. Resolution of the conference of the Medical and Surgical Academy on the dispatch of V.M. Florinsky abroad for the special study of the subjects he had chosen, February 15, 1861. RGVIA. F. 316. Op. 60. D. 256. L. 21.

9. Complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649 [Electronic resource]. St. Petersburg, 1830–1900. Coll. 2nd. Vol. 39, sep. I. No. 12179. Electronic data. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=263 (date accessed: 16.05.2018).

10. Pypin A.N. My notes. Saratov: Compatriot, 1996. 331 p.

11. Trokhimovsky A.Yu. The Policy of the Ministry of Public Education on Training Young Scientists Abroad (1856-1881). Bulletin of Moscow University. Series 8, History. 2007. No. 1. P. 61 – 76.

12. Florinsky V.M. Diary of a Foreign Trip in 1861. National Museum of the Republic of Tatarstan (NMRT). Department of Storage of Visual and Documentary Sources. Unit of Storage KPPi-117959/100. 55 p.

13. Florinsky V.M. Thoughts and Memories of My Childhood and School Time. Kazan, 1882. NMRT. Department of Storage of Visual and Documentary Sources. Unit of Storage KPPi-117959/205. 50 p.

Информация об авторах

Качин Н.А., кандидат исторических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0006-5737-2018>, Югорский государственный университет, 628012, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, д. 16, kachinnikolay@mail.ru

Харина Н.С., кандидат исторических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7485-5787>, Югорский государственный университет, 628012, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, д. 16, hanase83@yandex.ru

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 93/94

Общая характеристика советской государственной молодежной политики революционного и послереволюционного периода

¹ Цветков М.С.,
¹ АНО «МЦ «ВЫСОТА», г Нижний Новгород

Аннотация: молодежная политика РСФСР и последующая политика СССР в отношении молодежи является достаточно уникальным примером для мировой партийной и государственной организации работы с подрастающим поколением. Идеологическая, политическая, социальная работа с определенной частью молодых людей являлась проводником для более масштабной идеологической и социальной работы молодежи с самой молодежью. История формирования и смыслы, заложенные и измененные в государственной молодежной политике советской России представляются важными для понимания опыта работы с молодежью в социалистической советской системе. В статье также рассматриваются проблемы, связанные с практической реализацией государственной политики в отношении молодежи в период революционного и послереволюционного переустройства, отмечаются причины, по которым не смогли произойти качественные изменения политической составляющей работы ВЛКСМ, а также была упразднена минимальная политическая самостоятельность организации, которая существовала в период до 1926 года. Также раскрывается философско-социальный подход к молодежи, отразившийся в политическом патернализме по отношению к молодежным организациям и ВЛКСМ в частности, в трансформации активного участия молодежи в идеологической и политической работе ВКП(б) в инструмент идеологического воздействия и воспитания народных масс.

Ключевые слова: ВЛКСМ, молодежная политика, РСФСР, социалистическая революция, комсомол

Для цитирования: Цветков М.С. Общая характеристика советской государственной молодежной политики революционного и послереволюционного периода // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 2. С. 202 – 207.

Поступила в редакцию: 1 декабря 2024 г.; *Одобрена после рецензирования:* 1 февраля, 2025 г.; *Принята к публикации:* 3 марта 2025 г.

General characteristics of the Soviet state youth policy of the revolutionary and post-revolutionary period

¹ Tsvetkov M.S.,
¹ ANO MC VYSOTA, Nizhny Novgorod

Abstract: the youth policy of the RSFSR and the subsequent policy of the USSR towards youth is a rather unique example for the world party and state organization of work with the younger generation. Ideological, political, social work with a certain part of young people was a conductor for a larger-scale ideological and social work of youth with the youth itself. The history of the formation and meanings laid down and changed in the state youth policy of Soviet Russia seem important for understanding the experience of working with youth in the socialist Soviet system. The article also examines the problems associated with the practical implementation of

state policy towards youth during the revolutionary and post-revolutionary reorganization, notes the reasons why qualitative changes in the political component of the Komsomol's work could not occur, and the minimal political independence of the organization that existed before 1926 was abolished. It also reveals the philosophical and social approach to youth, reflected in political paternalism towards youth organizations and the Komsomol in particular, in the transformation of active participation of youth in the ideological and political work of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) into an instrument of ideological influence and education of the masses.

Keywords: Komsomol, youth policy, RSFSR, socialist revolution

For citation: *Tsvetkov M.S. General characteristics of the Soviet state youth policy of the revolutionary and post-revolutionary period. Historical Bulletin. 2025. 8 (2). P. 202 – 207.*

The article was submitted: December 1, 2024; Approved after reviewing: February 1, 2025; Accepted for publication: March 3, 2025.

Введение

Молодежь традиционно воспринимается в социальных и политических процессах как основная реакционная сила, с помощью которой происходят изменения в государствах и обществах. Значительный вклад в дело октябрьской революции сделала именно реакционная молодежь, на тот момент из-за демографического взрыва начала XX века подросшая до политической активности [8, с. 53]. Вместе с тем, революционная и постреволюционная власть в России сформировала целостную систему молодежной политики путем организации РКСМ (в последующем ВЛКСМ) и активной партийной и идеологической работы с молодежью. Цель данного исследования – рассмотреть особенности, успехи и проблемы формирования государственной молодежной политики в РСФСР в периоде 1918-1926 годов.

Материалы и методы исследований

Основными методами проведенного исследования выступили анализ и синтез, историко-системный метод, метод исторической периодизации. Источниками выступили исследования отечественных авторов, материалы и постановления ЦК ВЛКСМ, труды партийных деятелей революционного периода.

В рамках проводимого исследования были изучены и использованы материалы как современников, так и исторических и партийных деятелей периода Революции. Немалое значение имеет статья И.А. Медведева «Молодежная политика в СССР: достижения и просчеты (социально-философский анализ)», в которой проводится периодизация молодежной политики СССР, отмечаются проблемы и обобщаются данные в виде комплексного обзора работы с молодежью.

Фундаментальным можно назвать работу И.М. Ильинского «Государственная молодежная политика в СССР», в которой подробно

рассматриваются разные периоды и содержание проводимой государственной молодежной политики в советской партийной властной системе, как до Великой Отечественной войны, так и после нее до момента распада СССР.

Также немалое значение имеют источники, такие как работы И.В. Сталина и В.И. Ленина касательно молодежи, большое значение имеет взгляд А.Б. Залкинда на молодежь и эффективные инструменты и методы работы с ней.

Результаты и обсуждения

Стоит отметить, что такого понятия как молодежная политика в период Российской Империи и послереволюционной России не существовало, однако комплекс мер, направленный на работу с молодежью стал разрабатываться практически сразу после революции в октябре 1917 года. Несмотря на отсутствие подобного понятия в источниках и документах, фактическая деятельность органов управления, которую можно обозначить термином «молодежная политика» присутствовала.

Так, уже 29 октября 1918 г. (менее чем через год после прихода к власти коммунистов) появляется Российский коммунистический союз молодежи (РКСМ). В 1924 г. после смерти основателя СССР В.И. Ленина он получает в название букву «Л» (РЛКСМ). В 1926 г. принимает окончательное (до распада СССР) наименование Всесоюзный Ленинский Коммунистический союз молодежи (ВЛКСМ) [6, с. 6].

Созданный Российский коммунистический союз молодежи был призван для идеологической и пропагандистской работы среди молодежи для привлечения сторонников в ряды большевиков в борьбе с белым движением и другими антибольшевистскими силами в период гражданской войны. То есть, первоначальной задачей объединения молодежи была работа с молодыми людьми по формированию широкой поддержки среди населения большевистского

движения, в том числе и для противодействия другим левым идеям (к примеру, популярные на тот момент анархисты также пользовались определенной поддержкой молодежи, но не имели системных инструментов для воздействия на широкие слои населения).

Победа в гражданской войне открыла потенциал для использования РКСМ для других целей – восстановление страны в период послереволюционного восстановления. Крупнейшие стройки 1930-х годов (Московский метрополитен, ДнепроГЭС, Магнитогорский металлургический комбинат и т. д.) не обошлись без отправки туда молодежи через систему ВЛКСМ [6, с. 6].

Работа с молодежью является важной составляющей государственной идеологической политики, так как послереволюционное общество было заражено идеями мирового пролетариата, мировой социалистической революции и развития концепции «нового советского человека». Этому вопросу стоит уделить особое внимание.

Сама идея «нового человека» не была новостью ни для мира, ни для России, где ею в свое время грезил еще Петр I и Екатерина II. В первых педагогических концепциях строителей социализма сделать человека «новым» должны были «законы истории», «воля класса и партии», наука и научный проект. Как и вся жизнь общества, развитие человека осуществлялось теперь согласно сознательной и целенаправленной политике.

Приведем всего одну, но очень много говорящую цитату из книги «Революция и молодежь» (Москва, 1925 г.), написанной А.Б. Залкиндом [3, с. 23], главной фигурой педагогической науки тех лет. А. Залкинд утверждал: «изменения в окружающем человека коллективе... не в меньшей, а иногда и в большей степени, чем изменения воздуха, состава питания, могут грубо-резко отражаться на биологических его процессах... Человек вырастает не как индивидуум, а как социальная, коллективистская частичка. Все биологические функции человека, – не только так называемые психические процессы, но и дыхание, пищеварение, кровообращение, – полностью связаны с коллективистским бытием...»?

«Итак, – заключал А.Б. Залкинд, – мы имеем перед собой новую главу человеческой биологии... Помимо лекарства, помимо биологической терапии найдено еще одно ценнейшее средство, метод социальной терапии: СЛОВО» [3, с. 24].

Стоит отметить, что концепция развития нового человека включала в себя целенаправленную

работу по образовательной и идеологической работе с подрастающим поколением. Для этих целей наиболее эффективным стал ВЛКСМ. Вопросу идеологической работы с молодежью и проблемам, связанным с заблуждением молодой социалистической власти относительно молодежных настроений и предпочтений, стоит посвятить часть проводимого исследования.

Через созданные организации была сформирована комплексная система идеологической работы с молодежью, обеспечены условия для популяризации личности В. И. Ленина в период революции и начала послереволюционного строительства, а также обеспечены условия для развития идеологическо-образовательной базы социалистической власти на начальном периоде своего государственного строительства.

Проблема заключалась в том, что на революционном этапе за счет тотального доминирования в печати большевистских материалов и восприятия молодежи как части рабоче-крестьянского класса, реакционно поддерживающей революцию, были допущены некоторые ошибки недостаточной идеологической работы с молодежью. Предполагалось, что изначальная ориентация молодежи социалистическая, а социалистическая власть должна лишь организовать молодежь и дать им инструменты для участия в революционной борьбе. Предполагалось, что строительство социума внутри социалистического государства будет бесконфликтным, в особенности учитывая заведомо социалистическую настроенность молодежи. Но в этом заключалась ключевая ошибка. Настроенность молодежи на прогресс и уравнивание прогресса и социализма являются неверными установками [4, с. 24], которые носили характер заблуждений.

Стоит отметить, что заблуждения в изначальной социалистической приверженности молодежи были сформированы на основе патерналистских мифов не только советского, но и в целом российского общества. Духовный, культурный, экономический, политический и идеологический патернализм в отношении молодежи формировал четкое убеждение в полной идеологической идентичности молодежи идеалам социалистического строя.

При этом, патернализм включал в себя не только охрану молодежи, признания ее талантов и возможностей, но и достаточно серьезную экономическую эксплуатацию, используя важную характеристику молодежи – возвышенное стремление к идеалу. Молодежь эксплуатировалась в экономических целях, при этом на

уровне духовного патернализма присутствовали авторитарность и догматизм.

Догматизм и авторитарность уже на ранних этапах социалистического строительства были важными элементами социального устройства. Самой высокой ценностью считалось возможность запомнить и повторить то, чему обучали учителя и «отцы» науки, идеи. Это распространялось не только в среде молодежи, но и во всем обществе. Неудивительно, что духовный патернализм переняла на себя партия в отношении всего советского общества, а любые проявления самостоятельности, творчества и оригинальности всегда граничили с инакомыслием.

И, кроме всего вышесказанного, важным фактором стал политический патернализм, отразившийся в быстром исключении из реальной политической деятельности молодежи (в 1926 году политическая функция исчезла из функционала ВЛКСМ).

На основании выше обозначенных причин появился другой актуальный вопрос – как воспринимало советское руководство отсутствие реальной почвы для творческой самореализации молодежи, для политической и идеологической активности в условиях строительства нового советского общества и государства.

Восприятие это было мифическим у руководства. Например, И.В. Сталин отмечал, что советская молодежь свободна, ей открыты все дороги и нигде нет такой заботы о ребенке, как в Союзе [9, с. 266]. В этом и заключалась мифологизация положения молодежи в советском обществе. Государственный патернализм ограничивал молодежь, исключая новаторство и реальную самореализацию.

Государственная политика в отношении молодежи была основана на безальтернативности создаваемого нового типа человека – «советского». Уникальность советского мифа включала в себя особый путь, особые испытания советского народа, единый патерналистский подход социалистической партии по отношению ко всему обществу не оставлял альтернативы для самовыражения и политической новаторской деятельности молодежи.

Развитие новаторства и творческой самостоятельности молодежи должно было стать одним из ключевых принципов новой молодежной политики социалистического государства. В новой молодой стране на начальном этапе большое распространение получали интересные и уникальные творческие социальные концепции, которые могли стать основой для формирующейся государственности. Молодёжь,

как наиболее реакционная и готовая к переменам часть формирующегося советского общества, должна была стать локомотивом движения общества к прогрессу.

Однако, внутри революционного общества и партийного руководства в значительной степени доминировали умеренные традиционалистские настроения, тем самым продолжая социальную концепцию патернализма и патриархата. Главное, чего была лишена молодёжь, что являлось неотъемлемым правом и условием функционирования нового общества – это политические права.

Политические права – это наиболее противоречивая группа прав, которая была предоставлена молодежи в советской системе. Молодежь получила избирательное право, право на собрания, право на манифестации, право на объединения, на свободу печати, слова, создавались на начальном этапе некоторые условия для реализации политических прав. ВКП(б) искала среди молодежи политическую силу для поддержки и работы с населением. Однако, стоит отметить, что политические права были существенно ограничены уже после смерти Ленина.

В ходе становления социалистического общества и межпартийной борьбы вслед за уничтожением партии кадетов, эсеров, меньшевиков, троцкистов и других пришла очередь и комсомола [4, с. 24]. Этап политического комсомола был кратким, длился примерно до 1926 г., т. е. менее десяти лет. Далее всю свою историю комсомол выполнял назначение помощника и резерва коммунистической партии, функционировал как организация прежде всего общественная, воспитательная.

В первоначальном уставе ВКСМ было отмечено, что «Организации Р.К.С.М. (местные, уездные, губернские и центральные комитеты), устанавливают взаимное представительство с соответствующими организациями Р.К.П.(б). Для связи установления контакта участия в работе, союз посылает своих представителей в Отдел Труда, Отдел Народного Образования и друг. Представители союза в партии и советских учреждениях постоянно отчитываются в своей работе перед посланными их организациями» [2, 5].

В дальнейшем главной задачей ВЛКСМ становится – воспитывать юношей и девушек на великих идеях марксизма-ленинизма, героических традициях революционной борьбы, на примерах самоотверженного труда рабочих, колхозников, интеллигенции, вырабатывать и укреплять у

молодого поколения классовый подход ко всем явлениям общественной жизни, верность принципам пролетарского интернационализма, готовить молодых строителей коммунизма [10, с. 3].

Борьба с политическими правами союзов молодёжи на раннем этапе существования социалистического государства является принципиальным политическим выбором руководства партии, тем самым продолжая борьбу за партийной единовластие и диктатуру пролетариата. В период гражданской войны партия большевиков воспринимала все близкие по духу политические силы и социальные свои населения в качестве союзников для борьбы с белым движением и иностранной интервенции. Как только возникало реальное возможность для укрепления власти и безальтернативного управления государством, мирным или насильственным методом устранялись все потенциальные конкуренты. В этом контексте абсолютно логичным стало лишение ВЛКСМ любого политического функционала и его трансформации в воспитательную и образовательную идеологическую организацию.

Политическое преобразование ВЛКСМ в период 1920-1930 годов связано с изменением отношения к молодёжи. В рамках социалистической идеологии ее воспринимали как средство, ресурс реализации целей партии, который по необходимости можно использовать для определенных целей и задач государственного социалистического строительства, однако исключая реальную возможность политической автономной самоорганизации молодёжи. Именно это в значительной степени оказало негативный эффект на качество организации советской государственной молодежной политики и способствовало снижению эффективности работы с молодёжью в поздние периоды советской государственности.

Вместе с тем, что отметить, что передача воспитательной и идеологической функции коммунистической молодёжи в отношении детей, подростков, и более старших сверстников является эффективным и продуманным ходом. В большинстве своем молодое поколение ориентируется на слова и авторитеты среди своих сверстников в связи с чем вполне логичным для партии стала передача воспитательного функционала политический активный части молодёжи. Вышла следующая ситуация – воспитание молодёжи оказалось в руках самой молодёжи. Данный подход, в целом, показал свою эффективность в период становления и развития советской власти.

Выводы

Подводя итог проведенного исследования, можно отметить, что государственная молодежная политика в революционный и постреволюционный период претерпела определенные изменения. Из союзнической политической силы молодёжь стала идеологическим инструментом для работы с населением в руках ВКП(б). Подобный исход был закономерен по двум основным причинам. Во-первых, по причине строгого курса на диктатуру пролетариата под руководством партии и никакого политического плюрализма в советской России не могло существовать. Во-вторых, в общественно-идеологическом патернализме, который обуславливал необходимость надзирательства, наставничества над молодёжью со стороны ВЛКСМ, а внутри ВЛКСМ – со стороны партии. Вместе с тем, структурированность, целеполагание и осмысленность работы с молодёжью со стороны советской власти делает молодежную политику того периода яркой иллюстрацией возможностей проведения целенаправленной и успешной политической работы с самой реакционной частью любого государства.

Список источников

1. Блинова М.А. Молодежная политика СССР в годы Великой Отечественной войны // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 2. С. 39 – 50.
2. ВЛКСМ. Устав Российского коммунистического союза молодежи: (принят III Всероссийским съездом РКСМ, 2-10 октября 1920 г.) / Рос. коммунистич. союз молодежи. М.: 21-я тип. полиграф. отд. моск. сов. нар. хоз., 1920. 15 с.
3. Залкинд А. Б. Революция и молодёжь. М., 1925. С. 98.
4. Ильинский И.М. Государственная молодежная политика в СССР. Издательство Московского гуманитарного университета, 2017. С. 442.
5. Ленин В.И. Задачи союзов молодежи, Полн. собр. соч., т. 41.
6. Медведев И.А. Молодежная политика в СССР: достижения и просчеты (социально-философский анализ) // Гуманитарный вестник. 2019. № 4 (78). С. 6.

7. Нехамкин В.А. Донос как социально-психологический феномен (из отечественного опыта 1930-х годов) // Историческая психология и социология истории. 2014. Т. 7. № 2. С. 63 – 79.
8. Погребинская В.А. Динамика и демографическая структура населения как фактор начала индустриализации России (последняя треть XIX – начало XX века) // Российское предпринимательство. 2008. № 10-1. С. 52 – 57.
9. Сталин И. В. Полн. собр. соч. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. Т. 13. С. 260 – 273.
10. Устав ВЛКСМ. М., 1962. С. 3.

References

1. Blinova M.A. Youth policy of the USSR during the Great Patriotic War. Historical journal: scientific research. 2019. No. 2. P. 39 – 50.
2. VLKSM. Charter of the Russian Communist Youth Union: (adopted by the III All-Russian Congress of the RKSM, October 2-10, 1920). Rus. communist. union of youth. M.: 21st type. polygraph. department of mosc. sov. people's economy, 1920. 15 p.
3. Zalkind A.B. Revolution and youth. M., 1925. P. 98.
4. Ilyinsky I.M. State youth policy in the USSR. Publishing House of Moscow Humanitarian University, 2017. P. 442.
5. Lenin V.I. Tasks of Youth Unions, Complete Collected Works, Vol. 41.
6. Medvedev I.A. Youth Policy in the USSR: Achievements and Miscalculations (Socio-Philosophical Analysis). Humanitarian Bulletin. 2019. No. 4 (78). P. 6.
7. Nekhamkin V.A. Denunciation as a Socio-Psychological Phenomenon (From the Domestic Experience of the 1930s). Historical Psychology and Sociology of History. 2014. Vol. 7. No. 2. P. 63 – 79.
8. Pogrebinskaya V.A. Dynamics and Demographic Structure of the Population as a Factor in the Beginning of Industrialization in Russia (Last Third of the 19th – Early 20th Century. Russian Entrepreneurship. 2008. No. 10-1. P. 52 – 57.
9. Stalin I.V. Complete Collected Works. M.: State Publishing House of Political Literature, 1951. Vol. 13. P. 260 – 273.
10. Charter of the Komsomol. Moscow, 1962. P. 3.

Информация об авторе

Цветков М.С., исследователь, преподаватель-исследователь, ведущий специалист отдела развития компетенций, АНО «МЦ «ВЫСОТА», 603086, г.о. Город Нижний Новгород, г Нижний Новгород, ул Совнаркомовская, д. 4, tzvetkoff.maxim2015@yandex.ru

© Цветков М.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<http://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

УДК 327.7

Роль ЕС в Косово в социальной и образовательной сферах

¹ Богданова А.В.,

¹ Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Аннотация: стремление самопровозглашенного Косово в ЕС сталкивается с такой формальной проблемой, как несоответствие критериям организации. В данной статье рассматривается сотрудничество в образовательной и социальной сферах, цели которого улучшить качество образования в Косово до уровня европейских стандартов, что, в свою очередь, должно повлечь за собой коренные изменения в экономической ситуации и уровне жизни. Цель работы – анализ результатов реализуемых ЕС образовательных и социальных программ на территории Косово. Учитывая, что происходят крупные инвестиции, можно предположить, что Брюссель имеет более, чем просто цель поднятия уровня образования. Автор делает вывод о том, что при низком результате всех образовательных программ, ЕС использует этот инструмент для имитации деятельности и демонстрации заинтересованности в регионе, как потенциальном члене организации, хотя, Косово того уровня развития и стабильности, которым оно является сейчас, станет лишь проблемным моментом для ЕС.

Ключевые слова: ЕС, Косово, образовательные программы, ИРА, Еврокомиссия

Для цитирования: Богданова А.В. Роль ЕС в Косово в социальной и образовательной сферах // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 2. С. 208 – 212.

Поступила в редакцию: 1 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 2 февраля, 2025 г.; Принята к публикации: 3 марта 2025 г.

The UE role in social and educational spheres in Kosovo

¹ Bogdanova A.V.,

¹ People's Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Abstract: the self-proclaimed Kosovo's aspirations to join the EU face such a formal problem as non-compliance with the organization's criteria. This article examines cooperation in the educational and social spheres, whose goals are to improve the quality of education in Kosovo to the level of European standards, which, in turn, should entail fundamental changes in the economic situation and improve the standard of living. The aim of the work is to analyze the results of the educational and social programs implemented by the EU in Kosovo. Given that there are large investments, it can be assumed that Brussels has more than just the goal of raising the level of education. The author concludes that with the low result of all educational programs, the EU uses this tool to simulate activities and only demonstrate interest in the region as a potential member of the organization, although Kosovo with the current level of stability and development would only become problematic for the EU if being a member.

Keywords: EU, Kosovo, Educational programs, IPA, European Commission

For citation: Bogdanova A.V. The UE role in social and educational spheres in Kosovo. Historical Bulletin. 2025. 8 (2). P. 208 – 212.

The article was submitted: December 1, 2024; Approved after reviewing: February 2, 2025; Accepted for publication: March 3, 2025.

Введение

Сотрудничество в сферах образования, культуры и социальной жизни необходимо для успешной интеграции. ЕС использует разнообразные методы для передачи своих ценностей в страны-кандидаты, чтобы содействовать созданию развитого и гармоничного общества. Поощрение культурного обмена через программы студенческой мобильности играет важную роль в этом процессе. Также важным является проведение совместных социальных проектов в различных областях, что способствует поднятию уровня жизни и распространению ценностей.

Самопровозглашенное Косово признано ЕС кандидатом на членство, поэтому сейчас активно работает на пути гармонизации законодательства и приведения показателей под европейские стандарты. Актуальность работы объясняется тем фактом, что хотя образовательный и социальный аспекты не являются первостепенными, они взаимосвязаны с ключевыми экономическими показателями и общим экономическим развитием, а также напрямую влияют на сформированность гражданского общества. Цель работы – анализ результатов реализуемых ЕС образовательных и социальных программ на территории Косово.

Материалы и методы исследований

Сотрудничество между Косово и Европейским союзом в области образования включает множество инициатив, предложенных ЕС для улучшения различных аспектов. На официальном сайте представительства ЕС в Косово можно найти информацию обо всех проектах, реализуемых на этой территории. Это говорит о том, что европейские органы более строго следят за выполнением всех норм и регулярно отслеживают прогресс в области образования. Таким образом, ЕС инициирует рекомендации и предложения (являясь движущей силой, играющей доминирующую роль), в то время как Косово старается последовать им (занимая позицию реагирующей стороны). После проведенной систематизации документации, основным методом работы является анализ различных программ ЕС.

Результаты и обсуждения

Стратегический план образования для Косово (Kosovo Education Strategic plan) призван улучшить качество образования до уровня европейского стандарта и сделать рынок труда более конкурентоспособным. Однако, анализ результатов программы 2017-2021 показывает, что хотя правительство средне финансирует область образования, основное внимание уделяется зарплатам учителей и текущим расходам, а не улучшению качества об-

разования и повышению профессиональной квалификации педагогов. При этом связь между рынком труда и профессиональным образованием нарушена, что снижает мотивацию учеников и студентов продолжать образование, поскольку не открывается реальных перспектив быть трудоустроенным [1].

В 2019 году Европейский союз провел исследование о взаимодействии учреждений профессионального образования и предприятий в Косово (Linking Vocational Education and Training institutions to Businesses in Kosovo). Результаты показали, что основная проблема заключается в отсутствии четкого законодательства или административных инструкций, регулирующих сотрудничество между учреждениями профессиональной подготовки и предприятиями. На данный момент сотрудничество зависит от инициативы школ и спроса со стороны предприятий. Отсутствие обмена информации и связи между центральными и местными учреждениями также создает проблему. Министерство образования ввело возможность страховать учащихся образовательных учреждений на рабочем месте. Однако большинство учреждений не были проинформированы о данной возможности (изначально можно было страховать только работников) [2]. Эти результаты наводят на мысль об отсутствии заинтересованности вносить реальные изменения в систему образования.

Стратегия труда и социального обеспечения в Косово, разработанная ЕС, нацелена на контроль за социальным благосостоянием граждан: уровень пенсий, меры по борьбе с безработицей, особенно среди молодежи, и состояние здравоохранения. Результаты стратегии за 2018-2022 годы указывают на то, что система пенсионных выплат остается недостаточно прозрачной и несправедливой из-за отсутствия сбалансированного законодательства, хотя бюджет на это направление увеличивается. В 2019 году базовые пенсии составляли 3,9% ВВП, социальная помощь и услуги – 0,5% ВВП, а военные пенсии и компенсации – 1,25% ВВП. Эти цифры отличаются от показателей 2018 года [3].

ЕС оказывает значительную поддержку организациям гражданского общества в Косово, которые разделяют ценности социального прогресса и основные принципы мира, свободы, равноправия и достоинства человека. В рамках инструмента оказания помощи странам-кандидатам до вступления (instrument for pre-accession assistance) Европейский союз предоставляет финансовую помощь, в том числе для развития институтов по защите прав человека (табл. 1).

Таблица 1

Финансовая помощь от ЕС странам, по IPA (в миллионах евро).

Table 1

Financial assistance from the EU to countries, by IPA (in millions of euros).

Страна	IPA I (2007-2013)	IPA II (2014-2020)
Албания	521	758
Босния и Герцеговина	522	539,6
Хорватия	813	- (стала членом ЕС в 2013)
Косово	679	573,1
Черногория	206	269,2
Северная Македония	478	633
Сербия	1 345	1 404,4
Турция	4 393	3 186,5
Исландия	23	-

Источник: составлено автором на основании данных с официального сайта Европейского союза [4].
Source: compiled by the author based on data from the official website of the European Union [4].

В текущий момент объем помощи регулируется уже третьим соглашением (IPA III), рассчитанным на период 2021-2027 гг., предполагающее бюджет в 13 804 миллиона евро для всех стран-кандидатов [5]. 42.25% из указанной суммы отведено на сферу развития зеленой энергетики, сигнализируя важность данной сферы для ЕС.

В рамках программы Horizontal Facility for the Western Balkans and Turkey в Косово были приняты шаги по улучшению образовательной среды с целью обеспечения безопасности. Преподавателям были предложены курсы по социальной интеграции и предотвращению неподобающего поведения по отношению к учащимся. Был разработан проект закона о высшем образовании, в котором предусматривается внедрение этических кодексов и политики добропорядочности в университетах [6].

Оценка прогресса образовательной компоненты проводится ежегодно Европейской комиссией в общем отчете по Косово. Хотя документ делает общий вывод о некоторых улучшениях в этой сфере, показатели не всегда имеют положительную динамику. Например, посещаемость дошкольных образовательных и учреждений и учреждений начального школьного образования падает; ученики показывают в 2023 г. более низкие результаты в рамках программы международной оценки знаний учеников (Program for International Student Assessment) по математике, литературе и естествознанию по сравнению с 2022 г. Доля образования в распределении бюджета понизилась в 2023 г., достигнув отметки в 3%, хотя годом ранее было 4.1%. Также отмечается, что только 3% учителей прошли официальную оценку эффективности работы. Среди положительных тенденций – постепенная цифровизация образования, а также большая по-

пулярность программы Erasmus+ [7]. Например, в 2023 г. в Косово было зафиксировано самое большое количество заявлений на программы студенческой и рабочей мобильности [8]. Данный показатель свидетельствует о низком престиже образования (преимущественно, высшего) Косово. В то время как, глобальных изменений в уровне жизни не происходит, такая тенденция грозит феноменом «утечки мозгов», что также подтверждают ежегодные (за исключением 2020г.) отрицательные показатели сальдо миграции [9].

Если инвестиции ЕС в Косово в обсуждаемых сферах не дают ожидаемых результатов, а вывод Европейской Комиссии в ежегодном отчете о том, что прогресс в образовании наблюдается, подтвержден показателями, демонстрирующими обратную динамику, можно сделать вывод, что улучшения ситуации не происходит совсем. Власти Косово демонстрируют незаинтересованность более активно включаться в образовательную и социальную сферу. Хотя, вероятно, в какой-то степени территории даже «выгодно» иметь низкий уровень образования, ведь высоко образованное общество будет искать более высокий уровень жизни и направится в другие страны. Тем более это произойдет в том случае, если соглашение о безвизовом режиме вступит в силу. С феноменом «утечки мозгов» сталкиваются все страны, не обладающими достаточно высокими стандартами жизни, вступающие в безвизовое соглашение. Кроме того, достаточно высокие показатели уровня коррупции в Косово могут также служить частичным объяснением того, что происходит с инвестициями от ЕС в различных сферах [10].

Выводы

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что образовательные инициативы ЕС в Ко-

сово – это имитация деятельности и глубокого сотрудничества как со стороны Брюсселя, так и со стороны Приштины. Политически самопровозглашенное Косово не становится ближе к перспективе вступления в ЕС, так как не наблюдается формального соответствия европейским стандартам, а выводы Еврокомиссии о слабых положительных тенденциях служат для оправдания инвестиции средств. При всех комментариях отчета о

вяло текущем прогрессе с практически минимальным изменением финальное заключение выглядит натянутым нелогичным. Кроме того, отсутствие положительной динамики является показателем уровня стремления самопровозглашенного Косово в ЕС, ведь заинтересованность определяется не только соответствием стандартам, но и демонстрацией твердых намерений и реальными шагами на пути к этому.

Список источников

1. Mid-term evaluation: Implementation of Kosovo Education Strategic Plan 2017-2021 [Электронный ресурс] // Источник: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/implementation_of_kosovo_education_strategic_plan.pdf (дата обращения: 18.10.2024)
2. Linking VET institutions to Businesses in Kosovo [Электронный ресурс] // Источник: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/linking_vet_institutions_to_businesses_in_kosovo.pdf (дата обращения: 18.10.2024)
3. Implementation of MSLW Sectorial Strategy in 2018 and 2019 [Электронный ресурс] // Источник: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/mslw_sectorial_strategy.pdf (дата обращения: 18.10.2024)
4. Overview – Instrument for Pre-accession Assistance [Электронный ресурс] // Источник: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/enlargement-policy/overview-instrument-pre-accession-assistance_en (дата обращения: 18.10.2024)
5. Regulation (EU) 2021\1529 of the European Parliament and of the Council of 15 September 2021 establishing the Instrument for Pre-Accession assistance (IPA III) [Электронный ресурс] // Источник: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32021R1529&from=EN> (дата обращения: 18.10.2024)
6. Joint EU and CoE programme brought benefits for citizens [Электронный ресурс] // Источник: https://www.eeas.europa.eu/node/61387_en (дата обращения: 18.10.2024)
7. Kosovo Report 2024 [Электронный ресурс] // Источник: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/kosovo-report-2024_en (дата обращения: 18.10.2024)
8. Erasmus+ [Электронный ресурс] // Источник: <https://www.erasmuspluskosovo.org/> (дата обращения: 18.10.2024)
9. Migration to and from Kosovo (under UNSC res. 1244) [Электронный ресурс] // Источник: <https://database.earth/population/kosovo-under-uns-res-1244/migration> (дата обращения: 18.10.2024)
10. Corruption Perceptions Index (CPI) [Электронный ресурс] // Источник: <https://www.transparency.am/en/cpi> (дата обращения: 18.10.2024)

References

1. Mid-term evaluation: Implementation of Kosovo Education Strategic Plan 2017-2021 [Electronic resource]. Source: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/implementation_of_kosovo_education_strategic_plan.pdf (date of access: 18.10.2024)
2. Linking VET institutions to Businesses in Kosovo [Electronic resource]. Source: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/linking_vet_institutions_to_businesses_in_kosovo.pdf date of access: 18.10.2024)
3. Implementation of MSLW Sectorial Strategy in 2018 and 2019 [Electronic resource]. Source: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/mslw_sectorial_strategy.pdf (date of access: 18.10.2024)
4. Overview – Instrument for Pre-accession Assistance [Electronic resource]. Source: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/enlargement-policy/overview-instrument-pre-accession-assistance_en (date of access: 18.10.2024)
5. Regulation (EU) 2021\1529 of the European Parliament and of the Council of 15 September 2021 establishing the Instrument for Pre-Accession assistance (IPA III) [Electronic resource]. Source: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32021R1529&from=EN> (date of access: 18.10.2024)
6. Joint EU and CoE programme brought benefits for citizens [Electronic resource]. Source: https://www.eeas.europa.eu/node/61387_en (date of access: 18.10.2024)

7. Kosovo Report 2024 [Electronic resource]. Source: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/kosovo-report-2024_en (date of access: 18.10.2024)
8. Erasmus+ [Electronic resource]. Source: <https://www.erasmuspluskosovo.org/> (date of access: 18.10.2024)
9. Migration to and from Kosovo (under UNSC res. 1244) [Electronic resource]. Source: <https://database.earth/population/kosovo-under-uns-res-1244/migration> (date of access: 18.10.2024)
10. Corruption Perceptions Index (CPI) [Electronic resource]. Source: <https://www.transparency.am/en/cpi> (date of access: 18.10.2024)

Информация об авторе

Богданова А.В., аспирант, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Aly-ly98@list.ru

© Богданова А.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 93/94

Производственная деятельность и проблемы развития полиграфической промышленности Средневолжского края в начале 1930-х гг. (по материалам Средне-Волжского полиграфического треста)

¹ Кухорев В.С.,

¹ Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

Аннотация: в статье рассматривается развитие полиграфической промышленности в Средневолжском крае в 1930-е годы в контексте изучения истории советской журналистики. Особое внимание уделяется деятельности Средне-Волжского Крайполиграфтреста, который являлся основным инструментом в организации полиграфической базы региона с 1925 по 1932 год. Автор анализирует роль треста в обеспечении потребностей в печатной продукции и распространении социалистической пропаганды через прессу. Автор обращается к историографии, посвященной вопросам развития советской промышленности 1930-х гг., приходит к выводам об отсутствии сформированного представления о функционировании полиграфической промышленности в регионах. Автор приходит к выводу, что изучение развития полиграфической промышленности в Средневолжском крае позволяет выявить специфику функционирования советской печати и оценить роль полиграфии в реализации идеологических задач того времени. Статья вносит вклад в комплексное исследование истории советской журналистики 1930-х годов и представляет интерес для специалистов в области истории СМИ и полиграфии.

Ключевые слова: советская журналистика, полиграфическая промышленность, пропаганда, крайполиграфтрест, Средне-Волжский край

Для цитирования: Кухорев В.С. Производственная деятельность и проблемы развития полиграфической промышленности Средневолжского края в начале 1930-х гг. (по материалам Средне-Волжского полиграфического треста) // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 2. С. 213 – 220.

Поступила в редакцию: 2 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 3 февраля, 2025 г.; Принята к публикации: 3 марта 2025 г.

Production activities and development issues of the printing industry in Sredne-Volzhsky Krai in the early 1930s (based on materials from the Sredne-Volzhsky Regional Printing Trust)

¹ Kukhorev V.S.,

¹ Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev

Abstract: the article examines the development of the printing industry in the Sredne-Volzhsky Krai (Middle Volga region) during the 1930s within the context of studying the history of Soviet journalism. Special attention is paid to the activities of the Sredne-Volzhsky Kraipoligraftrast (Middle Volga Regional Printing Trust), which served as the primary instrument for organizing the region's printing infrastructure from 1925 to 1932. The author analyzes the trust's role in meeting the demand for printed materials and disseminating socialist propaganda through the press. By engaging with historiography on the development of Soviet industry in the 1930s, the author

concludes that there is a lack of well-established understanding of how regional printing industries functioned during this period. The study argues that examining the printing industry in the Sredne-Volzhsky Krai helps reveal the specificities of Soviet press operations and assess the role of printing in advancing ideological objectives of the time. The article contributes to a comprehensive exploration of 1930s Soviet journalism history and is of interest to specialists in media history and printing.

Keywords: Soviet journalism, printing industry, propaganda, Kraipoligrafrest, Sredne-Volzhsky Krai

For citation: *Kukhorev V.S. Production activities and development issues of the printing industry in Sredne-Volzhsky Krai in the early 1930s (based on materials from the Sredne-Volzhsky Regional Printing Trust). Historical Bulletin. 2025. 8 (2). P. 213 – 220.*

The article was submitted: December 2, 2024; Approved after reviewing: February 3, 2025; Accepted for publication: March 3, 2025.

Введение

Изучение истории полиграфической промышленности в СССР в 1930-е годы представляет собой важный аспект исследования советской экономической и идеологической политики. Полиграфия, как отрасль, обеспечивающая производство печатной продукции, играла ключевую роль в распространении социалистической пропаганды и формировании общественного сознания. В этом контексте особый интерес представляет региональный аспект развития полиграфической промышленности, в частности, в Средневолжском крае, где в 1925-1932 годах функционировал Средне-Волжский Крайполиграфтрест (СВКПТ). Деятельность этого треста была направлена на создание и укрепление полиграфической базы региона, что имело значительное влияние на развитие местной прессы и выполнение идеологических задач государства.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью более глубокого понимания процессов, происходивших в советской журналистике и полиграфической промышленности в 1930-е годы. Несмотря на значительное количество работ, посвященных истории советской и партийной печати, региональные аспекты развития полиграфии остаются недостаточно изученными. Исследование деятельности Крайполиграфтреста позволяет не только выявить специфику функционирования полиграфической отрасли в Средневолжском крае, но и оценить её роль в реализации идеологических задач государства, а также в обеспечении потребностей региона в печатной продукции.

Изучение советской промышленной политики 1930-х гг., включая её региональные и отраслевые аспекты, занимает значительное место в современной историографии. Однако анализ полиграфической промышленности, особенно в контексте Средне-Волжского края, остаётся фрагментарным. Обобщающие работы, такие как исследования Н.Р.

Коровина [3], акцентируют макроэкономические противоречия индустриализации, но игнорируют локальные механизмы адаптации директив. Региональные исследования, как работа М.В. Кочергиной по Западной области [4], демонстрируют важность преемственности дореволюционного промышленного потенциала, однако аналогичные процессы в полиграфии не получили достаточного освещения. Отсутствие комплексного анализа деятельности краевых трестов, их роли в преодолении ресурсных дефицитов и идеологических задач, создаёт пробел, который восполняется настоящим исследованием через призму материалов Средне-Волжского полиграфического треста (СВКПТ).

Материалы и методы исследований

В основе исследования лежит комплексный подход, сочетающий историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный методы. Историко-генетический метод позволил проследить эволюцию деятельности Крайполиграфтреста с момента его создания в 1925 году до ликвидации в 1932 году. Историко-сравнительный метод использовался для анализа различий в функционировании полиграфической промышленности в городах и на различных предприятиях Средневолжского края. Историко-системный метод позволил рассмотреть деятельность треста как часть более широкой системы советской экономики и идеологии. Основным источником исследования стали архивные материалы, хранящиеся в Центральном государственном архиве Самарской области (ЦГАСО). В частности, были изучены приказы, протоколы заседаний, переписка, отчеты и другие документы, связанные с деятельностью Крайполиграфтреста. Эти материалы позволили реконструировать производственные процессы, выявить проблемы, с которыми сталкивался трест, и оценить его роль в развитии полиграфической промышленности региона.

Результаты и обсуждения

Статья Н.Р. Коровина «Особенности индустриального развития России в 1930-е годы и их социальные последствия» (2008) важна для понимания советской промышленной политики [3, с. 33-42]. Автор выделяет противоречия директивного планирования и гипертрофированное развитие тяжелой промышленности, что вызвало социальные проблемы. Коровин указывает на недостаток исследований региональных аспектов индустриализации, что ограничивает понимание адаптации общесоюзных планов. Изучение деятельности Средне-Волжского краевого полиграфического треста (далее – СВКПТ), остающееся вне обобщающих работ, выявляет локальные особенности реализации производственных программ. В отличие от макроэкономического подхода Коровина, исследование полиграфии предполагает учет специфики, таких как зависимость от сырья, кадровый дефицит и идеологическая роль печати. Работа Коровина служит методологической основой настоящего исследования, однако его ограниченное внимание к регионам подчеркивает необходимость микроисторического анализа. Документы СВКПТ помогают понять, как директивные установки центра адаптировались на уровне края при столкновении с ресурсными дефицитами и социальной напряженностью.

В статье А.Р. Гапсаламова и Т.Н. Бочкаревой «Хронология становления советской историографии по проблемам государственной промышленной политики (1917-й – 1930-е годы)» (2024) [1, с. 53-57] рассматривается эволюция научных подходов к изучению промышленной политики СССР в первые десятилетия советской власти. Авторы выделяют ключевые этапы развития историографии, начиная с постреволюционного периода, когда формировались основные концепции централизации и децентрализации управления промышленностью. Особое внимание уделяется дискуссиям 1920-х годов, в которых сталкивались идеи жесткой централизации, продвигаемые В.И. Лениным и А.И. Рыковым, и умеренной децентрализации, поддерживаемой Н.И. Бухариным и Н. Осинским. Эти споры отражали поиск оптимальной модели управления, что нашло отражение в работах таких исследователей, как Л.Н. Крицман и Г. Цыперович, критиковавших излишнюю бюрократизацию и непродуманность реформ.

В контексте настоящего исследования статья важна как обзор методологических подходов к изучению промышленной политики, однако авторы практически не затрагивают региональные аспекты и отраслевую специфику, включая полиграфическую промышленность. Это создает про-

бел, который может быть восполнен за счет анализа деятельности Средне-Волжского краевого полиграфического треста, где централизованные директивы сталкивались с локальными реалиями: дефицитом ресурсов, низкой квалификацией кадров и необходимостью выполнения идеологических задач.

Историографический анализ книгоиздания 1930-х гг. показывает ключевые тенденции, важные для полиграфической промышленности Средне-Волжского края. А.А. Говоров в своей «История книги» (1998) [2, с. 287-295] отмечает, что к концу десятилетия общественно-политическая литература составила 41% от общего тиража, что связано с идеологическим запросом и концентрацией ресурсов на выпуске трудов классиков. Это создавало значительную нагрузку на полиграфическую базу, требуя централизованного распределения бумаги, что усиливало давление на региональные тресты. Индивидуальные изменения в репертуаре, вызванные индустриализацией, привели к росту технической и сельскохозяйственной литературы, однако растущее количество часто негативно сказывалось на качестве продукции. Местные тресты, такие как Средне-Волжский, сталкивались с дефицитом ресурсов и требованиями выполнения идеологических, образовательных и производственных задач. Переход к стандартизации в изданиях создает дополнительные сложности для региональных предприятий, требуя модернизации оборудования и адаптации к унифицированным стандартам. Эти процессы также подчеркивают необходимость анализа деятельности Средне-Волжского треста под давлением жесткой регламентации.

Обратимся к анализу периодической печати Нижнего Поволжья 1920-1930-х гг., представленному в автореферате Фролковой Е.П. «Советская периодическая печать и социально-экономические политические и культурные практики 1930-х гг.» (2023) [11, с. 1-17], который выявляет ключевые тенденции в т.ч. и для полиграфической промышленности Средне-Волжского края. Автор отмечает рост региональных изданий во время индустриализации, что требовало расширения полиграфической базы. Однако в советских исследованиях акцент делался на идеологической функции печати, в то время как материально-технические аспекты оставались на периферии. В постсоветской историографии начали рассматриваться вопросы ресурсного обеспечения и противоречий между планированием и реальными возможностями. Выводы Фролковой о двойственной роли периодики 1930-х гг. важны: массовый выпуск газет мобилизовывал коллективы, но централизация ресурсов ограничи-

вала самостоятельность типографий. Развитие печати зависело от решений краевых партийных органов, а рост числа изданий сопровождался дефицитом кадров и оборудования, что снижало качество продукции. Методологически значимым является тезис о взаимосвязи цензуры и производственных возможностей типографий, что подтверждается документами Сталинградского Обллита. Отсюда приходим к выводу, что исследования последних десятилетий актуализируют взаимодействие идеологических и производственных факторов, создавая основу для анализа полиграфической промышленности Средне-Волжского края в контексте общесоюзной системе «печатной пропаганды».

Анализ роли частного капитала в полиграфической промышленности СССР в 1920-е гг., представленный в работе О. Пирятинской «Полиграфическая промышленность» (1927) [6, с. 520-524], остаётся важным источником для понимания трансформаций отрасли в период нэпа. Автор выделяет три ключевых фактора, определивших сохранение частного сектора после национализации 1919-1920 гг.: неполный охват предприятий из-за их территориальной раздробленности, денационализация мелких производств в 1922-1923 гг. и передача в аренду частным лицам. Пирятинская подчёркивает, что частные предприятия имели кустарный характер, использовали изношенное оборудование и ограничивались мелкими заказами. Данные, приведённые Пирятинской, демонстрируют противоречивость государственной политики: с одной стороны, частный сектор воспринимался как временный компромисс, с другой – его деятельность косвенно способствовала восстановлению производственного потенциала (например, ремонт списанного оборудования). При этом автор фиксирует тенденцию к постепенному сокращению частных предприятий к середине 1920-х гг., связывая это с усилением регулирования, налоговым давлением и конкуренцией кооперативных артелей. Эти выводы позволяют реконструировать исходные условия для последующей централизации отрасли в конце 1920-х – начале 1930-х гг., когда задачи индустриализации требовали ликвидации «распылённости» производства. Для Средневожского края, где в начале 1930-х гг. формировался краевой полиграфический трест, выводы Пирятинской актуальны в контексте преемственности проблем: низкая техническая оснащённость, зависимость от ручного труда, территориальная разобщённость предприятий. Если в центральных регионах, описанных автором, частный сектор к 1927 г. уже терял позиции, то в периферийных районах, включая Сред-

нее Поволжье, его влияние могло сохраняться дольше, что требует уточнения в локальных исследованиях. Работа Пирятинской служит методологической основой для анализа динамики взаимодействия государственных и частных элементов в полиграфии в переходный период, предшествующий окончательной консолидации отрасли в системе трестов.

Обратимся к ещё одной специальной работе, посвященной полиграфической промышленности СССР в изучаемый нами период – исследованию Кочергиной М.В. (2024) [4, с. 41-51], посвящённому особенностям индустриализации в Клинцовском округе Западной области (1928-1930-е гг.). Автор вносит значительный вклад в региональную историографию, раскрывая механизмы адаптации дореволюционного промышленного потенциала к задачам социалистической модернизации. Автор акцентирует внимание на преемственности производственных мощностей, созданных до революции, подчёркивая, что их восстановление и реконструкция стали основой индустриализации без привлечения иностранного капитала или технологий. Выводы автора о роли административно-территориальных реформ (создание Западной области в 1929 г.) в консолидации промышленных ресурсов и усилении планового управления коррелируют с общими тенденциями централизации, характерными для конца 1920-х – начала 1930-х гг. Анализ Кочергиной деятельности трестов, таких как Клинцовский сукно-трест и Западный спичечный трест, демонстрирует, как национализированные предприятия, переведённые на хозрасчёт, трансформировались в механизмы мобилизации производства через механизацию, многосменную работу и социалистическое соревнование. При этом автор отмечает противоречия: рост объёмов продукции сопровождался низким качеством, высокой себестоимостью и сохраняющейся зависимостью от ручного труда, что отражает общие проблемы раннесоветской индустриализации. Для изучения Средне-Волжского края работа Кочергиной методологически значима: она подчёркивает необходимость учёта дореволюционного наследия, роли локальных трестов в преодолении «распылённости» производства и влияния административных реформ на хозяйственную специализацию. Если в Клинцовском округе ключевыми стали текстиль и спички, то в Среднем Поволжье аналогичные процессы могли затрагивать полиграфию, где тресты также выступали инструментом концентрации ресурсов. Однако специфика полиграфической отрасли – меньшая зависимость от сырьевой базы, но большая – от культурно-просветительских задач – требует уточнения реги-

ональных особенностей. Исследование Кочергиной подтверждает тезис о том, что даже в периферийных регионах индустриализация не всегда сопровождалась созданием новых предприятий «с нуля», а часто опиралась на модернизацию существующих мощностей, что актуально для анализа производственных стратегий Средне-Волжского полиграфического треста в условиях ограниченности ресурсов начала 1930-х гг.

Проведённый анализ научной литературы советского и современного историографического этапов позволил выявить ключевые тенденции: доминирование макроэкономического подхода в исследованиях индустриализации, недостаток внимания к региональной специфике полиграфии, а также слабую изученность взаимодействия централизованного планирования с локальными производственными реалиями. Работы О. Пирятинской и М.В. Кочергиной подчёркивают роль дореволюционного наследия и трестов как инструментов модернизации, однако полиграфическая отрасль Среднего Поволжья, с её уникальным сочетанием идеологических, культурных и технических задач, требует отдельного рассмотрения.

Основу исследования составляют документы СВКПТ, выявленные в местном архиве: отчёты о производственной деятельности, переписка с центральными ведомствами, материалы проверок качества продукции, статистические сводки. Эти источники позволяют реконструировать, как трест балансировал между выполнением плановых показателей, дефицитом бумаги и кадров, а также идеологическим давлением. Дополняя их документами партийных органов, автор выявляет механизмы адаптации общесоюзных директив к условиям края, что формирует новое понимание региональной индустриализации в контексте «печатной пропаганды» 1930-х гг.

Таким образом, целью настоящего исследования является анализ производственной деятельности и проблем развития полиграфической промышленности Средневолжского края в начале 1930-х годов на основе архивных материалов, а именно фонда Р-575 «Средневолжский краевой полиграфический трест «Крайполиграфтрест», 294 ед.хр., отложившегося в Центральном государственном архиве Самарской области и до сих не введенном в научный оборот.

В первые годы своего существования Крайполиграфтрест сталкивался со значительными трудностями, связанными с недостатком материально-технической базы и кадров. Документы свидетельствуют о постоянных проблемах с обеспечением бумагой, что приводило к необходимости строгой экономии и контроля за её расходом.

Так, приказ № 11 от 24 января 1931 года предписывал директорам предприятий треста уделять серьёзное внимание экономии бумаги, проверять отпуска бумаги из кладовых точно по потребности тиража и исключать печатание сверх заявленных тиражей [7, л. 21]. Это стало ответом на рост потребности в бумаге и её недостаточное централизованное снабжение.

Одной из ключевых задач треста было обеспечение качественного и своевременного выполнения заказов газет, журналов, а также государственных организаций, таких как ОГИЗ. Однако сотрудничество с издательствами часто осложнялось из-за несоответствия качества и сроков выполнения работ. В письме ОГИЗ от 24 декабря 1929 года отмечались многочисленные нарекания к работе типографий треста: низкое качество брошюровки и обрезки, задержки в выполнении заказов, и даже случаи, когда корректура читалась без корректоров, что приводило к ошибкам в печатной продукции [9, л. 57]. Такие проблемы негативно сказывались на репутации треста и требовали принятия срочных мер по улучшению производственного процесса.

Кадровые вопросы также занимали важное место в деятельности треста. Существовал острый дефицит квалифицированных специалистов полиграфического производства. В связи с этим Крайполиграфтрест предпринимал усилия по организации обучения и повышения квалификации персонала. В письме управляющего трестом Садовникова от 24 июля 1930 года сообщается о планах организации 20-месячных курсов по переподготовке практиков-техников в полиграфической промышленности, рассчитанных на 20 человек. Кроме того, в июне 1930 года на Всесоюзной конференции по подготовке кадров было решено организовать в Самаре школу массовых профессий по полиграфическому производству [4, л. 26]. Эти меры были направлены на создание устойчивой кадровой базы и обеспечение потребностей отрасли в квалифицированных работниках.

Важным аспектом деятельности треста была борьба с проникновением в его ряды «чуждого элемента». В материалах треста содержатся сообщения в органы ОГПУ о попытках бывших белых офицеров и административно высланных лиц трудоустроиться в типографиях треста. Например, в письме управляющего трестом Петрова от 16 июля 1931 года сообщается о гражданке Азаравили Н.Ф., административно высланной с Кавказа, и Фатюшине М.Я., высланном из Ленинграда, которые пытались устроиться на работу в типографии [6, л. 37]. Такие меры были направлены на

укрепление идеологической чистоты кадров и предотвращение возможных диверсий и саботажа.

Дисциплина труда и производительность были постоянными предметами внимания руководства треста. С целью повышения эффективности производства и снижения затрат внедрялись сдельные и премиальные системы оплаты труда. Приказ № 82 от 19 сентября 1931 года предписывал директорам предприятий ввести в действие инструкции по премированию хозрасчётных бригад за результаты работы [7]. Однако внедрение новых систем оплаты встречало определённые трудности и сопротивление со стороны рабочих. В отчёте о работе фабрично-заводского комитета (ФЗК) типографии № 1 за 1928-1929 годы отмечается затянутость процесса введения сдельной системы оплаты труда, который занял почти семь месяцев из-за разногласий между администрацией и рабочими по поводу норм выработки и расценок (Ф. Р-575, Оп. 1, Д. 41, л. 22об). Несмотря на это, переход на сдельную систему позволил увеличить производительность труда на 30% и повысить заработную плату на 21,5% [8, л. 26].

Отношения между администрацией и профсоюзными организациями нередко были напряжёнными. Протокол заседания ФЗК типографии № 1 от 27 мая 1929 года свидетельствует о конфликте, связанном с заметкой «Белый букет» в газете «Коммуна», где ряд представителей административно-технического персонала треста обвинялся в антисоветской деятельности. В результате обсуждения было решено признать часть обвинений обоснованными и снять с работы упомянутых лиц [8, л. 39-40]. Аналогичные конфликты возникали и в связи с организацией социалистического соревнования. Так, на заседании Президиума Средне-Волжского Областного Совета Профессиональных союзов 7 июня 1929 года рассматривался вопрос об отказе рабочих типографии № 1 вступить в соревнование с типографией № 2, что было вызвано недостаточной подготовкой и разъяснительной работой со стороны ФЗК и администрации [8]. Такое положение дел требовало более активного участия профсоюзов в жизни коллектива и улучшения взаимоотношений с руководством.

Экономические трудности, связанные с общими проблемами советской экономики, также отражались на деятельности треста. Недостаток сырья, в частности бумаги, и оборудования затруднял выполнение производственных планов. В отчётах указывалось на невыполнение промфинплана, убыточность производств и необходимость строгого контроля за расходованием средств и материалов [7, л. 42-43]. В письме управляющего трестом Петрова председателю КСНХ Хонину от 8 сентяб-

ря 1931 года сообщалось о многочисленных заявлениях сотрудников о необходимости увеличения заработной платы из-за дороговизны продуктов и недоснабжения по карточкам [6, л. 240]. Это подчёркивает сложность социально-экономической ситуации, в которой находился коллектив треста.

В стремлении снизить зависимость от импорта и укрепить материально-техническую базу, руководство треста активно работало над вопросами локализации производства. В письме члена Президиума КСНХ Борисенко управляющему трестом Петрову от 9 августа 1931 года предлагалось предоставить данные о необходимом оборудовании на 1932 год и возможности его изготовления внутри края или СССР [6, л. 265]. Это отражает общие тенденции того времени по развитию отечественной промышленности и снижению зависимости от внешних поставок.

Несмотря на предпринимаемые усилия, эффективность работы треста оставалась недостаточной. Постановление Президиума Средне-Волжского Краевого Совета Народного Хозяйства от 4 марта 1932 года констатировало невыполнение трестом промфинплана за 1931 год, низкую производительность труда и убыточность предприятий. В качестве причин указывались неудовлетворительное снабжение сырьём, бесплановость издательских работ и слабая дисциплина труда [8, л. 7]. В результате было принято решение о ликвидации Крайполиграфтреста с 1 апреля 1932 года, перераспределении его предприятий между другими организациями и создании при Крайисполкоме краевого комитета полиграфической промышленности для планирования и регулирования отрасли [7, л. 78].

Выводы

Проведенное исследование позволило выявить, что деятельность Средне-Волжского Крайполиграфтреста была направлена на создание и укрепление полиграфической базы региона, что имело важное значение для обеспечения потребностей в печатной продукции региона. Однако трест сталкивался с серьезными проблемами, связанными с недостатком материально-технической базы, дефицитом квалифицированных кадров и низкой дисциплиной труда. Несмотря на предпринимаемые усилия по улучшению производственного процесса, эффективность работы треста оставалась недостаточной, что в конечном итоге привело к его ликвидации в 1932 году.

Деятельность Средне-Волжского Крайполиграфтреста в начале 1930-х годов стала важным этапом в развитии полиграфической промышленности Средневолжского края. Несмотря на многочисленные трудности, трест смог создать матери-

альную и кадровую базу, которая послужила основой для дальнейшего развития отрасли на годы вперед. Опыт функционирования треста, даже с учетом всех его недостатков, способствовал укреплению производственных мощностей и подготовке квалифицированных кадров, что было

важно для выполнения идеологических задач государства. Ликвидация треста и реорганизация полиграфической промышленности в регионе отразили общие процессы структурных изменений в экономике СССР начала 1930-х годов.

Список источников

1. Гапсаламов А.Р., Бочкарева Т.Н. Хронология становления советской историографии по проблемам государственной промышленной политики (1917-й – 1930-е годы) // Клио. 2024. № 09 (213). С. 53 – 57. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hronologiya-stanovleniya-sovetskoy-istoriografii-po-problemam-gosudarstvennoy-promyshlennoy-politiki-1917-y-1930-e-gody/viewer> (дата обращения: 10.10.2024)
2. Говоров А.А. История книги. М.: Издательство МГУП «Мир книги», 1998. 346 с.
3. Коровин Н.Р. Особенности индустриального развития России в 1930-е годы и их социальные последствия // Вестник Ивановского государственного университета. 2008. Вып. 4. История. С. 33 – 42. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-industrialnogo-razvitiya-rossii-v-1930-e-gody-i-ih-sotsialnye-posledstviya-1> (дата обращения: 17.10.2024)
4. Кочергина М.В. Особенности проведения индустриализации в СССР (1928-1930-е гг.): использование дореволюционного промышленного потенциала и создание новых социалистических предприятий (на примере Клинцовского округа Западной области) // Вестник Брянского государственного университета. 2024. № 4 (3). С. 41 – 51. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-provedeniya-industrializatsii-v-sssr-1928-1930-e-gg-ispolzovanie-dorevolutsionnogo-promyshlennogo-potentsiala-i/viewer> (дата обращения: 22.10.2024)
5. Переписка с предприятиями и РПП // Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-575. Оп. 1. Д. 16. Л. 26, 32.
6. Пирятинская О. Полиграфическая промышленность // Частный капитал в народном хозяйстве СССР / под общ. ред. А.М. Гинзбурга. Москва; Ленинград: АО Промиздат, 1927. 566 с.
7. Постановления Высшего совета Народного хозяйства СССР, Народного Комиссариата труда и обороны о мобработе. Компрометирующие сведения на личный состав Крайполиграфтреста // Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-575. Оп. 6 Д. 8. Л. 37, 240, 265.
8. Приказы по Крайполиграфтресту за 1931-1932 гг. // Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-575. Оп. 4. Д. 4. Л. 6, 21, 42-43, 52, 78.
9. Протоколы заседаний ФЗК // Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-575. Оп. 1. Д. 41. Л. 22.
10. Протоколы, договора и разные донесения // Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-575. Оп. 1. Д. 45. Л. 57
11. Фролкина Е. П. Советская периодическая печать и социально-экономические политические и культурные практики 1930-х гг.: автореф. магистерской работы. Саратов, 2023. 17 с. URL: http://elibrary.sgu.ru/VKR/2023/46-04-01_020.pdf (дата обращения: 14.10.2024)

References

1. Gapsalamov A.R., Bochkareva T.N. Chronology of the formation of Soviet historiography on the problems of state industrial policy (1917-1930s). Clio. 2024. No. 09 (213). P. 53 – 57. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hronologiya-stanovleniya-sovetskoy-istoriografii-po-problemam-gosudarstvennoy-promyshlennoy-politiki-1917-y-1930-e-gody/viewer> (date of access: 10.10.2024)
2. Govorov A.A. History of the book. Moscow: Publishing house of MGUP "World of Books", 1998. 346 p.
3. Korovin N.R. Features of industrial development of Russia in the 1930s and their social consequences. Bulletin of Ivanovo State University. 2008. Issue 4. History. P. 33 – 42. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-industrialnogo-razvitiya-rossii-v-1930-e-gody-i-ih-sotsialnye-posledstviya-1> (date of access: 17.10.2024)
4. Kochergina M.V. Features of industrialization in the USSR (1928-1930s): use of pre-revolutionary industrial potential and creation of new socialist enterprises (on the example of Klinty District of the Western Region). Bulletin of Bryansk State University. 2024. No. 4 (3). P. 41 – 51. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-provedeniya-industrializatsii-v-sssr-1928-1930-e-gg-ispolzovanie-dorevolutsionnogo-promyshlennogo-potentsiala-i/viewer> (date of access: 22.10.2024)

5. Correspondence with enterprises and RPP. Central State Archives of the Samara Region (TsGASO). F. R-575. Op. 1. D. 16. L. 26, 32.

6. Piryatinskaya O. Printing industry. Private capital in the national economy of the USSR. under the general editorship of A.M. Ginzburg. Moscow; Leningrad: AO Promizdat, 1927. 566 p.

7. Resolutions of the Supreme Council of the National Economy of the USSR, the People's Commissariat of Labor and Defense on mobilization work. Compromising information on the personnel of the Kraipoligraftrest. Central State Archives of the Samara Region (TsGASO). F. R-575. Op. 6 D. 8. L. 37, 240, 265.

8. Orders for the Kraipoligraftrest for 1931-1932. Central State Archives of the Samara Region (TsGASO). F. R-575. Op. 4. D. 4. L. 6, 21, 42-43, 52, 78.

9. Minutes of meetings of the FZK. Central State Archives of the Samara Region (TsGASO). F. R-575. Op. 1. D. 41. L. 22.

10. Protocols, agreements and various reports. Central State Archives of the Samara Region (TsGASO). F. R-575. Op. 1. D. 45. L. 57

11. Frolova E. P. Soviet periodicals and socio-economic political and cultural practices of the 1930s: author's abstract. master's thesis. Saratov, 2023. 17 p. URL: http://elibrary.sgu.ru/VKR/2023/46-04-01_020.pdf (date of access: 14.10.2024)

Информация об авторе

Кухорев В.С., аспирант, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, ул. Московское шоссе, д. 34а, e-mail: kukhorev20@outlook.com

© Кухорев В.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 93/94

Православная миссия в Казанской епархии в XVIII – первой половине XIX века: от массовой христианизации до политики веротерпимости

¹Леонов И.В.,

¹ Казанский национальный исследовательский технический университет имени А.Н. Туполева

Аннотация: целью статьи является анализ политики распространения православия в Казанской епархии в XVIII – первой половине XIX века среди местного нерусского населения (инородцы). В данной статье на основе материалов историографии, архивных документов и законодательных актов отражена история этой политики и её результаты. Определяется роль и влияние государственной политики на работу Русской церкви с нерусским населением Казанской епархии (инородцы) по обращению их в православие, которое определялось плотным сотрудничеством светских и церковных властей. Отмечаются факторы, из-за которых приходилось менять подходы (кардинально) к христианизации местного населения. Автор отмечает, что проблема массового отступничества от православия в первой половине XIX века привела к необходимости кардинально менять подход к миссионерской деятельности, переходить от христианизации к христианскому просвещению. Христианизация в контексте истории России как процесс характеризуется переходом из другой религии (как правило нехристианской) в православие (государственная религия) одним человеком или группой лиц, в том числе принудительным путем. Население Среднего Поволжья и сегодня сохраняет свое этническое и религиозное многообразие, что необходимо учитывать государству при осуществлении национальной политики.

Ключевые слова: инородцы, Русская церковь, миссионерство, отступничество, Среднее Поволжье, Казанская Епархия, веротерпимость

Для цитирования: Леонов И.В. Православная миссия в Казанской Епархии в XVIII – первой половине XIX века: от массовой христианизации до политики веротерпимости // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 2. С. 221 – 228.

Поступила в редакцию: 4 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 6 февраля, 2025 г.; Принята к публикации: 3 марта 2025 г.

The Orthodox mission in the Kazan Diocese in the XVIII – first half of the XIX century: from mass christianization to the policy of religious tolerance

¹ Leonov I.V.,

¹ Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev

Abstract: the purpose of the article is to analyze the policy of spreading Orthodoxy in the Kazan diocese in the XVIII – first half of the XIX century among the local non-Russian population (inorodtsy). Based on the materials of historiography, archival documents and legislative acts, this article reflects the history of this policy and its results. The role and influence of state policy on the work of the Russian Church with the non-Russian population of the Kazan Diocese (non-Russians) on their conversion to Orthodoxy, which was determined by the close cooperation of secular and ecclesiastical authorities, is determined. The factors that led to the need to change approaches (radically) to the Christianization of the local population are noted. The author notes that the problem of mass apos-

tasy from Orthodoxy in the first half of the 19th century led to the need to radically change the approach to missionary activity, to move from Christianization to Christian education. Christianization in the context of Russian history as a process is characterized by the transition from another religion (usually non-Christian) to Orthodoxy (the state religion) by one person or a group of people, including by force. The population of the Middle Volga region still retains its ethnic and religious diversity, which must be taken into account by the state when implementing national policy.

Keywords: inorodtsy, Russian Church, missionary work, apostasy, Middle Volga region, Kazan Diocese, religious tolerance

For citation: Leonov I.V. *The Orthodox mission in the Kazan Diocese in the XVIII – first half of the XIX century: from mass christianization to the policy of religious tolerance. Historical Bulletin. 2025. 8 (2). P. 221 – 228.*

The article was submitted: December 4, 2024; Approved after reviewing: February 6, 2025; Accepted for publication: March 3, 2025.

Введение

Среднее Поволжье, присоединенное к России в середине XVI века, представляло собой регион с пестрым этническим и религиозным составом. Русское царство, а позднее Российская империя были государствами, основу идеологии которых составляло православие, поэтому процесс обращения в христиан (христианизация) местного мусульманского и языческого населения («казанских иноверцев») продолжался вплоть до революции 1917 года.

На землях Среднего Поволжья эту задачу выполняла Казанская епархия, утвержденная в 1555 году. Меры по христианизации «казанских иноверцев» отличались на различных этапах истории деятельности местной православной миссии, но цель была одна: посредством обращения в православие унифицировать как религиозный (христианизация), так и этнический (русификация) состав населения региона. Активную помощь Церкви в этом вопросе оказывала царская администрация, выделяя необходимые административные и финансовые ресурсы.

Исторический опыт христианизации нерусских народов Казанской епархии занимает особое место в науке, что объясняется непреходящим значением этого региона в понимании многих исторических процессов. Изучение этого опыта необходимо для формирования национально-конфессиональной политики в современной России, понимания исторических корней современной геополитической и этнической ситуации, опыта решения близких и схожих государственных задач в прошлом.

Материалы и методы исследований

Цель исследования – освещение миссионерской деятельности в Казанской Епархии в ее историческом развитии. В качестве основных задач исследования намечены:

- Исследование развития организации православной миссии;
- Выявление изменения стратегии и тактики Казанской Епархии и государства в сфере христианизации «инородцев» региона в исторической ретроспективе;
- Сосуществование православия с исламом в условиях конкурентной борьбы за умы паствы;
- Оценка результатов миссионерской деятельности.

Территориальные рамки исследования – территория Казанской, Симбирской и Самарской губерний (в границах середины XIX века), подведомственных Казанской Епархии.

Результаты и обсуждения

На территории Среднего Поволжья (в первую очередь Казанской епархии) инородческое население придерживалось трех основных религий: ислам, язычество и православие. На территории бывшего Казанского ханства православие было задолго до основания ханства, но именно после взятия Казани (1552) оно утвердилось на его территории. Следующие 150 лет православие на территории Среднего Поволжья распространялось в основном за счет строительства храмов и монастырей (первый из них Успенский мужской монастырь в Свяжске) и освоения новой окраины поселенцами из земель Верхнего Поволжья и Центральной России. Именно за счет последних (в т.ч. беглых крепостных) большинство населения к началу XVIII века были православными. Местные монастыри почти не занимались миссионерской деятельностью, а обучение инородцев в школах при монастырях носило ограниченный характер из-за малого количества таких школ.

В начале XVIII века, при Петре Первом, активизировалась миссионерская деятельность Казанской епархии. Тихон, митрополит Казанский и Свяжский (1699-1724) не только способствовал созданию условий для обучения миссионеров, но

и лично участвовал в проповедях. Так, например, в 1701-1705 годах при его личном участии было крещено 3683 черемиса. [15] Но результаты такой деятельности оказались весьма скромными, что отмечал и сам митрополит в своем обращении к Синоду: «*[новокрещены] в церковь не приходят...не исповедуются, и умерших своих без священников же погребают*» [1, с. 270].

Первая четверть XVIII века была временем переход к политике массовой христианизации. Начиная с Пётра I власти России стремились унифицировать этническое многообразие населения (русификация), а главным средством для этого видели обращение инородцев в православие. Скромные результаты миссионерской деятельности Русской церкви в XVI–XVII веках показали, что усилий одной лишь Церкви мало. Для решения новой и амбициозной задачи требовалась координация Церкви и государства, причем не только правовой политики, но и административной, финансовой и кадровой [17, с. 158].

Именно такой политикой власти России стремились постепенно преодолеть этноконфессиональное разнообразие своих подданных, укрепить связи между центром и национальными окраинами. Одним из регионов, которому было уделено пристальное внимание в рамках данной политики, стала Казанская губерния с её пестрым этническим составом [16, с. 1519]. Но в этот период число крещенных иноверцев в Казанской епархии было невелико – 13 322 человека (4,7% от инородческого населения), из них 2160 крестилось в 1719-1730 годах. Заявленная массовая христианизация на деле обернулась низкими темпами, которыми не были довольны ни миссионеры, ни их церковное начальство, ни светские власти Российской империи [7, с. 286].

При императрице Анне Иоанновне (1730-1740) были предприняты меры по ускорению темпов христианизации инородческого населения Среднего Поволжья. По её приказу Дмитрий (Сеченов), архимандрит Свяжского Богородицкого монастыря, был направлен в Казанскую епархию. Сеченов инициировал открытие четырех новых школ в Казанской губернии: при Федоровом монастыре (Казань), Елабуге, Царевококшайске (ныне Йошкар-Ола) и Цивильске. Было предписано обучать детей русской грамоте, но при этом чтобы они не позабыли своих «природных языков» [16, с. 1521-1522].

В 1740 году была основана Новокрещенская контора, которую в первые два года возглавлял Сеченов. Правовой основой деятельности конторы стал императорский указ от 11 сентября 1740 года, который предписывал её распространять право-

славию среди язычников и мусульман не только Казанской, но и Нижегородской, Астраханской, Воронежской губерний [13, с. 248]. Указ 1740 года хоть и вообрал в себя положения предшествующих нормативных актов, но отличался системностью и большей конкретизацией условий крещения. Среди его положений был запрет на вмешательство местных архиереев в деятельность миссионеров (они находились под прямой юрисдикцией Сената), предписание обучать базовым положениям православной догматики, запрет на принудительное крещение и многие другие [17, с. 158].

Новокрещенская контора проработала до 1764 года и за почти четверть века обратила в православие более 450 тысяч инородцев в Казанской губернии, в основном язычников. Но многие положения указа 1740 года не выполнялись: новокрещенные не получали даже элементарных знаний о новой вере, миссионеры не редко злоупотребляли своей властью и т.д. Из четырех намеченных школ удалось открыть лишь одну, из которой лишь малая часть выпускников смогли продолжить учебу и в конце концов стать священнослужителями. Освобождение нококрещенных от налогов приводила к обращениям в православие из корыстных побуждений, а их соотечественники-нехристиане (на них перекладывалось налоговое бремя новокрещенных) разорялись и даже протестовали. Ввиду всего этого Новокрещенская контора была упразднена в 1764 году по указу императрицы Екатерины II [17, с. 160].

Упраздня Новокрещенскую контору, указ 1764 года передавал её функции Казанской епархии, а обязанности миссионеров на местных архиереев [1, с. 275]. Данное решение положительно сказалось на отношениях к традициям инородцев со стороны русского населения, которое стало доброжелательным. К лучшему изменилось и отношение инородцев как к православию, так и русскому населению [6, с. 73]. Власти не отказались от миссионерской деятельности, но понимали, что она нуждается в кардинальных изменениях – так пришла пора веротерпимости.

Веротерпимость была закреплена указом Св. Синода от 17 июня 1773 года, который, в частности, постановил: «*желая только, чтобы между подданными Ея Величества всегда любовь и согласие царствовало*» [14, с. 775]. Переход к политике веротерпимости означал отказ от стремления унифицировать в области религии многонациональное население России. В первую очередь это коснулось ислама – с 1767 года местные архиереи более не могли вмешиваться в религиозную жизнь мусульман, а права мусульманского духовенства наоборот были расширены. Самой большой

уступкой исламу со стороны государства при Екатерине II стало основание Оренбургского духовного правления мусульман (1788), чей задачей видели в контроле над мусульманами со стороны светских властей Империи [10, с. 152].

Устанавливания политику веротерпимости, Екатерина II следовала идеям о равенстве людей, секуляризации и свободомыслию, столь популярным в XVIII веке в кругах европейской интеллигенции (Эпоха Просвещения). Укрепление позиций ислама дало ему новые возможности в конкуренции за умы верующих с господствующей Русской церковью. Был ослаблен контроль за новокрещеными инородцами, что позднее (первая половина XIX века) стало почвой для массового возвращения к исламу и язычеству (отступничество). Всё это не только сформировало политику христианизации на протяжении первой половины XIX века, но и побудило как государство, так и церковь понять важность глубоких и качественных изменений.

Начало XIX века – непростое время для православной миссии в Среднем Поволжье в условиях веротерпимости и даже сотрудничества с исламом со стороны властей. Задачей миссии стал не рост прихожан из числа инородцев, а удержание в лоне православия уже крещенных в предшествующие годы [9, с. 107]. С 1799 года была прикрыта деятельность миссионеров, а их обязанности Сенат возложил на представителей приходского новокрещенного духовенства [10, с. 167].

Для работы с прихожанами-инородцами духовенству было необходимо знать их языки. В 1818 году сотрудниками Казанской семинарии был выполнен перевод Нового Завета на языки чувашей, черемисов (марийцев), мордвы и вотяков (удмуртов). Так как не нашлось священнослужителя, знающего наречие казанских татар, то перевод пришлось заказать за рубежом. Он был сделан в Англии, но для наречий ногайских и кавказских, которые были непонятны для казанских татар [9, с. 119].

Ослабление контроля за благочестием инородцев со стороны и церкви, и властей привело к учащению случаев отступничества. Только за март 1827 года несколько тысяч крещенных татар из Казанской и Симбирской губерний подали на имя императора прошения вернуться к магометанству (исламу), вере их предков. Священный Синод не считал подобные переход законными, ссылаясь на каноны церкви. Помимо отправки проповедников в ненадежные села и деревни было инициировано расследование с целью выявления распространителей дезинформации о высочайшем разрешении на переход в магометанство. Для более полной

оценки религиозного состояния инородцев в данных губерниях Филарет, архиепископ Казанский и Свияжский (1828-1836) провел соответствующее исследование [9, с. 151].

Согласно отчету Филарета, по состоянию на 1829 год в Симбирской и Казанской губерниях проживало 575104 крещенных инородца. Из них большинство (59,48%) были согласно церковной терминологии того времени христианами только по имени, которых было необходимо удерживать в лоне православной веры (всего 342,058 тысячи человек). Но даже среди них верность православию была не одинаковой – наиболее верными христианами были старокрещенные татары (наряду с мордвой), а наименее верными новокрещенные татары. Но первая половина XIX века была тем временем, когда Синод и конкретно Казанская епархия все еще стремились обратить в православие мусульман вместе с удержанием уже крещенных. Но за шесть лет управления Филаретом Казанской епархией было крещено лишь 250 мусульман. Филарет предлагал вернуть институт священников-миссионеров и даже создать систему их подготовки для Казанской и соседних епархий на базе Зилантова и Кизического (Казань), и Троицкого монастырей (Чебоксары). Несмотря на свой прогрессивный характер в области духовного образования, идеи Филарета не привносили в миссионерское дело никаких перемен и новшеств [15].

При преемнике Филарета, архиепископе Владимире (1836-1848), произошло важное событие для епархии – в Казани открылась духовная академия, четвертная по счету в Российской империи. Академия была создана как центр обучения не только духовенства, но и миссионеров, обладающих разносторонними знаниями в областях языкознания и христианского просвещения. Синод поставил перед академией задачу выработать новые концепции православной миссии, в частности решения проблемы отступничества от православия среди инородцев региона [2].

Среди выпускников Казанской духовной академии особо стоит выделить Н.И. Ильминского (1822-1891). Он был не только одним из лучших учеников академии, но и был зачислен в штат преподавателей вскоре после её окончания (1846). Еще в годы обучения в академии Ильминский отличился своими лингвистическими способностями, поэтому он принял активное участие в переводе богослужебных книг по поручению Синода. За десять лет (1847-1857) был сделан перевод на татарский язык всей богослужебной литературы, необходимой для проведения церковной службы. [3] Стоит отметить, что перевод был осуществлен на литературный татарский язык (а не разговор-

ный) и использовал арабское письмо (арабица) вместо кириллицы. В письме князю С.Н. Урусову (и.о. товарища обер-прокурора Синода) Ильминский оценивал эти материалы как «богатый запас научных оружий против магометанства» [5 с. 30]. На них был выстроена научная основа для будущих переводов религиозной литературы на татарский язык.

Еще в годы работы над этими переводами Н.И. Ильминский развернул бурную деятельность по развитию теории миссионерства. В 1849 году он выступил с предложением внесения изменений в работу православной миссии с татарами («Проект миссии для татар») [8, с. 84-101]. В 1854-1857 годах Ильминский возглавлял редакцию журнал «Православный собеседник», основной тематикой которого была как раз-таки теория миссионерства [4].

Предложения Н.И. Ильминского получили практическую реализацию, когда в середине 1850-х годов Казанская духовная академия усилила работу по подготовке миссионеров. По поручению Синода были открыты специальные миссионерские отделения: по старообрядцам, по мусульманам, по язычникам (преимущество черемисы и чуваша) и по буддистами. Возглавив мусульманское отделение, Ильминский организовал его работу с упором на языкознание (изучение татарского языка) и практическую работу студентов (учебные командировки для изучения языка и быта инородцев). Но Ильминский все-же сомневался, что все эти средства будут эффективно действовать на практике [5 с. 30].

Н.И. Ильминский имел вполне весомые поводы для сомнений, учитывая степень верности православию со стороны инородцев Среднего Поволжья. Вышеуказанные меры выглядели эффективно на бумаге, но на практике они были способны улучшить религиозное состояние народов в далеком будущем. Тенденция отступничества от православия в середине XIX века лишь продолжала нарастать – главную причину этого видели в исламе и религиозно-культурном и этническом влиянии. В своей записке Синоду Ильминский писал о малом количестве церквей на душу населения по сравнению с мечетями: по состоянию на 1859 год в Казанской губернии на 193 тысячи татар-мусульман приходилось 731 мечеть (264 души на 1 мечеть), тогда как на 500 тысяч христиан приходилась 450 церквей (1111 душ на 1 церковь). Причиной усиления влияния ислама на инородцев Среднего Поволжья Ильминский полагал распространение мусульманского образования и книгопечатания [8, с. 118-119]. Позднее, уже в начале XX века С.В. Чичерина в своем докладе 1906 года

отмечала, что «мусульмане по образованию стоят выше русских», указывая на более быстрое развитие татарской культуры и образования [11, с. 39].

Проблема отступничества была актуальна в первую очередь среди татар, которые приняли православие в середине XVIII века и в более позднее время (новокрещенные татары). Они попадали под влияние не только мусульманских проповедников, но и даже своих соотечественников-мусульман. Со стороны мусульманского духовенства главным средством обращения в ислам были именно школы – там детей из семей новокрещенных татар воспитывали и учили татарские муллы [9, с. 166]. Меры противодействия отступничеству со стороны властей оставались все те же: увещевания, розыск зачинщиков, взятие расписок и т.д. По состоянию на 1859 год в Казанской епархии не было ни одного миссионера, утвержденных в должности в 1830 году – двое из них умерли, а третий отказался от должности [9, с. 254].

Как вспоминал в конце XIX века обер-прокурор Св. Синода К.П. Победоносцев «*массовые отпадения угрожали уже опасностью – поглотить все население края в мусульманской культуре и в татарской народности*» [12]. И государство, и общество понимали необходимость кардинальных перемен в работе православной миссии. Она должна была вести христианское просвещение инородцев максимально эффективно, в частности конкурировать с влиянием мусульманской пропаганды, причем в условиях ограниченных материальных и кадровых ресурсов. История распорядилась таким образом, что Н.И. Ильминский стал автором новой концепции православной миссии в Среднем Поволжье.

Выводы

За рассматриваемый в работе период с начала XVIII по середину XIX века миссионерская деятельность Казанской епархии претерпела значительные изменения. До 1832 года территория Казанской епархии включала Казанскую, Симбирскую Самарскую губернии. После открытия Симбирской губернии она уменьшилась вдвое, но по-прежнему оставалась миссионерским центром всего Поволжья в силу заложенных традиций православной миссии и подиэтничности и поликонфессиональности подведомственной ей территории.

С началом синодального периода и создание Конторы Новокрещенских дел активизировалась деятельность епархии по крещению неправославных народов, проживающих на ее территории, как мусульман, так и язычников. Государство активно помогало церкви, применяя политику кнута и пряника. Ставилась цель – всеобщей православной христианизации населения региона. В связи со

слабостью материальной базы казанской епархии (количеством церквей, приходов, христианской литературы), недостатком грамотных и знающих языки проповедников работа миссионерами проводилась очень поверхностно. В результате цели массовой христианизации были достигнуты, но лояльность государственной власти со стороны населения не была достигнута. Особенно ожесточились мусульмане, веками исповедующие ислам. В регионе начались опасные социальные волнения нерусского населения. Православная вера далеко не везде укоренилась, и это заложило истоки массового отступничества в первой половине XIX века.

В эпоху царствования Екатерины II приоритеты государственно-церковной политики изменились. Была провозглашена веротерпимость и политика «сотрудничества» с мусульманами. Карательные меры были сведены к минимуму, но поощрительные меры к новокрещеным остались. Контора новокрещенских дел была ликвидирована, как и множество монастырей (традиционно-миссионерских центров) Казанской епархии в связи с секуляризацией церковных земель. Православная миссия Казанской епархии сократила свою активность, больше внимания стало уделяться духовному просвещению церковнослужителей, изучению языков.

Что касается паствы, то при Александре I, активно развернуло свою деятельность по переводу, изданию и распространению христианской литературы внеконфессиональное Российское библейское общество. В этот период народные протесты утихли, но значительно укрепилась мусульманская конфессия и мусульманская, антиправославная пропаганда. А в этом власти, не без оснований, видели угрозу российской государственности. Кризис обнаружился волной массовых отпадений от православной веры.

При Николае I в государственно-церковную политику вновь вернулись жесткие администра-

тивные меры – в отношении отступников. Православная миссионерская деятельность в Казанской епархии вновь активизировалась. Церковь получила поддержку от государства на строительство приходов, совершенствование духовного образования как церковнослужителей, так и самого нерусского населения. Постепенно государство и церковь осознали необходимость мер христианского просвещения народов. Но стройная система государственно-церковных мер была выстроена и начала внедряться, начиная с даты официального ее утверждения в 1870 году. Она получила имя Н.И. Ильминского. Наиболее активным ее проводником была новая церковная организация – Братство св. Гурия. Государственная церковная политика в отношении мусульман и новокрещенных стало более сдержанной, но и более эффективной

С 1844 по 1863 гг. Николай Иванович Ильминский сумел отказаться от стереотипов, сложившихся в православной миссии, сформулировал новые актуальные ее задачи, разработал и проверил на практике новые способы их решения. Базовым принципом православной миссии стало использование не книжного литературного языка на основе арабского шрифта, который был непонятен народу, а народного разговорного языка (с применением кириллицы) – в богослужении, образовании, книгопечатании, подготовке духовенства и учителей. Главными исполнителями миссионерских задач стали учителя и духовенство из числа самих инородцев. Центральное место в ней заняла система начального инородческого образования, основанная на религиозном воспитании, при создании которой ученый-ориенталист учел и сильные стороны мусульманского образования. Все это были новации в миссионерском деле. Новая постановка православной миссии, которая возникла в Казани в 1860-е годы, со временем оформилась в стройную миссионерско-просветительскую систему.

Список источников

1. Антонов Е.А. Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период. Саратов: Наука, 2010. 354 с.
2. Дело о введении преподавания в Казанской духовной академии языков, употребляемых нехристианскими народами по Казанскому духовному учебному округу // ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 243.
3. Дело Комитета, учрежденного с разрешения Синода, для составления переводов на татарский язык некоторых богослужебных книг от 5 июня 1847 года // ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 661.
4. Докладная записка священника Е. Малова и Н.И. Ильминского в совет братства св. Гурия о распределении жертвуемых Синодом денег ежегодно в сумме 4050 рублей от 6 октября 1869 года // ГА РТ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 202.
5. Казанская центральная крещено-татарская школа: материалы для истории христианского просвещения крещеных татар / сост. Н. Ильминский. Казань: напеч. иждивением попечителя Школы казанск. 1-й гильдии купца П.В. Щетинкина, 1887. 484 с.

6. Коршунова О.Н., Карпов А.В. Христианское Просвещение народов Среднего Поволжья в контексте исторической памяти // Вестник ЧГУ. 2015. № 2. С. 69 – 76.
7. Крайсман Н.В. Этноконфессиональные аспекты политики Российской империи в первой четверти XVIII в // Вестник Казанского технологического университета. 2014. № 16. С. 283 – 287.
8. Материалы по истории образования и просвещения народов Волго-Уралья в рукописных фондах Н.И. Ильминского: сборник документов и материалов / Ин-т истории им. Ш. Марджани Акад. наук Республики Татарстан; авт.-сост.: Р.Р. Исхаков, Х.З. Багаутдинова. Казань: ЯЗ, 2015. 619 с.
9. Можаровский А.Ф. Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев, с 1552 по 1867 год / Исследование соревнователя А.Ф. Можаровского. Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Книга первая. М: Повременное издание под заведыванием А.Н.Попова, 1880. 607 с.
10. Никольский Н.В. Христианство среди чуваша Среднего Поволжья в XVI-XVIII веках: Исторический очерк. Казань: Типолиитография Императорского университета, 1912. 416 с.
11. О приволжских инородцах и современном значении системы Н.И. Ильминского / Доклад С.В. Чичериной, читанный на общем Собрании Общества Востоковедения. СПб: Товарищество п.ф. «Электро-Типография Н.Я. Стойковой», 1906. 39 с.
12. Победоносцев К.П. Из воспоминаний о Н.И. Ильминском // Библиотека «Голубинский». URL: <http://www.golubinski.ru/academia/pobedonos.htm> (дата обращения: 09.10.2024)
13. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649-1825 гг.: в 45 т. Т.11: 1740-1743 гг. СПб: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 991 с.
14. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649-1825 гг.: в 45 томах. Т.19: 1770-1774 гг. СПб: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 1083 с.
15. Сафиуллин Д. История Казанской епархии 1555-1917 гг. (историческое исследование) / Казанская духовная семинария. URL: <http://archive.is/0XqZ4> (дата обращения 11.10.2024)
16. Соловьев С.М. История России с древнейших времен: в 6 кн. СПб: Товарищество "Общественная польза", 1851-1879. Книга четвертая. Том XVI-XX. 840 с.
17. Таймасов Л.А. Нормативно-правовые акты христианизаторской политики царизма: указ 11 сентября 1740 года // Вестник РУК. 2021. № 3 (45). С. 157 – 162.

References

1. Antonov E.A. Essays on the history of the Volga region and the Urals in the imperial period. Saratov: Nauka, 2010. 354 p.
2. The case of the introduction of teaching at the Kazan Theological Academy of languages used by non-Christian peoples in the Kazan Theological Educational District. GA RT. F. 10. Op. 1. D. 243.
3. The case of the Committee established with the permission of the Synod for the preparation of translations into the Tatar language of some liturgical books from June 5, 1847. GA RT. F. 10. Op. 1. D. 661.
4. Report of the priest E. Malov and N.I. Ilminsky to the council of the brotherhood of St. Guria on the distribution of the money donated by the Synod annually in the amount of 4050 rubles from October 6, 1869. GA RT. F. 968. Op. 1. D. 202.
5. Kazan Central Baptized Tatar School: materials for the history of Christian education of baptized Tatars. compiled by N. Ilminsky. Kazan: trusteeship of the trustee of the School of the Kazan 1st Guild merchant P.V. Shchetinkin, 1887. 484 p.
6. Korshunova O.N., Karpov A.V. Christian Education of the Peoples of the Middle Volga Region in the Context of Historical Memory. Bulletin of ChSU. 2015. No. 2. P. 69 – 76.
7. Kraisman N.V. Ethnoconfessional aspects of the policy of the Russian Empire in the first quarter of the 18th century. Bulletin of the Kazan Technological University. 2014. No. 16. P. 283 – 287.
8. Materials on the history of education and enlightenment of the peoples of the Volga-Ural region in the manuscript funds of N.I. Ilminsky: a collection of documents and materials. Institute of History named after Sh. Marjani of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; author-compiler: R.R. Iskhakov, Kh.Z. Bagautdinova. Kazan: YaZ, 2015. 619 p.
9. Mozharovsky A.F. Presentation of the course of missionary work to educate Kazan foreigners, from 1552 to 1867. Research of the competitor A.F. Mozharovsky. Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University. Book One. M: Damaged edition under the management of A.N.Popov, 1880. 607 p.

10. Nikolsky N.V. Christianity among the Chuvash of the Middle Volga region in the 16th-18th centuries: Historical essay. Kazan: Typographical Department of the Imperial University, 1912. 416 p.
11. On the Volga region foreigners and the modern significance of N.I. Ilminsky's system. Report by S.V. Chicherina, read at the general meeting of the Oriental Studies Society. SPb: Partnership of the p.f. "Electro-Typography of N.Ya. Stoykova", 1906. 39 p.
12. Pobedonostsev K.P. From the memoirs of N.I. Ilminsky. Golubinsky Library. URL: <http://www.golubinski.ru/academia/pobedonos.htm> (date accessed: 09.10.2024)
13. Complete collection of laws of the Russian Empire. First Collection. 1649-1825: in 45 volumes. Vol. 11: 1740-1743. St. Petersburg: Type. II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830. 991 p.
14. Complete collection of laws of the Russian Empire. First Collection. 1649-1825: in 45 volumes. Vol. 19: 1770-1774. St. Petersburg: Type. II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830. 1083 p.
15. Safiullin D. History of the Kazan Diocese 1555-1917 (historical study). Kazan Theological Seminary. URL: <http://archive.is/0XqZ4> (date of access 11.10.2024)
16. Soloviev S.M. History of Russia from Ancient Times: in 6 books. St. Petersburg: Partnership "Public Benefit", 1851-1879. Book Four. Volume XVI-XX. 840 p.
17. Taimasov L.A. Normative legal acts of the Christianization policy of tsarism: decree of September 11, 1740. Bulletin of the RUK. 2021. No. 3 (45). P. 157 – 162.

Информация об авторе

Леонов И.В., ассистент преподавателя, Казанский национальный исследовательский технический университет имени А.Н. Туполева, igorvictorleo@yandex.ru

© Леонов И.В., 2025